МАЙН РИД

Андрей Танасейчук

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Вряд ли можно найти человека, которому было бы неизвестно имя Томаса Майн Рида (1818–1883). Популярность этого писателя в России поразительна. «Всадник без головы», «Оцеола, вождь семинолов», «Квартеронка», «Морской волчонок», «Отважная охотница» — эти романы сопровождают нас с детства, открывая мир удивительного и прекрасного: захватывающих приключений, экзотических стран и благородных героев.

Читателю предлагается первая полноценная биография Майн Рида на русском языке — история его жизни, не менее насыщенной отважными поступками и авантюризмом, приключениями и путешествиями, чем жизнь его литературных героев.

- Андрей Танасейчук
  - Знаменитый неизвестный
  - Часть I
    -
    - Малая родина: Баллирони и окрестности
    - Образование в Белфасте
    - Из Баллирони в Америку
  - Часть II
    - Новый Орлеан
    - Вверх по Миссисипи
    - По «тропе Санта-Фе»
    - Учитель: Вторая попытка
    - На «Орегонской тропе»
    - Филадельфия: Эдгар Аллан По и другие
    - «Дух времен»
    - Лейтенант Рид
    - Пиратский остров
    - Осада Веракруса и «Записки стрелка в цепи»
    - Подвиг
    - Капитан корпуса добровольцев
    - Первый роман
    - Инсургент-любитель
  - Часть III
    - Несостоявшийся Мюрат
    - Викторианский литератор
    - «Охотники за скальпами»
    - Дэвид Боуг
    - Обстоятельства личной и общественной жизни

        - Первый «юношеский» роман
        - «У меня совсем не хватает времени писать самому…»
        - «Формула» ювенильного романа
        - Два года в Стоукенчёрче
        - Томас Майн Рид, эсквайр
        - «Не ходите, дети, в Африку гулять!»
        - На подъеме: романы 1859 года
        - Роковое решение
        - «Каннибал Чарли»
        - Взлет и падение
    - Часть IV
        - Из Ливерпуля — в Ньюпорт, Из Ньюпорта — в Нью-Йорк
        - Американские романы
        - «Вперед»
        - Между жизнью и смертью
    - Часть V
        - Болезнь и выздоровление
        - Тяжелые времена
        - Обитатель сельской глубинки
        - Последний год
    - Основные даты жизни и творчества Майн Рида
    - Т. Майн Рид: Литературная хронология
    - Краткая библиография
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18

- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62

- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106

- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150

- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153

Андрей Танасейчук
Майн Рид: жил отважный капитан

Автор выражает признательность Джону Хуксу, Шэрон Гаррисон, Джейсону Даймонду из Банбриджа (графство Даун, Северная Ирландия) за предоставленные контакты и материалы о Баллирони и окрестностях; Дону Коллинзу из Королевского академического института (Белфаст, Северная Ирландия) за ценные сведения о раннем периоде в истории учебного заведения, в котором учился Майн Рид; Джону Уинроу из Морского музея Мэрсисайд (Ливерпуль) за информацию об особенностях морского сообщения между Великобританией и США в 1830–1840-е годы и, конкретно, о корабле «Дамфрисшир»; энтузиастам из Общества ветеранов Мексиканской войны (Техас, США), собравшим и издавшим «Записки стрелка в цепи», а также Б. Бердичевскому (Израиль) за великолепный сайт, посвященный писателю и содержащий массу ценной информации и малодоступных текстов Рида. Особые слова благодарности любимой жене Марине — неизменно доброжелательному и требовательному читателю и редактору моих книг.

Моему дорогому отцу, научившему меня любить книги

Жизнь замечательных людей

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК
1554
(1384)

Знаменитый неизвестный

Странное, согласитесь, сочетание: знаменитый и в то же время неизвестный. Но оно с полным основанием применимо по отношению к Томасу Майн Риду. С трудом можно представить нашего соотечественника, которому было бы неизвестно его имя. Популярность этого писателя в России поразительна. А ведь его книги на русском языке читают без малого полторы сотни лет[1], их продолжают издавать и сейчас, — и они востребованы читателем. «Всадник без головы», «Оцеола, вождь семинолов», «Квартеронка», «Морской волчонок», «Отважная охотница» — кому из нас не знакомы эти заглавия? Его романы сопровождают нас с детства, открывая мир удивительного и прекрасного: захватывающих приключений, экзотических стран и благородных героев. Повзрослев, мы их помним, они согревают и возвышают наши души.

Парадоксально, но о самом Майн Риде, об обстоятельствах его жизни и творчества, о своеобразии его духовного облика известно совсем немного. Полтора десятка статей — главным образом предисловий и послесловий к отдельным изданиям и собраниям сочинений — лишь из них русскоязычный читатель имеет возможность что-либо узнать о Майн Риде. Содержащиеся в них сведения носят самый общий характер и не только не дают адекватного представления о писателе, но, более того, насыщены фактическими ошибками и содержат массу противоречивых сведений о его жизни и творчестве. Наиболее достоверной среди русскоязычных биографических публикаций о Майн Риде является статья С. М. Червонного — послесловие к завершающему, двадцатому, тому собрания сочинений писателя, вышедшему в 1995 году в харьковском издательстве «Фолио». Она содержит весьма ценные уточнения биографического и библиографического характера, но, в силу своей лапидарности, не может быть исчерпывающей.

Отсутствует и полная биография писателя на английском языке. Основным источником сведений о жизни классика юношеской литературы продолжают оставаться изданные еще в

XIX веке книги Элизабет Рид — вдовы писателя. Ею написаны «Воспоминания о Майн Риде»[2] и (совместно с американским литератором Чарлзом Коу) книга «Капитан Майн Рид. Его жизнь и приключения»[3]. Они, безусловно, ценный источник информации, поскольку созданы самым близким писателю человеком — свидетелем побед и поражений, спутником непростой жизни, прямым и непосредственным участником многих событий. Но в этой близости таится и опасность. Элизабет Рид, несомненно, любила своего мужа. И как влюбленный человек, бессознательно идеализировала супруга и, тщательно дозируя информацию, отсекала всё, что могло, по ее представлению, хоть как-то его скомпрометировать, бросить тень на драгоценную для нее память о муже. К тому же и знала она далеко не всё: многое (особенно касавшееся раннего — «долитературного» периода жизни) ей было известно лишь со слов супруга, отличавшегося, скажем так, изрядной склонностью к преувеличениям и саморекламе. Да и сама, движимая любовью, она легко искажала факты, «подчищала» реальные события, стремясь к тому, чтобы в глазах современников и потомков ее возлюбленный выглядел в наиболее выигрышном свете. Нельзя забывать и о том, что у нее был иной «социальный кругозор»: родом из английской аристократической семьи, она очень многое не разделяла в воззрениях мужа, многие симпатии и антипатии Рида были ей совершенно непонятны и чужды. И это непонимание нашло отражение на страницах её книг. Беглый, но довольно глубокий обзор этих — вольных или невольных — искажений представила американка Джоан Стил, опубликовавшая в 1978 году исследование творческого наследия писателя под названием «Капитан Майн Рид»[4]. Хотя ей удалось уточнить ряд очень существенных фактов и обстоятельств из жизни писателя, книга ее, к сожалению, не может претендовать на роль полноценной биографии, поскольку как ученый она ставила перед собой литературоведческие и культурологические цели — изучить, какое место занимает творчество Томаса Майн Рида в викторианской литературе и, в частности, в формировании «рынка» приключенческой беллетристики для детей и подростков.

Выход исследования Д. Стил завершает недлинный список книг, в которых можно познакомиться с биографией Майн Рида, почерпнуть сведения об обстоятельствах его жизни и творчества. Едва ли есть надежда (во всяком случае, в обозримом будущем) на появление исчерпывающей англоязычной биографии писателя: в отличие от России, где его любят, продолжают читать и активно издают его романы, классик приключенческой литературы почти

забыт у себя на родине. Сохранились и дом, где он родился, и церковь, в которой служил его отец и которую он посещал подростком и юношей, но нет ни мемориальных досок, ни музея, не проводятся конференции, нет «майн-ридовского» общества, да и книг его на английском издается куда меньше, нежели на русском. Эпизодически в США и Великобритании, других странах появляются статьи о писателе, но их немного, а их авторы не ставят перед собой задачи составить подробное жизнеописание. На этом, вероятно, можно было бы поставить точку в разговоре об источниках информации о Майн Риде[5]. Можно, если не вспоминать о его романах.

Российский автор одной из статей о Майн Риде утверждал: «Майн Рид ничего не писал по книгам и устным рассказам, всё, что им написано, он видел, испытал сам, узнал сам наделе». В действительности это не так. Майн Рид много путешествовал, но никогда не бывал ни в Южной Африке, ни в дебрях Амазонки, не довелось ему побывать на Ямайке, острове Борнео, в горах Тибета. А в этих местах развиваются действия многих его романов. Но ему были знакомы Канада и северо-запад США, с экспедициями натуралистов и охотников, караванами торговцев он немало попутешествовал по американскому Юго-Западу и Дальнему Западу, отлично знал Мексику, жизнь, быт и нравы мексиканцев. Почерпнутые там знания, собственный опыт он широко использовал при написании многих (особенно ранних) произведений. Следовательно, и они могут служить ценным источником сведений — в частности об американском периоде жизни. Да и те романы, действие которых развивается в краях, Майн Риду незнакомых, тоже могут многое сказать об авторе: о его неуемной тяге к новым знаниям, о постоянном учении, о книгах, которые он читал, о его увлечениях, социально-политических симпатиях и антипатиях.

Предлагаемая читателю биография Майн Рида не будет исчерпывающей, и она не может быть иной в силу очевидной «аберрации дальности»: существующей временной и социокультурной дистанции. Знаменательно, однако, что выходит она на русском языке. Заслуга в этом, прежде всего, русского читателя — в его неуемном интересе к романам писателя, в долгой — более чем полуторавековой — неугасающей любви к его героям. Нужно ли говорить, что Майн Рид этой любви достоин.

Часть I
Ирландия: 1818–1839

В современном Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии большой популярностью пользуются пешие прогулки. Таких маршрутов по Англии, Шотландии, Уэльсу, другим частям государства проложено великое множество — счет идет на тысячи. Это огромная туристическая индустрия, практически не требующая каких-либо особенных капиталовложений. Да и путешественникам эти прогулки обходятся совсем недорого. Есть длинные маршруты — на десятки миль, а есть довольно короткие, которые пешеход может без труда одолеть за два-три часа. Большинство из них, кроме любования ландшафтами, животным и растительным миром, предполагают знакомство с местными достопримечательностями, коих в Великобритании — стране с удивительно насыщенной, богатой историей — великое множество. Есть среди них и тот, который проходит по родным местам Томаса Майн Рида — по южной окраине округа Банбридж графства Даун в Северной Ирландии.

На самом деле, это удивительно красивые места — живописные, с яркими красками, среди которых летом в солнечную погоду преобладают два цвета: зеленый — цвет листвы деревьев, полей и болот, и серо-голубой — возвышающихся на юго-востоке Мурнских гор и вод реки Банн, вдоль которой в основном и проходит маршрут. Начинается он в окрестностях городка Ретфрайлэнд, идет по полям, пересекает несколько проселков, вьется вдоль огромного Лаканского болота, минует пресвитерианский храм начала XVIII века и входит в деревеньку под названием Баллирони, в которой путеводитель советует прежде всего осмотреть здание бывшей железнодорожной станции и моста, отстроенных в 1880 году из красного кирпича. Железной дороги давно нет — ее разобрали в 1950-х, но перрон и мост остались, сохранилось и здание вокзала, которое превратили в жилое строение. Сохранился и дом

пресвитерианского священника. Он стоит на холме, справа от дороги, ведущей в Баллирони, но на нем путеводитель не акцентирует внимание туристов, просто сообщая, что называется он «Мурн Вью» и в нем «родился автор приключенческих романов XIX века капитан Майн Рид». Туристам настоятельно рекомендуется следовать дальше и «насладиться великолепным озером Аннахинчиго» у подножия Мурнских гор, «на водах которого можно нередко видеть лебедей», полюбоваться яркой болотной растительностью и полетом стрекоз, коих здесь великое и разнообразное множество, а затем вступить в «сказочный край Бронте» — так, с едва скрываемым восторгом, местные гиды называют местечко Эмдейл и его окрестности по соседству с Баллирони. Хотя ни одна из знаменитых сестер — ни Шарлотта, ни Эмили, ни Энн — здесь никогда не бывала, но Эмдейл действительно имеет прямое отношение к сестрам-писательницам: здесь родился и провел молодые годы их отец[6]. Этим обстоятельством очень гордятся местные жители. В Эмдейле даже существует музей, посвященный писательницам и их отцу. Тот факт, что поблизости от него, на окраине Баллирони, появился на свет и провел первые 20 лет своей жизни знаменитый писатель Томас Майн Рид, почему-то не вызывает восхищения у соотечественников. Как объяснить это? Ответ довольно прост — Майн Рид не только не обладает статусом «классика», но (в отличие от России) изрядно подзабыт у себя на родине.

Что ж, пусть любопытствующие британцы продолжают свой путь в «страну Бронте», а мы уже пришли — в Баллирони, на родину капитана.

Малая родина: Баллирони и окрестности

Дом, в котором родился будущий писатель, не поражает своим внешним видом. Сложенный из местного серого камня, приземистый, одноэтажный, он не радует свежестью архитектурных решений. Хотя строение обладает собственным именем — «Мурн Вью» *(Moйte View* можно перевести как «вид на Мурнские горы»), стоит на невысоком холме, и из его окон действительно открывается живописная панорама недальних Мурнских гор, — это вполне заурядный сельский коттедж, построенный в середине XVIII столетия. В этом доме и родился Томас Майн Рид.

Почти во всех отечественных публикациях (в том числе и в Большой советской энциклопедии) содержится утверждение, что по национальности Майн Рид был ирландцем. Логика проста и понятна: был ирландцем, потому что родился в Ирландии. Это

важное утверждение. Оно позволяет многое объяснить в воззрениях и судьбе писателя: стихийный демократизм и нелюбовь к британской монархии, симпатии к революционерам и участие в революционной деятельности, эмиграцию в США и многое другое. На самом деле, хотя Майн Рид и родился в Северной Ирландии, ирландцем он не был. Давно установлено, что родина его предков (как по отцовской, так и по материнской линии) — Шотландия.

Будущий писатель появился на свет в религиозной семье. Его родители (как, впрочем, многие шотландцы и жители Северной Ирландии) относились к числу последователей пресвитерианства — умеренного крыла кальвинизма. По рождению он принадлежал к духовному сословию — по мужской линии не только отец, но и дед, и прадед его являлись священнослужителями. Дочерью пресвитерианского священника была и его мать.

Деревня Баллирони, его «малая родина», расположена в округе Банбридж графства Даун — на юго-востоке современной Северной Ирландии в составе Соединенного Королевства. Ее трудно даже назвать деревней — настолько она мала, поэтому не стоит искать этот населенный пункт в списке деревень современного округа Банбридж. В наши дни Баллирони обозначена как *hamlet,* то есть даже не деревня, а так, деревушка, хуторок — сейчас здесь проживают всего несколько десятков человек. В XVIII — XIX веках Баллирони (как, впрочем, и Ирландия в целом) была куда населеннее — в деревне жило несколько сот жителей, и она была центром богатого церковного прихода.

Баллирони была не только малой родиной будущего писателя, но и настоящим семейным гнездом для нескольких поколений его предков. Первым здесь обосновался Томас Майн — прадед писателя. В 1749 году, по завершении духовного образования, он покинул родную Шотландию, чтобы стать приходским священником в североирландском графстве Даун. Это был человек высокой нравственности. Несомненно, он пользовался большим уважением среди прихожан — ничем иным не объяснить то обстоятельство, что он исполнял обязанности местного пастыря более пятидесяти лет — ведь у пресвитериан священники не назначаются епископом (этот институт отсутствует), а избираются самими прихожанами. Прадед выстроил и *Мойте View* — дом, где родился будущий писатель. У Томаса Майна не было сыновей — рождались только дочери. Одна из них вышла замуж за преподобного Джона Рида — тоже шотландца и сына священника. Своего первенца мужского пола супруги нарекли в честь деда, дав имя Томас Майн Рид. Ему-то и

суждено было стать отцом знаменитого автора приключенческих романов.

По семейной традиции (и внутренней склонности) Томас Майн Рид-старший получил теологическое образование. По его завершении он женился на дочери известного и весьма уважаемого пресвитерианского богослова преподобного Самюэла Рутерфорда. Рутерфорды, как Майны и Риды, имели шотландские корни. К тому же они весьма гордились своим семейным прошлым — первые Рутерфорды попали в Ирландию вместе с войсками Вильгельма Оранского. Отличившись в решающем и весьма кровопролитном сражении у реки Бойн в 1690 году, они в числе многих были удостоены земельных наделов в одном из графств Северной Ирландии, да так там и укоренились. Интересно отметить, что по линии Рутерфордов Майн Рид приходится родственником великому Вальтеру Скотту: мать писателя Энн Рутерфорд — троюродная племянница родительницы шотландского барда. Ее семейная история, насыщенная событиями, как известно, в свое время вдохновила В. Скотта на создание знаменитой поэмы «Мармион» (1808).

Молодая чета обосновалась в *Мойте View*. Томас Майн Рид-старший унаследовал не только дом своего деда, но и его приход. На протяжении нескольких десятилетий он исполнял обязанности настоятеля пресвитерианского храма в Клоскилте — местечке, расположенном по соседству с Баллирони. Из окна *Мойте View* и сейчас легко разглядеть массивное здание храма. В XVIII–XIX веках оно стояло в центре соседней с Баллирони деревушки Клоскилт. Но за последние полтора столетия места эти пообезлюдели, и о просуществовавшем полтысячелетия поселении сейчас напоминают только название местности — Клоскилт и церковь, прежде стоявшая в центре деревни.

Как и деда, настоятеля храма в Клоскилте чтили и уважали прихожане. Да и было за что: скромный в быту, почти все средства он направлял на храм, — именно при нем здешняя церковь была перестроена и приобрела современный величавый вид. Единственное, что увлекало настоятеля помимо прихода (и в этом он отличался от своего деда, посвящавшего досуг, главным образом, чтению религиозных трактатов и написанию проповедей), — это сельское хозяйство. Майн Рид-старший завел при доме обширный огород и разбил сад с фруктовыми деревьями и цветником. Разводил он также овец, была и конюшня с лошадьми. Можно предположить, что позднейший интерес его сына к сельскому хозяйству истоком своим имел прежде всего детские впечатления.

У преподобного Майн Рида была большая семья, что,

впрочем, обычно для того времени, когда высокая рождаемость корректировалась изрядной младенческой смертностью. Долгое время у них с женой рождались только девочки. Данное обстоятельство, безусловно, огорчало отца, который надеялся обрести в сыне наследника своим благочестивым трудам. Будущий писатель стал долгожданным первенцем мужского пола и появился на свет 4 апреля 1818 года. По семейной традиции (так же, как отца, деда и прадеда) его нарекли именем Томас.

О детских и юношеских годах писателя известно довольно мало. К сожалению, никто из его детских приятелей и школьных товарищей не оставил каких-либо воспоминаний или заметок. Основным источником информации об этом периоде жизни романиста продолжает оставаться книга Элизабет Рид «Жизнь и приключения капитана Майн Рида». Сведения, которые в ней содержатся, восходят, вероятно, не только к самому капитану, но опираются и на свидетельства сестер, брата и матери писателя. Они довольно скудны, но не противоречивы, и рисуют портрет весьма живого и непоседливого мальчугана. «Он рос отважным и весьма уверенным в себе мальчишкой, — писала вдова. — Среди своих товарищей по играм он был безусловным лидером, поскольку явно превосходил их всех в ловкости, физической силе и выносливости». В какой мере это соответствовало действительности, можно только гадать, но, судя по неугомонному нраву уже зрелого капитана, вероятно, так оно и было. Сам писатель, как свидетельствует вдова, в общении с ней и другими людьми нередко замечал: «Мощь интеллекта я унаследовал от Ридов, а моя строптивость и предприимчивость — это кровь Рутерфордов». Конечно, это поза, но то, что темперамент, а следовательно, и характер человека закладываются еще до его рождения — неоспоримый факт. Условия жизни, воспитание и образование, влияние семьи и так далее способны лишь в той или иной мере скорректировать его.

Будущий писатель рос на свободе, основную часть времени проводя на открытом воздухе. Позднее родители сокрушались, что не смогли направить судьбу своего старшего сына в русло духовной карьеры. Едва ли в этом есть их большая вина. Майн Рид не обладал качествами, необходимыми священнику, а у родителей не было времени, чтобы их развить. Мать хлопотала по дому и занималась воспитанием многочисленных сестер и брата, который появился следом за первым сыном. Служение отнимало львиную долю времени отца, а досуг поглощало увлечение садоводством и огородничеством. Да и слуги (хотя их было совсем немного), и все немалое хозяйство требовали постоянного присмотра. Поэтому характерное для ювенильных романов Майн

Рида сиротство и неприкаянность его маленьких героев едва ли стоит воспринимать только в качестве удачного литературного приема — в нем легко расслышать отголоски собственного детского и подросткового опыта и обстоятельств жизни.

Нельзя сказать, что в ранние годы Майн Рид был полностью предоставлен самому себе, но обладал, видимо, большой свободой. Ее источником была, конечно, не только занятость родителей, но и то, что люди здесь жили во многом еще традициями предыдущего — XVIII века, предоставлявшего детям куда большую свободу, нежели век грядущий — викторианский. К тому же жизнь протекала в сельской глубинке — в краях довольно безопасных и, если не считать постепенно осушаемого Лаканского болота, давно и хорошо обжитых. Во главе ватаги соседских мальчишек Томас носился по окрестностям. Дети играли во всевозможные игры, нередко довольно далеко уходя от деревни. Были проказы, шалости, непослушание и проступки, за которые ребенка нередко наказывали. «Случалось и так, — отмечала вдова, — что соседи были вынуждены жаловаться священнику, который пользовался огромным уважением в округе, на проделки сына».

Среди героев «Морского волчонка» — одного из наиболее известных романов Майн Рида, есть персонаж по имени Гарри Блю. Если читатель помнит, он играет очень важную роль в судьбе юного героя книги — не просто дружит с ним (он старше, опытнее), но выполняет функцию наставника, учителя, того, кто в трудную минуту обязательно придет на помощь и спасет. Легко заметить, что уроки Гарри Блю не только воспитали у подопечного отвагу и сформировали морские навыки, но, по сути, предопределили «морскую судьбу» поначалу вполне «сухопутного» «волчонка», все течение его жизни. В судьбе юного Майн Рида тоже был свой Гарри Блю, только звали его по-другому — Хью Маллой. Неизвестно, как завязалась дружба между этими людьми, но немногочисленные биографы писателя отмечают влияние Маллоя на становление подростка. Это был уже немолодой, но еще крепкий человек с богатой биографией и большим жизненным опытом, — в свое время ему довелось немало пострaнствовать, ходить по морям, быть солдатом. В биографических источниках Хью Маллоя обычно называют слугой в семье Ридов. На самом деле это не совсем так — он не был лакеем (то есть «слугой в доме»), а исполнял обязанности плотника и конюха. Можно предположить, что необходимость в опеке была вызвана обеспокоенностью отца проделками сына, жалобами соседей на непоседливого проказника. Как бы то ни было, очень скоро Томас и Хью прониклись искренней симпатией

друг к другу. Именно этому человеку юный Майн Рид обязан навыками, которые весьма пригодились в дальнейшей жизни. Он приохотил мальчика к наблюдению за животными и птицами, к изучению их повадок, научил мастерить силки и капканы и умело ими пользоваться. Сам прекрасный стрелок и наездник, Маллой довольно скоро и своего подопечного обучил хорошо стрелять и уверенно держаться в седле. Почти ежедневно они совершали длительные конные прогулки, охотились, рыбачили, изучали окрестности. Прогулки эти были весьма увлекательными для мальчика. К тому же они не только развивали силу и выносливость, но и будили любознательность ребенка, воспитывали уверенность в собственных силах.

Конечно, родители видели своего старшего сына будущим священником и, следовательно, человеком образованным, получившим для этого необходимую сумму знаний. Но до двенадцати лет будущий писатель не посещал школу. Он воспитывался и получал начатки образования дома. Его первым учителем, скорее всего, стала мать — таковы были традиции и общая практика. Хотя она не посещала школу, являлась человеком образованным — в традициях Рутерфордов было учить не только сыновей, но и дочерей. Дома Майн Рид научился читать и писать, выучился счету, познакомился со Священным Писанием.

Данное обстоятельство, вероятно, удивит нашего современника. Но в Британской империи до 1871 года (то есть до принятия Закона об образовании) не существовало сколько-нибудь внятной общенациональной системы учреждений образования. От юных граждан страны не требовалось обязательного посещения школы. Родители решали, где будет учиться их ребенок — на дому или в школе — и будет ли учиться вообще чему-нибудь. Система закрытых «публичных школ», чей расцвет придется на поздневикторианскую эпоху и первую половину XX века, в начале XIX столетия находилась еще в процессе становления. Впрочем, едва ли у юного Майн Рида были шансы учиться в Регби, Итоне или Хэрроу — по рождению он не принадлежал к семействам, управлявшим империей. Для третьего и второго (духовного) сословий формальное обучение начиналось обычно в так называемой классической, а в Шотландии и Северной Ирландии, чаще всего, — в приходской школе. Для этих школ не существовало единой общей программы. Обычно они были очень небольшими. Нередко в таких школах учитель одновременно был и ее владельцем, и директором, и единственным педагогом.

«Любой человек, доказавший свою непригодность к какой-либо другой профессии, имел право без экзамена и без проверки

знаний открыть школу в любом месте, — с возмущением писал современник Майн Рида Чарлз Диккенс в предисловии к своему роману «Жизнь и приключения Николаса Никльби», немало строк в котором посвящено изображению английской школы 30-х годов XIX века. — Люди, промышлявшие скупостью, равнодушием или тупостью родителей и беспомощностью детей, люди невежественные, корыстные, жестокие, которым едва ли хоть один рассудительный человек поручил бы содержание лошади и собаки, — эти люди послужили краеугольным камнем английской школы».

Конечно, далеко не все школы в Соединенном Королевстве соответствовали шокирующему «портрету» заведения мистера Сквирса из романа Диккенса. Встречались исключения, как находились и учителя, по-настоящему талантливые и способные к образованию и воспитанию детей. Их было, вероятно, меньшинство, но они имелись. К одному из таких учителей повезло попасть юному Майн Риду.

Весной 1830 года подростку исполнилось 12 лет. Настало время получать формальное образование. Поначалу его определили в школу, что располагалась здесь же, в Баллирони. Но, вероятно, то, чему и как обучали в этой школе, не соответствовало представлениям преподобного Томаса Майн Рида о качественном образовании. К тому же мальчик оставался в привычном для него окружении товарищей по детским играм, шалостям и проказам. И это не только отвлекало от занятий, но и едва ли способствовало формированию дисциплинированности и усидчивости, необходимых не только для успехов в учебе, но весьма желательных для будущего священника.

Преподобного Томаса Майн Рида никак нельзя было отнести к числу родителей, равнодушных к судьбе собственных детей. Наведя справки и посоветовавшись, отец решил отправить своего сына в расположенный по соседству Кэйтсбридж, в котором уже несколько лет функционировала «классическая» школа. По отзывам родителей, она воспитывала детей «в духе благочестия и христианской добродетели». Во главе ее стоял священник, к тому же (что было немаловажно для имевшего шотландские корни отца ребенка) шотландец — преподобный Дэйвид Макки. Последние обстоятельства, вероятно, более всего расположили настоятеля храма в Клоскилте в пользу Кэйтсбриджа, и новый учебный год будущий писатель начал в этой школе.

В начале XIX века Кэйтсбридж был совсем не таким, как в наши дни. Сейчас это деревня с населением в полторы сотни жителей, а тогда, когда юный Майн Рид поступил в местную школу, Кэйтсбридж можно было назвать пусть совсем небольшим,

но все же городком. Судя по всему, невелико было и учебное заведение, в котором учился мальчик. Сейчас невозможно установить, сколько человек занималось с ним в одном классе, какого они были возраста и сколько вообще учеников обучалось в школе. Но тот факт, что преподобный Макки в одном лице совмещал функции и директора заведения, и единственного его учителя, вполне красноречиво говорит о размерах школы.

Как уже отмечалось, в те времена не было единых стандартов образования. Каждый владелец школы сам решал, чему будут обучаться его питомцы, сам составлял программу, определял плату, нанимал (если у него была такая возможность) учителей. Какие предметы изучали питомцы Макки? С большой долей уверенности можно утверждать, что, как и в других так называемых «классических» школах того времени, в Кэйтсбридже обучали письму (в том числе чистописанию), счету (арифметике), истории, изучали латынь (возможно — древнегреческий) и конечно же большое внимание уделялось изучению Священного Писания. К этому обычному набору дисциплин Дэйвид Макки добавил еще и естествознание (в те времена предпочитали другое название — «естественная история»), — конечно, в том виде, в каком он себе его представлял. Можно предположить, что в основном изучение предмета сводилось к ознакомлению с окружающей природой, прежде всего с местной флорой и фауной. Постоянный настойчивый интерес писателя к животному и растительному миру, который он демонстрирует едва ли не в каждом своем сочинении, показывает, что кэйтсбриджский учитель не только обладал незаурядными педагогическими способностями, но и то, что его уроки не пропали даром. А посвящение «дорогому Дэйвиду Макки», которое писатель предпослал своему роману «Охотники за растениями» (1858), недвусмысленно указывает на школьного учителя как на один из несомненных источников характерного для Майн Рида интереса к неустанному изучению мира природы.

Обучение в кэйтсбриджской школе продолжалось четыре года. Это был важный этап в становлении подростка. Дело даже не только в той сумме знаний, которую он здесь приобрел, хотя и это немаловажно. Школьные годы были годами взросления, первым опытом самостоятельной жизни. Хотя Кэйтсбридж недалеко от Баллирони — от «Мурн Вью» до школы около десяти километров пути, — Томаса не могли ежедневно отвозить в школу и привозить обратно. И пусть большую часть учеников составляли дети местных жителей и окрестных фермеров, были среди них и те, кто оставался на пансионе — то есть жил, питался, готовил уроки при школе. Их было немного, среди них и

юный Майн Рид. Домой его забирали только на субботу и воскресенье, а в понедельник он вновь должен был сидеть за партой в Кэйтсбридже.

Трудно преувеличить социальное значение опыта детских и юношеских лет. Очевидно, что именно в них следует искать истоки характерного для писателя демократизма. Хотя по рождению он принадлежал к духовенству — то есть привилегированной прослойке британского общества, у него не было возможностей развить «классовые инстинкты». Этому мешал круг общения в детские годы, этому препятствовали обычаи семьи, чуждой снобизму. Демократизму учил стиль поведения и преподавания любимого учителя Дэйвида Макки; воспитывало длительное сосуществование бок о бок с детьми фермеров, арендаторов и небогатого местного духовенства разных конфессий; способствовала дружба с Хью Маллоем, со сверстниками — детьми людей самого простого звания. Конечно, его демократизм не был осознанным — он был стихийным, но очень стойким и, сформировавшись в юные годы, превратился со временем в одну из ярких и неизменных черт характера.

Образование в Белфасте

Школу в Кэйтсбридже Майн Рид окончил в 1834 году. Ему, как и большей части его одноклассников, было 16 лет. В те годы в этом возрасте большинство его британских современников (конечно, имеются в виду те, кому вообще довелось учиться) обычно завершали свое формальное образование. Но если для детей арендаторов и фермеров данная ситуация вполне понятна, то объяснимо и то обстоятельство, что будущий писатель, при полном одобрении родителей, продолжил свое обучение.

Особенных сложностей с выбором учебного заведения для будущего священника не возникло. Дед, прадед и, вероятно, отец Томаса Майн Рида-младшего необходимое для священнослужителя образование получали в Шотландии — в этой своеобразной цитадели британского пресвитерианства. Данное обстоятельство вполне объяснимо — в XVIII веке в Ирландии не существовало учебных заведений, в которых мог бы учиться будущий пресвитерианский священник (включая респектабельный, но слишком светский *Trinity College* в Дублине). С наступлением нового, XIX столетия ситуация стала меняться. В 1814 году в главном городе Северной Ирландии, в недальнем от Баллирони Белфасте, было открыто «Королевское Академическое учебное заведение» *(Royal Academical Institution)*. Туда и решено было отдать будущего писателя.

«Королевское Академическое учебное заведение», в котором Майн Рид учился с 1834 по 1839 год, — весьма примечательное учреждение, и о нем необходимо сказать несколько слов. До его появления во всей Ирландии единственным высшим учебным заведением был уже упоминавшийся Колледж Святой Троицы в Дублине. Он был основан в 1592 году и, прежде всего, представлял собой цитадель англиканского протестантизма в католической, по преимуществу, Ирландии. Поначалу единственной основной специальностью в нем была теология и готовил он англиканских священнослужителей. В XVIII веке спектр специальностей начал постепенно расширяться, из стен Тринити-колледж стали выходить дипломированные юристы, врачи, специалисты в других областях знания. Но университет продолжал оставаться оплотом англиканства. Приверженцы других ветвей британского протестантизма, по сути, лишены были возможности получать высшее образование. К тому же Тринити-колледж не давал «практического» — то есть коммерческого образования, столь необходимого в условиях энергично развивающихся в Ирландии капиталистических отношений.

В пресвитерианском по преимуществу Белфасте единственным отдаленно отвечавшим новым требованиям учебным заведением была так называемая «Академия Белфаста», которую на протяжении нескольких десятилетий возглавлял доктор Уильям Брюс. К началу XIX столетия стало ясно, что «академия» Брюса, несмотря на довольно высокий в целом уровень преподавания в ней, не отвечает современным условиям. К тому же она не давала высшего образования, открывавшего путь к замещению определенных должностей и, следовательно, к более высокому социальному статусу.

В 1809 году в Белфасте был создан комитет из числа состоятельных и уважаемых горожан (главным образом негоциантов и пресвитерианских священников) с целью учреждения школы нового типа, которая должна отвечать насущным нуждам и, как гласил опубликованный в местной газете меморандум, «соответствовать представлениям о полном, стройном и обширном образовании». Инициативу поддержал крупнейший местный землевладелец лорд Донегалл. Он же предоставил землю под строительство. Комплекс зданий взялся проектировать Джон Соун[7]. Горожане собрали необходимые средства. Осенью 1814 года в академии начались занятия. На открытии прозвучало, что задачей нового учебного заведения «является распространение полезного знания, особенно среди средних слоев общества — как необходимость, а не роскошь

жизни».

Обучение в академии было двухступенчатым. В «классической» школе оно длилось четыре года (в ней обучались дети в возрасте 12–16 лет). Затем желающие могли продолжить образование на так называемом «коллегиальном», то есть университетском отделении, предполагавшем получение высшего образования. Оно также предусматривало четырехлетний курс. Подавляющее большинство из тех, кто продолжал обучение, готовились со временем занять церковную кафедру и стать пресвитерианскими священниками. Теологические дисциплины формировали основу учебного курса. Студенты изучали историю Церкви, богословие, труды комментаторов Священного Писания, особое внимание обращалось на критическое осмысление Ветхого Завета (показательно, что студенты учили древнееврейский язык). Изучались, конечно, не только теологические дисциплины, — отнюдь не все учащиеся коллегиального отделения готовились в священники, и велась серьезная подготовка в области математики и геометрии, физики («натуральной философии»), древней и новой истории, географии, классических языков (в добавление к древнееврейскому учили латынь и древнегреческий). Если студент, например, видел себя в будущем врачом и его интересовала медицина, он мог прослушать курсы анатомии и фармакологии. Особое место занимали риторика и логика — ведь священник должен быть хорошим оратором и умелым полемистом. Занимались спортом, преподавался иностранный язык (французский), весьма основательно готовили по английскому языку (главное внимание уделялось правописанию) и классической литературе.

Плата за обучение была довольно высока. Когда Томас Майн Рид-младший стал студентом коллегиального отделения, в среднем (не все дисциплины были обязательными, и это давало возможность несколько снизить стоимость учебы) она составляла более 20 фунтов стерлингов в год — весьма значительные по тем временам деньги. В эту сумму, понятно, не входили проживание, питание и т. п. В отличие от школьников, студенты могли жить вне стен академии, но за все должны были платить сами — точнее, их родители. Несмотря на то, что нести такие расходы было нелегким бременем, преподобный Томас Майн Рид шел на это в уверенности, что через четыре года его старший сын получит высшее образование и со временем, так же как и отец, станет пресвитерианским священником.

Надеждам его не суждено было сбыться. Не стоит думать, что будущий писатель оказался нерадивым студентом. Напротив, в целом, учеба давалась ему довольно легко. Особенно преуспевал

он в языках, изучении классической литературы, математике, в ораторском искусстве, считался одним из первых спортсменов академии. Но с теологией у него совсем не ладилось. В своих мемуарах вдова писателя приводит весьма красноречивый эпизод, когда студенту Риду поручили прочесть молитву, а он начисто забыл текст и замолчал после первых же произнесенных им строк. Впрочем, его самого это обстоятельство, похоже, не слишком расстраивало, — видимо, он довольно быстро понял, что у него иное призвание, не связанное с церковной кафедрой. Какое? Едва ли тогда он много думал об этом. В конце концов, 17 лет — не тот возраст, когда размышляют о будущем — больше живут в настоящем.

Как и многие студенты, Майн Рид жил вне стен учебного заведения. Вместе со своим товарищем по коллегиальному отделению и двоюродным братом Арчибальдом Ридом они на двоих снимали квартиру неподалеку от академии. Можно только гадать, какое место в их совместном времяпрепровождении принадлежало учебе, но ясно то, что в табели приоритетов их повседневной жизни явно не она занимала первую строчку. Молодой человек, впервые очутившийся за пределами привычного провинциального окружения, с головой окунулся в столичную (а Белфаст, без преувеличения, можно считать столичным центром, — по крайней мере, в пределах Северной Ирландии) жизнь. Большие дома и мощеные улицы, экипажи, элегантные господа и нарядные дамы, балы и вечеринки, походы в оперу и театр — весь блестящий мир крупного города — это по-настоящему должно было увлечь и захватить юношу, никогда прежде не покидавшего пределов Баллирони и Кэйтсбриджа и не изведавшего ничего, кроме деревенской жизни. Убедиться в том, что это произошло, помогает эпизод, о котором уже в зрелые годы с улыбкой вспоминал сам писатель. Суть его сводится к следующему. Преподобный Томас Майн Рид, частенько посещая Белфаст по делам прихода, неизменна навешал сына. И вот однажды, уже ближе к вечеру, Арчибальд Рид и его кузен собирались на бал. Повсюду в их комнате были разбросаны предметы мужского туалета, а на самом видном месте (на столе) возвышалась только что доставленная посыльным покупка — пара элегантных кожаных бальных туфель, их молодой Майн Рид приобрел для танцев и грядущим вечером намеревался обновить. Внезапно он расслышал знакомые шаги — походку отца невозможно было спутать: тот прихрамывал и при ходьбе опирался на трость. Сейчас он тяжело поднимался по лестнице (студенты снимали комнату на втором этаже). Немедленно пакет с обувью полетел под кровать, одежду, скомкав, сунули в шкаф,

но в суете не успели убрать главную улику — щипцы для завивки. Майн Рид-старший вошел в комнату и сразу обратил внимание на этот достойный осуждения инструмент.

— Это принадлежит тебе? — сурово спросил он сына.

— Нет, этот предмет принадлежит мне, — смущенно ответил племянник. И хотя это несколько смягчило священника, но отнюдь не уберегло молодых людей от очередной порции увещеваний в расточительности и наставлений о пагубности тщеславия.

Справедливости ради необходимо заметить, что подобные наставления юношам приходилось выслушивать от пожилого священника каждый раз, когда тот навещал их скромное жилище. Но для этого у последнего имелись веские основания: дело не только в том, что отец вообще полагал тщеславие пороком, но по прошествии первых недель учебы сына в Белфасте он заметил у того стремление уделять слишком большое внимание своей внешности — модно стричься, наряжаться, говорить вычурно. Беспокоили и счета — хотя и небольшие, но траты, по его мнению, были совершенно ненужные: старший сын заказывал себе перчатки, шелковые носовые платки, галстуки. Все это, по мнению Майн Рида-старшего, было суетой и тщеславием. Когда он учился на священника, у него были совсем другие интересы.

Надо сказать, что юный Майн Рид получал немного денег на карманные расходы и экономил на всем, на чем только мог. Труднее всего ему было экономить на одежде: жизнь в большом городе в считаные месяцы превратила его из провинциала, мало заботящегося о своем внешнем облике, в отчаянного щеголя. Как известно, щегольство — одна из ярких черт писателя. Современников он неизменно поражал элегантностью, даже экстравагантностью, количеством и разнообразием нарядов, изяществом и органичностью своих костюмов и вообще отличался умением носить одежду. Очевидная приверженность к дендизму — первое, что бросалось в глаза любому, кто хотя бы однажды встречался с ним. Щегольство Майн Рида — своеобразная «притча во языцех», эту его черту неизменно отмечали все, кто общался с этим человеком. Именно здесь, в Белфасте, необходимо искать истоки этой характерной особенности писателя.

С точки зрения обыденной психологии этот феномен вполне объясним. Привыкший с раннего детства верховодить сверстниками, быть первым везде и всегда, где бы он ни находился и что бы ни делал, — в Баллирони, в Кэйтсбридже, в собственной семье, в учебе или в играх, — будущий писатель оказался в большом городе среди множества людей, где, конечно, он не мог первенствовать и поэтому нуждался в

самоутверждении. Обитая в Белфасте, он заметил, какую огромную роль играет то, как выглядит человек в глазах других людей — как одевается, как говорит, каковы его манеры. Способ самоутверждения через внешний облик показался ему наиболее приемлемым и эффективным. Повзрослев, приобретя опыт, он, конечно, понял, что одной внешности для того, чтобы и другие признали твои достоинства, недостаточно. Позднее он нашел иные средства для самоутверждения — путешествия, участие в войне, журналистику, литературу, а затем и политику. Ну а страсть элегантно одеваться, приобретенная в Белфасте, так и осталась с ним на всю жизнь, превратившись в одну из ярких черт этого человека.

Между тем учеба шла своим чередом. Закончился первый год, второй. Неминуемо приближался последний год обучения, венцом которого должно было стать вручение сертификата о высшем образовании, что в обозримом будущем давало право стать пресвитерианским священником. Таким образом, юный Майн Рид приближался к воплощению мечтаний его родителей. Но в том-то и дело, что это были не его мечтания, а надежды его отца и матери. Вероятно, постепенно ему удалось бы заставить себя запомнить слова необходимых молитв, преуспеть в богословии, разобраться в деталях службы, подготовиться и сдать необходимые экзамены. Но он чувствовал неодолимое неприятие к тому, что должно было стать делом всей жизни. И чем дольше он учился, тем отчетливее понимал, что духовная карьера — это не его призвание. Вероятно, он неоднократно заводил разговор на эту тему с родителями, но те не понимали его и отказывались слышать его аргументы. Позднее, уже превратившись в известного писателя, Майн Рид говорил: «Моя мать, безусловно, предпочитала, чтобы я стал священником с годовым жалованьем в сто фунтов, нежели стяжал славу самого известного человека в истории». Хотя эти слова были произнесены много лет спустя, — к тому времени он давно состоялся как литератор, — в них нетрудно расслышать и горечь, и обиду. Можно только догадываться об остроте дискуссий, вспыхивавших в семье по этому поводу, но легко предположить, что их накал только возрастал по мере приближения к окончанию обучения в колледже. Время, конечно, лечит. И с годами, постепенно, родители, вероятно, примирились с выбором сына. Тем более что настоящим утешением для них стал младший брат писателя — Джон, который продолжил семейную традицию и пошел по стопам отца: он не только стал священником, но и унаследовал церковную кафедру. «Не подвели» и дочери — почти все вышли замуж за священников и все стали добропорядочными матерями

семейств.

Томас Майн Рид окончил колледж в июне 1838 года. Джоан Стил, американская исследовательница творчества писателя, в своей монографии выражает сомнение, что ему удалось получить степень (сомневаясь, таким образом, что нашему герою вообще удалось завершить обучение в Королевском академическом учреждении в Белфасте и получить высшее образование). Действительно, Майн Рид не получил степени — в том смысле, как это традиционно происходит по окончании колледжа в современных Англии и США. Но в те годы, о которых идет речь, завершение обучения в высшем учебном заведении не всегда подразумевало получение степени бакалавра. На начальном этапе своего существования (в 1820–1830-е годы) не присваивало степени и коллегиальное отделение академии в Белфасте. Как и другие выпускники, Майн Рид получил так называемый «генеральный сертификат» — документ, в котором поименованы изучавшиеся дисциплины и удостоверявший, что его обладатель «успешно окончил коллегиальное отделение Королевского академического учреждения в Белфасте» — то есть имеет высшее образование. Особенность эту можно объяснить отсутствием общегосударственных стандартов образования. Единых стандартов была лишена не только британская система школьного образования — они отсутствовали и в высшей школе. Таким образом, Майн Рид, сообщая в объявлении, опубликованном в газете «Нэшвилл Юнион» за 1 декабря 1840 года и уведомлявшем об открытии «классической школы», что у него есть степень, вовсе не обманывал родителей своих потенциальных учеников. Он лишь приспосабливал британские реалии к американским, совершенно справедливо рассудив: в США понятнее и проще упомянуть, что у владельца школы есть степень, нежели объяснять американскому обывателю, что обладатель «генерального сертификата» королевского колледжа в Белфасте имеет высшее образование.

Но до Америки было еще далеко. И мы не знаем, когда у Майн Рида созрело желание покинуть Ирландию — произошло это в студенческие годы или позже. Среди тех, кто писал о Майн Риде, широко бытует мнение, что отказ старшего сына от духовной карьеры спровоцировал его ссору с отцом и что именно она обусловила эмиграцию будущего писателя в США. Но так ли это на самом деле? Если такая ссора и была, едва ли она имела столь катастрофические последствия. Хорошо известно, что после завершения образования летом 1838 года Томас-младший вернулся в Баллирони и вновь поселился в отчем доме. К тому же подрастал младший брат Джон, который, в отличие от старшего

брата, демонстрировал твердое намерение продолжать семейную традицию и стать священником. К моменту водворения будущего писателя в «Мурн Вью» тот уже начал занятия на коллегиальном отделении в Белфасте.

Из Баллирони в Америку

Казалось бы, полученное высшее образование открывало широкие перспективы. В теории, Майн Рид мог бы реализовать себя на государственной службе, в международной торговле, в сфере юриспруденции и т. д. Но на самом деле перспективы были отнюдь не блестящи. Чтобы сделать карьеру в одной из упомянутых областей — особенно в Северной Ирландии, — нужны были связи или деньги. А лучше — все сразу. Но у семьи не было ни того ни другого. Понимал ли Томас-младший, что, когда отец с матерью всеми силами «подталкивали» его к духовной карьере, ими двигали не только искренняя любовь к Богу и убежденность в том, что быть священнослужителем — лучшая судьба? Был и банальный расчет: только в таком случае они могли реально помочь сыну и не опасаться за его будущее. Возможно, но молодости свойствен максимализм. А Майн Рид, безусловно, был максималистом и не допускал возможности для компромисса. Таким образом, перспектив у вновь испеченного выпускника Королевского колледжа было совсем немного. Одна из наиболее реальных — попробовать свои силы в педагогике. Здесь ни деньги, ни связи не имели какого-либо значения — важнее были рекомендации. Рекомендаций у молодого человека, понятное дело, не было, как не было и никакого опыта преподавания. Но что за беда? Лучшей рекомендацией являлся сам факт наличия у него высшего образования. Подобным преимуществом на заре Викторианской эпохи могли похвастаться лишь очень немногие британские педагоги.

Обосновавшись в Баллирони, Майн Рид занялся поисками места. Наиболее выигрышной для него могла бы стать должность домашнего учителя в каком-нибудь благородном или просто в богатом семействе. В Великобритании XVIII — первой половины XIX века подобная практика — приглашать домашних учителей — была широко распространена не только в аристократических домах, но и в семьях буржуазных, обладавших большим достатком. Учителей приглашали не только к мальчикам, чтобы подготовить их к школе, но и к девочкам и девушкам, которые получали главным образом именно домашнее образование. История Уолтера Хартрайта из романа У. Коллинза «Женщина в белом», приглашенного в качестве учителя рисования к дочери

аристократа, вовсе не является чем-то исключительным. Подобных историй в английской литературе и в повседневной жизни Великобритании — великое множество. Молодой выпускник колледжа в Белфасте не мог учить рисованию, но он мог преподавать классические языки и французский, обучать правилам английской грамматики, учить истории, арифметике и началам биологии. Вероятно, его знания имели бы спрос в богатой Англии, но в Северной Ирландии, где люди жили в основном очень небогато, а аристократических (да и просто состоятельных) семейств в округе насчитывалось совсем немного, шансов найти достойное место у него почти не было.

Тем не менее почти сразу же ему удалось получить работу домашнего учителя в одной местной семье. Вполне возможно, что какую-то помощь в поиске оказал и отец — Томас Майн Рид-старший. Но, к сожалению, работа была временной и продлилась очень недолго. Есть сведения, что будущий писатель предпринимал также попытки добиться должности учителя в одной из окрестных школ. Но поиски эти не увенчались успехом — местные «классические» школы были невелики, в них вполне управлялись их владельцы, не нуждаясь в ассистентах. Тогда, при поддержке отца, Майн Рид-младший попытался открыть свою собственную дневную (то есть без пансиона) «классическую» школу и даже снял для этой цели дом на окраине Баллирони. Школа просуществовала всего лишь один год — с осени 1838-го по июнь 1839 года. С экономической точки зрения ее деятельность была совершенно не оправдана. Владельцу не удалось набрать достаточного числа учеников. Видимо, слишком велика была конкуренция при малом спросе. Расходы на ее содержание превышали доходы от преподавания, и, в конце концов, он вынужден был отказаться от этой затеи.

Среди биографов писателя бытует мнение, что Майн Рид, движимый «врожденным свободолюбием», чуть ли не со школьных лет мечтал уехать в Америку и даже требовал от отца, чтобы тот разрешил ему прервать обучение в Белфасте и отправил его в США. Действительно, в «Квартеронке» — одном из наиболее «автобиографических» романов писателя — можно найти такие слова: «Хоть я и вышел из стен классического колледжа, я не чувствовал никакой склонности к классическим знаниям. За десять лет, проведенных над напыщенными гиперболами Гомера, однообразными стихами Вергилия и скучными нескромностями Горация Флакка, я не проникся тем восхищением перед классической литературой, какое испытывают — или притворяются, что испытывают, — почтенные ученые с очками на носу. Я не создан, чтобы жить в мире отвлеченных

идей и мечтаний о прошлом. Я люблю окружающую меня жизнь… Жажда романтических приключений заставила меня покинуть родной дом. Меня увлекало все яркое и необыкновенное, ибо я был в том возрасте, когда человек больше всего влюблен в романтику». Можно (и, вероятно, нужно) верить в романтический настрой двадцатилетнего Майн Рида. Но, как мы видим, факты все-таки утверждают иное. Он не только преуспевал в колледже по всему спектру дисциплин, за исключением теологических, и ему нравилось учиться, но он явно не собирался уезжать в Америку, не завершив образования. Да и решение эмигрировать, скорее всего, стало во многом результатом бесплодных усилий устроиться на родине. В ином случае Майн Рид зарезервировал бы себе место на корабле, отплывающем в Новый Свет, сразу после окончания колледжа. Но он почти полтора года потратил на поиски работы и, лишь осознав тщетность попыток найти для себя дело на родине, решил уехать из Ирландии.

Косвенным подтверждением этому могут служить слова, произнесенные много лет спустя уже состоявшимся литератором. Он писал: «Одним из первых серьезных потрясений в моей жизни — случилось оно незадолго до начала моего трансатлантического существования — стало открытие моей собственной полной никчемности. Я мог указать на свой стол и сказать: «Вот лежат доказательства моих знаний — мои награды за успехи в колледже». Но какой от них толк? Сухие теории, которым меня учили, — оказалось, их нельзя применить в реальной жизни. Моя логика была болтовней попугая, познания в классической филологии неподъемными бревнами лежали в моем сознании. И я был так же хорошо подготовлен к борьбе с жизнью — как и мои товарищи по колледжу, — словно окончил курс китайской мнемоники. О, вы, убеленные сединами профессора, что обучали меня синтаксису и комментированию, вы верно сочтете меня неблагодарным, но я вынужден выразить то презрение и негодование, которое я к вам тогда испытывал, — когда смотрел на десять бесполезных лет, проведенных под вашим наставничеством. Я считал себя образованным человеком, а затем иллюзия рассеялась — я пришел в себя и понял, что ничего не знаю». Горечь, звучащая в этих словах, конечно, питалась не разочарованием в полученном образовании, но осознанием того, что знания эти не могли дать ему средства к существованию на родине. Судя по всему, это печальное открытие и заставило его решиться на эмиграцию.

Наверняка решение покинуть родину далось Майн Риду нелегко. Существует расхожее представление, согласно которому в Новое время Ирландия — это страна, каждый житель которой

стремился ее покинуть. На самом деле эмиграция в те годы была совсем невелика. До начала 1820-х годов ее практически не было, потому что сельское хозяйство, составлявшее основу экономики острова, процветало. В 1820-е Ирландию ежегодно покидало примерно пять тысяч человек. И хотя цифра эта постепенно росла — к концу 1830-х она достигла 25 тысяч человек в год, — для острова с восьмимиллионным населением это было совсем немного. Массовый же исход ирландцев начался в 1846 году и был связан с тотальным голодом 1845–1849 годов. Вот тогда (с 1846 по 1851 год) остров покинули более полутора миллионов человек. Но происходило это на фоне голодных смертей и эпидемий (количество умерших точно не известно, но оно вполне сопоставимо с цифрами уехавших). Ирландцы уезжали потому, что остаться чаще всего означало умереть. Да и британское правительство активно поощряло эмиграцию. Но если после 1845 года из Ирландии уезжали прежде всего крестьяне — не только неграмотные, но нередко даже и не владевшие английским языком, то, по сведениям Общественного архива Северной Ирландии (PRONI), в благополучные годы остров покидали, в основном, люди образованные. В Ирландии не было работы, соответствующей уровню полученного образования, и поэтому большинство из них вынуждены были отправляться за океан в поисках лучшей доли. Молодые образованные ирландцы уезжали в США и Канаду, в Индию и Южную Африку, кое-кто даже отваживался на путешествие в Австралию или Новую Зеландию. В 1838–1839 годах Майн Рид на собственном опыте осознал невозможность самореализации у себя на родине и, по сути, был вынужден ее покинуть, как, кстати, и многие из тех, с кем он учился в колледже.

Путешествие через океан было серьезным предприятием. В те годы еще не существовало океанских пароходов — на морских просторах безраздельно господствовали парусные суда. Путешествия длились долго и были сопряжены с риском. Многое зависело от погоды, важным было состояние судна, играли роль мастерство капитана и слаженность команды. Люди небогатые вынуждены были полагаться на удачу и выбирать транспорт подешевле. Те, у кого водились деньги, подходили к делу серьезнее и учитывали указанные факторы. Очевидно, что семейство Майн Ридов принадлежало к последним.

Проще и дешевле было отправиться непосредственно из какого-нибудь порта Северной Ирландии. Корабли ходили в Америку из Белфаста, Лондондерри, Дублина, многих других ирландских портов. Но в основном они возили грузы, а среди тех, что специализировались на перевозке эмигрантов, было совсем

немного судов недавней постройки и с приемлемым уровнем комфорта. К тому же большинство кораблей из Ирландии направлялись в Канаду, а не в США. При удачном стечении обстоятельств путешествие к побережью Канады занимало около сорока дней и потому было наиболее дешевым. Путь в Нью-Йорк или Филадельфию был дольше и дороже. Но будущий писатель решил отправиться еще дальше и плыть в Новый Орлеан.

Почему Майн Рид выбрал именно этот город на юге США? Сам писатель никогда не комментировал свой выбор. Не дают ответа ни мемуары Элизабет Рид, ни публикации биографов. Совершенно очевидно, однако, что этот выбор определил его судьбу, тот набор впечатлений и опыта, который обусловил тематику будущих произведений и вообще жизнь писателя. Трудно представить, какой была бы литературная судьба Майн Рида, если бы он отправился не в Новый Орлеан, а, как большинство его соотечественников, в Канаду или в Нью-Йорк.

Выбрав Луизиану, Майн Рид мог отплыть туда из Белфаста. Как показывает проведенное автором настоящих строк небольшое расследование, в 1839 году (и раньше, и позднее) корабли оттуда в Новый Орлеан ходили. Но отец будущего писателя купил сыну билет на судно, отплывавшее из Ливерпуля. Данное обстоятельство дает основание утверждать, что решение было не спонтанным, а взвешенным и продуманным. Между Ливерпулем и Новым Орлеаном существовало регулярное пассажирское сообщение. Суда, обеспечивавшие эти перевозки, были новыми, а капитаны опытными. Билет из Ливерпуля стоил значительно дороже билета из Белфаста (три фунта стерлингов против полутора). К тому же необходимо было пересечь пролив, добраться до Ливерпуля и быть готовым еще какое-то время ждать отплытия (парусные суда зависели от ветра и иных капризов погоды!). Тем не менее Риды выбрали именно этот — как наиболее надежный — вариант.

Томас Майн Рид-младший отплыл из Ливерпуля на корабле «Дамфрисшир» 17 ноября 1839 года. Судно было новым. Согласно регистру Ллойда, его построили в Нью-Браунсвике (Канада) в 1837 году, и управлял им опытный капитан Джон Гоуан. Корабль был спроектирован специально для перевозки пассажиров. Большой трехмачтовый парусник водоизмещением в 827 тонн, он мог перевозить до шестисот человек, но в тот рейс отправился с меньшим числом пассажиров на борту. Впрочем, последнее обстоятельство лишь облегчало путешествие — давая возможность разместиться более свободно и несколько лучше питаться.

Через много лет Майн Рид писал: «Подобно другим

выпускникам колледжа, я не смог обрести счастья дома. Меня охватила страсть к путешествиям; я мечтал увидеть мир, знакомый мне пока только по книгам. Вскоре мне удалось осуществить мою мечту. Без всякого сожаления смотрел я, как холмы моей родины скрываются за черными волнами. Мне было все равно, увижу ли я их когда-нибудь снова». Насколько он был искренен, произнося эти слова? Едва ли это возможно установить. Но поскольку они были написаны много лет спустя, — состоявшимся взрослым человеком и писателем, уже добившимся успеха и признания, — едва ли стоит относиться к ним с доверием. Наверняка были и волнения, и запоздалые сожаления, но выбор был сделан, и действительно «черные волны» холодного и сумрачного — ноябрьского — Атлантического океана поглотили «холмы родины».

Часть II
Америка: 1840–1849

Новый Орлеан

Капитаны парусных судов — люди суеверные. Едва ли кто-нибудь из них назовет вам дату, когда его корабль придет в порт назначения. Неизвестна она была и пассажирам «Дамфрисшира». Они могли лишь предполагать, когда это произойдет. В те годы плавание из Ливерпуля в Новый Орлеан длилось чаще всего больше пятидесяти, но обычно меньше шестидесяти дней. Длительность путешествия зависела от многих факторов. Свою роль играли погода, состояние судна, мастерство и опытность капитана и т. д. Но если за судно и капитана пассажиры парусника могли быть спокойны, то зимняя Атлантика могла внести свои коррективы. И, видимо, внесла их, поскольку плавание «Дамфрисшира» длилось несколько дольше шестидесяти суток, но все-таки окончилось благополучно.

Это было первое путешествие Майн Рида через океан и вообще его первое серьезное знакомство с морем. Едва ли короткий вояж в сотню с небольшим морских миль через Ирландское море из Уорренпойнта (скорее всего, он отплыл именно оттуда, поскольку Уорренпойнт был ближайшим к Баллирони морским портом) в Ливерпуль в ноябре 1839 года можно считать таковым. Испытывал ли он опасения, отправляясь в путь по зимней Атлантике? С большой долей вероятности на этот вопрос можно ответить положительно. Такие опасения — в принципе, нормальная человеческая реакция, — тем более во времена, когда кораблекрушения случались довольно часто и не все корабли приходили в порт назначения. Надо сказать, что будущий писатель выказал себя человеком предусмотрительным и подумал о своей безопасности. В одном из романов — а писатель, как известно, сочиняя, широко использовал свой личный опыт (что особенно характерно для ранних произведений), есть такая реминисценция: «В моем чемодане

лежало очень простое приспособление, которое я обычно вожу с собой: спасательный пояс. Я всегда держу его сверху, под рукой. Требуется не больше минуты, чтобы надеть его, а в нем я не боялся утонуть в самой широкой реке и даже в море». Конечно, в случае кораблекрушения едва ли упомянутый спасательный пояс действительно смог бы его спасти: в ледяной воде зимней Атлантики он сумел бы подарить только час-другой жизни — и все. Впрочем, сам факт показателен: бесшабашный Майн Рид на самом деле был, оказывается, вполне предусмотрительным и весьма разумным молодым человеком. К счастью, спасательный пояс не понадобился и «Дамфрисшир» хотя и с задержкой, но вполне успешно добрался до пункта назначения.

В отличие от Ливерпуля, где уже в XVIII веке велся неукоснительный учет всех судов, покидавших и приходивших в порт (фиксировались даты ухода — захода, тоннаж судна, имя капитана, груз, регистрировался список пассажиров и т. п.), в Новом Орлеане строгих правил на сей счет тогда, видимо, еще не существовало. Ничем иным не объяснить то обстоятельство, что точная дата прихода корабля в порт назначения до сих пор так и неизвестна. К тому же капитан парусника не составил и не представил местным властям список пассажиров своего судна. Позднее, примерно с середины 1840-х годов (то есть с начала массовой эмиграции из Ирландии в Новый Свет), когда начали вести учет всех вновь прибывающих эмигрантов, эта процедура стала обязательной и выполнялась неукоснительно (кстати, поэтому для многих американцев — потомков тех, кто прибыл в США после 1845/46 года — установить свои «корни», в общем-то, не очень сложно). Тем не менее совершенно достоверно, что «Дамфрисшир» пришел в Луизиану и ошвартовался в порту Нового Орлеана во второй половине января 1840 года.

Новый Орлеан, в котором очутился будущий писатель, в те годы был, пожалуй, одним из наиболее динамично развивающихся городов США. По темпам развития тогда его опережал лишь Нью-Йорк. Расцвет Нового Орлеана был связан прежде всего с тем, что город возник на пересечении важных торговых путей: из стран Старого Света сюда завозились европейские товары, а американская продукция вывозилась в Европу. Очень важно, что город находится в устье Миссисипи, поэтому в Новый Орлеан стекались товары не только с Юга США, но и со всех территорий, расположенных по течению великой американской реки и ее притоков — Огайо, Миссури, Ред-Ривер, Арканзас и др. Вверх по реке шли товары из стран Старого Света. Это обстоятельство превращало город в торговую и экономическую столицу поистине огромного региона.

Приток капиталов обеспечивал энергичное развитие инфраструктуры: город интенсивно строился — возводились новые кварталы, портовые сооружения и дамбы, осушались окрестные болота, прокладывались дороги и рылись каналы. Скорее всего, данным обстоятельством — экономическими перспективами — можно объяснить выбор Майн Ридом именно Нового Орлеана, а не, например, одного из портов Канады, Нью-Йорка или любого другого города США. Но, вероятно, лишь отчасти. Поскольку имелись и другие причины. И, возможно, главная среди них: до начала массового исхода ирландцев со своей исторической родины (то есть до 1846 года) Новый Орлеан был именно той точкой на карте США, куда стремились жители Ирландии.

По широко распространенному тогда в эмигрантской среде представлению Новый Орлеан (Луизиана и Юг США в целом) был именно тем местом, где могли преуспеть образованные и амбициозные люди. Если обратиться к городской статистике того времени, легко заметить, что выходцы из Ирландии составляли значительный процент населения города (около 20 процентов жителей или почти половину горожан-эмигрантов в первом поколении). Так что Новый Орлеан отчасти был и «ирландским» городом. Конечно, эмигранты — выходцы из Ирландии в первом поколении, едва ли стремились обособиться и успешно ассимилировались в среде пришельцев-американцев. «Пришельцев» — потому что город не был американским в полном смысле этого слова.

Как известно, Новый Орлеан был основан французами в 1718 году и до наших дней продолжает сохранять черты не совсем американского города. Американцам он принадлежит с 1803 года, но его коренные жители — креолы еще не растворились среди активно осваивавших Луизиану американцев, а держались особняком, сохраняя свой язык, свою культуру, традиции и стиль жизни. Это придавало городу особый экзотический колорит, которым Майн Рид был положительно очарован.

Вспоминая первые дни в этом необычном городе, он писал: «С небольшим запасом денег в кармане и очень небольшим запасом знаний в голове я бродил по улицам Нового Орлеана, удивленно озираясь кругом». Позднее, в своих сочинениях и письмах писатель неоднократно признавался в любви к этому городу, его коренным жителям, и, судя по всему, вполне искренне. При очевидном восхищении устройством американской жизни и ее институтами («В Америке, — писал он, — я мог наблюдать если не совершенную форму общества — ибо таковой она будет лишь в

далеком будущем, — то, во всяком случае, наиболее передовую форму цивилизации, из тех, что в наше время существует на Земле») молодой человек воспринимал луизианских креолов и их мир осколком ушедшей в прошлое эпохи — романтической, возвышенной и благородной. Чтобы убедиться в этом, достаточно раскрыть страницы «Квартеронки» — одного из «креольских» романов Майн Рида и восхититься благородством и самоотверженностью его героев. Да и в других произведениях писателя нередко появляются креолы, и чаще всего они воплощают в себе самые лучшие, но, увы, почти утраченные современниками писателя человеческие качества.

Майн Рид хорошо узнал современный ему Новый Орлеан и особенности его социального и культурного уклада. Вот что он писал о городе полтора десятилетия спустя: «Новый Орлеан распадется на два совершенно не схожих между собой города. И в том и в другом имеется своя биржа, свой особый муниципалитет и городские власти; и в том и в другом есть свои кварталы богачей и любимый проспект, или променад, для щеголей и бездельников, которых немало в этом южном городе, а также свои театры, бальные залы, отели и кафе. Но что всего забавнее — достаточно пройти несколько шагов, и вы уже переноситесь из одного мира в другой. Пересекая Кэнел-стрит, вы как бы попадаете с Бродвея на парижские бульвары». Несмотря на вполне естественный и объяснимый «культурный шок» человека, очутившегося в совершенно новой для него среде, он отчетливо ощущал ее особенности. «Жители этих двух миров, — замечал он, — резко отличаются друг от друга. Американцы торгуют предметами первой необходимости. Это владельцы складов продовольствия, хлопка, табака, леса и всевозможного сырья. Тогда как предметы роскоши — кружева, драгоценности, туалеты и шляпки, шелк и атлас, ювелирные изделия и антикварные редкости — проходят через искусные руки креолов, унаследовавших сноровку и вкус своих парижских предков. Во французском квартале немало и богатых виноторговцев, составивших себе состояние ввозом вина из Бордо и Шампани, ибо красное вино и шампанское особенно щедро льются на берегах Миссисипи». Отчетливо видел он и соперничество между старожилами и «пришельцами» и отмечал это противостояние. «Между двумя этими нациями, — писал он, — идет глухое соперничество. Сильный, энергичный кентуккиец делает вид, что презирает веселых, легкомысленных французов, а те, в свою очередь — особенно старая креольская знать, — смотрят свысока на чудачества северян, так что стычки и столкновения между ними не редкость. Новый Орлеан по праву может именоваться

городом дуэлей. В разрешении вопросов чести кентуккийцы встречают в креолах достойных противников, не уступающих им ни в мужестве, ни в искусстве схватки. Я знаю немало креолов, имеющих на своем счету несметное число дуэлей. Словом, — заключает писатель, — не думайте, что жизнь в Новом Орлеане бедна приключениями. К этому городу менее всего подходит эпитет *прозаический».*

Несмотря на прекрасную осведомленность писателя о реалиях «столицы Юга», прямые свидетельства о жизни самого Майн Рида в городе отсутствуют. Отсутствуют достоверные сведения и о том, сколько времени провел он в Новом Орлеане, чем занимался, с кем общался. Однако в нашем распоряжении уже упоминавшийся роман «Квартеронка», повествование в котором ведется от лица Эдварда Рутерфорда — своеобразного «alter ego» молодого Майн Рида. Для нас важно не только то, что автор ведет повествование от первого лица (этот прием вообще типичен для Майн Рида, который таким образом стремился добиться правдоподобия и вызвать у читателя доверие к разворачиваемой коллизии) и даже наделяет своего героя девичьей фамилией матери, но и то, что в романе неизбежно должны были отразиться — и, безусловно, отразились! — собственные впечатления, его собственный опыт пребывания в Новом Орлеане.

В романе утверждается, что Эдвард Рутерфорд прожил в Новом Орлеане полгода. Но, как следует из сюжета, герой имел серьезную финансовую поддержку — ему присылали деньги его родственники из Англии. У реального Майн Рида такой поддержки не наблюдалось — он не мог рассчитывать на помощь родителей, а должен был полагаться только на самого себя. Конечно, деньги у него с собой были, но не такие суммы, которыми оперирует Рутерфорд. Ни 500, ни даже 200 фунтов, о которых упоминается в романе, он не имел и не мог иметь в принципе. Хотя бы потому, что годовой доход отца, скромного сельского священника, едва ли сильно превышал две сотни фунтов стерлингов. Рутерфорд все шесть месяцев в Новом Орлеане вел праздную жизнь — он совершал экскурсии, охотился, посещал увеселительные заведения и ходил в театры, развлекался, играл в карты и другие азартные игры. Несомненно, что и его протагонисту эти занятия были хорошо известны — в том числе и то, что связано с азартными играми. Иначе откуда у него такие знания: ему знакомы адреса и интерьеры игорных заведений, игры (рулетка, кости, разнообразные карточные игры) и их правила, мир шулеров — их внешний облик, жаргон, повадки, их уловки и т. д.? В романе Рутерфорд сетует, что

немало денег перетекло из его карманов в карманы профессионалов. И горечь его неподдельна. Едва ли приходится сомневаться, что в основе его эмоций — реальные переживания и личный опыт будущего писателя. Очевидно, что и Майн Рид играл и немало претерпел от новоорлеанских профессионалов карточной игры.

Но если мы обратимся к роману, то увидим, что куда большую горечь у его автора вызывает осознание собственной неприспособленности к здешней жизни, никчемность тех знаний, что он получил на родине. И эта горечь вполне объяснима. Он отправился в Новый Орлеан с надеждой обрести в Новом Свете то положение, которое соответствовало полученному им образованию и которое он не смог занять в Старом. Но и здесь его диплом выпускника колледжа оказался невостребован. Рутерфорд мог иронизировать по этому поводу и продолжать вести жизнь, подобающую джентльмену. У Майн Рида такой возможности не было, и он был вынужден искать работу.

Можно представить, какие усилия прилагал будущий писатель в ее поисках. Едва ли мы ошибемся, утверждая, что он просматривал объявления в газетах, обращался к новоорлеанским знакомым, к землякам — тем, кто покинул родину раньше его и уже как-то приспособился к здешней жизни. С большой долей вероятности можно также предположить, что и сам он давал объявления в газетах, предлагая услуги школьного или домашнего учителя. К сожалению, газеты, выходившие тогда в Новом Орлеане, большей частью не сохранились. В тех, что доступны, таких объявлений немало, но у автора нет оснований утверждать, что какое-либо из них могло принадлежать Майн Риду. Как бы там ни было, но места, которое соответствовало бы уровню его образования, ему найти не удалось. «Полгода я храбро грешил. Теперь я был полон раскаяния и хотел исправиться, — повествует Рутерфорд. — Я даже охотно поступил бы на службу. Но вся моя школьная премудрость, которая не помогла сберечь мне кошелек, была теперь бессильна пополнить его вновь. Во всем этом кипучем городе я не мог найти занятия, к которому был бы пригоден». В этих словах — отзвуки реальной ситуации, в которой очутился молодой человек. Но, в отличие от литературного героя, его прототип нашел работу.

Годы спустя, уже состоявшись как писатель, Майн Рид не любил вспоминать о том, чем он занимался в Новом Орлеане. Очень лаконично — буквально парой строк — упоминает об этом опыте в своих воспоминаниях и его вдова. Ее можно понять: едва ли этим опытом стоило гордиться. Майн Рид устроился работать в один из торговых домов Нового Орлеана. История не сохранила

его названия, но это и не слишком важно. Таких торговых домов в то время — период экономического бума — было множество. При всем великом разнообразии в названиях и масштабах этих фирм, их деятельность в основном сводилась к нехитрой операции: они закупали крупные партии товаров, а затем перепродавали эти товары мелким оптом. Разница между ценой покупки и продажи и составляла доход фирмы.

Должность Майн Рида называлась «комиссионер», то есть «уполномоченный представитель фирмы, имеющий процент с дохода от операций». Однако это не совсем соответствовало тем функциям, которые он исполнял, и тому участию, которое он принимал в доходах предприятия, поскольку процентов с продажи не имел, а находился на фиксированном окладе. По сути, он был клерком в фирме, но его должностные обязанности были довольно разнообразны: он получал и передавал товары, оформлял документы, занимался поиском потенциальных продавцов и покупателей, участвовал в торгах и аукционах.

В те времена в Новом Орлеане практически не было торговых домов, которые специализировались на определенных группах товаров. Покупали и продавали все, что могло принести прибыль: сахар-сырец, табак, хлопок с плантаций Луизианы и Миссисипи, кукурузу и пшеницу из Огайо, Индианы и Теннесси, виски и окорока из Кентукки, пушнину, которую доставляли из Западных территорий; ткани и промышленные товары из Англии и Голландии, вина и парфюмерию из Франции и Италии и, конечно, крупные и мелкие партии рабов.

Американская исследовательница Джоан Стил в своей книге утверждает, что Майн Рид оставил должность после того, как отказался наказывать рабов, препорученных ему для продажи на одном из аукционов. Эту версию активно поддерживали и советские биографы писателя. К сожалению, данное утверждение не находит подтверждения. Да и едва ли оно могло соответствовать действительности. Комиссионер лишь выставлял товар на продажу, следил за ходом торгов и за тем, чтобы документы купли-продажи были оформлены верно. Наказание рабов не могло входить в его компетенцию — для этого существовали специальные люди — надсмотрщики (как правило, они — во всяком случае, со стороны продавца — обычно находились тут же — на месте совершения сделки). Для него как для комиссионера рабы были таким же товаром, как, например, кипы хлопка, ящики табака, копченые окорока, бочки с солониной или бренди. В то же время описание продажи рабов с плантации Безансонов в «Квартеронке», подготовки и самого процесса торгов доказывает, что автор не только наблюдал, но и

сам (и, скорее всего, неоднократно) принимал участие в этой процедуре. Другое дело, что Майн Рид не мог относиться равнодушно к позорному действу.

Впрочем, как показывает внимательное прочтение этого и других «американских» романов писателя, его отношение к рабству как институту не было столь уж однозначным. Он, безусловно, порицал его, искренне сочувствуя «человеку с черной кожей, имевшему несчастье родиться в США», и полагал такое положение позорным для свободной страны.

«Чем мы можем восхищаться здесь, — восклицал он, — на полях Юга, покрытых золотистым сахарным тростником, султанами кукурузы и белоснежным хлопком? Чем восторгаться в этих прекрасных домах, окруженных оранжереями, среди цветущих садов, тенистых деревьев и тихих беседок? Все это создано потом и кровью рабов!» «Черный человек здесь раб, — продолжал он, — и три миллиона людей его племени находятся в таком положении. Мучительная мысль! Но горечь ее смягчает сознание, что в этой обширной стране все же живет двадцать миллионов свободных и независимых людей. Три миллиона рабов на двадцать миллионов господ!» Майн Рид утверждал, что рабство в современной ему Америке — зло и позор для демократического государства, но допускал мысль, что доброе и ответственное отношение белых господ к людям с черным цветом кожи (подобное, например, тому, что имело место быть на плантации Безансонов) способно стать спасительным компромиссом при современном положении вещей.

Очевидно, что он был довольно далек от набиравшего тогда в Америке силу аболиционизма — движения за отмену рабства в США. Его отношение к положению американских негров было весьма далеким от радикализма. Он порицал рабство, впрочем, как любой либерально мыслящий человек своего времени. И, как любой либерал, к чернокожим невольникам Майн Рид относился вполне патерналистски: в его романах мы не встретим негра, чей интеллектуальный уровень можно было уравнять с интеллектом белого — даже «самого плохого» белого. Для писателя, как и для подавляющего большинства его современников, превосходство белой расы над чернокожими (краснокожими, желтолицыми) очевидно и не подлежит обсуждению. Оно присутствует *a priori*.

В его романах негры как дети — добрые, наивные и совершенно неприспособленные к жизни в современном цивилизованном обществе — настоящие «дети природы». Они нуждаются в постоянной опеке, заботе и мудром, благожелательном руководстве. Они навлекут на себя только горе и несчастья, если окажутся предоставленными сами себе. Такое

восприятие человека с темным цветом кожи было вполне обычным в то время. Даже писатели-аболиционисты — та же Гарриет Бичер-Стоу в знаменитой «Хижине дяди Тома»[8] — воспринимали американского негра-раба примерно в том же русле. Единственное, что необходимо американскому рабу по-настоящему — заботливые «отец» или «мать». К тому же в одном из романов, написанном через несколько лет после завершения Гражданской войны в США, Майн Рид вспоминал, что «среди плантаторов нередко встречались и те, кто обращались со своими невольниками человечно и даже баловали их. Если же большая часть плантаторов и отличалась жестокостью, то вовсе не в силу природного бессердечия или злобы, а вследствие дурного воспитания и глубоко укоренившегося мнения, что с неграми необходимо обращаться как можно жестче; следует принять во внимание и сильно укоренившийся взгляд о превосходстве белой расы над остальными».

Поэтому, если бы его либеральное сердце действительно так ранили сделки по купле-продаже невольников, он мог покинуть Юг и перебраться на свободный от невольничьих аукционов Север страны. Следовательно, едва ли институт рабства и связанные с ним эксцессы могли стать подлинной причиной, по которой будущий писатель оставил место комиссионера в торговом доме. Тем не менее они были. Но носили главным образом социально-экономический характер. Социальный, потому что его не удовлетворял собственный общественный статус. Он, человек с редким в то время в Америке высшим (тем более европейским!) образованием, занимал неподобающее место и подвизался в профессии, не вызывающей безоговорочного общественного одобрения. Да и платили ему по местным меркам совсем немного. К тому же это место было временным, и он это понимал отчетливо. Дело в том, что летом почти вся деловая активность в городе замирала — значительная часть состоятельных горожан покидала Новый Орлеан, устремляясь на север.

Эта временная — но довольно массовая миграция — была обусловлена расположением города и особенностями местного климата. Новый Орлеан, как известно, находится в дельте Миссисипи и со всех сторон окружен огромными болотами и водоемами. Летом температура повышается и достигает порой 40 градусов по Цельсию. Это повышение происходит на фоне обычной для этих мест стопроцентной влажности воздуха. В городе становится невыносимо жарко и душно — как в бане.

Но не это заставляло жителей покидать город, а угроза желтой лихорадки. Эту болезнь переносили москиты, для жизни и размножения которых окрестные болота, жара и влажность

создавали идеальные условия. Желтая лихорадка, которую местные обитатели мрачно-шутливо окрестили «Желтый Джек», — тяжелое инфекционное заболевание. Бороться с ней тогда еще не научились, и поэтому она ежегодно уносила множество человеческих жизней. «Желтый Джек» обычно приходил летом — в середине — во второй половине июня.

Вот как описывал начало «мертвого сезона» в городе Майн Рид: «Наступила середина июня, стояла изнурительная жара, и с каждым днем ртуть в градуснике поднималась все выше. Температура доходила до 100 градусов по Фаренгейту. Через неделю-другую можно было ожидать ежегодного, хотя и нежеланного, гостя, по прозвищу «Желтый Джек», которого одинаково боялись и старый и малый. Страх перед желтой лихорадкой выгонял все высшее общество из Нового Орлеана, и оно, подобно перелетным птицам, устремлялось на север». К этому времени город пустел: закрывались кафе, рестораны и театры, прекращало работу большинство магазинов, не проводились торговые аукционы, сворачивали свою деятельность торговые дома и посреднические фирмы. Те, кто мог позволить себе несколько месяцев ничего не делать, уезжали в Мемфис, Сент-Луис или поближе, но туда, где можно было не бояться заболеть малярией. Деловые люди позволить себе подобную роскошь не могли и перебирались в Натчез — в те годы именно этот город на летние месяцы превращался в торгово-экономическую столицу Юга. «Я не храбрее других, — утверждал Эдвард Рутерфорд, герой романа «Квартеронка». — У меня не было никакого желания познакомиться с этим страшным болотным дьяволом, и я считал, что мне тоже лучше убраться подобру-поздорову. Для этого стоило только сесть на пароход и отправиться вверх по течению, в один из городов, куда не проникает тропическая лихорадка». В отличие от Рутерфорда, Майн Рида из Нового Орлеана вынуждала уехать не столько тропическая малярия (хотя и это обстоятельство, безусловно, сыграло свою роль), сколько необходимость думать о хлебе насущном.

Вверх по Миссисипи

Натчез находится примерно в 300 километрах от Нового Орлеана вверх по течению Миссисипи. Он расположен в очень живописном месте на восточном берегу реки и стоит на возвышенности. Это очень здоровое место — болот в округе нет, и «Желтый Джек» сюда не жалует. Хотя город находится на территории штата Миссисипи (он даже был столицей штата до

1822 года), его облюбовали богатые плантаторы Луизианы: они покупали здесь участки, строили резиденции и проводили в них летние месяцы. Сюда же на это время перемещался и центр деловой активности: здесь торговали теми же товарами, что и в Новом Орлеане, к тому же до начала Гражданской войны между Севером и Югом Натчез считался одним из крупнейших центров работорговли. На летние месяцы в городе открывались рестораны, магазины, театры и многочисленные казино.

Как и многое в событиях личной истории Майн Рида, точная дата его приезда в Натчез неизвестна. Однако с большой долей вероятности можно утверждать, что произошло это в начале — второй половине апреля 1840 года. Какие основания позволяют сделать это? Их два. Первое. Известно, что в 1840-м Майн Рид принял участие в торговой экспедиции в Новую Мексику. Неизменным отправным пунктом торговых и переселенческих караванов, продвигавшихся на Дикий Запад (на северо-запад — в Орегон и Британскую Колумбию; на юго-запад — в Новую Мексику и мексиканскую Калифорнию), в то время был город Сент-Луис, расположенный при впадении Миссури в Миссисипи. На Запад караваны всегда отправлялись в одно и то же время: в конце апреля — в мае. Это давало возможность путешественникам иметь в пути достаточное количество корма для животных и миновать прерии до начала сухого сезона, а тем, кто собирался вернуться, сделать это до наступления снежной зимы. Второе. 7 мая 1840 года над городом и окрестностями пронесся торнадо — ураган ужасающей силы. Он принес большие жертвы: погибли более трехсот человек. Хотя основная часть погибших находилась на кораблях, скопившихся в акватории (большинство из них составляли суда с товарами, ожидавшие разгрузки), сам город получил серьезные разрушения и многие здания были изрядно повреждены. Ни в воспоминаниях вдовы писателя, ни в произведениях Рида — нигде не упоминается об этом событии. Если бы писатель был свидетелем разрушительного катаклизма, который вошел в анналы американской национальной истории, — это впечатление обязательно бы «всплыло». Следовательно, 7 мая в Натчезе его уже не было. Тем не менее это, пусть и краткое, пребывание в городе оказалось важным этапом в судьбе будущего писателя.

Майн Рид появился в городе до начала летнего «сезона». Была своя логика в том, что он приехал сюда загодя: у него оставалось время осмотреться и выбрать занятие по вкусу. Он ехал сюда в надежде добиться больше того, что имел в Новом Орлеане, — например, получить место домашнего учителя в богатом плантаторском семействе или стать секретарем крупного

политика. Последнее намерение не было лишено оснований: Натчез связан с именами крупных политических деятелей Америки XIX века: в свое время здесь жили Аарон Бэрр, Генри Клей, Эндрю Джексон, Закария Тейлор[9] и много других политиков рангом поменьше. И до и после пребывания здесь молодого Рида Натчез был богатым городом, и здесь жили богатые люди. Однако заполучить то, на что он рассчитывал, ему не удалось. Но он не отчаялся и согласился на то место, которое не могло унизить его достоинство. Это была должность продавца в большом магазине, торговавшем самыми разнообразными товарами. Позднее писатель вспоминал, что справлялся со своими обязанностями весьма успешно — покупатели и владельцы его хвалили. Естественно, он не собирался оставаться в торговле надолго и не задумывался, сколько времени проживет в городе. Как это часто бывает, в его жизнь вновь вмешался случай.

Среди клиентов магазина значительную часть составляли торговцы. Через магазин, в котором работал Рид, они реализовывали свои товары, закупали необходимые припасы и амуницию. Натчез расположен неподалеку от впадения в Миссисипи Красной реки — важной транспортной и торговой артерии, связывающей с южной Луизианой ее северо-западную часть, а также и более отдаленные районы — северо-восток Техаса, Оклахому, Канзас. Поэтому основную часть торговцев составляли обитатели этих территорий. Но среди них были и те, кто отправлялся еще дальше: сначала вверх по Миссисипи до Сент-Луиса, а затем с торговыми или охотничьими экспедициями на Запад по «Орегонской Тропе» в Орегон и Британскую Колумбию или по «Тропе Санта-Фе» в Новую Мексику и южную Калифорнию. Читая романы Майн Рида, нетрудно заметить, что в восприятии современников эти люди — в высоких сапогах, в куртках и штанах из оленьей кожи, с загорелыми, обветренными лицами, богатые, энергичные и успешные — были окружены романтическим ореолом.

Майн Рид написал несколько романов, в которых отразились его собственные впечатления об экспедиции на Запад. Конечно, любой роман — вымысел, но это вымысел, в основании которого неизбежно лежит реальный опыт автора. Иначе роман лишается главного — художественной убедительности. Внимательное чтение этих текстов — естественно, с неизбежной поправкой на действительные обстоятельства и известные нам факты — помогает с достоверностью реконструировать и обстоятельства личной истории писателя.

В романе «Охотники за скальпами» — одном из ранних

произведений (1851) — описывается путешествие в Новую Мексику с караваном торговцев. Главный герой романа, молодой ветеран американо-мексиканской войны, отставной капитан Галлер — один из «сквозных» героев писателя: он выступает в качестве главного действующего лица также в романах «Вольные стрелки» (1850) и «Жилище в пустыне» (1852). Учитывая военный опыт писателя, его капитанство, нетрудно установить автобиографический характер этого образа. В связи с этим и действие романа отнесено к послевоенной поре — к концу 1840-х — началу 1850-х годов. В реальности путешествие Рида относится к 1840 году. В романе есть сцена, в которой Галлер знакомится с торговцами. Вот она: «Одновременно с Галлером приехало в Сент-Луис и остановилось в той же гостинице небольшое общество джентльменов, — по-видимому, хорошо знакомых друг с другом и находившихся в приятельских отношениях. Они вместе бродили по улицам города, сидели рядом за табльдотом и, как заметил Галлер, требовали самых тонких вин и самых дорогих сигар, какие только можно достать в гостинице. Маленькое общество приковало внимание Галлера. Ему бросились в глаза и своеобразное их поведение, и их непринужденность, свободные манеры, и юношеская веселость, столь характерно отличающая уроженцев Западной Америки. Обращало на себя внимание еще и то, что все они были почти одинаково одеты и очень похожи друг на друга. Все они носили длинные волнистые волосы до плеч, а на некоторых были отложные воротнички, обнажавшие здоровые загорелые шеи». Галлер выясняет, что это «степные купцы — торговцы из Санта-Фе». У него есть рекомендательное письмо к одному из них, он знакомится с ними и просит принять в компанию. В романе у Галлера есть 10 тысяч долларов. Это превращает его в полноценного участника экспедиции — позволяет закупить товары, амуницию, купить, снарядить и нагрузить товарами фургон, нанять возницу и помощников и отправиться в экспедицию вместе со своими соратниками.

В реальности знакомство Рида со «степными купцами», скорее всего, произошло в Натчезе. У него, конечно, не могло быть никаких рекомендательных писем к кому-либо из них. Возможно, он действительно жил с ними в одной гостинице, но, скорее всего, личное знакомство произошло в магазине. Конечно, Рид не мог обладать столь существенной суммой, как у Галлера. Безусловно, какие-то накопления у него были, но они не могли превратить его в полноценного партнера торговцев: достаточным количеством денег для этого он не располагал и занять их ни у кого не мог. Как бы там ни было, услышанные им рассказы, облик торговцев, их богатство и, наконец, внешний их вид, их костюмы

(к элегантным нарядам, как известно, Рид всегда был неравнодушен!) не могли не воспламенить воображение молодого человека, заставили его сняться с места и отправиться в Сент-Луис.

Можно только предполагать, была у него какая-то конкретная договоренность со «степными купцами» или ее не было и он доверился только рассказам. Но (и это необходимо учесть!) предыдущая его история показывает, что, принимая решения, молодой Рид не полагался «на авось», был человеком отнюдь не импульсивным, но, напротив, довольно трезвым и рассудочным. Следовательно, какая-то договоренность с торговцами у него, скорее всего, все-таки была.

Джоан Стил, ссылаясь на неопубликованную рукопись воспоминаний Хелен Кроми, племянницы писателя, утверждает, что в Натчезе он познакомился с легендарным Уильямом Гурье. Если это было так, то данное знакомство действительно могло подвигнуть молодого человека отправиться в экспедицию. В истории освоения Дальнего Запада американец французского происхождения У. Гурье (*Guerrier*) более известен под именем Билл Гэри. Этот человек принадлежал к племени пионеров — первопроходцев Запада. Он жил охотой и за годы странствий по лесам и прериям накопил немало сведений не только о повадках животных и способах охоты на них, но свел знакомство с индейцами и превратился в знатока «свободных территорий» Запада. Его нередко нанимали в качестве проводника как государственные учреждения (в частности, военные), так и частные коммерческие предприятия. Он был одним из тех, кто прокладывал знаменитые «Орегонскую Тропу» и «Тропу Санта-Фе». В его личной истории нет сведений о пребывании в Натчезе — его «вотчиной» была северо-западная часть «свободных территорий», и если его и можно было увидеть, то скорее в Миссури — в Сент-Луисе или Индепенденсе, нежели в Натчезе. Но теоретически он мог попасть туда, — например, возвращаясь по территории Техаса, а затем вниз по реке Ред-Ривер из экспедиции в Санта-Фе. Весьма интересным и плодотворным в этом смысле представляется тот факт, что Билл Гэри (как литературный персонаж) появляется на страницах «Охотников за скальпами» — романа, посвященного путешествию по «Тропе Санта-Фе».

Как бы там ни было, Майн Рид отправляется в Сент-Луис с совершенно конкретной целью — стать участником торговой экспедиции в Новую Мексику и добраться до Санта-Фе.

В те годы из Натчеза в Сент-Луис можно было попасть только одним способом: сесть на пароход и проплыть вверх по реке без

малого две тысячи километров — то есть совершить очень длительное путешествие. В романах писателя его герои постоянно путешествуют на пароходах. Меняются названия судов, их размеры, маршруты путешествий и времена года, пристани и порты отправления и прибытия, но почти всегда его герои плывут по Миссисипи. В этом нет ничего удивительного. Позднее — в 1850–1870-е годы Рид плавал по рекам и озерам, ходил по морям на самых разных паровых судах, но первое его знакомство с этим удивительным видом транспорта произошло на Миссисипи в 1840 году. Нескрываемое восхищение сквозит в его описаниях миссисипских пароходов, и оно вполне объяснимо. Живя в Англии, он не только никогда не поднимался на палубу парохода, но, скорее всего, ни одного из них и не видел воочию — ведь первый парусно-пассажирский корабль («Грейт Вестерн») был построен и совершил свой первый переход из Англии в США всего лишь за год до отъезда Рида из Северной Ирландии — в 1838 году.

Очутившись в Америке, оказавшись впервые на борту парохода, он был поражен — и воспринял это средство передвижения (в отличие от Англии, уже широко распространенное в США) как очевидное свидетельство торжества прогресса и американской цивилизации. Поэтому совершенно не случайно в своих романах он так подробно описывает миссисипские пароходы. Например, он пишет: «Пароходы, плавающие по Миссисипи и ее притокам — чисто речные пароходы, они не могут выходить в открытое море. Корпус у них построен так же, как и у морских судов, но значительно отличается глубиной трюма. У этих судов такая мелкая осадка, что остается очень мало места для груза, а палуба поднимается всего на несколько дюймов над ватерлинией. Когда же судно тяжело загружено, вода доходит до самого фальшборта. Машинное отделение находится на нижней палубе; там же установлены и большие чугунные паровые котлы с широкими топками. Там же из-за тесноты трюма размещают и большую часть груза; по всей палубе вокруг машин и котлов навалены кипы хлопка, бочки с табаком и мешки с зерном». Он не инженер, поэтому его восхищают не только техника и механизмы, но — явно еще больше — «обитаемая» часть судна. Вот он описывает надстройку корабля: «Представьте себе двухэтажный дом длиною около двухсот футов, выкрашенный в ослепительно белый цвет; представьте вдоль второго этажа ряд окошек с зелеными переплетами, или, вернее, дверей, открывающихся на узкий балкон; представьте себе плоскую или полукруглую крышу, покрытую просмоленным брезентом, а на ней ряд люков для

верхнего света, словно стекла в парнике; представьте себе два огромных черных цилиндра из листового железа, каждый десяти футов в диаметре и чуть ли не ста футов высотой, возвышающихся, как башни, — это дымовые трубы парохода; сбоку — цилиндр поменьше, или труба для выпускания пара, а впереди, на самом носу корабля, длинный флагшток с развевающимся флагом». Он поражен интерьерами и внутренней отделкой. «Войдите внутрь, — приглашает он читателя и утверждает, — в первую минуту вас поразит неожиданное зрелище. Вы увидите роскошный салон длиной около ста футов, украшенный богатыми коврами и красиво обставленный. Вы отметите изящество обстановки, дорогие кресла, диваны, столы и кушетки; красоту расписанных и отделанных позолотой стен; хрустальные люстры, спускающиеся с потолка; по обеим сторонам салона десятки дверей, ведущих в отдельные каюты, и громадные раздвижные двери из цветного или узорчатого стекла, за которыми находится запретное святилище — дамский салон. Короче говоря, вы увидите вокруг богатство и роскошь, к которым вы совершенно не привыкли, путешествуя по Европе. Вы только читали о подобной обстановке в какой-нибудь волшебной сказке или в «Тысяче и одной ночи»».

Стоит отметить, что цены на билеты не были слишком велики и путешествие на пароходе мог позволить себе любой работающий американец. Причина этого кроется, прежде всего, в огромной конкуренции как между пароходными компаниями, так и отдельными судами. Американский ученый У. Файерти, изучавший историю развития пароходного транспорта на Миссисипи, свидетельствует, что, например, в 1841 году только в Сент-Луисе было зарегистрировано 186 пароходов. В течение года они совершили 1928 рейсов и перевезли в совокупности 263 681 тонну грузов. Можно представить сколько было перевезено пассажиров! При этом необходимо помнить, что по всем этим показателям Сент-Луис занимал вторую строчку в рейтинге, а первое место принадлежало Новому Орлеану.

Специализированных пароходов — исключительно грузовых или пассажирских — тогда еще не существовало, и они перевозили все: и людей, и грузы. Характер груза зависел от того, вверх или вниз по течению шел корабль (вверх везли главным образом европейские товары). На палубе располагалась и часть пассажиров — беднейшая часть. Как замечает Рид, среди последних «вы никогда не увидите американцев. Некоторые пассажиры — ирландские поденщики, другие — бедные немецкие эмигранты, направляющиеся на отдаленный Северо-Запад, а в основном — негры, иногда свободные, а чаще всего рабы». На

близкие расстояния — в сотню-другую миль — среди мужчин не было принято занимать каюту: время коротали за сигарой и напитками в креслах под тентом на открытой палубе в носовой части корабля или за карточным столом в салоне.

Первый раз на палубу речного парохода Майн Рид ступил, как уже сообщалось, в апреле 1840 года, он плыл из Нового Орлеана в Натчез, и его первое путешествие длилось недолго. Теперь ему предстоял значительно более длительный вояж — его путь лежал в Сент-Луис. История не сохранила ни названия судна, ни его тоннаж и размеры. Впрочем, это не особенно важно, поскольку при существовавшем тогда уровне развития техники и технологий конструкции миссисипских пароходов не слишком различались. Уровень комфорта судов, перевозивших пассажиров, был примерно одинаков, не отличались они и скоростью хода. Неторопливое движение вверх и вниз по реке замедляли поломки паровой машины и механизмов — ненадежная техника того времени нередко давала сбои. Мешали и мели, коих наблюдалось великое изобилие в нижнем и среднем течении широкой, но мелководной и очень своенравной реки.

Естественно, что ни о каком регулярном расписании движения судов не могло быть и речи. Не существовало и практики предварительной покупки билетов. Об условиях и стоимости проезда (единые тарифы отсутствовали, стоимость услуг по перевозке определялась складывавшейся на данный момент конъюнктурой) потенциальные пассажиры должны были договариваться непосредственно по приходу судна с помощником капитана или даже (что случалось нередко) с самим капитаном. Решившие плыть на пароходе были вынуждены ждать (в лучшем случае — часами, чаще — днями) на пристани или в гостинице поблизости. Длительность стоянки корабля тоже никак не регламентировалась и зависела от количества принимаемого (или разгружаемого) груза и пассажиров. Не было уверенности и в том, что идущий сверху или снизу пароход обязательно причалит. Если с корабля никто не сходил на этой конкретной пристани, а на борту было достаточно груза и пассажиров, капитан мог запросто пройти мимо, несмотря на отчаянные призывы желающих уехать.

Эти реалии пароходного сообщения по Миссисипи нашли отражение на страницах романов писателя. Неизвестно, как долго пришлось ждать Риду парохода в Натчезе, чтобы отправиться в Сент-Луис. Но едва ли это ожидание было долгим, поскольку в городе начинался «летний» торговый сезон и корабли постоянно подвозили все новые и новые партии товаров из Нового Орлеана, Сент-Луиса, из других мест, разгружались и спешили за новым

грузом. Майн Рид торопился: в конце апреля — в начале мая традиционно стартовало большинство экспедиций на Дальний Запад. Но путь по Миссисипи до Сент-Луиса на так называемом первоклассном пароходе даже в самом лучшем случае занимал не меньше десяти-двенадцати дней. И это при условии, что корабль не сядет основательно на мель, не случится поломки машины или механизмов и не будет продолжительных стоянок по пути следования.

Вообще само плавание на пароходе до Сент-Луиса — весьма скучное занятие. В начале мая Миссисипи еще довольно полноводна. В нижнем и среднем течении она разливается очень широко (ее ширина может достигать 20 километров), но и в это время года мели подстерегают капитана судна, опасность представляют (особенно для тех, кто плывет вверх по течению) и топляки — полузатопленные деревья — их несет течение, поэтому пароход движется не слишком быстро. Воды реки мутные, бурые. Корабль в основном идет довольно далеко от берега, поэтому пассажиры лишены возможности любоваться проплывающими мимо живописными ландшафтами.

Как коротали время в пути пассажиры? Об основных способах времяпрепровождения — картах, напитках, прогулках и полудреме в шезлонгах на открытой носовой части — мы уже упомянули. Не было сказано еще об одном — совершенно американском «развлечении», которое Рид очень порицал — как изустно, так и на страницах своих романов. Речь идет о гонках пароходов. Если читатель помнит, одну из таких гонок — между так называемыми «первоклассными» пароходами «Красавица Запада» и «Магнолия» — он описал в романе «Квартеронка» как совершенно типичное для судоходства на Миссисипи явление. Рид объясняет это соперничество чисто экономическими причинами — оно было выгодно для судовладельцев и капитанов. «Победившее судно завоевывает себе популярность среди публики, — утверждает он. — Самый быстроходный пароход становится и самым модным, и хозяин может быть уверен, что списки его пассажиров будут всегда заполнены, несмотря на высокую плату за проезд, ибо у американцев есть такая слабость: они готовы истратить последний доллар, лишь бы потом говорить, что путешествовал на самом фешенебельном пароходе». Но многих пассажиров привлекало не только само зрелище и возбуждение спортивного азарта, но и азарт совсем иного рода — возможность заработать, сделав ставку на одного из соперников. «Я заметил, — пишет Рид, — что большинство держит денежные пари. Сознаюсь, в ту минуту я предавался довольно грустным размышлениям. Я пускался в плавание, и мне вспомнились

многочисленные рассказы про взорванные котлы, пробоины в корпусах и судовые пожары. Я слышал, что гонки нередко приводят к подобным катастрофам, и у меня были основания верить этим рассказам».

Как, вероятно, помнит читатель, соревнование между «Красавицей Запада» и «Магнолией» привело именно к такому итогу — взрыву машины, гибели парохода и множества людей. Плачевный результат, описанный Ридом, не принадлежал к числу событий экстраординарных. Напротив, он был довольно типичен. Взрывы и пожары на миссисипских пароходах случались довольно часто: в иной год счет катастрофам шел на десятки, а жертвы исчислялись сотнями. Судя по всему, писателю неоднократно приходилось быть свидетелем подобных состязаний. Вероятно, и тот пароход, на котором он плыл в Сент-Луис, участвовал в какой-нибудь гонке. Но для Рида его плавание закончилось успешно — корабль не взорвался, не сгорел, не утонул, а благополучно доставил своих пассажиров в порт назначения.

По «тропе Санта-Фе»

Точная дата прибытия будущего писателя в Сент-Луис неизвестна, но, учитывая расстояние от Натчеза и скорость пароходов того времени, едва ли это могло произойти раньше второй недели мая 1840 года.

Тогда Сент-Луис был относительно небольшим (его население в 1840 году составляло чуть больше 20 тысяч), в основном деревянным, довольно хаотично застроенным, но стремительно развивавшимся городом: в 1850-м здесь постоянно проживало уже около 80 тысяч жителей, а в 1860 году — почти 170 тысяч. Интенсивному развитию Сент-Луиса способствовало его местоположение: он находится в устье второй по величине и значению американской реки Миссури и примерно посередине Миссисипи. Уже это превращало его в важнейший центр внутренней торговли и речного судоходства. Не менее важным было и то обстоятельство, что в первой половине XIX века город являлся форпостом американской экспансии на Запад — своеобразными широко распахнутыми «Воротами на Запад» бурно развивающейся страны. Сент-Луис довольно долгое время был самым западным из американских городов. Великие Равнины, неконтролируемые правительством США и не заселенные американцами, начинались всего в нескольких десятках миль от городских окраин. Неосвоенные территории простирались отсюда на многие тысячи километров до самого Тихого океана. Здесь в первой половине XIX века формировались и отсюда отправлялись

все без исключения (особенно многочисленные в 1830–1840-е годы) торговые, военные, научные и переселенческие экспедиции на северо-запад, запад и юго-запад. Здесь был пункт сбора и того торгового предприятия, в котором предполагал принять участие молодой эмигрант из Северной Ирландии.

Караван Рида направлялся на юго-запад в город Санта-Фе, торговый и административный центр мексиканской провинции Новая Мексика. В 1848 году в результате американо-мексиканской войны и город, и вся огромная территория Новой Мексики перейдет под юрисдикцию США, но тогда это еще была территория Мексики и торговля с ней была для американцев очень выгодным делом.

Караванную тропу в Санта-Фе проложили в 1821 году. Первым по ней прошел знаменитый первопроходец и удачливый торговец У. Бэкнелл (*Beckneil*, 1787–1856). До провозглашения Мексики республикой (1821) испанцы запрещали торговать с США. Бэкнелл загрузил несколько фургонов мануфактурой, отвез и продал ее в Санта-Фе. Он утверждал, что выручил в 20 раз больше против того, что вложил в товар в Сент-Луисе. Мексиканцы платили золотом, серебром и пушниной. По пути, проложенному Бэкнеллом, устремились другие торговцы. Как утверждает статистика, в начале 1840-х годов по «Тропе Санта-Фе» ежегодно перемещалось до пяти тысяч фургонов, а торговый оборот составлял несколько миллионов долларов. Конечно, постепенно доходность предприятия падала, но в романе «Охотники за скальпами», фоном для которого является подобная торговая экспедиция, Рид утверждает, что торговцы «удваивают и учетверяют свой капитал», — то есть доход от торговой операции составлял от 200 до 400 процентов, и у нас нет оснований не доверять ему.

В каком качестве Майн Рид мог отправиться в Санта-Фе? Казалось бы, это не очень важно. Но на самом деле — вопрос не праздный. От ответа на него в определенной мере зависит адекватность наших представлений о личности романиста. Что им двигало, когда он отправлялся в это долгое и рискованное предприятие? Вдова Рида утверждала, что мужа во всех его путешествиях влекла исключительно романтика приключений. Утверждение это возникло, безусловно, с подачи самого писателя, который на протяжении всей жизни сознательно формировал собственный образ как образ романтический — человека отважного и бескорыстного — настоящего рыцаря в поисках приключений. В свое время он утверждал, что именно романтика странствий увлекла его в Америку. Как мы видим, это было не совсем так — у себя на родине он не смог обрести достойного

положения и, прежде всего, поэтому отважился на эмиграцию. Этим же стремлением был продиктован выбор в пользу именно Соединенных Штатов, а не, например, Канады; Нового Орлеана, а не Нью-Йорка; переезд в Натчез, а затем и отъезд оттуда в Сент-Луис.

Повторим, Майн Рид не мог отправиться со «степными торговцами» в качестве полноценного компаньона — у него для этого не было достаточно денег. Естественно, он не мог быть проводником, он не умел управлять волами, запряженными в фургоны с товарами, и, конечно, не стал бы наниматься поваром или разнорабочим. Но он умел хорошо держаться в седле, отлично стрелял и обладал кое-какими охотничьими навыками. И это было немало.

Торговые караваны отличались от переселенческих. И у тех и у других дорога была очень долгой, дальней и опасной. Но если последние были многолюдны и поэтому могли постоять за себя в стычках с индейцами и мексиканскими бандитами, то торговые «поезда» нуждались в тех, кто помог бы успешно противостоять опасностям. Хотя в связи с этими угрозами конгресс США еще в 1825 году принял закон, согласно которому торговые караваны должны передвигаться в сопровождении боевого охранения регулярных войск, на практике лишь небольшая часть (обычно самые крупные из них) двигалась по «Тропе Санта-Фе» в сопровождении солдат. Войск на всех не хватало, и большинство вынуждены были самостоятельно заботиться о своей безопасности. Поэтому в качестве охранника Майн Рид с его навыками мог весьма пригодиться. Но его служба не была вульгарным наемничеством. Наемники опасны: вооруженные люди, спаянные материальным интересом, легко могут из наемных работников превратиться в хозяев. Поэтому «степные купцы» нанимали не группу, а лишь отдельных, подходящих для них людей и давали им товарный кредит — не очень большой, но достаточный, чтобы эти люди были кровно заинтересованы в успешном окончании торгового предприятия. Среди огромной — тянувшейся нередко на несколько сот метров — вереницы фургонов находился и фургон, часть груза в котором принадлежала «младшему компаньону», а по сути — охраннику. И он был кровно заинтересован в том, чтобы груз был доставлен в целости и сохранности и с максимальной выгодой продан в Санта-Фе. Конечно, Рид был человеком любознательным. Нельзя забывать и о том, что он совсем молод: накануне, в апреле, ему только исполнилось 22 года. Безусловно, он хотел увидеть новое и познать неизведанное, но тогда — в 1840 году — главным стимулом в его решении отправиться в торговую экспедицию был

все-таки экономический расчет.

Когда он прибыл в Сент-Луис, у него осталось совсем немного времени (подавляющее большинство караванов уходило на Запад до конца мая) на сборы. Но поскольку он имел предварительную договоренность, у него не было необходимости покупать фургон, животных, товары и припасы — обо всем этом позаботились «степные торговцы» — хозяева каравана, работодатели.

Караван, с которым он отправлялся через Великие Равнины, принадлежал фирме под названием «Бент, Сент-Врэн и К⁰». На рубеже 1830–1840-х годов это было самое крупное предприятие, осуществлявшее торговлю с Новой Мексикой. В одном из романов Рид дает описание владельцев фирмы. Наверняка он видел их. Можно предположить, что он был даже лично знаком с Биллом Бентом или Чарлзом (настоящее имя Серэн. — *А. Т.)* де Сент-Врэном, на паях владевшими компанией. Вполне вероятно, что именно здесь он свел знакомство и с упоминавшимся прежде Биллом Гэри — в 1830-е — начале 1840-х годов тот в качестве проводника активно сотрудничал с компанией и его можно было нередко видеть в Индепенденсе или в Сент-Луисе, где располагалась контора фирмы. В таком случае понятно, почему Рид отправился в Санта-Фе именно с их караваном и был уверен в коммерческой выгоде этого предприятия.

Покупка одежды и необходимой амуниции отняла у Рида совсем немного времени. В романе «Охотники за скальпами» он подробно описывает костюмы и экипировку своего героя и других участников экспедиции. Его описания дают исчерпывающее представление об обычном внешнем облике «степных торговцев». Он пишет: «Все были одеты в охотничьи куртки из дубленой оленьей кожи желтого цвета; на ногах были надеты темные рейтузы и тяжелые сапоги с массивными медными шпорами. Пестрая полотняная рубашка, шелковый галстук и непромокаемая шляпа довершали костюм, при котором каждому обязательно было иметь еще по два одеяла под седлом». Каждый участник каравана был хорошо вооружен. Вооружение, как замечает автор, было также почти одинаковое у всех. Например, у Галлера, героя романа, «было два больших револьвера, прикрепленных к недоуздку лошади, за кушаком еще два меньшего калибра, а через плечо висело превосходное ружье. Кроме того, у него был еще широкий, американской системы нож, который мог служить и оружием, и для еды, охотничья сумка и пороховница; последние две принадлежности висели у него на правом боку».

«Степные купцы» двигались верхами: кто-то ехал на мулах, большинство на мустангах, но у некоторых под седлом гарцевали

даже чистокровные арабские скакуны. Но главным в караване был груз. Его везли в фургонах, обычно запряженных волами. В зависимости от величины и типа фургона в упряжке могло быть четыре, шесть или даже восемь быков. Реже использовались мулы — они не столь выносливы, как волы. Фургонами управляли возницы — по одному человеку на фургон. Караван или, как тогда его обычно называли, «поезд» был окончательно сформирован и отправился в путь в последних числах мая.

Дорога до Санта-Фе была долгой. Предстояло преодолеть около 1300 километров по маршруту хотя и хорошо знакомому большинству участников экспедиции (некоторые из них проделывали его неоднократно), но от этого не менее трудному и порой весьма опасному.

Самым простым был первый этап пути — от Сент-Луиса до городка Индепенденс на южном берегу Миссури. Некоторые из торговцев проделывали этот отрезок по воде, поднимаясь вверх по Миссури — так экономились силы животных, но большинство из соображений экономии выбирали сухопутный маршрут — через городок Франклин к Индепенденсу, который расположен у самой границы, отделяющей штат Миссури от современного штата Канзас. За «околицей» Индепенденса заканчивалась «цивилизованная» часть страны и простиралась «свободная» территория, где не действовали американские законы. Здесь формально начиналась «Тропа Санта-Фе» и фактически самая трудная часть пути в Новую Мексику.

Впечатления от этого путешествия нашли отражение в целом ряде произведений писателя, в том числе в романах «Охотники за скальпами» (1851), «Жилище в пустыне» (1852), «Белый вождь» (1855), «В поисках белого бизона» (1853), «Тропа войны» (1857), «Голубой Дик» (1868), в нескольких рассказах. Полученный опыт отразился также и в романах, действие которых развивается в Техасе — «Приключения на границе» (1856) и в знаменитом «Всаднике без головы» (1865).

В одной из своих книг Рид, рассказывая о «Тропе Санта-Фе», называет ее «наезженной дорогой, ведущей в Санта-Фе». Он не слишком грешит против истины, потому что со времени «открытия» этого пути по нему прошли сотни, если не тысячи караванов. Но хотя дорога и была «наезженной», от этого она не становилась короче и безопаснее. На сотни километров вперед перед путниками простирались практически безлюдные пространства. Но не в том смысле, что они были совершенно необитаемы, а в том, что на Великих Равнинах тогда еще не было поселений белого человека. На них жили индейцы — шайенны, арапахо, кайова, апачи, команчи и другие племена, живописной

чередой проходящие через книги Рида. Именно там — в путешествии по «Тропе Санта-Фе» — будущий писатель познакомился с ними впервые.

Индейские земли начинались тогда на территории современного штата Канзас. Торговая экспедиция, участником которой был Рид, вступила на нее уже к концу первого дня своего путешествия. В романе «Охотники за скальпами» писатель говорит о небывалом энтузиазме — своеобразной «степной горячке», охватившей главного героя и всех участников экспедиции, едва они ступили на эти необжитые свободные земли. «Силы его росли, — описывал он состояние своего героя, — он испытывал особый душевный подъем, особую телесную бодрость и жажду деятельности, которых никогда еще в такой степени не чувствовал; всякая деятельность была ему радостна. Как будто быстрее и горячее струилась кровь в его жилах, как будто обострились все внешние чувства». Можно ли усомниться, что он описывал собственные эмоции, обуревавшие его поздней весной 1840 года? «Степная горячка! Воспоминание о ней сохранится еще на долгие годы в душе путешественника. Долго-долго после того, как перед глазами его перестанет расстилаться бесконечная равнина, пальцы его все еще будут сжиматься, как бы порываясь натянуть поводья, колени все еще будут стремиться сжать благородное тело коня, и все еще сохранится жажда скакать без цели по зеленым волнам степного моря…»

«Поезд» продвигался медленно — со скоростью едва ли большей, нежели скорость неторопливого пешехода. Вот как описывает его движение Майн Рид: «Длинный ряд повозок тянулся и извивался, немного похожий на колоссальную змею, то взбираясь на небольшие возвышенности и красиво выделяясь на матовом фоне зелени, то продвигаясь по роскошным речным долинам и делая крюки, чтобы отыскать брод и переправиться на другой берег». Передвигались днем, преодолевая в среднем по 20–25 километров ежедневно. Время от времени приходилось делать остановки, длившиеся нередко по нескольку часов — в пути случались поломки, фургоны застревали, приходилось сообща их вытаскивать, и тогда движение замедлялось. На ночь фургоны ставили кругом, загоняя внутрь быков, мулов и стреноженных лошадей. Обязательно назначали часовых, а в центре разводили костер, готовили пищу и вели разговоры, рассказывая друг другу о событиях, свидетелями которых были сами или о которых слышали. Рид пишет: «Необычайные, почти неимоверные рассказы, которые Галлер выслушивал на ночных привалах у костра, ошеломляли и восхищали его романтизмом

новой жизни». Нетрудно понять, что он передает собственные впечатления, очевидно, что они увлекали и восхищали будущего писателя не меньше, чем одного из его любимых литературных героев. Они насыщали память Рида впечатлениями, которые затем будут долгие годы питать его творческую фантазию, помогая создавать увлекательные коллизии.

В течение первых двух недель путешествия ничего экстраординарного не происходило. Была весна, лето еще не началось, и Великие Равнины утопали в роскошной в это время года густой зелени. Рид пишет: «Трава была превосходная, и мулы и быки не только не худели в пути, но с каждым днем еще и тучнели». Индейцы их совсем не беспокоили и даже ни разу не попались на глаза. Впрочем, индейцы-шайенны, обитавшие здесь, отличались миролюбием и вообще старательно избегали контактов с пришельцами-американцами. Лишь к концу второй недели путешествия они впервые увидели группу индейцев вдалеке: те были на лошадях и, видимо, наблюдали за их караваном, но не делали попыток приблизиться. Несколько дней затем то и дело вблизи каравана показывались большие или маленькие группы этих темнокожих воинов. Те, кто уже прежде ходил по «Тропе Санта-Фе», утверждали, что это индейцы-поуни, — поезд торговцев вступил на их территорию. В романе «Охотники за скальпами» Рид писал, что держаться на расстоянии индейцев «заставляли длинные ружья бледнолицых». Едва ли это справедливо по отношению к поуни: как и шайенны, они были довольно миролюбивы и так же, как их соседи, предпочитали не контактировать с бледнолицыми.

Через две недели караван вышел на берег реки Арканзас — самой серьезной водной преграды на пути к Санта-Фе. Некоторое время путешественники двигались вдоль нее вверх по течению, отыскивая место для переправы. Переправившись на другой берег полноводной реки, они вступили в другой мир: земли к югу от Арканзаса принадлежали воинственному племени команчей, которые нередко нападали на торговцев и переселенцев, грабили караваны, угоняли лошадей и скот.

Современные историки утверждают, что сведения о жестокости этих индейцев в действительности сильно преувеличены, и это подтверждает статистика: с начала сообщения по тропе до 1843 года индейцы убили всего лишь одиннадцать человек — граждан США. Наибольшие потери белые понесли в период войн с команчами (1864–1869): применительно к этому периоду времени речь действительно могла идти о десятках и даже сотнях погибших. Тем не менее слухи о зверствах индейцев уже тогда настойчиво циркулировали и широко

обсуждались в среде тех, кто осваивал Дальний Запад, и заставляли торговцев держаться настороже.

Изменились не только обстановка и атмосфера, изменилась и природа. Лето еще только начиналось, но, переправившись на западный берег Арканзаса, путники вступили в зону с засушливым, резко континентальным климатом. Летом здесь выпадало совсем мало дождей и потому травы были не такими густыми, как на востоке. Изменился и ландшафт: ровная, как стол, равнина уступила место предгорьям, тут и там вздымались холмы, из земли дыбились отвесные скалы, попадались каменистые осыпи. Здесь обитали и наиболее примечательные представители животного мира прерий — американские бизоны. Поголовье этих величественных существ, да и сам ареал их обитания уже тогда начали стремительно сокращаться: их хищнически уничтожали — не только белые, но и индейцы, для которых бизоны были основным пропитанием. «Степные торговцы» немедленно устроили охоту на животных. Хотя в «Охотниках за скальпами» она представлена весьма драматически, в реальности охота на великанов прерий для людей, вооруженных дальнобойным огнестрельным оружием, не таила особых опасностей. Вообще, герои романов Майн Рида убивают бизонов десятками, и в этом нет никакого преувеличения — так и было в действительности: бизонов убивали не потому, что нечего было есть, а потому, что это было легко и престижно — убить такого великана! Тем более ничем не рискуя.

В романах писателя охоте вообще уделено очень много места. У него есть даже «специальные» — «охотничьи» романы («Охотники на медведей», «Охотник на тигров», «Юные охотники», «Охота на левиафана» и т. п.). Есть романы, напрямую с охотой не связанные, но почти во всех охота занимает особое место. Не только потому, что писатель сам любил охотиться, но и потому, что в восприятии людей той эпохи охота считалась делом, достойным настоящего мужчины. Именно тогда — в первой половине XIX века — начали устраивать сафари. Они быстро вошли в моду, и богатые джентльмены организовывали специальные охотничьи экспедиции в экзотические страны с целью добыть необычных животных. Так что история с сыновьями российского барона Гродонова и их егерем, унтер-офицером с милой любому русскому сердцу фамилией Пушкин (роман «Охотники на медведей»), колесящими по миру и поставившими перед собой цель добыть шкуры всех разновидностей медведей, обитающих на Земле, была, конечно, преувеличением, но преувеличением в рамках достоверности.

Майн Рид любил охотиться с детского возраста. Под опекой

Хью Маллоя он стрелял водоплавающую дичь, зайцев и лис в окрестностях Баллирони в Северной Ирландии, а перебравшись в Америку, охотился на оленей и антилоп в Луизиане, ловил черепах и бобров и даже добывал аллигаторов в дельте реки Миссисипи. Но экспедиция по «Тропе Санта-Фе» знаменовала совершенно новый этап в его охотничьей карьере: никогда до той поры он не охотился с таким размахом, никогда прежде в прорезь его прицела не попадало такое множество самых разнообразных животных.

Откроем страницы романов, в которых нашли отражения впечатления от экспедиции в Новую Мексику. Мы увидим, что участники торгового каравана не только много охотились на разнообразных животных (от бизонов и антилоп до диких индюков и дикобразов), но что охота была, по сути, единственным развлечением «степных торговцев» и занимала значительное место в их каждодневном существовании на просторах Великих Равнин. И это занятие, как нетрудно заметить, очень нравилось Майн Риду: он не только со знанием дела, но и с видимым удовольствием описывает охоту на самых разных диких животных и птиц. Но современного читателя в романах писателя поразят, скорее, не приемы и сцены охоты на различных представителей фауны североамериканских прерий, а количество убиваемых охотниками животных. Хотя охота для «степных торговцев» была единственным способом пополнения съестных припасов в долгом пути, их охотничьи трофеи многократно превышали их потребности. В безумном количестве добываемой дичи нет преувеличения — настолько изобильна тогда была девственная природа Америки, животные многочисленны и не пуганы, а в охоте главным был не промысел, а спортивный азарт. Кладовые и ресурсы природы казались безграничными, а прагматичный романтизм эпохи не допускал ни малейших сомнений в естественном праве человека убивать столько животных, сколько ему заблагорассудится. Человек середины XIX века энергично открывал, покорял и обустраивал мир, он был его самоуверенным властелином, был глубоко убежден в собственной непогрешимости и в естественном праве пользоваться его дарами так, как ему представляется верным. Очевидно, что Майн Рид являлся одним из многих проводников этой нехитрой философии: он был просвещенным человеком, но мы не услышим и капли сомнения, а тем более — сожаления по поводу жизней животных, загубленных просто ради забавы.

Впрочем, в отличие от своих товарищей, он не только развлекался, но и с жадностью познавал этот новый, только что открывшийся ему мир. В романах, в том числе в тех, где ощутимы

реминисценции путешествия будущего писателя по «Тропе Санта-Фе», мы не увидим самолюбования на фоне охотничьих трофеев. Куда больше, чем собственные охотничьи подвиги, его занимают описания внешнего вида животных, их повадки и особенности жизни. Характерно и то, что интерес Рида сосредоточен не только на фауне, но и на флоре Великих Равнин. Он с увлечением рассказывает о растениях, которые здесь произрастают. Причем его интересуют не только гиганты — деревья, но и карлики: различные виды кустарников, злаки и травы. Многие из них уникальны и растут только здесь. Об этом тоже пишет романист. Интерес к жизни растений, как мы помним, зародился у Рида еще в школьные годы, когда он с энтузиазмом изучал ботанику в Кейтсбридже под руководством преподобного Макки. Он сохранился и у 22-летнего путешественника, который с увлечением исследовал мир растений, зарисовывал их, собирал гербарий и расспрашивал о своих находках у ветеранов степных караванов. Очевидно, что у молодого Рида были задатки настоящего ученого. Кто знает, как текла бы его жизнь, если бы он не покинул Британию и не стал писателем. Сложись личные обстоятельства более благополучно, вполне возможно, что английская наука в лице Рида приобрела бы со временем даровитого зоолога и ботаника — неутомимого исследователя животного и растительного мира. Но его судьба распорядилась по-другому, и тогда — летом 1840 года — он с караваном «степных купцов» шел на запад вверх по течению реки Арканзас.

Примерно через семь недель после того, как караван покинул Сент-Луис, торговцы достигли юго-западной границы современного штата Канзас. Здесь «Тропа Санта-Фе» раздваивалась: часть караванов продолжала движение на запад вдоль реки Арканзас, часть поворачивала на юг и, пересекая плато Симаррон (или так называемую Симарронскую пустыню), выходила к горному хребту Сангре-де-Кристо, обогнув который, оказывалась в Санта-Фе. Первый маршрут был длиннее и сложнее: он проходил по отрогам Скалистых гор, тяжелогруженые фургоны с большим трудом преодолевали горные тропы. Второй путь был короче первого на 160 километров. Он проходил по ровному, как стол, каменистому плато, — фургоны по нему передвигались и легче, и быстрее. Но даже при очевидной трудности первый был значительно безопаснее: те, кто двигались через горы, во-первых, могли почти не опасаться нападения индейцев, а во-вторых, не страдали от недостатка воды. При движении через пустыню риск нападения команчей многократно возрастал, неизбежно возникали проблемы с питьевой водой и кормами для животных: на всем более чем трехсоткилометровом

пути через пустынное нагорье единственным источником воды была река Симаррон, рассекавшая его примерно надвое. Симарронский маршрут сокращал путь на целых десять дней, поэтому больше половины торговых «поездов» сознательно шли на риск, но избирали именно его. Через пустыню двинулся и караван, принадлежавший фирме «Бент, Сент-Врэн и К°», а вместе с ним и Томас Майн Рид.

Едва ли есть смысл подробно останавливаться на особенностях перехода через пустыню. Писатель неоднократно рассказывал о них в своих «американских» романах. Отметим только, что, пожалуй, наиболее подробно Рид описывает западноамериканскую пустыню и повествует об испытаниях, связанных с передвижением по ее просторам, в «Жилище в пустыне» — одном из ранних своих романов (1852). Как бы там ни было, караван благополучно — без потерь и столкновений с команчами — преодолел Симарронскую пустыню, а затем вышел к верховьям знаменитой своим каньоном реки Рио-Гранде. В романах Майн Рида упоминания о ней и ее описания встречаются довольно часто. Но носит она другое название — Рио-Браво-дель-Норте — «Северная Река». Этому не следует удивляться: среди жителей Новой Мексики в обиходе было именно это название — так они называли верхнее течение реки Рио-Гранде.

Торговый «поезд» Рида прибыл в Санта-Фе в последних числах июля. Там было распродано основное количество грузов. Часть каравана двинулась дальше на юг, в другой мексиканский город — Чиаууа — центр одноименной провинции. Такова была обычная практика. «Бент, Сент-Врэн и К°» реализовывали свои товары не только в Санта-Фе, но и в расположенном по соседству Таосе (там в основном велась торговля с индейцами), а также южнее, в городах северной Мексики — Эль-Пасо и Чиаууа. Рид мог отправиться с ними — в новое, семисот с лишним километровое путешествие по Мексике, — но предпочел остаться в Санта-Фе с тем, чтобы затем вернуться обратно.

В романах Рида нет подробных описаний Санта-Фе. Но есть, например, описание другого — явно вымышленного — новомексиканского города Сан-Идельфонсо. Как полагают некоторые исследователи, именно Санта-Фе стал прототипом Сан-Идельфонсо в романе писателя «Белый вождь. Легенда из жизни Северной Мексики» (1855). Хотя в книге легендарный город расположен в паре сотен километров юго-западнее реальной столицы Новой Мексики и стоит на берегу вполне реальной реки Пекос, описания городской архитектуры, торговой площади и участников ярмарки, развлечений и праздничной толпы в целом и отдельных ее представителей, испано-

мексиканской знати, ее привычек, внешнего вида и т. п. источником своим имеют впечатления от жизни и наблюдений в Санта-Фе. Впрочем, пребывание в столице этой мексиканской провинции не могло быть долгим: американцы уже тогда — еще до начала американо-мексиканской войны — не были желанными гостями на мексиканской территории. Хотя до открытых столкновений еще не доходило, уже тогда в Мексике в ходу была презрительная кличка американцев — «гринго». Да и с финансовой точки зрения длительное пребывание Рида в Санта-Фе едва ли имело смысл. Тем не менее характерное для писателя глубокое и достоверное — из первых рук — знание Мексики, ее нравов, обычаев и реалий берет начало именно здесь, с дней, проведенных в Новой Мексике летом 1840 года.

Скорее всего, тогда же, в июле, Майн Рид двинулся в обратную дорогу. Каким путем он возвращался? В какой компании? На этот счет нет каких-либо прямых свидетельств, приходится опираться на косвенные.

Подавляющее большинство «степных торговцев» обычно возвращались той же дорогой, что пришли — по «Тропе Санта-Фе» в Индепенденс, а затем в Сент-Луис. Значительно меньшая часть избирала иной маршрут и двигалась на юго-восток. От Санта-Фе они шли к верховьям одного из притоков Рио-Гранде реке Пекос, затем продвигались вдоль ее русла вниз по течению. Достигнув плато Льяно-Эстакадо, путники поднимались на него (высота плато колеблется от 700 до 1500 метров) и пересекали в восточном направлении. Проделав более 400 километров по безводным пустынным пространствам плато, они спускались вниз и выходили к верховьям реки Бразос, а затем к верховьям Ред-Ривер. Далее путь шел вдоль ее русла примерно до современного техасского города Гейнсвилла. Отсюда начинались более цивилизованные места — здесь уже были поселения белого человека, а река становилась судоходной. Отсюда можно было спуститься вниз по воде и добраться до Натчеза или Нового Орлеана. Обычно этим путем пользовались охотники и местные торговцы — по Ред-Ривер они везли пушнину, зерно, продукцию животноводства. Конечно, так высоко пароходы не поднимались. Но для плавания вниз по течению прекрасно обходились и без них — строили плоскодонные баржи, грузили их, а затем, распродав товар, продавали и сами баржи. Интересно, что в одном из романов Рид сообщает: бизнесом этим занимались в основном не местные — техасцы, а пришлые, главным образом выходцы из штата Кентукки. Указанный маршрут выбирали немногие. Хотя таким образом можно было быстрее добраться до цивилизованной части страны, этот путь был труднее —

приходилось преодолевать обширные безводные полупустынные пространства, и опаснее — часть дороги пролегала по землям воинственных индейцев-команчей.

Какие основания позволяют утверждать, что Майн Рид избрал именно этот маршрут? Их несколько. Первое. В книге о жизни супруга Элизабет Рид писала, что ее будущий муж в 1840 году отправился из Натчеза с охотниками и торговцами в экспедицию по Ред-Ривер. Второе. Романист также утверждал, что бывал в Техасе и путешествовал по Ред-Ривер. Третье. В творческом багаже писателя есть книги, в которых действие развивается как раз в тех местностях, где мог проходить его маршрут. Например, в романе «Белый вождь» события разворачиваются в Новой Мексике и, конкретно, в долине реки Пекос; Рид детально и с очевидным знанием реалий описывает природу этой страны, нравы и обычаи ее обитателей. Подробное описание Льяно-Эстакадо содержится в романе «Уединенное жилище». В Техасе развивается действие нескольких произведений писателя (романов и рассказов). Среди них отметим «Приключения на границе. История о ранних днях техасской республики» и, конечно, знаменитого «Всадника без головы». Понятно, что все эти книги едва ли могли быть написаны, не обладай Рид собственными впечатлениями о жизни в этой части Американского континента.

Расстояние от Санта-Фе до впадения Ред-Ривер в Миссисипи составляет около 1500 километров. Майн Рид и его спутники, двигаясь налегке — верхом на лошадях, без всякого обоза, могли преодолеть это расстояние за месяц. Идти к своей цели в таком случае они должны были, устраивая лишь ночные привалы. Учитывая демонстрируемое в романах хорошее знание реалий техасской жизни (охотничьей, скотоводческой, фермерской и т. д.), можно прийти к выводу, что «ускоренным маршем» они передвигались только в начале путешествия — по безводным пространствам плато Льяно-Эстакадо, а оказавшись на территории Республики Техас, перемещались уже значительно медленнее — охотясь и устраивая длительные остановки на техасских ранчо. Обстоятельством, косвенно свидетельствующим в пользу данного предположения, может служить, например, один из первых «юношеских» романов писателя — «В поисках белого бизона» (1853): маршрут юных охотников проходит по территории Республики Техас и в основном совпадает с тем маршрутом, который избрали Рид и его спутники для возвращения к «цивилизации». Вероятно, молодой путешественник и его товарищи могли даже принимать участие в операциях техасских рейнджеров против команчей или

мексиканцев на границе республики. Во всяком случае, некоторые эпизоды в романе «Уединенное жилище» дают основания для такого предположения.

Скорее всего, именно в Техасе происходит и более близкое знакомство Рида с индейцами — с их бытом, нравами, особенностями взаимоотношений между собой, с индейцами других племен и с европейцами. Основываясь на воспоминаниях мужа, Элизабет Рид в своей книге писала об этом: «Река (Ред-Ривер. — *А. Т.)* протекала по территории, населенной индейцами; на ее берегах и в отдаленных районах отважный искатель приключений провел несколько месяцев среди краснокожих; он менял свои товары на меха и шкуры, учился их языку, осваивал их навыки жизни в лесу, ночевал в их жилищах и делил с ними пищу у костра. Индейцы и белые охотники были его учителями; он охотился с ними на буйволов и медведей-гризли, ловил бобров и выдр и с помощью лассо арканил диких лошадей или мустангов». И у нас нет оснований не верить ей.

Скорее всего, отправляясь по техасскому маршруту, Рид не только стремился сократить путь, побывать в новых местах, набраться впечатлений, но и заработать торговлей и охотой. Похоже, его интересовал Техас и собственные перспективы в этой самопровозглашенной республике. Возможно, он даже подумывал перебраться туда на жительство. В те годы Техас приковывал внимание не только Америки, но и всего мира. Эта часть Мексики, населенная в основном американцами, в 1836 году провозгласила себя независимым государством, а затем без всякой помощи извне сумела отстоять свою самостоятельность, разбив войска мексиканского диктатора генерала Санта-Анны. К 1840 году республику уже признали Англия, Франция, Голландия и Бельгия. Живя в Новом Орлеане, Рид, конечно, много слышал о Техасе и техасцах. Будучи сотрудником торгового дома, он наверняка вел с ними дела, — в условиях морской блокады, устроенной мексиканским флотом (Мексика отказывалась признать самопровозглашенное государство), свою торговлю Техас вел в основном через Новый Орлеан, здесь ремонтировались немногочисленные торговые и военные техасские суда, здесь были склады и торговые представительства. Здесь же молодой Рид познакомился с командующим военно-морским флотом республики Эдвином Муром. Общение с последним могло совершенно особым образом повлиять на молодого человека и заставить его обратить свой взор на Техас.

Не сохранилось свидетельств, при каких обстоятельствах произошло знакомство будущего писателя с Муром. Известно лишь, что тот провел зиму и весну 1840 года в Новом Орлеане,

наблюдая за ремонтом и оснащением кораблей и параллельно занимаясь вербовкой матросов и офицеров для своего флота. Хотя Рид не имел морской практики, скорее всего, именно поиски пополнения для техасского флота свели их. Эта встреча не была единственной. Есть сведения, что позднее, когда Мур жил в Нью-Йорке, они встречались, а позднее переписывались. Весьма симптоматично, что Муру писатель посвятил один из своих первых романов — «Охотники за скальпами» (1851). Несомненно, этот человек достоин того, чтобы сказать о нем несколько слов.

Э. Мур[10] вышел из семьи потомственных моряков. Его дедушка и дядя — морские офицеры — принимали самое активное участие в американской революции. Он пошел по их стопам, окончил военно-морскую академию и с пятнадцатилетнего возраста служил на флоте. В его послужном списке — плавания в Атлантике и Средиземном море, командование шлюпом и борьба с пиратами. Но в американском флоте продвижение по службе было очень медленным. Прослужив 14 лет, он достиг лишь звания первого лейтенанта, а рядом с ним служили те, кто получил лейтенантские погоны еще в годы войны с Англией (1812–1814) и продолжали носить их. Двоюродный брат морского офицера, живший в Техасе и вхожий к тогдашнему президенту республики М. Ламару[11], уговорил его поступить на службу в создаваемый военно-морской флот. В 1839 году Мур уволился из флота США и подписал контракт с техасцами. Он пришел не один, а привел с собой несколько офицеров и около сотни матросов, которых по поручению Ламара завербовал в Бостоне. Президент Техаса присвоил ему звание коммодора и назначил командовать военно-морским флотом республики. Мур зарекомендовал себя талантливым организатором и флотоводцем. За несколько месяцев он сумел превратить вверенные ему суда в серьезную силу, а затем во многих схватках нанести целый ряд поражений мексиканскому флоту (в частности, именно ему принадлежит слава единственного в мире флотоводца, под командой которого парусные корабли смогли нанести поражение паровым судам). Когда Рид познакомился с Муром, тот уже командовал флотом и имел адмиральское звание, хотя и был всего на восемь лет старше (тогда ему еще не было и тридцати).

Знакомство с таким человеком могло воспламенить честолюбие молодого эмигранта и заронить в его душу смутные, но от этого не менее грандиозные мечты, связанные с Техасом. Однако те несколько недель (возможно, и месяцев), что будущий писатель провел на территории самопровозглашенной республики, видимо, не способствовали их развитию. Он мог

отправиться в столицу Техаса и попытаться начать строить там свою карьеру, но предпочел не расставаться со своими товарищами и по реке Ред-Ривер вернулся в Соединенные Штаты. Осенью — скорее всего, в конце октября — начале ноября — его первое большое путешествие закончилось там же, где и началось весной — в Натчезе, штат Миссисипи.

Учитель: Вторая попытка

Сколько времени на этот раз пробыл Рид в Натчезе, неизвестно. Тем не менее его финансовое положение значительно улучшилось по сравнению с весной: он неплохо заработал в путешествии и мог позволить себе небольшой отдых. Но едва ли он продлился долго: известно, что в начале ноября Рид уже находился в Нэшвилле, столице штата Теннесси, где был принят в качестве домашнего учителя в семью Пейтона Робертсона — видного местного политика и юриста, члена Верховного суда штата. Этот факт из жизни будущего писателя хорошо известен. Увы, очень мало данных и о семье Робертсонов, и о тех конкретных обстоятельствах, что привели Майн Рида туда. Попробуем внести ясность.

В своей книге о творчестве писателя Дж. Стил называет П. Робертсона генералом. Вдова Рида ничего не говорит о генеральстве Робертсона, а называет его «доктором». Она также сообщает, что глава семьи и дети искренне полюбили своего учителя. На самом деле ни то, ни другое не совсем точно соответствует действительности.

Начать с того, что Пейтон Робертсон не имел генеральского звания. Генералом был его отец — по-настоящему крупная фигура в США. В историю своей страны генерал Джеймс Робертсон (*Robertson*, 1742–1814) вошел как основатель города Нэшвилла и штата Теннесси, герой американской революции и войн с индейцами. Его младший сын занимался куда более мирным делом — юриспруденцией, но был человеком очень заметным в штате и весьма состоятельным. Он действительно являлся доктором права. В этом смысле истина на стороне Элизабет Рид. Но она, конечно, ошибается, говоря о дружбе между доктором и учителем. Рид и Робертсон не могли подружиться: доктор скоропостижно скончался от апоплексического удара 17 сентября 1840 года, — то есть за несколько месяцев до появления Рида в Нэшвилле. Следовательно, они просто не могли быть знакомы. Но Рид действительно был домашним учителем в его доме.

Уходя из жизни, Робертсон оставлял большую семью: вдову, урожденную Эллен Дэвис, и пятерых детей: дочку Элис — в 1840 году ей было всего три года, и четверых сыновей. Старшему, Флавиусу, исполнилось 16 лет, Джеймсу — 12, Александру — 9 и младшему Джону Блаунту — 5 лет. Кроме детей, на попечении вдовы покойного Пейтона Робертсона оказалась и его мать — вдова генерала Джеймса Робертсона — Шарлотта Ривз Робертсон. На момент кончины сына ей было 89 лет, она жила в его семье и

умерла в 1843 году.

Можно предположить, что знакомство Рида с Робертсонами состоялось в Натчезе. Натчез был курортным городом — местом, где любили отдыхать состоятельные семейства южан. Но Робертсоны находились в трауре. Поэтому едва ли тогда могли там оказаться. К тому же семья была довольно многочисленна. Это также делало вояж проблематичным. Скорее всего, Рид встретил в Натчезе кого-нибудь из друзей семьи, кто отрекомендовал его вдове. Учитывая ситуацию, в которой оказалась женщина, она явно нуждалась в помощи по воспитанию детей. Как бы там ни было, в начале ноября 1840 года будущий писатель уже находится в Нэшвилле.

Вдова писателя в своей книге о муже удивляется метаморфозе, превратившей вчерашнего траппера — отважного охотника и торговца в скромного домашнего учителя. Однако если вспомнить многочисленные попытки Майн Рида — на родине, в Северной Ирландии, и уже здесь, в США — найти применение своим знаниям, его горькие сетования на то, что вся его книжная премудрость и в Америке оказалась никому не нужной, едва ли это превращение покажется таким уж неожиданным. К тому же и прежде — в Новом Орлеане, и в Натчезе — Рид предпринимал попытки найти возможность для продолжения учительской карьеры. Тогда из этой затеи ничего не вышло. Теперь ситуация изменилась и он мог попытаться воплотить в жизнь свое давнее намерение.

Довольно скоро вся семья доктора Робертсона крепко подружилась с учителем. Известно также, что одного из младших Робертсонов и писателя связывала многолетняя переписка, которая прервалась лишь со смертью последнего. Нетрудно установить, что корреспондентом Майн Рида мог быть только младший из сыновей Робертсона — Джон Блаунт. Потому что никто из его братьев не пережил Рида. Самый старший из сыновей доктора — Флавиус — пал, сражаясь за конфедератов в 1862 году. Джеймс Пейтон погиб (скорее всего, в результате несчастного случая) в 1846 году; Александр Кэмбелл умер от желтой лихорадки в Новом Орлеане в 1857 году. Джон Блаунт Робертсон, напротив, прожил долгую жизнь (умер в 1900 году), занимался, как и отец, юриспруденцией и пробовал свои силы в беллетристике. Весьма красноречивым в этом смысле представляется тот факт, что одному из персонажей — другу главного героя — единственного теннессийского романа «Отважная охотница» Рид дает имя своего бывшего ученика. Его зовут Блаунт, и едва ли это случайно. Дружба между учителем и учеником, сохранившаяся так долго, помимо многого, говорит

еще и том, что Рид обладал, видимо, незаурядным педагогическим даром.

Успехи на учительском поприще и поддержка со стороны семьи Робертсонов вдохновили Рида на расширение педагогической деятельности: 19 ноября 1840 года в газете «Нэшвилл Юнион» появляется объявление, извещающее, что с 1 декабря начинает работать «Новая английская математическая и классическая школа». В объявлении была представлена краткая программа новой школы с перечнем предметов. Майн Рид предполагал обучать своих питомцев следующим дисциплинам:

> «Математике, а именно: элементам геометрии, простой и сферической тригонометрии, алгебре, измерениям и составлениям планов местности, арифметике и т. д.
>
> Натуральной философии, а именно: законам движения, механике, гидростатике, гидравлике и астрономии.
>
> Английской грамматике, географии, истории, чтению, правописанию и риторике.
>
> Классической филологии, а именно: греческому, латинскому и древнееврейскому языкам».

Объявление в газете уведомляло родителей потенциальных учеников и о квалификации учителя. Характеризуя себя, Рид писал: «Я являюсь дипломированным выпускником Королевского колледжа в Белфасте, Ирландия. Моя степень подтверждает мою квалификацию обучать всем вышепоименованным дисциплинам».

Если придерживаться точных формулировок, Майн Рид несколько исказил истину, заявляя о наличии степени, полученной в колледже. Но это искажение не содержало никакого преувеличения. Повторим, проще было объявить, что такой-то обладает степенью такого-то колледжа, нежели объяснять американскому обывателю, что Королевское академическое учреждение в Белфасте, в отличие от американских колледжей, не присваивает степень своим выпускникам, а вручает «генеральный сертификат», который является аналогом диплому бакалавра.

Впервые объявление было опубликовано в номере «Нэшвилл Юнион» от 19 ноября 1840 года. Затем оно воспроизводилось в каждом субботнем номере газеты в течение декабря, а затем и января 1841 года.

Майн Рид подошел к делу серьезно. Он не просто объявил об открытии новой школы и о наборе учеников, но отстроил для нее специальное здание. Вдова писателя сообщает об этом факте с

гордостью и нескрываемым восторгом от размаха предприятия. Ее можно понять: едва ли в Англии XIX века пришло бы кому-нибудь в голову, открывая обычную, небольшую «классическую» школу, возводить для нее специальное здание. В Великобритании для этих целей помещения обычно снимались. Но англичанке Элизабет Рид, скорее всего, было невдомек, что здание, которое построил для своей школы ее муж, разительно отличалось от тех, что ей приходилось видеть в Англии. У нее на родине сооружали каменные дома — солидные, с мощным фундаментом, способные стоять века. На американском западе того времени таких домов почти не строили.

Задавался ли читатель когда-нибудь вопросом, почему с такой скоростью множились — возводились и развивались американские города XIX столетия? Страна энергично заселялась эмигрантами, стремительно раздвигая свои границы. На Великих Равнинах — на западе, юго-западе, северо-западе создавались новые штаты, на этих недавно совершенно необжитых территориях буквально в считаные недели возникали города с тысячами жителей. Выдающийся американский историк и культуролог Д. Бурстин, вдохновленный этим феноменом американской культуры, написал капитальный труд под названием «Американцы: национальный опыт», в котором в числе многих ответил и на этот вопрос. Возводя свои молодые города, американцы не строили капитальных строений, а, чтобы ускорить процесс, изобрели каркасно-щитовые дома. На легком фундаменте собирали из бруса каркас дома и обшивали его щитами из досок или просто досками. Собрать такой дом можно было за несколько дней, а в случае необходимости — разобрать и перенести строение на другое место. Кстати, большинство современных частных американских домов имеют такую же конструкцию.

Аналогичным было и здание школы, построенное Ридом — длинное, одноэтажное, обшитое досками. В Нэшвилле, тогда еще совсем молодом городе, большинство зданий выглядели так же. Практичнее и проще было построить дом, чем искать подходящий для аренды. Да и стоил он недорого. К тому же не надо покупать землю. Достаточно было просто арендовать ее.

Судя по всему, Рид пользовался любовью и уважением жителей города. Через несколько лет после того, как он покинул Нэшвилл и уже прославился на Мексиканской войне, местная газета «Нэшвилл Американ» опубликовала очерк о своем прежнем школьном наставнике. Вот как в нем выглядел бывший учитель: «Не старше двадцати пяти лет, прекрасного телосложения, около пяти футов десяти дюймов ростом; с лицом классических

очертаний, не полным, с запоминающимися чертами. Он производил самое доброе впечатление на любого, кто знал его. В разговоре он был ярок, в манерах очень приятен. Он очень любил поэзию и в кругу товарищей мог на память декламировать стихи любимых поэтов. Будучи учителем, он пользовался большой популярностью. Очень много передвигался верхом; владел отличной лошадью и ездил на ней очень смело».

Несмотря на уважение горожан, дела в школе у него, видимо, шли все-таки не блестяще. Возможно, велика была конкуренция, возможно, далеко не все горожане полагали необходимым обучать своих отпрысков. Скорее всего, этими причинами было обусловлено появление в газете «Нэшвилл Юнион» новой серии объявлений Рида с приглашением получить образование в его школе. Текст отличался от предыдущего. На этот раз рекламодатель сделал упор на возможностях практического применения тех знаний, которыми смогут овладеть ученики. Ссылаясь на свой собственный опыт, он утверждал никчемность и бесполезность так называемого «классического» образования для повседневной жизни. В соответствии с заявленными целями Рид изменил программу обучения и сделал упор на естественно-научные дисциплины. Из новой программы «выбыли» классические языки, обучение английскому сводилось главным образом к выработке навыков «правильного чтения, письма и речи». «Изучение географии и истории, математики и философских наук (под последними тогда понимались естественные науки. — *А. Т.)* в сочетании с их практическим применением в жизни, — утверждал педагог, — формируют основополагающие принципы моей системы обучения». Очевидно, что прагматизм американской жизни заставлял и Рида быть более прагматичным, — в том числе и в сфере педагогики.

Первое из этих объявлений было опубликовано 1 марта 1841 года. Затем оно воспроизводилось в каждом субботнем выпуске газеты на протяжении марта, апреля, мая и первой половины июня. Последний раз реклама была напечатана в номере от 14-го числа первого летнего месяца. По этой рекламе можно судить, что в ближайших планах у Рида не было намерения покидать Нэшвилл. Он готовился к новому учебному году, к приходу грядущей осенью новых учеников.

Первого июля учебный год закончился и Рид распустил своих питомцев на каникулы. О дальнейшей судьбе «Английской классической и математической школы» Майн Рида ничего не известно. Осенью школа свою работу не возобновила. Скорее всего, учитель прекратил занятия и с детьми Робертсонов. На этом окончательно завершается педагогическая карьера будущего

писателя.

Что принудило Рида оставить дело, к которому он, как мы видим, явно и довольно долго и упорно стремился? Вдова писателя утверждала: «Спокойная жизнь в школе наскучила Майн Риду, и он отправился на поиски новых приключений». Публикация рекламных объявлений в нэшвилльской газете, безусловно, противоречит этой версии. Скорее всего, его педагогическую карьеру разрушили плачевные финансовые обстоятельства, которые, вероятнее всего, были связаны с недостатком учеников в школе.

В любом случае, вряд ли он мог покинуть Нэшвилл раньше начала следующего учебного года — то есть сентября 1841-го. Ситуация с «контингентом» едва ли могла проясниться прежде, чем закончилось лето. К тому же ему необходимо было какое-то время, чтобы завершить дела в городе. Например, хотя бы продать принадлежащее ему здание школы.

Но если причины отъезда Майн Рида из Нэшвилла более или менее ясны, не очень понятно, куда он направился, покинув город. Элизабет Рид писала, что ее будущий супруг перебрался в Цинциннати, штат Огайо, и здесь «присоединился к труппе бродячих актеров, но вскоре убедился, что сцена — не его призвание». Хотя вдова писателя указывала, что «этот маленький эпизод из своей жизни он всегда тщательно скрывал», объясняя это тем обстоятельством, что «все его родственники были пресвитерианами и смотрели на актеров чуть ли не как на воплощение дьявола», утверждение это выглядит сомнительным. Даже если этот эпизод действительно имел место, он должен был быть очень кратким — речь может идти о нескольких неделях (едва ли месяцах) зимы 1842 года. Скорее всего, это все-таки плод фантазии писателя, который имел привычку «преображать действительность», «подправляя» факты собственной биографии. Естественно, это создает дополнительные преграды на пути достоверной реконструкции его личной истории. Хотя Рид и проявлял позднее очевидный интерес к театру, — написал и в 1849 году опубликовал пьесу, а затем (в 1860–1870-е годы) подвергал некоторые из своих романов драматургической переработке, — едва ли его стоит связывать с этим довольно сомнительным эпизодом из биографии. Тем не менее не подлежит сомнению сам факт пребывания Рида в Цинциннати. Возможно (и скорее всего), он был довольно кратким, но важным в жизни Майн Рида.

Почему автор полагает его важным? По двум причинам. *Первая.* Скорее всего, именно в Цинциннати у Рида впервые возникает (вероятно, еще неотчетливое) намерение заняться

литературной работой. *Вторая.* Именно здесь он приобретает первые знакомства в литературной среде: в Цинциннати он познакомился и подружился с братьями Донном и Абрахамом Пайаттами, которые учились в местном университете на отделении юриспруденции и довольно активно занимались литературной деятельностью, сотрудничая в местных газетах, публикуя статьи и сочиняя стихи. Позднее мы подробнее расскажем об этой дружбе, сыгравшей свою роль в литературной судьбе писателя, сейчас лишь отметим значимость этого эпизода.

Д. Стил выдвигает версию, что Рид вернулся в Натчез и оттуда «предпринял две продолжительные торговые экспедиции с участием индейцев вдоль Ред-Ривер». Учитывая некоторый торговый опыт Рида, в принципе, это возможно. Но более вероятным все-таки представляется, что Майн Рид, покинув Нэшвилл, какое-то время (осень и зиму) оставался в Теннесси. Какие есть основания для этого? Прежде всего, время года: трудно представить, что Майн Рид мог отправиться в дальний путь осенью. Как правило, в те годы подобные экспедиции предпринимались весной. К тому же их организация требовала изрядной подготовки. Главным же представляется факт существования романа под названием «Отважная охотница» (1861), значительная часть действия которого развивается в Теннесси. Вряд ли, живя в Нэшвилле, Рид имел достаточно возможностей подробно познакомиться с особенностями жизни и уклада тех, кто населял «глубинку» штата — лесорубов, охотников, скваттеров. Живя в столице, все свое время он посвящал преподаванию (напомним, Рид не только ежедневно вел занятия в школе, но учил еще и младших Робертсонов). Сюжет романа, напротив, демонстрирует глубокое знание местных проблем и реалий, быта лесных жителей. Да и само время года, когда разворачивается действие романа — осень, так называемое «индейское лето» (конец сентября, октябрь и начало ноября). Автор очень подробно и со знанием предмета описывает осенние леса Теннесси, климатические и погодные особенности этого времени года в регионе, местную флору и фауну, повадки животных, приемы и способы охоты и т. д. Наконец, сам Рид утверждал, что какое-то время путешествовал по лесам и охотился в низовьях реки Теннесси, а это довольно далеко от Нэшвилла.

На «Орегонской тропе»

Достоверные сведения о периоде жизни будущего писателя, начиная с зимних месяцев 1842-го по весну 1843 года,

практически отсутствуют. Довольно невнятно и противоречиво повествует о нем вдова писателя, «благополучно минует» его и Дж. Стил. Однако известно, что в апреле 1843 года Рид находился в Сент-Луисе и готовился отправиться в экспедицию на северо-западные территории. Ряд косвенных свидетельств указывает на то, что Рид объявился в Сент-Луисе уже за год до этого — весной 1842 года, после осени и зимы, скорее всего, проведенных в Теннесси. Госпожа Рид мельком упоминает, что ее муж организовывал и водил охотничьи экспедиции на запад — по «Орегонской Тропе». Несмотря на то, что Рид действительно обладал изрядным охотничьим опытом, вряд ли он мог выступать в качестве организатора (не обладая для этого необходимыми связями и репутацией), а тем более проводника. Но здесь уместно вспомнить о его знакомстве с Биллом Гэри — известным, очень опытным местным следопытом и траппером. Достоверно известно, что тот на протяжении нескольких лет занимался этим делом. С большой долей вероятности можно предположить, что и Майн Рид принимал участие в его предприятиях или экспедициях других охотников.

Что это были за экспедиции, как долго они длились, много ли было участников и на кого они охотились? Ответы на эти вопросы не вызывают особенных затруднений. Писатель достаточно подробно — но, конечно, не без вымысла — отвечает на них своими, в первую очередь так называемыми «охотничьими» романами. Среди них очевидный интерес (и, пожалуй, наибольшее доверие) вызывает «Охотничий праздник» (1854). Роман этот рассказывает как раз о такой охотничьей экспедиции. Конечно, эпизоды, связанные с охотой, не могли не содержать вполне понятных преувеличений, но одной из главных задач писателя было создание правдоподобного произведения, поэтому едва ли Рид мог сильно погрешить против истины, описывая то, что не нуждалось в преувеличениях — подготовку и маршрут экспедиции, экипировку ее участников, оружие, одежду, фургоны и т. д.

В те героические времена основным объектом охоты были, конечно, американские бизоны, тогда еще в изобилии водившиеся на просторах «никому не принадлежащих» Великих Равнин. Это превращало их в настоящее Эльдорадо и своеобразную Мекку для охотников. Как можно судить из текста романа, поохотиться сюда приезжали состоятельные господа — не только из разных частей США, но и Европы, прежде всего из Англии. Для них и устраивались охотничьи экспедиции — своеобразные сафари.

В начале — середине 1840-х годов в Сент-Луисе устройство подобных «охотничьих праздников» являлось уже хорошо

налаженным бизнесом, в орбиту которого были вовлечены многие. И об этом читаем в романе: «…я прибыл в Сент-Луис летом 18… но все гостиницы были переполнены беглецами из Нового Орлеана, приезжими из Европы и… охотниками, которым надоело гоняться за мелкой дичью и которые были не прочь принять участие в охоте на бизонов».

Главный герой принадлежит к числу респектабельных охотников. «Через несколько дней после моего прибытия в Сент-Луис, — повествует рассказчик, — я уже познакомился с пятью охотниками, и у нас образовалось маленькое общество. Мы немедленно занялись обсуждением плана предстоящей экспедиции. Решено было, что каждый из нас может экипироваться сообразно со своими вкусами и средствами, но покупка лошади или мула была признана обязательной для каждого охотника. Затем организовали общую кассу, чтобы на собранные деньги приобрести фургон, упряжку, палатки, съестные припасы и кухонную посуду. Кроме того, мы решили пригласить с собой двух профессиональных охотников, хорошо знакомых с прериями и могущих служить нам проводниками».

Для нас особенно ценно последнее замечание: о найме профессиональных охотников. Несмотря на давнюю, глубокую и искреннюю любовь к охоте, едва ли Рид имел средства, чтобы стать пайщиком экспедиции. Но, имея знакомства в среде «профессионалов», обладая к тому времени уже богатым опытом и соответствующими навыками, он вполне мог выступить в ипостаси охотника-проводника. Тем более что в отличие от прислуги — возницы фургона и обязательного повара — в обязанностях охотника-проводника не было ничего, унижающего достоинство. Напротив, проводники пользовались большим уважением и обладали непререкаемым авторитетом, да еще и получали плату за свой труд.

«Мне остается описать наших двух проводников, — пишет Рид. — Их звали Исаак Брадлей и Марк Редвуд. Оба они были трапперами, но внешне сильно отличались друг от друга. Редвуд был высокий и плотный мужчина, очень сильный. Его же товарищ — небольшой и сухощавый. Открытое лицо Редвуда дышало мужеством и обросло густыми бакенбардами, а безбородое и медно-красное лицо Брадлея напоминало индейца. Оба проводника были в кожаных костюмах, но в совершенно разных. Куртка, штиблеты[12] и мокасины Редвуда были просторны и хорошего покроя. На енотовой шапке торчал кверху пушистый хвост. Одеяние Брадлея было очень узко, и казалось, что оно составляет одно целое со своим владельцем. Его штиблеты, куртка и мокасины были сильно поношены и грязны. На нем

висел ягдташ из лоснившейся от жира кожи и маленький буйволовый рог, служивший пороховницей, а за поясом торчал большой охотничий нож с рукояткой из оленьего рога. Старинное ружье Брадлея имело ствол длиной около шести футов. Ружье Редвуда тоже отличалось значительными размерами, но было новейшего устройства, а также пороховница, пояс и ягдташ были подобраны с большим вкусом, чем у Брадлея, который, по-видимому, не придавал большого значения своей внешности». Как утверждает автор, «в описании наших проводников нет ничего вымышленного, но все взято прямо с натуры». Очевидны и симпатии рассказчика. Они принадлежат элегантному Редвуду. Конечно, очень заманчиво провозгласить Рида прототипом Редвуда, но у нас нет для этого бесспорных оснований.

Основываясь на сюжете романа, можно установить и примерный период времени, необходимый для подготовки к походу. «Приготовления наши заняли около недели, — замечает рассказчик. — И, наконец, из предместья Сент-Луи по дороге, ведущей к прериям, выехала маленькая кавалькада и вскоре исчезла из виду за холмами, окружавшими город».

За бизонами охотничьи экспедиции отправлялись в юго-западном направлении, по «Тропе Санта-Фе», хорошо знакомой писателю. Хотя тогда американских бизонов еще можно было встретить практически повсеместно на пространствах прерий, «ближайший пункт, в котором можно было рассчитывать на встречу с буйволами, — утверждает Рид, — находился от нас на расстоянии двухсот миль». Рассказчик восклицает: «Надо было быть страстными охотниками, чтобы предпринять двадцатидневное путешествие в поисках бизонов!» С этим замечанием нельзя не согласиться, но в этой ремарке интересно другое: она дает возможность узнать примерную продолжительность экспедиции. Итак, путь до места предполагаемой охоты занимал, по меньшей мере, двадцать дней. Столько же дней требовала обратная дорога. Какое-то количество времени — неделю или больше (в зависимости от желания и удачливости охотников) — поглощала сама охота. Таким образом, продолжительность сафари вместе с подготовкой не могла быть меньше шестидесяти дней — то есть двух месяцев. Движение по «Орегонской Тропе» и «Тропе Санта-Фе» завершалось в октябре, самое позднее — в начале ноября. Следовательно, «охотничий сезон» длился шесть-семь месяцев. Поэтому весной-осенью 1842 года Майн Рид мог принять участие максимум в трех, но скорее всего — в двух экспедициях за американскими бизонами.

Основываясь на внимательном прочтении текстов

«охотничьих» и иных «американских» романов писателя, нетрудно выяснить, что располагались «охотничьи угодья» Рида вдоль северного участка «Тропы Санта-Фе».

Как известно, в первом своем путешествии по тропе с караваном торговцев «Бент, Сент-Врэн и К⁰» будущий литератор двигался по южному маршруту — через плато Симаррон. Теперь он осваивал местность в бассейне северных притоков Арканзаса и в предгорьях Скалистых гор. На это указывают подробные описания природы и климата тех мест, флоры и фауны, а также упоминания о фортах компании — Сент-Врэн и Бент. Эти форты были выстроены компанией в 1830-е годы и служили опорными пунктами торговли в этих диких местах.

В истории освоения Запада одним из наиболее известных, безусловно, является форт Бент. Он был выстроен в 1834 году на северном берегу реки Арканзас. В первое свое путешествие Рид не мог побывать в нем, но в 1842-м он неизбежно должен был там оказаться.

Форт назвали по имени одного из владельцев «Бент, Сент-Врэн и К⁰» — Уильяма (Билла) Бента. В нем неизменно останавливались не только караваны компании, но и другие «поезда», набираясь сил перед самой длительной и трудной частью пути. Он служил промежуточной базой и для участников «охотничьих праздников». Форт был нужен не только как место для отдыха, но и как торговая фактория — место, где трапперы-охотники сбывали пушнину, покупали необходимые им припасы. В форте располагались склады компании, отделение конторы, жили ее служащие. Форт был и крепостью — на тот случай, если возникнут недоразумения с индейцами. Сохранилось и его описание, вероятно, небезынтересное современному читателю: «Форт окружен стеной, сложенной из необожженного кирпича, толщиной шесть футов в основании и четырех в верхней части; полы в помещениях глиняные, крыши крыты глиняными пластинами, основания и оконные проемы укреплены камнем. В северо-западном и юго-западном углах стены возвышаются круглые башни тридцати футов высотой, они имеют десять футов свободного пространства в поперечнике; в них проделаны бойницы для артиллерии и стрельбы из ружей. Вход в крепость расположен на востоке, его закрывают тяжелые двустворчатые деревянные ворота. Изнутри форт поделен на две части: в одной располагаются контора, жилые помещения и склады; другая предназначена для фургонов, скота и т. д.».

Форт Бент играл важную роль в освоении Великих Равнин американцами. Позднее, во время американо-мексиканской войны, он служил перевалочной базой для снабжения, местом

отдыха и сбора при передвижении американских войск. По окончании военных действий, утратив свое значение, форт постепенно пришел в упадок и в 1852 году был разрушен самими владельцами.

Рид, повторим, не мог миновать форта Бент, он неоднократно упоминает его в своих романах, подробно описывает другую укрепленную факторию компании — форт Сент-Врэн в романе «Желтый вождь», более известном русскоязычному читателю под названием «Голубой Дик». Этот форт был назван в честь второго компаньона — Серэна де Сент-Врэна. Он мало отличался от Бента и служил тем же целям, хотя был построен несколькими годами позже, имел меньшее торговое и военное значение и был «скромнее», нежели его расположенный юго-восточнее «собрат».

* * *

«Охотничий праздник» Рида неизбежно должен был закончиться в ноябре 1842 года. Остался ли он на зиму в Сент-Луисе, куда обязательно должен был вернуться осенью, или направился в иное место? Хотя Сент-Луис фигурирует во многих романах писателя, читатель нигде не встретит описаний зимнего города, нет упоминаний и о том, что кто-нибудь из его героев зимовал здесь. Конечно, это очень слабый аргумент в пользу того, что писатель на время покинул Сент-Луис. Но если вспомнить то, что из своих странствий по Дальнему Западу писатель «выжимал» впечатления по максимуму, он вполне красноречив.

Вдова писателя, основываясь на воспоминаниях мужа, утверждала, что зиму 1842/43 года ее супруг провел в Питсбурге, штат Пенсильвания. От Сент-Луиса до Питсбурга — путь неблизкий, но, учитывая статус города как пароходной столицы США, вполне преодолимый: от Сент-Луиса до Питсбурга вверх по Огайо постоянно курсировали пароходы, на любом из которых будущий беллетрист мог легко преодолеть это расстояние, благо что средства для этого у него после летнего сезона должны были быть. Вдова между тем сообщает, что зима эта далась ему тяжело (в связи с финансовыми обстоятельствами) и он вынужден был даже обратиться к помощи «земляков» — североирландских соотечественников. В Питсбурге действительно была значительная «диаспора» шотландцев ирландского происхождения (соотечественники Рида возглавляли городской совет, владели недвижимостью и большинством промышленных производств в городе), и вполне возможно, что Рид надеялся найти там подходящую работу и, вероятно, даже осесть в городе.

Но Питсбург ему решительно не нравился — промышленный, задымленный, грязный, он представлял собой целый конгломерат заводов, занимавшихся выплавкой чугуна и железа. Люди в городе жили в ужасных условиях, дыша заводской копотью и гарью, страдая от болезней, вызванных скученностью и нездоровой атмосферой.

Каковы бы ни были его первоначальные планы, связанные с Питсбургом и Пенсильванией, им, видимо, не суждено было сбыться, и весной 1843 года будущий писатель вновь возвращается в хорошо знакомый Сент-Луис.

Как и минувшей весной, Рид снова отправляется в экспедицию. Теперь его путь пролегал по иному маршруту. Если в предыдущий раз он осваивал северо-западную часть «Тропы Санта-Фе» и прилегающие к ней территории, то сейчас он направлялся на северо-запад — по «Орегонской Тропе», так называемому северному маршруту, к верховьям реки Миссури.

«Орегонскую Тропу» проложили в начале XIX века трапперы — охотники и торговцы пушниной. В 1810–1820-х годах монополистом в США по добыче мехов и торговле пушниной была «Американская меховая компания *(American Fur Company)»* миллионера Джона Астора. На него работали сотни охотников, добывавших бобра, выдру, куницу, соболя, лису, шкуры других животных; десятки торговцев, скупавших у них и у индейцев меха в факториях и фортах, выстроенных на Тропе. В конце 1820-х годов все большее значение (особенно в западной части Тропы) стала приобретать англо-американская «Компания Гудзонова залива». На рубеже 1830–1840-х годов спрос на меха во всем мире стал падать (связано это было с развитием легкой промышленности и с революционными изменениями в стиле одежды) и значение «Орегонской Тропы» (в отличие от «Тропы Санта-Фе») как торговой артерии резко снизилось, в упадок пришли фактории, многие из них прекратили существование. Ренессанс Тропы происходит в середине 1840-х годов, когда начинается массовая миграция американцев на запад континента — сначала в Орегон и Юту, а затем (с началом «золотой лихорадки» в 1849 году) в Калифорнию.

«Орегонская Тропа», так же как и «Тропа Санта-Фе», начиналась в Индепенденсе, штат Миссури, и проходила по территориям современных штатов Канзас, Айова, Небраска, Северная и Южная Дакота и Монтана. Позднее, в 1830-е, проложили южный маршрут. Он был короче и шел через Небраску, Вайоминг и Айдахо.

Экспедиция, в которой участвовал Майн Рид, двигалась по северному маршруту — сначала вдоль берегов реки Миссури

вверх по ее течению, а затем через территорию Северной Дакоты в Монтану. Известно, что это было не торговое предприятие, а исследовательская или охотничья экспедиция.

Элизабет Рид утверждала, что ее муж принял участие в экспедиции выдающегося американского натуралиста Дж. Одюбона[13], автора знаменитого фундаментального труда «Птицы Америки». Что интересно, вдова заявляет, что не Рид сопровождал Одюбона, но, напротив, «Одюбон сопровождал» будущего писателя, «получая особое наслаждение (! — *А. Т.),* делясь с Майн Ридом своими обширными познаниями». Данное утверждение даже не выглядит правдоподобным, хотя, теоретически, Рид мог принять участие в предприятии натуралиста, работавшего тогда над подготовкой другого выдающегося исследования под названием «Четвероногие обитатели Северной Америки». Дж. Стил отвергает вероятность участия Рида в экспедиции Одюбона, аргументируя свою точку зрения несколькими обстоятельствами. Во-первых, в составе исследовательского отряда были задействованы в основном французские и канадские трапперы-охотники. Во-вторых, отряд Одюбона был слишком многочислен и включал более ста человек. А в-третьих, значительную часть пути вверх, а затем и вниз по Миссури участники экспедиции проделали по реке, сформировав для этого целый караван судов, а такой способ путешествия едва ли заинтересовал бы Рида.

Действительно, довольно сомнительной выглядит версия о сотрудничестве Рида и Одюбона. И причина не в аргументах американской исследовательницы. Истоки версии госпожи Рид, скорее всего, восходят к самому писателю, который вполне мог козырнуть своим знакомством с выдающимся ученым (возможно, Рид действительно знал его, или как минимум — видел: знаменитый натуралист готовил — последнюю в своей жизни — экспедицию в Сент-Луисе весной 1843 года). Нельзя сбрасывать со счетов и литературный источник: одним из центральных персонажей «Охотничьего праздника» является натуралист (знаток птиц и растений) по фамилии Одюбсон. В романе последний действительно постоянно и с видимым удовольствием делится своими обширными познаниями с автором.

Профессор Стил выдвигает другую версию: Рид принял участие в экспедиции У. Стюарта[14] — шотландского аристократа, известного путешественника и охотника. Он неоднократно охотился в прериях и действительно снаряжал свою охотничью экспедицию в Сент-Луисе тогда же, когда и Одюбон. У. Стюарт и его спутники двигались по суше, но примерно по тому же маршруту, что и автор «Птиц Америки» — по «Орегонской

Тропе» через Дакоту и Монтану к юго-западной границе Канады. Его экспедиция была немногочисленна, но в ее составе были не только проводники и охотники, но и ученые-натуралисты. По характеру и устремлениям Риду, безусловно, больше «подходила» экспедиция шотландского лорда. Но утверждать, что будущий автор приключенческих романов был спутником знаменитого охотника, нет достаточных оснований. В «Охотничьем празднике» есть герой — аристократ-англичанин, и его можно соотнести с лордом Стюартом, но этот образ своим источником, безусловно, мог иметь и десятки других британских охотников-путешественников. Великолепная охота на неосвоенных западных территориях и богатые трофеи привлекали многих состоятельных соотечественников Майн Рида.

Как бы там ни было, отсутствие прямых указаний на участие в какой-либо конкретной (Одюбона, Стюарта и кого-либо еще) экспедиции не ставит под сомнение сам факт путешествия. Скорее всего, Рид отправился к истокам рек Северный Платт, Шайенн и Биг-Хорн, известным как великолепные охотничьи угодья, с небольшой группой охотников-трапперов в надежде хорошо заработать на пушном промысле. Достоверно, что весну (конец апреля и май), лето и, вероятно, сентябрь 1843 года Рид провел в странствиях по просторам Великих Равнин. Аккумулированные там впечатления легли в основу нескольких (как «юношеских», так и взрослых) романов беллетриста, дали ему бесценную информацию о животном и растительном мире северо-западной части США, ландшафтах, климате, природе тех мест, куда еще редко ступала нога белого человека.

Предыдущие охотничьи экспедиции не только напитали его впечатлениями, но и принесли Риду кое-какой доход (впрочем, если вспомнить о тяжелой зиме в Питсбурге — он был едва ли велик). Итоги путешествия 1843 года ограничились главным образом впечатлениями: заработать приличные деньги Риду не удалось. Он и его товарищи интенсивно охотились, били не только бизонов, оленей и лосей, но и выдру, бобра, куницу, не брезговали даже ондатрой (мускусной крысой) и надеялись неплохо заработать на пушнине. Но 1843 год стал самым плохим в истории меховой торговли. Она находилась в глубоком кризисе. Меха почти не находили сбыта на традиционном европейском рынке, ими были забиты склады «Компании Гудзонова залива» и Русско-американской компании. Только этими обстоятельствами объясним тот факт, что осенью 1843 года Майн Рид навсегда расстается с Дальним Западом и покидает ставший почти родным Сент-Луис.

Филадельфия: Эдгар Аллан По и другие

Даже нашего современника — человека, привыкшего преодолевать огромные расстояния, перемещаясь на автомобилях, поездах и самолетах, — не может не удивлять поразительная мобильность Майн Рида, масштабность передвижений будущего писателя по североамериканскому континенту. За несколько лет, путешествуя верхом, пешком, на пароходах и других судах по рекам и озерам, он в своих странствиях преодолевал огромные расстояния, перемещаясь от границ Канады на севере до центральной Мексики на юге и от Скалистых гор на западе до Нью-Йорка на востоке. В своем первом романе он писал: «За десять лет я не прожил на одном месте и десяти недель. Я исколесил американский материк от крайнего севера до крайнего юга, пересек его от океана до океана. Нога моя попирала вершины Анд и взбиралась на Кордильеры Сьерра-Мадре. Я спускался на пароходе по Миссисипи и поднимался на веслах по Ориноко. Я охотился за буйволами с индейцами племени поуни в степях Платтэ и за страусами в пампасах Ла-Платты. Сегодня я дрожал от холода в эскимосской юрте, а через месяц нежился в гамаке под тонкой, как паутина, листвою пальмы коросо».

Строки эти написаны в 1850 году и полны преувеличений: на самом деле его нога никогда не «попирала вершины Анд», и, конечно, он не охотился «за страусами в пампасах Ла-Платты». Преувеличение содержит утверждение, что он «и десяти недель не прожил на одном месте»: несколько месяцев он пробыл в Новом Орлеане, почти год провел в Нэшвилле. Но если Рид и исказил истину, то совсем ненамного: в 1840-е годы его «адреса» и занятия менялись в калейдоскопическом ритме. Соблазнительно было бы объяснить этот калейдоскоп в духе Элизабет Рид: Майн Рид был подлинным «искателем приключений» и в поисках новых неустанно колесил по Новому Свету. Читатель, однако, видит, что это не совсем соответствует истине: головокружительные перемещения будущего писателя были обусловлены не столько стремлением к новым впечатлениям, сколько необходимостью обеспечить достойное существование. Едва ли приходится сомневаться, что у Рида была своя собственная «американская мечта», и материальному благополучию в ней отводилось не последнее место. Для того чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить о его попытках начать карьеру в Северной Ирландии, о мытарствах в Новом Орлеане и Натчезе, об учительстве в Теннесси и о попытках заработать, занимаясь торговлей и добычей пушнины в прериях. Кризис, поразивший торговлю мехами в начале 1840-х годов,

кратковременный, но глубокий упадок экономической активности на пограничье привел Рида к выводу, что дальнейшее пребывание на Западе не принесет ему преуспеяния. И тогда он обратил свой взор на восток США. Первой попыткой «порвать с Западом» можно считать зиму, проведенную в Питсбурге. Но возникшие там трудности бытового характера и тяжелые финансовые обстоятельства заставили его вновь пытать счастья в прериях. Фиаско, постигшее Рида на ниве добычи пушнины и меховой торговли, окончательно отвратило его от Запада.

В конце сентября 25-летний Майн Рид покинул Сент-Луис, чтобы никогда больше не возвращаться в этот город. Никогда более его нога не ступала и на пространства так полюбившихся ему прерий — Великих Американских Равнин.

Как и прошлой осенью, путь его лежал в Питсбург. На этот раз Рид пробыл здесь недолго — неделю или чуть больше. И вновь город разочаровал его — за прошедший год грязи на немощеных улицах не стало меньше, зато железа и чугуна, как с гордостью сообщали ему его земляки-промышленники, выплавлять стали больше, да и жителей — рабочих металлургических предприятий явно прибавилось. Но было и положительное: уже после отъезда Рида в Сент-Луис в 1842 году местная газета «Питсбург кроникл» опубликовала несколько его стихотворений. Они были подписаны псевдонимом *Poor Scholar* — то есть «Бедный школяр».

Надо сказать, поэзией он начал увлекаться еще в Белфасте, учась в Королевском колледже. Но родители относились к увлечению сына (а увлекался он поэзией английских романтиков и, в частности, восхищался Байроном) неодобрительно, полагая это греховным. Возможно, что уже в Белфасте Рид начал сочинять и сам, но никаких сведений об этих ранних поэтических опытах не сохранилось. К тому же, если они и существовали, юноша вынужден был скрывать их от своих близких. К сожалению, не сохранились также ни тексты, ни даже заглавия тех стихотворений, что были опубликованы в «Питсбург кроникл».

Казалось бы, невелика честь — опубликовать несколько лирических стихотворений на газетных страницах, заполненных в основном объявлениями и рекламой. Но для Рида это означало многое. Во-первых, поэт — это было так романтично! Во-вторых, он почувствовал себя литератором, писателем — со всеми вытекающими отсюда последствиями — и решил, что сможет прокормить себя литературным трудом. В то же время он прекрасно понимал, что реализовать свой талант (в котором был совершенно уверен!) в промышленном Питсбурге невозможно. Этим объясняется его скорый отъезд в Филадельфию.

В первой половине XIX века Филадельфия — не только один из самых богатых и процветающих городов Соединенных Штатов, но и город с богатыми культурными и историческими традициями, колыбель американской революции и американской демократии. Город энергично развивался и, в отличие от промышленного, но по сути своей провинциального Питсбурга, был настоящим культурным центром. Здесь выходили газеты и журналы, издавались книги, работали библиотеки, университеты и колледжи, кипела политическая жизнь, а люди были образованнее, чем где бы то ни было в стране. Очень значительной в Филадельфии была и шотландско-ирландская община. Сам ли Рид принял решение перебраться в этот город, или ему посоветовали — неведомо. Но известно, что в Филадельфию он ехал не «на авось», но «вооруженный» адресами и рекомендательными письмами, которыми его снабдили земляки в Питсбурге.

Переезд в Филадельфию для Рида стал судьбоносным. Те несколько лет, что он провел в этом городе, оказались для него этапными и определили его будущую — литературную — судьбу.

О Филадельфии начала — середины XIX столетия написано немало. И все писавшие о ней сходятся во мнении об этом городе как о своеобразных «Афинах Америки». Начать с того, что город имел совершенно не американский, но европейский облик. Герви Аллен, американский биограф Эдгара По, жившего и творившего тогда здесь, так писал о Филадельфии 1840-х годов: «Город в ту пору был почти целиком застроен домами из красного кирпича с отделкой из белого камня и полированными мраморными ступенями. Улицы с проложенными посередине каменными сточными желобами мостили булыжником, сменявшимся на перекрестках плотно пригнанной брусчаткой. Для пешеходов во всех жилых и деловых районах были устроены сложенные из кирпича широкие и тенистые тротуары. Здесь было множество обнесенных оградами садов и церковных дворов, часто встречались открытые пространства, среди которых выделялась площадь Франклина со знаменитым фонтаном, — город чрезвычайно гордился своей системой водоснабжения, тогда одной из лучших в мире». Интересной «была планировка города, расчерченного на квадраты пересекающимися под прямым углом и последовательно пронумерованными улицами. Дома с их до странности правильной и точной нумерацией, казалось, всем своим гордым и строгим видом говорили о степенстве и добропорядочности их обитателей».

Особенно респектабельной была нижняя часть города. Здесь располагались Коммерческая биржа, банки, офисы компаний,

театры и лучшие магазины. Там же находились многочисленные редакции газет и журналов, издательства, ближе к порту — типографии и граверные мастерские, которых тоже было немало. «У находившейся рядом речной пристани теснилось целое скопище судов всех родов и оснасток, чьи паруса и мачты высились над плоскими крышами выстроившихся вдоль набережной складов, отделенных друг от друга узкими, мощенными камнем проходами. Мимо них с оглушительным грохотом, сопровождаемым проклятиями кучеров и беспрерывным щелканьем длинных кнутов, катились по булыжной мостовой груженные тяжелыми тюками с товаром телеги и фуры, набитые пассажирами линейки, юркие кабриолеты и шарабаны… С наступлением сумерек начинали свой обход ночные сторожа, останавливаясь на углах, чтобы зажечь заправленные ворванью уличные фонари, постучать колотушкой или зычным криком «Все спокойно!» возвестить о прошествии еще одного ночного часа. На рассвете город просыпался от стука лошадиных копыт и громыхания телег и фургонов, в которых восседали дебелые и краснощекие немецкие фермерши, прижимая к себе глиняные горшки со сливочным маслом и набитые буханками ржаного хлеба и кругами сыра корзины. Эти караваны направлялись к длинным, приземистым рыночным павильонам, протянувшимся на целые кварталы вдоль Верхней (Рыночной) улицы. Сюда, под их высокие, покоящиеся на сваях крыши, на перегороженные деревянными стенками прилавки, свозились поражавшие чужестранцев своим богатством плоды одной из самых изобильных земледельческих областей в Соединенных Штатах. То был цветущий и щедрый мир». Разумеется, он не только контрастировал с существованием на границе, привычным Риду, но разительно отличался от хаотично-суетливого, пыльного Сент-Луиса, бессистемно застроенного дощатыми домами, претенциозного, но провинциального по своей сути Нэшвилла и грязного, прокопченного Питсбурга.

Можно представить, какое впечатление «цивилизованная» Филадельфия должна была произвести на молодого Рида. Добавим к этому — в начале 1840-х годов Филадельфия являлась вторым по количеству населения городом страны, уступая в многолюдности лишь Нью-Йорку и, безусловно, опережая его по благосостоянию и (что важно) образованности горожан. Стоит ли удивляться, что в описываемый период Филадельфия превратилась в настоящую литературную столицу США.

В 1840-х годах здесь кипела интенсивная художественная жизнь, издавались газеты и книги, выходили разнообразные литературно-художественные журналы и альманахи, многие из

которых имели общенациональную аудиторию и распространялись по всей стране. Наиболее известным среди них являлся «Грэме мэгэзин» (*Graham's Magazine),* на страницах которого печатались крупнейшие американские писатели — прозаики и поэты — того времени: Дж. Фенимор Купер, Н. Готорн, У. Лонгфелло, У. К. Брайент, Дж. Р. Лоуэлл, Э. А. По. С именем последнего связано становление журнала и начало его расцвета: с февраля 1841-го по апрель 1842 года По был редактором журнала и за этот короткий период превратил его в ведущее литературно-художественное издание страны, подняв число подписчиков с трех с половиной до двадцати пяти тысяч. Разумеется, выходили и другие литературные периодические издания. Назовем лишь самые известные: «Гоудис ледис бук» (*Godey's Lady's Book),* «Бартоне джентльмене мэгэзин» (*Burton's Gentlemen's Magazine),* «Филадельфия сэтеди мьюзеум» *(Philadelphia Saturday Museum),* «Аткинсоне Каскет» *(Atkinson's Casket)*. Э. П. Оберхольтцер, автор энциклопедической по обилию информации «Литературной истории Филадельфии», называет период с конца 1830-х по середину 1840-х годов самым плодотворным в литературной истории города. В него отовсюду устремились опытные и сведущие редакторы, маститые и начинающие авторы. Среди последних был и Майн Рид. Конечно, в том, что он очутился в это время в Филадельфии, была изрядная доля случайности, но и удачи: начинающий литератор, безусловно, оказался в нужное время в нужном месте.

Творческий багаж Рида был совсем невелик и составлял, как известно, всего лишь несколько опубликованных стихотворений. Но в городе ощущался дефицит авторов и открывался широкий простор для приложения усилий поэтов, прозаиков, публицистов, критиков и журналистов самого разного свойства. Рекомендательные письма и предприимчивый характер Рида открыли ему двери многих филадельфийских изданий. Свою роль, вероятно, сыграли также и его неизменная элегантность, присущая ему доброжелательность и уверенность в своих силах, безукоризненно правильная речь, английское происхождение и английское высшее образование. Он был принят в доме владельца «Филадельфия сэтеди мьюзеум» Томаса Кларка и нередко там обедал, можно было встретить его и на званых ужинах известного своим хлебосольством Джорджа Грэма — хозяина «Грэме мэгэзин». Рид сотрудничал в нескольких изданиях одновременно. Его статьи и стихотворения печатали «Грэме мэгэзин», «Филадельфия сэтеди мьюзеум» и «Гоудис ледис бук». Рид не состоял в штате какого-либо издания, а был, что сейчас называется, «фрилансером», сочиняя статьи для того или иного

издания и получая за них плату, если они подходили журналу. Такая форма сотрудничества была общепринятой в те времена, когда подавляющее большинство материалов в газетах и журналах публиковалось анонимно. Наиболее активно Майн Рид сотрудничал с «Гоудис ледис бук». В этом ежемесячном альманахе ему удавалось публиковать не только статьи и очерки, но и свои поэтические опусы.

«Гоудис ледис бук» был, безусловно, наиболее успешным в коммерческом плане предприятием среди периодических изданий не только Филадельфии, но и всей страны: по своим тиражам он намного опережал любые американские журналы того времени, а по полиграфическому исполнению не уступал ведущим британским изданиям. Несмотря на то, что журнал был довольно дорог (годовая подписка стоила три доллара — достаточно серьезные по тем временам деньги!), в начале 1840-х количество его подписчиков достигало пятидесяти тысяч, а в 1850-е перевалило за сто. Как можно догадаться из названия, журнал прежде всего был ориентирован на женскую аудиторию. Периодики подобного рода в Америке того времени издавалось множество. Только в Филадельфии, кроме «Гоудис ледис бук», выходили еще «Элбам энд ледис уикли газетт», «Ледис Литерари Портфолио», «Каскет, о Флауэсов Литрэче, Вит энд Сентимент», «Ледис Гарлэнд» и целый ряд других изданий, но с «Гоудис ледис бук» никто из них не мог соперничать. Уже современники сетовали на «всеядность» и тривиальность журнала, на потакание невзыскательным вкусам публики. Действительно, журнал нельзя было упрекнуть в чрезмерной интеллектуальности. Он был также принципиально аполитичен. Его страницы в изобилии заполняли невзыскательные назидательные истории, сентиментальные стихотворения и поэмы о любви, рассказы о привидениях и преступлениях, разнообразные, очень популярные в то время головоломки и шарады, картинки и кулинарные рецепты, самого различного свойства статьи, очерки и зарисовки (главным образом познавательного и практического характера) и т. п. Большое место неизменно принадлежало обсуждению новинок моды. Хотя это и было затратно для издателя, но в каждом номере журнал обязательно помещал несколько цветных иллюстраций, на которых были изображены дамы в нарядах новейших фасонов.

Откровенно тривиальный характер издания не мешал публиковаться в нем ведущим американским писателям того времени. Его страницами не пренебрегали не только начинающие, но и такие крупные фигуры, как Вашингтон Ирвинг, Н. Готорн, Дж. Полдинг, У. Г. Симмс, другие маститые

литераторы. Несколько своих рассказов, критических статей и стихотворений напечатал в нем и Э. А. По. Журнал хорошо платил своим авторам. Но не только это влекло к нему писателей. Неизменный на протяжении нескольких десятилетий (с 1841 по 1877 год) редактор «Гоудис ледис бук» миссис Сара Хейл одной из целей журнала провозгласила «развитие национальной литературы» и активно привлекала американских (особенно начинающих) авторов к сотрудничеству. Политикой журнала стал отказ от перепечаток из английских источников (такое «пиратство» было обычной практикой в Америке). Помимо очевидных достоинств (развитие национальной словесности), эта позиция имела и оборотную сторону: неизбежное поощрение дилетантизма. Не нам судить об эксцессах, но для Майн Рида (и десятков других начинающих литераторов) это было благо — ведь он и был тогда самым настоящим дилетантом в литературе.

В связи с традиционной для газетно-журнальной практики того времени анонимностью достоверно неизвестны характер и количество материалов, опубликованных Ридом в «Гоудис ледис бук» и других изданиях, наверняка это были небольшие очерки, статьи и заметки. По сути — обычная «литературная поденщина», которая может представлять лишь культурноисторический интерес. О чем мог писать начинающий литератор? Можно предположить, что это были небольшие очерки об охоте, животном и растительном мире, заметки и зарисовки этнографического характера, посвященные быту, нравам, обычаям и нарядам мексиканцев и вообще латиноамериканцев — перуанцев, чилийцев, боливийцев. Таких анонимных материалов в «Гоудис ледис бук», в других филадельфийских журналах и альманахах в то время печаталось множество. Все латиноамериканское вызывало тогда живейший интерес у американской, особенно женской, аудитории. Что-то Рид мог почерпнуть из собственного опыта, о чем-то писал, опираясь на сведения из вторых рук и литературных источников.

Под псевдонимом «Бедный школяр» он публиковал поэтические тексты. Наиболее известным из них является весьма пространная поэма под названием «Ла Кубана (то есть девушка-кубинка. — *А. Т.)*. Романс островов». Большой объем произведения не предполагал возможным напечатать ее целиком и сразу. «Кубинка» публиковалась частями в «Гоудис ледис бук» в четырех номерах с февраля по май 1845 года.

«Кубинка» — самый крупный, но не единственный поэтический опыт Рида. Его стихотворения регулярно появлялись на страницах «Гоудис ледис бук» и «Грэме мэгэзин» в течение 1844–1846 годов. Увлекался версификацией он и позднее, уже

состоявшись как романист — автор приключенческих повествований для юношеской и взрослой аудитории, но как поэт Рид так никогда и не превзошел дилетантский уровень. Нельзя не согласиться с выводом Дж. Стил, которая утверждает: «Стихотворения Рида, публиковавшиеся в журналах «Гоудис» и «Грэме», едва ли представляют художественный интерес. В основном они невелики по объему, их тематика — неразделенная любовь и красоты природы — вряд ли действительно волновала молодого автора».

В филадельфийский период Майн Рид не создал ничего значительного и, будем честны, не особенно выделялся на фоне весьма многочисленной когорты литераторов, подвизавшихся здесь на ниве изящной словесности. К тому же занимался он больше журналистской поденщиной, нежели беллетристикой. Но нельзя недооценивать опыт, полученный Ридом в Филадельфии. Это был период ученичества, осознания себя как литератора, поиска собственных тем и сюжетов, погружения в литературный контекст эпохи и ее предпочтений, практический урок существования в литературной среде. Важнейшей составляющей в этом процессе были литературные и человеческие контакты Рида, его знакомства, круг общения — местные беллетристы, журналисты и редакторы, с которыми он каждодневно взаимодействовал.

* * *

Все, кто касался истории жизни и творчества писателя, непременно упоминали о дружбе Майн Рида с Эдгаром Алланом По. Знакомство начинающего литератора с великим американцем — бесспорный факт. Его подтверждают все биографы поэта: от авторов «классических» жизнеописаний По — Артура Хобсона Квина и Герви Аллена — до современных биографов. Сам Рид даже утверждал, что целый месяц делил кров с поэтом и его семьей, живя в его доме. Учитывая стесненные обстоятельства, в которых существовала семья По, это утверждение вызывает сомнения. Но Рид был действительно вхож в дом, хорошо знаком не только с поэтом, но и с его женой и тещей, с бытовыми условиями каждодневного существования семьи. Подтверждение тому, прежде всего, — содержание очерка под названием «В защиту умершего» ***(Dead Man Defended),*** опубликованного Майн Ридом в 1869 году в журнале «Вперед» в связи с двадцатой годовщиной со дня смерти поэта. Рид пишет в своем очерке: «Около четверти века назад я знал человека по имени Эдгар

Аллан По. Я знал его очень хорошо — настолько, насколько может один человек знать другого после тесного и почти ежедневного общения в течение двух лет. Тогда он был уже известным поэтом, а я лишь скромным поклонником муз».

Все написанное здесь — правда. Действительно, уже тогда репутация По-поэта была исключительно высока, а Майн Рид только делал первые робкие шаги на литературном поприще. Рид несколько преувеличил насчет двух лет: их знакомство и общение продолжалось с осени 1843-го по весну 1844 года, когда По с семьей перебрался в Нью-Йорк, а Рид остался в Филадельфии. Но календарно он здесь не слишком преувеличил.

Те, кто жил в городе в это время и знал По и Рида, часто видели их вместе. Нередко, например, они присутствовали на ужинах у крупного издателя, владельца «Филадельфия сэтеди мьюзеум» и «Филадельфия ивнинг пост» Т. К. Кларка, которые тот регулярно устраивал. Они приходили туда вместе и обычно вместе же уходили. «Одним из близких приятелей По, — вспоминал Говард Пол, племянник издателя, — был капитан Майн Рид, и когда они встречались за столом у моего дядюшки, а случалось это часто, между ними начинался обмен мнениями и суждениями в совершенно очаровательной, неподражаемой манере…» О Риде он отзывался следующим образом: «Майн Рид был велеречивым и совершенно неутомимым рассказчиком; особенно блистал он, когда дело касалось его приключений и путешествий». Э. По, по его словам, считал, «что Майн Рид обладает бьющим через края и исключительно изобретательным воображением — особенно когда рассказывает о своем собственном опыте».

Обстоятельства их знакомства достоверно неизвестны, но, судя по всему (существуют свидетельства), приехав в Филадельфию, Рид поселился в том же районе, в котором жил тогда поэт. Позднее он вспоминал: «Когда я познакомился с По, тот обитал в пригороде Филадельфии, который назывался «Спринг Гарден»… Это был тихий и спокойный пригород, известный тем, что здесь селились местные квакеры. Я хорошо помню, что он жил по соседству с одним из них… Тот проживал в великолепном четырехэтажном строении, сложенном из красивых — цвета коралла — кирпичей, коими так славится Филадельфия, а поэт обитал в маленьком — из трех комнат и чулана — щелястом домике, больше походившем на мансарду. Он был сколочен из досок и жался к боку своего более претенциозного соседа». Биографы поэта утверждают, что речь идет о «маленьком домике», упоминаемом По в своей переписке, который занимала его семья на Шестнадцатой улице. Этот район располагался

неподалеку от центра, но наем жилья здесь обходился дешевле, чем в других районах города. Судя по всему, где-то поблизости поселился и Рид, перебравшись в Филадельфию.

«Могу сказать, что в этом скромном жилище я провел много самых приятных часов своей жизни и, безусловно, самых интеллектуально насыщенных», — пишет Майн Рид в своей статье. Можно заметить, что его совершенно очаровала юная супруга поэта — Виргиния. «Эти часы проходили в обществе самого поэта и его жены — ангельски прекрасного существа, — вспоминает он. — Никто из тех, кто помнит эту темноглазую и темноволосую дочь Виргинии — насколько я помню, имя ее совпадало с местом ее рождения, — ее грацию, красоту лица, ее поведение и манеры, такие сдержанные и достойные, что их нельзя не отметить, никто, кто хотя бы час провел в ее обществе, не может отрицать сказанного выше».

Майн Рид познакомился и поддерживал дружбу с поэтом в трудную пору его жизни. Незадолго до их знакомства По потерял должность редактора в «Грэме мэгэзин» и жил на гонорары, которые причитались ему за публикации статей, стихотворений и рассказов. Писал он много. Рид отмечает: «Бывало так, что он на целый месяц запирался в своей хижине, прислонившейся к особняку богатого квакера, и все свое время посвящал перу и бумаге — упорному труду, за который мало платили». Великий поэт и его жена не отличались практичностью. Рид замечает, что они постоянно брали в долг и едва сводили концы с концами, но у них был ангел-хранитель — мать жены поэта, без которой им едва ли удалось бы выжить. Рид восхищался этой женщиной. Он пишет: «В хижине рядом с поэтом и его удивительной женой обитал еще один человек. То была грузная особа средних лет совершенно мужеподобной внешности, с лицом и фигурой, мало напоминавшими женскую. Незнакомец был бы поражен — как в свое время был потрясен я, будучи ей представлен: оказалось, она — мать того ангельского существа, что была назначена делить судьбу с Эдгаром По… Когда вы узнавали эту женщину ближе, внешняя ее мужеподобность совершенно растворялась в истинно женской сущности ее характера; перед вами представала одна из тех великих Американских матерей, что жили в эпоху укрепленных поселений и домов, которые нужно было защищать; такие женщины выплавляли пули в своих раскаленных докрасна кастрюлях и перезаряжали ружья для своих сыновей и мужей, что вели из бойниц огонь. Такая женщина была тещей поэта По. И если ей не довелось оборонять свой дом от набегов дикарей-индейцев, то сражалась она с едва ли менее безжалостным и неумолимым врагом, победить которого было не легче, — с

бедностью. Она была неусыпным стражем этого дома, борясь с безмолвной, но неумолимо подступавшей нуждой, что с каждым днем становилась настойчивее и ближе. Она была единственной служанкой в доме, но все содержала в чистоте; единственным посыльным, осуществлявшим связь между поэтом и его издателями, и часто приносила холодные ответы: «Статья не принята» или «Чек будет выдан не раньше такого-то числа», а ежедневные расходы требовали денег немедленно». Помимо очевидного восхищения тещей поэта, в словах Рида обнаруживается глубокое и подлинное знание жизненных обстоятельств семьи, что источником своим, разумеется, имело тесное и продолжительное знакомство. Можно понять, что Рид был частым гостем в доме и, в числе других, расположенных к поэту людей (прежде всего «коллег по цеху»), как мог, пытался помогать его семье.

Что могло сблизить таких разных людей: открытого весельчака и балагура, щеголя и холостяка, оптимиста и литератора-дилетанта 25-летнего Рида и Эдгара По — сумрачного, порой едкого и циничного, обремененного семьей и долгами, почти 40-летнего опытного писателя, вполне осознающего свой незаурядный дар и его невостребованность? Можно сказать — общая профессия. Так объясняют их приятельство биографы великого американского поэта, неизменно упоминая Рида в качестве автора детских приключенческих романов, невольно повышая таким образом литературный статус молодого англичанина и невольно «подверстывая» его к уровню По. Герви Аллен, например, так характеризует его: «Капитан Майн Рид — молодой, располагающий к себе писатель, внешне чем-то похожий на Наполеона III, автор романа «На бревне по Амазонке», который печатался с продолжением в детском журнале «Ауэр Янг Фолке» и держал в трепетном напряжении целую армию юных искателей приключений». Все, кроме внешнего облика, противоречит действительности: Рид еще не был капитаном, он не публиковался в упомянутом журнале и не написал не только «На бревне по Амазонке» (произведение было написано и опубликовано двадцать с лишним лет спустя — в 1866 году!), но вообще не сочинил еще ни одного романа. Да и журнал под таким названием выходил позднее: он издавался с 1865 по 1873 год.

Да и едва ли По-художник мог относиться к Риду-литератору как к равному. Было бы даже странно, если бы великий поэт, всегда судивший об искусстве «по гамбургскому счету» — невзирая на лица, — считал равным себе версификатора-дилетанта. Можно добавить, что в своих оценках, если это

касалось литературы, По не стеснялся и мог быть жестоким и пренебрежительным даже к тем, кто его любил. Судя по всему, Рид помнил это и обижался на покойного даже двадцать лет спустя. Хотя в статье в защиту памяти поэта Рид очень высоко оценивал его как прозаика и говорил о том, что «его проза, по классической чистоте и острой аналитической силе, до сих пор не превзойдена в республике литературы», о поэзии великого американца он там же высказал совершенно вздорное суждение: «Не хочу говорить о его поэтическом таланте. Сам я никогда не считал его дар великим, тем более что знаю — стихотворение, ставшее краеугольным камнем его славы, создано не Эдгаром Алланом По, но Элизабет Баррет Браунинг (английская поэтесса «второго ряда», жена поэта Роберта Браунинга. — *А. Т.).* В «Ухаживании леди Джеральдины» вы найдете оригинал «Ворона»». Тем не менее отношение Э. По к Риду было все же в основном доброжелательным. Хотя поэт и говорил, «что Майн Рид — колоссальный лгун», но добавлял, что лгун он «исключительно живописно-изобретательный». «Он выдумывает совершенно невообразимые вещи, но делает это так искусно и художественно убедительно, — свидетельствовал По, — что я всегда внимательно его слушаю».

Бытует версия и том, что их якобы сблизило увлечение охотой. Действительно, известно, что По любил охотиться. И такой умелый и опытный охотник, как Майн Рид, мог составить ему неплохую компанию. Но, живя тогда в крайней нужде, По едва ли мог позволить себе это увлечение, да и Рид нигде не упоминает о совместной охоте с поэтом. Если бы нечто подобное имело место, Рид не преминул бы сообщить об этом.

Эдгара По и молодого Майн Рида сблизил общий социально-литературный контекст. Они ходили по редакциям одних и тех же журналов, общались с одними и теми же людьми, бывали на одних и тех же обедах и ужинах. Наконец, у них были общие знакомые. С некоторыми, кто был близок к Э. По, познакомился и подружился и начинающий литератор М. Рид. Среди тех, с кем в трудный для него период наиболее тесно общался поэт и кто его поддерживал, биографами чаще всего упоминаются имена Томаса Инглиша, Джорджа Липпарда и Генри Хирста. С ними был дружен и Рид. Они познакомили его с великим американцем, ввели его в дом поэта.

В истории американской литературы Т. Инглиш, Дж. Липпард и Г. Хирст довольно хорошо известны. Конечно, их известность несопоставима с известностью крупнейших писателей США XIX века. Но они и не относились к числу выдающихся явлений национальной словесности, хотя в преддверии Гражданской

войны многие их произведения пользовались популярностью. Можно утверждать: не только каждый из них сыграл свою роль в судьбе Рида-литератора, но и общение с Ридом оказало свое влияние на их творческий облик. Тогда, в середине 1840-х годов, все они были молоды, амбициозны и, подобно Риду, делали первые шаги в литературе, но, в отличие от Рида — приезжего, являлись коренными филадельфийцами.

Томас Инглиш[15] в истории литературы США известен не столько своими литературными достижениями, сколько своей ссорой с Эдгаром По. Она случилась в 1845 году и вылилась затем во взаимные обвинения и ряд взаимных литературных пародий. (Инглиш в 1846 году опубликовал роман «1844», в котором одного из героев зовут Мармадьюк Хаммерхэд (то есть Тупоголовый), он является автором знаменитого стихотворения «Черная ворона», в котором рефреном звучит знаменитое «nevermore» По. В ответ По опубликовал новеллу «Бочонок Амонтильядо», пародирующую роман, а позднее и другую пародию — рассказ «Прыг-Скок».) Но тогда (с 1842 по 1844 год) Инглиш был, пожалуй, самым близким к По человеком, посредничал в переговорах поэта с издателями, выполнял просьбы и поручения, сопровождал его на прогулках, часто бывал у него дома и т. п. В 1843–1844 годах рядом с Инглишем и По часто можно было видеть и Рида.

Столь же неразлучен с По был и Г. Хирст[16] — начинающий поэт и юрист. Великий американец весьма высоко оценивал версификаторские способности своего друга. В середине 1840-х Хирст много печатался как поэт в «Грэме мэгэзин», «Гоудис ледис бук» и других периодических изданиях Филадельфии, занимался редакторской работой. Он помогал По и советами юридического свойства, поддерживал его идею основать собственный журнал.

Третьим в этой группе был Джордж Липпард[17]. С ним у Рида сложились наиболее тесные отношения: можно говорить не только о приятельстве, но и о возникшей между ними дружбе. Липпард был на четыре года моложе Рида, ему импонировал богатый опыт старшего товарища, он с восторгом внимал его рассказам о приключениях в прериях, об охоте на бизонов, о жестоких индейцах и мужественных охотниках-трапперах, о живописных нравах и обычаях обитателей Новой Мексики. Конечно, в своих историях Рид по привычке давал волю воображению, но, поскольку сочинял он довольно складно, многому его приятель, безусловно, верил. Рассказанное Ридом легло в основу тогда же написанной Липпардом истории «Красавица прерий» *(The Belle of Prairie Eden),* которая была опубликована в «Гоудис ледис бук» в 1844 году, и стимулировало

интерес молодого писателя к Мексике. Позднее результатом стала книга под названием «Легенды Мексики», изданная в 1847 году.

Липпард был моложе Рида годами, но куда опытнее его как литератор и журналист. Ему не сравнялось еще и двадцати, когда он стал сотрудником филадельфийской «Сэтеди ивнинг пост». Он начинал как полицейский репортер, рассказывал о преступлениях, совершенных в городе, писал о нравах обывателей, особенно интересуясь жизнью городского «дна», ночевал с бездомными в ночлежках и заброшенных домах. В газете он опубликовал и свои первые рассказы. В начале его излюбленным жанром был сенсационный рассказ, позднее он начал писать большие романы (они выходили объемными изданиями в трех и даже в четырех томах). Сюжеты свои он извлекал из национального и городского прошлого, «оснащая» их атрибутами «готического» повествования. Автор называл их «легендами», и они пользовались большой популярностью у местной читательской аудитории. «Популярность произведений Липпарда в конце сороковых — начале пятидесятых была столь высока, — отмечал Э. Оберхольтцер в своей «Литературной истории Филадельфии», — что — его читали даже те — ремесленники, рабочие, продавщицы в лавках, фермеры и их жены, — кто не только никогда не брал книг в руки, но нередко и не видел их прежде воочию».

В сближении двух молодых людей сыграли свою роль несколько факторов. Прежде всего, Рид нашел в Липпарде благодарного и восторженного слушателя, что ему, безусловно, льстило. У Липпарда были обширные связи и знакомства, и он щедро делился ими с Ридом. Риду, в свою очередь, нравилось то, что и как писал его младший друг, и он, будучи человеком открытым и восторженным по складу характера, не скрывал своего восхищения. Но, вероятно, еще больше их сближал общий радикализм во взглядах. И тот и другой исповедовали демократические убеждения, им претил капитализм и капиталистическое отношение к человеку, они с негодованием говорили о положении иммигрантов и возмущались антииммигрантскими погромами в Филадельфии, были противниками рабства. Можно утверждать, что общение с Липпардом способствовало развитию демократических убеждений Рида: эти убеждения писатель пронес через всю жизнь, они воплотились в его романах и существенно повлияли на личную судьбу писателя.

Сближало их и отношение к Великобритании: и тот и другой были яростными противниками британской великодержавности и

высокомерия. Как раз в те годы родину Рида — Ирландию поразил жестокий голод, который ежегодно уносил до 300 тысяч человеческих жизней. Рид многое мог рассказать Липпарду: о нищете и бесправии своих соотечественников, о жестокости и лицемерии британской администрации, об отсутствии школ, больниц и — шире — жизненных перспектив для коренного населения острова. Его рассказы неизбежно должны были тронуть сердце яростного демократа. Риду импонировал и патриотизм Липпарда. С негодованием обличая пороки Америки, его товарищ, тем не менее, считал свою страну лучшей в мире и в этом убеждении находил горячего сторонника в лице Рида.

Уже тогда Липпард размышлял о социальном реформаторстве и вынашивал идею создания некоего союза, который объединил бы всех, кто хочет деятельно бороться с нищетой и преступностью. В 1850 году он основал «Братство Союза» — тайную благотворительную организацию, каждый член которой действовал под конспиративным псевдонимом. «Братство» действовало в США долгие годы и прекратило свое существование только в 1994 году. Джордж Липпард был утопистом и, определяя цели и задачи учрежденного им союза, говорил: «Он призван разрушить то социальное зло, которое производят нищета, алкоголизм и преступление. Он направлен на устроение правильных взглядов на отношения между трудом и капиталом, таких, при которых ни капиталист не мог дольше быть тираном, ни рабочий его жертвой, но оба превратились бы в партнеров по труду на общей платформе права и справедливости». Липпард смог осуществить свою мечту после публикации в 1845 году авантюрного романа «Город квакеров». Тогда этого термина еще не существовало, но мы смело можем назвать книгу главным *бестселлером* Америки того времени: только в 1845 году она разошлась тиражом почти в 60 тысяч экземпляров, а затем в течение почти десяти лет продавалась в количестве примерно 10 тысяч экземпляров ежегодно. За пять лет роман Липпарда выдержал 27 изданий. Успех превратил автора в одного из наиболее высокооплачиваемых писателей предвоенной Америки: ежегодно роман приносил автору от трех до четырех тысяч долларов — огромные по тем временам деньги.

Эти обстоятельства не могли не повлиять на Рида. Успех Дж. Липпарда и материальные блага, вдруг ставшие доступными человеку, который недавно, в прямом смысле, не имел крыши над головой, безусловно, способствовали тому, чтобы Майн Рид укрепился в решении связать свою жизнь с литературой.

Среди тех, с кем контактировал Рид, были, конечно, и люди очень далекие от литературы и искусства — те, кто составлял его

«социальное окружение»: квартирные хозяева, где он снимал жилье, владельцы пансионов, в которых он жил (он менял адреса неоднократно), а также булочники, мясники, молочники, портные, парикмахеры и т. п. — то есть те, кто обеспечивал и насыщал его быт. История не сохранила — да и едва ли могла сохранить! — имена этих людей — никто из них, к сожалению, не оставил никаких воспоминаний, которые могли бы помочь восстановить обстоятельства повседневной жизни начинающего литератора в Филадельфии.

Неизвестно также, сколько зарабатывал Рид своим литературным трудом. Однако едва ли речь может идти о каких-то значительных суммах. Хотя в то время филадельфийские журналы платили своим авторам неплохо — столько не платили ни нью-йоркские, ни бостонские журналы. Самыми высокими гонорарами отличались «Гоудис ледис бук» и «Грэме мэгэзин», с которыми сотрудничал молодой писатель. Но ставка оплаты зависела прежде всего от известности автора. Крупному поэту, такому, например, как Лонгфелло, могли заплатить 50 долларов за стихотворение, и даже больше. Необремененному семьей человеку на эти деньги в тогдашней Америке вполне можно было существовать несколько месяцев. Но Рид был начинающим, никому не известным автором. Его тексты публиковались в основном анонимно, редко — под псевдонимом, его гонорары не могли быть высоки. Можно поэтому утверждать, что тех денег, которые он зарабатывал пером, на жизнь ему конечно же не хватало. Отсутствуют сведения, имел ли он дополнительные заработки (может быть, вернулся к преподаванию). Но известно, что ему время от времени помогали родители. Из этих поступлений и складывался его небогатый бюджет.

Как и его молодые приятели, Рид в Филадельфии вел вполне богемный образ жизни. Но не в том смысле, как это нередко понимают, имея в виду бесконечные пирушки и сомнительные приключения (все это, безусловно, было, но, в отличие от своих товарищей, — например Хирста, — Рид не прослыл истовым поклонником Бахуса). Неприкаянность, отсутствие «дома» и уверенности в завтрашнем дне, долги и вечный недостаток денег — все это объемлет та самая «богемность» — «невыносимая легкость бытия», которую ощущал молодой литератор в Филадельфии.

Недостаток средств для существования, а не «истовая любовь к театру», как полагала Элизабет Рид, подвиг ее будущего супруга пробовать свои силы в области драматургии.

В те годы Филадельфия была подлинной театральной столицей Америки. Так сложилось исторически: Пенсильвания,

крупнейшим городом которой является Филадельфия, изначально формировалась как наиболее либеральный штат Америки — с присущей ей веротерпимостью и широким плюрализмом. С самого начала здесь отсутствовали религиозный фанатизм, пуританский аскетизм и нетерпимость, столь характерные для других северо-восточных частей страны. В то же время Пенсильвания, чуть ли не изначально, была самым экономически и интеллектуально развитым штатом. Все это обусловило не только расцвет газетного и журнального дела в Филадельфии и ее «литературный ренессанс» в первой половине XIX века, но и интенсивное развитие театра в городе. На 1830–1850-е годы приходится его апогей.

Когда Майн Рид жил там, в городе функционировало до полутора десятков театров различного уровня и репертуара, в том числе старейший в США «Театр на Уолнат-стрит» (основан в 1809 году и функционирует до сих пор). Столица Пенсильвании привлекала талантливых актеров со всей страны, существовали театральные династии, работали талантливые антрепренеры и организаторы театрального дела, среди них, например, знаменитый Ф. Т. Барнум[18], заложивший в Филадельфии основу своего театрально-циркового бизнеса.

В отличие от рискованного и довольно скудно оплачиваемого литературного труда, написание пьес могло принести их автору серьезные деньги в случае удачи — постановки на сцене и аншлага в зале. Причем в данном случае не надо было неделями ждать выхода журнала и альманаха, а затем тревожиться по поводу чека и суммы, в нем обозначенной. Драматург получал определенный процент от сборов, а зависел он от успеха пьесы у публики.

У театральной Филадельфии были свои кумиры-драматурги. Э. Оберхольтцер в «Литературной истории Филадельфии» выделяет целый ряд успешных местных авторов, поставлявших свои творения в городские театры. В основном они писали мелодрамы, комедии и исторические драмы. Излюбленными источниками сюжетов были античная и национальная история (эпоха Революции и Войны за независимость), латиноамериканская экзотика (преобладала любовная тема), итальянское Средневековье и Возрождение. Весьма интересный и важный факт: сочиняя свои творения, местные драматурги боролись не только за благосклонность публики, но и за специальную премию, учрежденную местным богатеем и театральным меценатом Эдвином Форрестом. Увлеченный театром, он создал специальный премиальный фонд размером в 20 тысяч долларов, из которого ежегодно (на протяжении почти

четверти века) выделялась премия в тысячу долларов. Ее присуждал не сам Форрест, а комитет из филадельфийских и нью-йоркских литераторов. Миллионер был одержим идеей развития национальной драматургии и полагал пагубным наблюдаемое им засилье низкопробных комедий и мелодрам. Высшим достижением он считал жанр возвышенной трагедии, и потому премия его присуждалась «лучшей трагедии в пяти актах».

Увлеченный финансовыми и иными перспективами, Майн Рид принялся за сочинение трагедии. Есть сведения, что он начал писать ее в конце 1845 года, писал с перерывами, многое исправлял и переделывал в тексте. Работа была завершена летом 1846 года. Первоначально Рид планировал назвать ее «Роковая любовь, или Супруг», но в окончательной редакции она получила иное название — «Мученик любви».

Судя по всему, Рид подошел к делу весьма серьезно, тщательно изучив местные вкусы и предпочтения, и рассчитывал как на успех у филадельфийской театральной публики, так, вполне вероятно, и на присуждение награды Форреста. Во всяком случае, он постарался угодить и тем и другим. В пользу этого свидетельствует несколько фактов. Во-первых, жанр и композиция пьесы: «Мученик любви» — так называемая высокая «трагедия в пяти актах». Во-вторых, ее тематика: это история о роковой любви, преданности и предательстве. В-третьих, исторический колорит: действие развивается в «Венеции и ее окрестностях в 1400 году». Сюжет сводится к следующему. Командующий венецианской армией генерал князь Казимир женат на юной красавице Маринелле. Он не молод, глубоко любит супругу. Маринелла ему верна и всячески выказывает свою любовь. Генерал доверяет ей. В Маринеллу влюблен негодяй граф Юлиан Караффа. Он предпринимает попытку объясниться в любви красавице, но его ухаживания с негодованием отвергнуты. Тогда он решает погубить генерала, чтобы добиться власти над Маринеллой. У Маринеллы есть брат граф Бэзил, он офицер и ближайший сподвижник Казимира. Близким к Маринелле человеком является ее духовник монах Лоренцо. Однажды он открывает своей воспитаннице тайну: ее брат — приемный сын ее отца, который таким образом пытался сохранить имущество семьи от передачи ее Венецианской республике. Эту тайну, помимо Маринеллы, узнает Караффа — он подслушал разговор между юной дамой и духовником. Лоренцо предостерегает княгиню от поцелуев и объятий с братом, поскольку тот не брат ее по крови. Генерал и Бэзил возвращаются с победой, одержанной над войсками Милана. Лоренцо встречается с генералом и открывает тайну Бэзила и ему, уверяя, однако, в

верности жены и целомудренности отношений между Маринеллой и братом. Казимир проводит расследование и убеждается в правоте Лоренцо, но слышит также и разговор, из которого следует, что Бэзил любит Маринеллу, а та любит его. Но, верные чести, они отказываются от своей любви: Маринелла остается преданной женой, а Бэзил решает покинуть Венецию и присоединиться к войскам французского короля, чтобы воевать с Австрией. Тем временем негодяй Караффа выступает в сенате республики и обвиняет Казимира в измене. В качестве доказательства он представляет дожу и его советникам подложные документы. Дож, который ненавидит Казимира и завидует его славе, отдает приказ арестовать его. Караффа спешит к Маринелле и пытается овладеть ею, объяснив, что теперь только он способен спасти ее супруга от смерти. Маринелла сопротивляется и зовет на помощь. На крик прибегают ее муж и брат. Бэзил вызывает негодяя на поединок, но ему запрещает драться Казимир, дерется сам и убивает Караффу. Вскоре в доме появляются солдаты, пришедшие арестовать Казимира по обвинению в измене и убийстве Караффы. У Казимира есть шанс оправдаться, но он отказывается от него, потому что знает, что, пока он жив, его возлюбленная Маринелла не сможет обрести счастья — соединиться с Бэзилом, и… идет на плаху.

В том же году пьесу Майн Рида поставили на главных подмостках Филадельфии — в «Театре на Уолнат-стрит». Однако даже игра лучших актеров не смогла обеспечить успех трагедии. Пьеса не провалилась, но до аншлага было далеко, и после нескольких представлений (вдова Рида сообщает о пяти вечерних спектаклях) ее сняли. Неуспех постановки огорчил автора, он не считал его заслуженным. Тем не менее он счел необходимым переработать сочинение. О том, что правка была, свидетельствуют надпись на титульном листе рукописи, сделанная пером самого автора, и дата «20 ноября 1846 года», когда она была закончена. Очевидно, что Рид собирался «продвигать» пьесу в другие театры: в 1849 году он небольшим тиражом и в «театральном формате» издал ее на свои средства в одной из типографий Филадельфии.

«Дух времен»

С неуспехом пьесы или с чем-то иным был связан отъезд Рида из Филадельфии, можно только гадать, но факт остается фактом: в первых числах сентября 1846 года будущий писатель уже находится в Нью-Йорке и начинает сотрудничать в еженедельнике *The Spirit of the Times* («Дух времен»). Судя по всему, протекцию ему составил все тот же Джордж Липпард, который весьма активно сотрудничал с этим изданием в первой половине 1840-х годов.

Рид покинул Пенсильванию в последних числах мая, но в Нью-Йорк направился не сразу. Промежуточным — на несколько летних месяцев — пунктом в его переездах стал Ньюпорт, штат Род-Айленд.

В наши дни этот небольшой город известен прежде всего как один из старейших американских городов и летний морской курорт, а также тем, что там находится крупнейший учебный и научно-исследовательский центр военно-морского флота США. В середине 1840-х Ньюпорт был совсем невелик (в нем насчитывалось чуть больше девяти тысяч жителей), не был центром американской военно-морской науки (таковая отсутствовала), но уже начинал входить в моду как место летнего отдыха состоятельных американцев (главным образом южан). Невозможно со стопроцентной точностью установить, что привлекло Рида именно в этот город, но очевидно, что это было как-то связано с его литературными начинаниями. Вполне вероятно, что переезд в Ньюпорт был обусловлен личными контактами: кто-то из знакомых порекомендовал начинающего литератора владельцу (или редактору) местной газеты *News.* В ней в течение летних месяцев 1846 года он и подвизался в качестве репортера. Выпуски газеты того времени не сохранились. Но даже если бы что-то чудом и уцелело, это не слишком бы прояснило ситуацию — из-за анонимных публикаций. Впрочем, масштабы ньюпортской «Ньюс», похоже, с самого начала не слишком удовлетворяли начинающего журналиста, — уже с июня, едва обосновавшись в городке, Рид начинает сотрудничать (опять же в качестве репортера — внештатного, разумеется) в *New York Herald.* «Нью-Йорк геральд» — одна из ведущих ежедневных американских газет того времени. Нет никакой загадки в том, как Рид стал ее корреспондентом: «Нью-Йорк геральд», будучи газетой нового типа — своеобразным прообразом «желтой прессы» наших дней, большое место уделяла политике и новостям самого разнообразного толка, собирая их из самых

различных источников и с энтузиазмом рекрутируя молодых и амбициозных журналистов. Впрочем, Рид продолжал сотрудничать и в «Годис ледис бук». И, что называется, «для души»: он по-прежнему писал стихи, которые эпизодически появлялись на страницах журнала. Среди немногочисленных публикаций лета — осени 1846 года наиболее заметным было стихотворение «Монтеррей», написанное, видимо, под впечатлением от кровопролитной битвы при одноименном городе.

Жизнь в Ньюпорте, похоже, тяготила Рида. Во всяком случае, именно такой вывод можно сделать, основываясь на нелицеприятных описаниях здешних реалий и праздной публики, заполнявшей модный курорт летними месяцами, в его автобиографическом романе «Жена-дитя».

В первых числах сентября 1846 года Рид оставил Ньюпорт и перебрался в Нью-Йорк, где начал сотрудничать в журнале «Дух времен». Это было издание совершенно иного рода, нежели те, в которых ему приходилось работать прежде. Особенно разительным оказалось отличие от «Годис ледис бук». Дело даже не в том, что филадельфийское издание являлось солидным ежемесячным многостраничным альманахом с цветными живописными вставками, а нью-йоркское — черно-белым иллюстрированным еженедельником. Принципиально иным был характер, соответственно — отличалось и содержание. Если «Ледис бук» считался, во-первых, женским, а во-вторых, довольно «всеядным» изданием, то «Дух времен» был журналом принципиально «мужским». Основные темы еженедельника — спорт (особенно бейсбол, крикет, скачки, охота и яхты), театральная жизнь Нью-Йорка и юмор; издатели чурались политики и хроники светской жизни. Как можно догадаться, они ориентировались прежде всего на имущих представителей среднего класса Америки. Впрочем, было и то, что сближало эти два издания: «Дух времен» с удовольствием предоставлял свои площади под литературные произведения и также сотрудничал с американскими авторами, избегая перепечаток из британских газет.

Неизменным на протяжении многих лет владельцем и редактором журнала был У. Портер[19] (в своей книге вдова писателя ошибочно указала, что Рид работал в журнале Уилкса, что не соответствует истине: Дж. Уилкс владел журналом начиная с 1856 года), который по праву считается основателем американской спортивной журналистики. Журнал пользовался популярностью и имел большой тираж: в середине 1840-х он составлял более тридцати тысяч экземпляров. Поэтому у

владельца журнала была возможность платить приличные гонорары своим сотрудникам, что он и делал, привлекая к работе над изданием лучших специалистов. Но, как мы видим в случае с Ридом, он не отказывался дать шанс и молодым, начинающим.

Конечно, «маскулинный» по своей атмосфере «Дух времен» подходил Риду куда больше, нежели феминизированный «Гоудис ледис бук». Здесь он мог найти более широкое применение своему молодому перу и писать о том, о чем не мог писать в Филадельфии. Хотя Рид не был спортсменом в том смысле, который вкладывали в это понятие в XIX веке, он интересовался скачками, крикетом, а как источник охотничьих историй был почти неисчерпаем. Сотрудничая в «Духе времен», он оставил поэзию (еженедельник ее почти не печатал), но писал об охоте, о театральных премьерах, о событиях в мире спорта. В журнале он ни разу не выступил под своим именем, печатаясь анонимно или публикуя свои материалы под псевдонимом *Ecolier* — то есть «Начинающий». Он и был начинающим, поскольку предыдущий журналистский его опыт, согласитесь, был совсем невелик.

Трудно сказать, как сложилась бы карьера Майн Рида в «Духе времен», в каком направлении развивались бы его способности, стань он, например, профессиональным журналистом, но судьба человека (и писателя), как известно, зависит часто не только от внутренних склонностей и предпочтений, но и от воздействия внешних факторов и обстоятельств.

Обстоятельства вмешались и в судьбу Майн Рида — молодого литератора и журналиста. Течение его жизни круто изменила начавшаяся война между США и Мексикой, в которой он принял самое активное участие.

Лейтенант Рид

Понятно, что в задачу автора беллетризованной биографии писателя не может входить подробный и обстоятельный анализ причин начала войны, ее хода, основных этапов и финала, даже в том случае, если участие в этой войне стало поворотным пунктом в личной истории героя. Между тем противоборство между США и Мексикой в 1846–1848 годах действительно оказалось важнейшим событием в жизни Томаса Майн Рида, во многом предопределив не только его человеческую, но и литературную судьбу.

Хотя, в отличие от иных эпизодов своей жизни, Рид оставил воспоминания о своем участии в войне с Мексикой (он начал их писать незадолго до смерти, но не закончил), с сожалением приходится констатировать, что и в «военной биографии» Рида,

так же как и в обстоятельствах его «гражданского» существования, факты тесно переплетены с вымыслом.

Если мы обратимся к существующим биографическим источникам, то столкнемся, например, с утверждением, что Рид отправился на войну и участвовал в ней в составе «1-го полка нью-йоркских добровольцев» (*1st Regiment of New York Volunteers)*. Источником этой информации, безусловно, является сам писатель, поскольку в своих воспоминаниях он указал именно эту часть. Но обращение к архивам Армии США опровергает эти сведения. Во-первых, нетрудно установить, что офицер с фамилией «Рид» в списках полка не значится. Во-вторых, указанный полк формировался в мае — июле 1846 года, а в тот период Рида в Нью-Йорке не было и не могло быть. В-третьих, «1-й полк нью-йоркских добровольцев» не участвовал в осаде города Веракрус и в боях за Мехико (при взятии столицы Рид, как известно, был тяжело ранен), а воевал в Калифорнии. В-четвертых, его командиром был не полковник Уорд Б. Бернетт, как указывает Рид, а полковник Джонатан Стивенсон. Тем не менее, поскольку имя командира части известно, мы можем совершенно достоверно установить, в каком именно полку служил Рид. Его часть называлась «2-й полк нью-йоркских добровольцев» *(2d Regiment of New York Volunteers)*. Имя будущего писателя числится, соответственно, и в списках личного состава полка. Таким образом, вносятся важные коррективы в биографию Рида. Опровергаются, по меньшей мере, два расхожих утверждения. Первое, что Рид «предложил свои услуги при первом же призыве добровольцев» — на самом деле, это был второй призыв (он осуществлялся в ноябре — декабре 1846 года), а в первый (объявленный в мае) был сформирован именно 1-й Нью-Йоркский полк. Следовательно, ложно и второе утверждение — о том, что «это был первый отряд, сформированный в Нью-Йорке для участия в Мексиканской войне».

Оба утверждения восходят к книге вдовы писателя. Отсюда они перекочевали и в различные биографические источники. Однако едва ли следует обвинять Элизабет Рид в намеренном искажении фактов. Источником информации для нее были воспоминания мужа о Мексиканской войне, которые он взялся писать в начале 1880-х годов — почти через 40 лет после событий. Естественно, что ей и в голову не могли прийти сомнения относительно их авторитетности. Но и Рид вряд ли сознательно стремился ввести кого-либо в заблуждение. Скорее всего, создавая на склоне дней свои военные воспоминания, он доверился памяти, а время исказило детали, проверять которые он не счел нужным.

Нет никаких сомнений в том, что на войну Рид отправился добровольно. Хотя в преддверии и в ходе войны в американском обществе были довольно сильны — особенно в демократических кругах, к которым по духу своему тяготел писатель, — антивоенные настроения, Рид принадлежал к тем, кто войну активно поддерживал. Тот опыт общения с мексиканцами, который он имел, внушил ему два стойких чувства: первое — любовь и восхищение простыми мексиканцами, второе — горячую ненависть и презрение к мексиканским властям. Откройте страницы любого из «мексиканских» романов писателя — «Белый вождь», «Тропа войны», «Банделеро», «Уединенное жилище» или «Американские партизаны», — и вы убедитесь, что эти чувства он сохранил и много лет спустя.

Он считал эту войну справедливой, поскольку был убежден в превосходстве американской модели государства и американского образа жизни и полагал, что американцы действительно способны принести свободу мексиканскому народу. Но важен был не только «идеологический», но и «личный» фактор. Будучи человеком невоенным и к тому же весьма романтически настроенным, он видел в этой войне только парадную сторону: превратившись в солдата, он получал уникальную возможность отличиться, совершить подвиг, прославиться. В возможность — почти неизбежность — собственного подвига он искренне верил. К тому же у него перед глазами был пример судьбы хорошо ему знакомого коммодора Эдвина Мура — Рид был уверен, что так же, как и знаменитый адмирал, он родился «под счастливой звездой» и ему просто нужно оказаться в нужное время в нужном месте. Таким местом и представлялась ему Мексиканская война: он совершит подвиг, прославится и обретет, наконец, подобающее общественное положение. Вот эта, в общем-то наивная вера (конечно, в совокупности с иными, упомянутыми выше мотивами) и привела молодого эмигранта, шотландца североирландского происхождения Томаса Майн Рида в ряды Армии США в ноябре 1846 года.

Рид стал добровольцем и был зачислен в состав 2-го полка нью-йоркских добровольцев в звании второго лейтенанта. В своих романах («Военная жизнь», «Вольные стрелки», «Американские партизаны» и др.) писатель неоднократно описывал процедуру избрания своих героев на офицерские должности. Особенно живописно он изобразил ее в одном из первых своих произведений — романе «Вольные стрелки». Напомним вкратце, как разворачивались события.

Герой романа, капитан Галлер, узнав о начале войны с

Мексикой, подает рапорт в военное министерство с просьбой зачислить его в действующую армию на офицерскую должность, но ожидание затягивается. Случайно он встречает своего давнего товарища, и тот предлагает ему записаться добровольцем в формирующуюся часть.

«Я и сам уже думал об этом, — сообщает герой, — но боялся очутиться в положении чужака в хорошо спевшейся компании и потому оставил эту мысль. Записавшемуся уйти было нельзя, и если бы меня не выбрали в офицеры, то пришлось бы идти на войну рядовым. Однако, поговорив с Линкольном (товарищем героя. — *А. Т.),* я увидел вещи в новом свете. По его словам, добровольцы все были друг другу чужие, так что я имел такие же шансы быть избранным в офицеры, как и всякий другой.

— Послушайтесь меня, — говорил Линкольн. — Пойдемте со мной на сборный пункт, там вы сами можете осмотреться. Запишитесь только да выпейте как следует с ребятами — и ставлю связку бобров против шкуры монаха, что вас выберут капитаном всей роты!..

— Хотя бы лейтенантом, — заметил я.

— Ни в коем случае, капитан! Брать так брать, а то не стоит рук марать. Лучше вас там капитана нет. Я могу потолковать о вас с нашими партизанами…

Я принял решение. Через полчаса мы уже стояли в огромном арсенальном зале. Это и был сборный пункт добровольцев; почти все они толпились здесь. Быть может, более разношерстной компании никогда не бывало на свете. Казалось, здесь встретились представители всех национальностей, а что до обилия языков, то в этом смысле наше общество могло бы поспорить со строителями Вавилонской башни. У дверей стоял стол, и на нем лежал большой лист пергамента, сплошь покрытый подписями. Я взял перо и тоже расписался на листе. Тем самым я потерял свободу: то был лист присяги».

На сборном пункте Галлер знакомится с кандидатом на должность старшего офицера роты по имени Клейли. Тот спрашивает Галлера:

— Кем вы собираетесь быть у нас?

— Капитаном, — ответил я.

— Отлично! Я кандидат в старшие лейтенанты, так что мы с вами не соперники. Давайте заключим союз.

— От всего сердца.

— Вы пришли сюда вон с тем бородатым охотником… Он вам друг?

— Друг.

— Ну, так могу сообщить вам, что он здесь всё. Глядите, он

уже начал!

В самом деле, Линкольн разговаривал с несколькими молодцами в кожаных штанах. В них нетрудно было узнать охотников. Вдруг все они рассыпались по зале и вступили в разговоры с людьми, которых за минуту до этого не удостаивали вниманием.

— Собирают голоса, — пояснил Клейли.

В это время Линкольн, проходя мимо, шепнул мне на ухо:

— Капитан, намотайте на ус: все эти ребята очень славные малые. Вам надо подружиться с ними, а кстати, и выпить. Это — самое главное.

— …последуем совету Линкольна: «сойдемся и выпьем».

— Ха-ха-ха, — разразился веселым смехом Клейли. — Сюда, ребята! — крикнул он, обращаясь к группе добровольцев, очевидно томившихся жаждой… — Пойдем, опрокинем по рюмочке. Вот, позвольте представить вам капитана Галлера…

В следующий момент я уже пожимал руки довольно потрепанным джентльменам, а еще через минуту все мы чокались и болтали с фамильярностью, словно были друзьями с самого детства.

В следующие три дня запись добровольцев продолжалась, а одновременно развертывалась и предвыборная кампания. На четвертый день вечером были назначены выборы».

Конечно, не «выпивкой единой» Галлер добился должности. Избранию командиром роты предшествовала ссора и дуэль с соперником. Победа Галлера в схватке определила и исход голосования добровольцев в его пользу.

«Через два часа после этого я стал капитаном. Клейли был избран старшим лейтенантом. Спустя неделю вся рота была официально принята в состав армии Соединенных Штатов… Тогда же нам выдали вооружение и обмундирование. 26 января 1847 года корабль понес нас по синим водам к берегам Мексики».

При всей легендарной демократичности американцев того времени и кажущейся правдоподобности приведенного эпизода из романа не стоит думать, что так и было на самом деле. Сержантский состав формируемых добровольческих подразделений действительно был выборным: капралов и сержантов могли выбирать сами добровольцы, но, что касается офицерских должностей, — здесь дело обстояло иначе. Не стоит думать (как это можно заключить из эпизода), что главным критерием являлся боевой опыт кандидата или наличие у него военного образования. История Мексиканской войны (как и войны следующей — Гражданской между Севером и Югом) знает массу примеров, когда офицерами (и даже генералами —

командующими соединениями) назначались люди, совершенно не имевшие военной подготовки и опыта, — бизнесмены, чиновники, журналисты или просто родственники «нужных людей». Знаменитый американский писатель Амброз Бирс[20], ветеран Гражданской войны, такой же доброволец, как и Рид (только 1861 года), довольно подробно, хотя и весьма саркастически, описал систему офицерских назначений в добровольческих частях Армии США. Нет оснований не доверять ему. Так вот, он со знанием дела утверждал, что, поскольку добровольческие части формировались по территориальному принципу, вся полнота власти превратить имярек в офицера принадлежала губернатору штата (через его администрацию шло финансирование, снабжение продовольствием, обмундирование и т. д.): по сути, он мог назначать на командные должности тех, кого ему заблагорассудится. Бирс порицал эту систему, поскольку полагал пагубной для боеспособности армии, но она существовала в начале 1860-х и, естественно, цвела пышным цветом в 1846–1848 годах.

Понятно, что лично у Майн Рида не было и не могло быть никаких связей в кругах властей предержащих, не имел он также никакой военной подготовки и тем более военного опыта. Удачу, стечение обстоятельств и тому подобную «мистику» также едва ли стоит принимать в расчет. Тем не менее факт остается фактом: офицерское звание он получил. Как же это случилось? Чтобы ответить на этот вопрос, следует вспомнить, что Майн Рид был сотрудником влиятельного нью-йоркского еженедельника «Дух времен». Хотя официально журнал считался принципиально аполитичным, на деле он, не особенно скрываясь, поддерживал партию вигов. К этой партии принадлежали губернатор штата и мэр Нью-Йорка — то есть те, в чьем прямом ведении находилась формируемая часть. Достаточно было просьбы У. Портера — владельца и редактора журнала к мэру города или к губернатору штата, и назначение нужного человека на нужную должность состоялось. Тем более что Портеру не нужна была «большая» должность — обычный ротный офицер в звании второго лейтенанта (самого младшего офицерского звания в американской армии). Неясно только одно: кто выступил инициатором этого назначения — сам Рид или У. Портер. Учитывая характер Рида, его мироощущение и настрой, ура-патриотическую атмосферу в стране и тому подобное, думается, что инициатива исходила все же от него. Почему его поддержал Портер? Ответ также очевиден. Чтобы удержать высокий тираж, еженедельник должен был отражать события войны, и желательно, чтобы это делалось в нетрадиционной — отличной

от других периодических изданий форме.

Как отмечает американский биограф У. Портера Ф. Бринли, журнал делал это весьма активно: чуть ли не в каждом номере печатались карты происходивших сражений и столкновений, публиковались списки убитых и раненых, письма офицеров из действующей армии. Это приносило свои плоды: тот же автор отмечает, что «никогда прежде количество подписчиков журнала не было столь велико, как в 1847 году». Напомним, 1847 год — самый разгар Мексиканской войны.

Конечно, «Дух времен» не соперничал (не мог и не должен был соперничать!) с крупными ежедневными газетами, такими как наиболее крупные в то время «Нью-Йорк сан», «Курир энд Инквариер», «Нью-Йорк геральд», «Джорнэл оф коммерс», «Экспресс» и другими, выходившими каждое утро периодическими изданиями Нью-Йорка, между которыми шла настоящая схватка за свежую информацию (Мозес Бич, издатель «Нью-Йорк сан», наладил даже специальную курьерскую службу, доставлявшую новости с театра военных действий до Ричмонда — ближайшего города, связанного телеграфом со столицей страны Вашингтоном и Нью-Йорком). Еженедельник не мог информировать о «новостях», которые менялись ежедневно, но о войне он писать был обязан. Так и родилась идея — публиковать на его страницах очерки, написанные непосредственным участником войны — офицером действующей армии США. Почему именно офицером, а, например, не рядовым солдатом? Ответ очевиден: у офицера больше свободы, больше досуга, больше возможностей для наблюдений и сочинения. К тому же «Дух времен» был респектабельным еженедельником, ориентированным на верхушку среднего класса; среди его подписчиков значительную часть традиционно составляли действующие и отставные офицеры армии и флота, — следовательно, автором материалов мог быть только «собрат по классу» — офицер. Этим офицером и стал начинающий сотрудник журнала Томас Майн Рид, писавший под псевдонимом «Эколье».

Необходимо также отметить, что Рид был не единственным офицером, «поставлявшим» информацию с поля боя. Как указывает уже упоминавшийся биограф редактора «Духа времен», кроме Рида, свои «письма с передовой» регулярно присылал некий У. С. Генри, капитан 3-го пехотного полка американской армии. Портер тогда же отзывался о нем: «Он сражается так, как любой настоящий мужчина, а пишет так, как будто сражается». Капитан Генри не был сотрудником журнала, но Портер платил ему и, видимо, неплохо. Корреспонденции Генри публиковались в

журнале с мая 1846 года — то есть с начала активной фазы боевых действий Мексиканской войны. Подразделение капитана входило в состав так называемой Континентальной армии, наступавшей на Мексику с севера — через Техас. «Бравый капитан» участвовал в сражениях при Пало-Альто, Матаморосе и Монтеррее и о каждом рассказал читателям журнала. Добровольческая часть Майн Рида входила в другую группировку войск — она должна была высадиться с моря, захватить Веракрус и двигаться на Мехико с юга. Вскоре после решения об открытии «второго фронта» стало ясно, что именно там могут произойти самые драматичные эпизоды войны. «Командировка» Рида была вполне логична и оправданна.

Жизнь воина на передовой полна неожиданностей, поэтому Рида никто не ставил в жесткие рамки относительно сроков и формата корреспонденций, которые он должен был отправлять в редакцию. Первый материал, подписанный «Эколье», появился в «Духе времен» в номере от 1 мая 1847 года. Он был датирован 20 марта и помечен «Линия американских войск под Веракрусом».

Между превращением начинающего журналиста в лейтенанта-добровольца Армии США и появлением первого «военного» материала в еженедельнике прошло без малого полгода. Примерно такой же период времени отделяет Рида от непосредственного участия в боевых действиях.

Преображение человека сугубо гражданского в военного происходило постепенно. На офицерскую должность Рид был назначен в конце ноября 1846 года, но, по сути, продолжал оставаться гражданским: он не находился на казарменном положении, не имел мундира, еще не сформирована была и рота, в которой он числился младшим офицером, не проводилось обучение личного состава и т. д. Окончательно его 2-й полк нью-йоркских добровольцев был укомплектован только в начале января 1847 года. Тогда же доброволец Рид облачился в синюю форму американской армии, обзавелся лейтенантскими эполетами и получил оружие. 27 января в порту Нью-Йорка полк погрузили на транспорт, корабль вышел в открытое море, повернул на юг и направился в сторону Мексики.

Пиратский остров

Путь корабля, на котором находился Рид, и множества других судов, плывших от американского побережья в сторону Мексики, лежал к мексиканскому острову Лобос, расположенному в сотне морских миль к северу от морской крепости и порта Веракрус. Приблизившись к острову, войска на лодках и ялах высаживались

на остров, назначенный быть сборным пунктом и тренировочным лагерем американской армии, планировавшей нанести удар со стороны Мексиканского залива, захватить город Веракрус и наступать на Мехико с юга.

Позднее мы вернемся к тому, что представляла собой «тренировочная база» и что происходило на острове. Теперь же необходимо дать некоторые пояснения. Прежде всего в связи с тем, зачем понадобилось открытие «второго фронта».

Активная фаза американо-мексиканской войны началась весной 1846 года наступлением американских войск на юг через Техас вдоль побережья Мексиканского залива и на юго-запад на Санта-Фе и Новую Мексику, а затем на запад в Калифорнию. Таким образом, сформировались две армейские группы: «восточная» (с открытием «второго фронта» ее предпочитали называть «северная»; ею командовал генерал Закария Тейлор) и «западная» (под командой полковника, а вскоре генерала С. Кирни[21]). Первая была нацелена на столицу Мексики и наносила основной удар, вторая — вспомогательный, ее задачей был захват северо-западных провинций Мексики и тихоокеанского побережья. Если наступление «западной армии», несмотря нате огромные расстояния, которые ей необходимо было преодолевать, развивалось весьма успешно, то «восточная» продвигалась медленнее. Давали себя знать отсутствие дорог, растянутость коммуникаций, нехватка продовольствия и питьевой воды, болезни (прежде всего дизентерия и желтая лихорадка). Докучали и мексиканские партизаны — гверильясы, нападавшие на обозы и небольшие подразделения американцев. Тем не менее к ноябрю войска Тейлора уже контролировали северо-восток Мексики. Хотя в феврале 1847 года «северной армии» удалось предотвратить контрнаступление мексиканцев и разгромить их на перевале Буэна-Виста, стало понятно, что война затягивается и о быстрой победе приходится забыть. Вот тогда и было принято решение сформировать экспедиционный корпус под командованием генерала У. Скотта[22], высадиться с моря, захватить город Веракрус и ударить по Мехико с юга. В состав этого корпуса и входил 2-й полк нью-йоркских добровольцев.

Справедливости ради, необходимо отметить, что открытие «второго фронта» было продиктовано не только военными, но и политическими соображениями. В то время большинство в конгрессе США составляли представители партии вигов. Президент Дж. Полк принадлежал к демократической партии. Ставленником демократов был и генерал З. Тейлор. Понятно было, что победа США над Мексикой — лишь вопрос времени, а в 1848 году предстояли президентские выборы, в которых виги

были намерены победить. Взятие Мехико Тейлором дало бы демократам слишком большие преимущества. У. Скотт был вигом. И именно виги в конгрессе «протолкнули» билль об открытии «второго фронта» и назначении командующим южной группой войск У. Скотта, который был непопулярен в армии.

Атаковать Веракрус — мощную морскую крепость с ходу и без подготовки было безумием. Да и перебросить морем полтора десятка тысяч солдат, припасы, артиллерию и тому подобное представлялось непростой задачей, требовавшей больших усилий и времени. Промежуточной базой для корпуса Скотта стал Новый Орлеан, но он находился слишком далеко от места боевых действий. 14 ноября 1846 года американской эскадре, высадившей десант, удалось захватить город и порт Тампико на берегу Мексиканского залива в 300 километрах к северу от Веракруса. Город был небольшим, порт — второстепенным, но, захватив его, флот получил промежуточную базу и полный контроль над важным участком акватории залива и мексиканского побережья. На полпути между Тампико и Веракрусом расположен остров Лобос. Он был избран в качестве места для концентрации войск и тренировочного лагеря.

Как пишет в своих воспоминаниях Майн Рид, он пробыл на острове недолго — около трех недель. Это дает основание сделать вывод, что путешествие по зимней Атлантике было для добровольцев долгим и изматывающим. Вероятно, на какое-то время транспорты останавливались в Новом Орлеане, но остановка эта была краткой, и ни солдаты, ни офицеры частей на берег не сходили. Учитывая, что высадка десанта и атака на Веракрусе начались 9 марта 1847 года, можно установить и примерную дату появления Рида на Лобосе — его часть оказалась на острове в середине февраля.

Что представлял собой остров, чем занимались наводнившие его американцы — обо всем этом никто не скажет лучше, чем непосредственный участник событий, второй лейтенант Томас Майн Рид. Предоставим ему слово:

«Остров Лобос расположен вдалеке от берега, где находится Веракрус — напротив города Такспен, примерно в двух милях от него. Он имеет округлую форму и, если мне не изменяет память, примерно полмили в диаметре. Он окружен коралловым рифом, и это объясняет его пригодность для якорной стоянки: с севера в рифах есть проход, который дает возможность кораблям приблизиться к его берегу, не опасаясь прибоя. Его гавань нередко используется кораблями, стремящимися укрыться от жестокого карибского северного ветра; судно, преследуемое этим ветром, может здесь спрятаться — это особенно удобно в том

случае, если судовые бумаги не в порядке — Веракрус далеко и их не надо предъявлять портовым властям.

В недавние времена указанными преимуществами особенно активно пользовались контрабандисты, во времена более отдаленные — флибустьеры; изредка на его пляжи вытаскивают свои лодки и местные рыбаки. Но, высадившись на берег, мы могли убедиться: ни пираты, ни контрабандисты, ни рыбаки давно не тревожили исконных обитателей этих мест — птиц. Обитавшие здесь разновидности морских птиц оказались совершенно непуганными: они с криками летали так низко над головами солдат, что многие сбивали их наземь, пользуясь своими мушкетами как дубинами. Очень скоро осторожность к ним вернулась.

Очутившись на острове, мы обнаружили, что он весь густо порос сассапарелем — колючим кустарником; лесом эту растительность назвать было нельзя, поскольку даже самые высокие деревья едва достигали пяти-шести метров в высоту. Но растительность была разнообразной, преобладали тропические ее виды; всеобщее внимание привлекло так называемое «индийское каучуковое дерево». Не могу сказать, было ли это на самом деле настоящее *Siphonica elastica,* но похоже на то или какая-то родственная ей разновидность.

Особенностью острова, что, вероятно, и делало его весьма привлекательным для пиратов и контрабандистов, было наличие на нем пресной воды. Почти в самом центре его, на высоте не выше шести футов над уровнем океана, находится нечто вроде колодца. Вырытый в песке, он имеет не более шести футов в глубину. Вода в нем, по не вполне понятным законам гидравлики, опускается и поднимается вместе с приливом. На вкус она слегка солоновата, но все мы ею наслаждались — видно, потому, что долгое время вынужденно обходились водой из бочек на транспортах. Подле этого колодца пираты оставили нам своеобразный привет: там мы отыскали изъеденные ржавчиной старый мушкет и шомпол, а рядом лежал непогребенный человеческий скелет — возможно, то была одна из жертв морских разбойников.

На Лобос высадились 1-й Нью-Йоркский полк (Майн Рид ошибается: это был 2-й Нью-Йоркский полк. — *А. Т.),* добровольцы из Южной Каролины, 1-й и 2-й Пенсильванские полки и т. д. и т. д. Одной из целей этой высадки было дать этим подразделениям возможность для тренировки, насколько позволит время, перед тем как десантироваться на мексиканское побережье. Но, едва оказавшись на берегу, мы поняли, что места для такой тренировки здесь нет — пространства не хватит даже

для того, чтобы одну часть выстроить в линию, если только она не растянется цепочкой вдоль берега.

По обнаружении этого тотчас были приняты меры — необычную картину можно было наблюдать, видя, как сотни людей в мундирах, орудуя топорами и мотыгами, рубили и резали, даже офицеры, размахивая саблями, расчищали заросли сассапареля острова Лобос; то была сцена, исполненная энергии, не без отдельных вспышек возбуждения, когда то тут, то там змея, скорпион или ящерица, вдруг лишившись своего укрытия и пытаясь скрыться, влекли к себе множество безжалостных врагов. Через некоторое время таким образом удалось расчистить достаточно места для устройства лагеря и плаца. Вскоре поднялись ряды солдатских палаток и офицерских шатров; каждый ряд формировал батальон, из них складывались полки; каждый полк был отделен от другого.

Должно быть, пираты былых времен нередко пьянствовали на Лобосе, отмечая удачный набег, но и они едва ли веселились с таким же размахом, как мы. Наши квартирмейстеры вкупе со шкиперами доставивших нас судов, не забывая о своей выгоде, щедро делились с нами запасами своих магазинов; множество бутылок шампанского было откупорено на Лобосе; думаю, и сейчас на этом богом забытом острове можно разглядеть полузасыпанные песком батареи из пустых бутылок.

Тот, кому интересна наша жизнь на острове Лобос, — замечает автор воспоминаний, — найдет более детальное ее описание в моей книге «Вольные стрелки»; я назвал ее романом, но она основана на реальных событиях». Последуем совету писателя и заглянем в его книгу.

Из романа следует, что Рид оказался в передовой партии высадившихся на остров. Солдаты и офицеры его полка расчищали место для будущего лагеря, готовили пространство для других подразделений, которые прибыли несколько дней спустя.

> «Через несколько дней, — пишет Рид, — на необитаемый до того островок высадились шесть полков, и военный шум заглушил на нем все звуки. Все эти полки состояли из совершенно необученных новобранцев, и мне, наравне с прочими офицерами, пришлось, прежде всего, «обтесать» своих людей. Бесконечная муштра шла с утра до ночи, и тотчас же после ранней вечерней поверки я с радостью забирался в палатку и ложился спать, насколько можно спать среди бесчисленных скорпионов, ящериц и крабов».

Нашлось место в романе и упомянутой в воспоминаниях пирушке — она состоялась 22 февраля 1847 года; офицеры праздновали день рождения Джорджа Вашингтона: «Офицеры пели песни, рассказывали забавные истории, провозглашали тосты. Так под звуки песен и звон стаканов, под веселые разговоры и заздравные восклицания, в бесшабашном разливе вина и шуток промелькнула ночь». Все сознавали, что впереди были война и смерть, и это, должно быть, придавало веселью особую бесшабашность. Рид пишет: «Многие из юных сердец, бившихся надеждой и пылавших честолюбием, праздновали в ту ночь последнее 22 февраля в своей жизни. Половина присутствовавших не дожила до следующего года».

Тем не менее среди эмоций, обуревавших молодого офицера, доминировал все-таки восторг. Его состояние красноречиво иллюстрирует пассаж, в котором Рид описывает свои впечатления той ночи: «Живописная и величественная картина открылась передо мной, и я невольно задержался, любуясь. Яркая тропическая луна стояла в безоблачном темно-синем небе. Под ее светом звезды бледнели и были еле видны. Отчетливо выделялись лишь пояс Ориона, Венера да лучистый Южный Крест. От моих ног и до самого горизонта по морю тянулась к луне широкая, прямая серебряная дорога; ее прерывала линия кораллового рифа, над которым кипел и искрился фосфористым блеском прибой. Риф простирался во все стороны, как бы опоясывая островок огненным кругом. Только над ним и двигались волны, словно гонимые невидимой и подводной силой: дальше море было тихо и подернуто лишь легкой рябью. С южной стороны в глубокой гавани стояла на якорях сотня кораблей на кабельтов друг от друга; кузова, мачты и снасти разрастались под трепетным и обманчивым светом луны до гигантских размеров. Все корабли были неподвижны, словно море превратилось в твердый лед. Флаги безжизненно обвисли вниз, прилипая к мачтам или обвиваясь вокруг фалов. А выше, на пологом склоне, раскинулись длинные ряды белых палаток, сиявших под серебряным светом луны, как снежные пирамиды. Из одной палатки просвечивал сквозь полотно желтый свет; должно быть, какой-то солдат сидел там, устало чистя ружье или до блеска натирая медную пряжку пояса. Изредка между палатками мелькали неясные человеческие силуэты: то возвращались от полковых товарищей запоздалые солдаты и офицеры. Другие силуэты прямо и неподвижно стояли вокруг всего лагеря, на ровном расстоянии друг от друга, и луна поблескивала на их сторожевых штыках. Отдаленный плеск весла, долетавший с какой-ни-будь шлюпки, тихий рокот прибоя, время от времени —

оклик часового «Кто идет?» и затем тихий разговор, стрекот цикад в темной чаще, вскрик морской птицы, спугнутой подводным врагом со своей влажной постели, — вот и все звуки, нарушавшие глубокое молчание ночи».

Видно, что эта картина произвела глубокое впечатление на молодого офицера, детали ее были живы в его памяти еще много лет спустя. В военных записках Рида есть упоминания и о других событиях. Он пишет об угрозе эпидемии оспы на острове, о докучавших его обитателям насекомых и скорпионах, о шторме, который они здесь пережили, об отношениях между моряками и пехотинцами. Но эти подробности он, к сожалению, только упоминает, надеясь вернуться к ним позднее. Намерение свое он не осуществил — смерть помешала дописать мемуары о войне.

Осада Веракруса и «Записки стрелка в цепи»

Американские войска покинули остров в первых числах марта 1847 года. Несколько дней шла погрузка на корабли, стоявшие на якорях у острова. Когда она закончилась, транспорты двинулись в сторону Санта-Круса. Довольно скоро вся эскадра переместилась на сотню миль южнее — к островку под названием Пунта де Антон Лизардо. Подле него была надежная якорная стоянка, он располагался в прямой видимости, но вне досягаемости батарей Санта-Круса и пушек крепости Сан-Хуан д'Уллоа, что находилась напротив города и охраняла вход в порт.

Рид никогда не чурался, очевидно, чрезмерной по литературным вкусам наших дней, живописности и в своих воспоминаниях писал: «Часовой, стоявший на посту за массивным крепостным парапетом Сан-Хуан д'Уллоа, должен был видеть огромное число самых разнообразных судов у берегов, обычно весьма редко навещаемых моряками — не менее необычным были и их грузы и люди, которые находились на их борту; в дополнение к десятку кораблей под флагами разных стран, — некоторые из них стояли на якорях у самой крепости или чуть дальше — под защитой острова Жертвоприношений — в море находилось множество иных судов, они не стояли на якоре или в гавани, а постоянно перемещались, оставаясь вне пределов досягаемости орудийного выстрела: корабли эти были самых разных размеров и типов — шхуны, бриги, барки, фрегаты — от двухсотгонного шлюпа до корабля водоизмещением в несколько тысяч тонн. Хотя каждый из них сидел в воде по ватерлинию и был тяжело нагружен вооруженными людьми в мундирах и военным снаряжением, это были не военные корабли; но самые большие из них вмещали по целому полку, те, что поменьше —

половину, а другая половина помещалась на другом — рядом идущем судне, иные вмещали только две-три роты — но все они были нагружены под завязку. На некоторых разместились кавалеристы со своими лошадьми, на других — артиллеристы со своими пушками и зарядами; но большинство судов были загружены самыми разнообразными предметами военной амуниции: палатками, фургонами и всем тем, что числится по ведомству квартирмейстеров и комиссариатов по снабжению. Едва ли на двадцать транспортов приходилось по одному боевому кораблю; но военные суда были — они возглавляли и конвоировали группы транспортных судов, препровождая их в заранее определенное место».

Рид пишет о сотнях транспортных и военных кораблей, изготовившихся для высадки на мексиканский берег. Вероятно, он преувеличивает общее их количество, но, безусловно, прав, предполагая, что эти воды «никогда не видели такого множества разнообразных судов, как 9 марта 1847 года».

К тому времени, когда Рид взялся писать воспоминания об американо-мексиканской войне, с момента событий минуло почти четыре десятка лет, но даже спустя так много времени он не мог сдержать восхищения: «Взятие Веракруса стало событием, достойным и армии, и флота Соединенных Штатов, потому что оба они принимали в нем участие; это событие замечательно не только проявленной храбростью, но и стратегическим мастерством. В самом деле, это было одно из тех сражений, в которых отвага была укреплена разумом и даже хитростью и последнюю особенно демонстрирует то, как была произведена высадка.

Флот, как уже говорилось, находился у Антон Лизардо и с каждым днем умножался. Когда, наконец, на якорные стоянки встали все ожидавшиеся суда и были сделаны все необходимые приготовления к высадке на землю Монтесумы, мы стали ждать благоприятного ветра. Я не помню, сколько у нас было паровых судов, но думаю — не больше двух или трех. Если бы в нашем распоряжении был хотя бы десяток пароходов, высадку можно было бы произвести и раньше.

Тот день настал, когда подул нужный нам ветер. Легкий южный бриз, дувший с моря прямо в сторону Санта-Круса, поднялся еще до рассвета, и с первыми лучами солнца все пришло в движение. У каждого транспорта и подле некоторых из боевых кораблей можно было видеть одну или сразу несколько больших весельных лодок свинцового цвета… в них по веревочным лестницам спускались вереницы людей и занимали места. Эти люди были солдатами в мундирах в полной боевой

готовности — с ранцами за спиной и сумками на боку, с полными патронташами и ружьями в руках. В полном порядке они спускались с кораблей в лодки, и каждое подразделение занимало в ней строго отведенное ей место — словно на параде. Если в лодке оказывалось сразу две роты (многие из них вмещали до двухсот человек. — *А. Т.),* то одна занимала банки в носовой ее части, а другая располагалась на корме, а четыре офицера каждой (капитан, первый лейтенант, второй лейтенант и субалтерн[23]) занимали соответственно свои места. Но, кроме солдат, в лодках была еще и команда из матросов.

С корабля, на котором находился главнокомандующий, раздался выстрел: это был сигнал сняться с якорей у Пунта де Антон Лизардо, и не успело затихнуть еще его эхо, как одно судно за другим начали распускать свои паруса; а затем друг за другом, направляемые опытными капитанами, они проходили узким проливом через коралловый риф и устремлялись прямо к обреченному городу Веракрус.

Отлично помню, какие чувства я испытывал, направляясь к берегу, как сильно я восторгался стратегией высадки. Не знаю, кто ее разработал, но едва ли этот блестящий план мог зародиться в голове Уинфреда Скотта; последующее мое с ним знакомство убеждает, что как военный он не отличался талантами. Не вдаваясь в подробности, сообщу, что позднее имя этого человека неизменно соседствовало с прозвищами «Суета и напыщенность» и «Торопливая тарелка супа». Но, кто бы ни планировал операцию, он заслуживает самой большой похвалы. Ему удалось провести противника, который решил, что мы высадимся на берегу прямо напротив Пунта де Антон Лизардо. Исходя из этого, он направил все имеющиеся у него силы к этому предполагаемому месту. А когда наши корабли внезапно повернули и устремились прямо к Веракрусу, как ястребы на добычу, противник увидел, что совершил ошибку. Дорога от Веракруса к Антон Лизардо идет вдоль берега и пересекается множеством речек и ручьев, а мосты повсеместно отсутствуют. Чтобы миновать их в безопасности, необходимы многокилометровые обходы — их так много, что даже самые быстроногие лошади доберутся до Веракруса медленнее, чем самые тихоходные из наших кораблей — и мы очутились там раньше. Перед нами не стояла цель войти в порт — так мы попадали под огонь его батарей; еще хуже, если бы мы оказались под огнем пушек крепости Сан-Хуан д'Уллоа. Нашей целью был остров Жертвоприношений примерно в четырех километрах от крепости; у южной оконечности острова можно бросить якорь; там и расположилась наша разномастная флотилия — некоторые

встали на якоря, другие легли в дрейф. Здесь шлюпки отдали концы и устремились к берегу, который был всего в полумиле. Здесь довольно мелко, и лодки цепляли килем дно задолго до приближения к берегу. Отчетливо помню, как я и мои товарищи прыгнули за борт и по пояс в воде двинулись к берегу.

Но врагов не было, и некому было с нами сразиться. Единственное сопротивление, которое нам было оказано — один или два выстрела из дальнобойных пушек из южного форта города. Но наши ноги уже прочно стояли на земле Мексики».

* * *

К сожалению, Майн Рид успел написать всего несколько страниц своих военных воспоминаний: история о пребывании на острове Лобос, высадка и начальная фаза захвата Веракруса — это все, о чем он успел поведать. Смерть прервала работу. Но, помимо незавершенных воспоминаний о войне, Рид написал очерки, известные как «Записки стрелка в цепи», которые в 1847–1848 годах публиковались на страницах нью-йоркского еженедельника «Дух времен». Хотя автор принимал прямое участие в событиях, которые отразил в своем произведении, очерки писались «по горячим следам» и автобиографический элемент в них очень силен, в них нельзя видеть бесспорные документальные свидетельства очевидца, стремившегося запечатлеть «все, как было». Нельзя забывать, что они предназначались для публикации на страницах журнала, и их автор, естественно, стремился предстать перед читателем в наиболее выигрышном свете. В отсутствие свидетельств тех, кто находился непосредственно рядом с лейтенантом Ридом, мы лишены возможности оценить степень их правдивости, но нет у нас и иной альтернативы — лишь обратиться к тексту очерков. Поэтому вновь предоставим слово писателю:

«Веракрус был захвачен благодаря артиллерии. В течение нескольких дней наши батареи, расположившись полукругом на песчаных холмах, обстреливали город. Через некоторое время он сдался, а следом был сдан и знаменитый форт Сан-Хуан д'Уллоа.

Во время осады те из нас, кто искал приключений, имели немало шансов получить пулю. Город полукругом окружают песчаные холмы, — они напоминают марокканские дюны, только большего размера. Сам город очень живописен и построен очень компактно; он стоит на низменной песчаной равнине и имеет, соответственно, полукруглую форму — морской песчаный берег образует его границу и является своеобразным диаметром этого

полукруга. За песчаными холмами, на многие мили вглубь страны простирается равнина, поросшая джунглями, — край, покрытый лесами тропической Америки. Подобно всем прибрежным районам Мексики, он называется *Terre CalUnte* или «Горячая земля». Но район этот нельзя назвать необитаемым. Среди зарослей есть вырубленные обрабатываемые участки, на них стоят большие дома. — коттеджи; они производят впечатление временных строений, но исправно служат людям в климатических условиях, где никогда не кончается лето. Нередко в этой части *Terre CalUnte* встречаются и целые деревни.

Во время осады обитатели этих коттеджей (ранчо) и деревень объединялись в партизанские отряды, которые назывались харокос или гверильяс. Наши солдаты, не слишком их различая, называли *ранчерос;* эти ранчерос нередко устраивали порядочную стрельбу у нас по тылам и даже совершали убийства тех из солдат, кто имел неосторожность отделиться от своего подразделения.

Против них неоднократно высылались экспедиции, но без особенных успехов. Я принимал участие во многих таких экспедициях и в одном случае, когда командовал полуротой из тридцати солдат, столкнулся с группой гверильяс, которая численностью превосходила нас на добрую сотню; мы атаковали их и после продолжительного боя, длившегося несколько часов, заставили их оставить укрепленную позицию у деревни Меделлин. В этой схватке в меня стреляли раз пятьдесят, а то и сто, из мушкетов и эскопет[24], но, хотя дистанция выстрелов не превышала двухсот ярдов (около 180 метров. — *А. Т.),* судьба хранила меня от попаданий.

Однажды вечером во главе разведывательного отряда меня направили на поиски лагеря партизан, который, по нашим данным, находился примерно в пяти милях от наших боевых порядков вглубь страны. Была, видно, середина ночи, но безоблачно, и светила яркая луна, которой так славится небо Мексики. Подле выхода на равнины — в прерии Санта-Фе — наш отряд остановился, пораженный внезапным и ужасным зрелищем: это было тело мертвого солдата из той самой части, из которой была набрана разведывательная группа. Тело лежало, опрокинувшись навзничь; волосы, в которых запеклась кровь, торчали в разных направлениях; зубы стиснуты в агонии, глаза открыты и остекленели, словно напряженно вглядывались в луну, светившую с небес. Одна из рук трупа была обрублена у локтя, большая отверзшаяся рана на груди открывала место, откуда было вырезано сердце, чтобы удовлетворить злобу бесчеловечного врага. Все тело сплошь было покрыто ранами от

пуль и сабель; к тому же урон ему успели нанести стервятники и шакалы. Несмотря на то, что тело было обезображено, мы признали в нем молодого, смелого солдата — его любили товарищи, но он исчез из лагеря два дня назад. Он неразумно вышел за линию боевого охранения и попал в руки к гверильяс.

Мои люди не могли уйти, не предав тело земле. Лопат у нас не было, поэтому, примкнув штыки, мы выкопали могилу и, как смогли, похоронили его. Один из закадычных друзей погибшего срезал ветку с ближайшего лаврового куста и украсил могилу; вся церемония прошла в глубоком молчании, потому что все знали, что мы находимся в опасной местности, и понимали — достаточно одного выстрела или возгласа, чтобы погубить нас».

Первый из очерков «стрелка в цепи» дает внятное представление о характере боевых действий американской армии по захвату Веракруса и о том, какую военную работу выполнял молодой офицер. Американское командование немедленной атаке на укрепления мексиканцев предпочло планомерную осаду города. В этом был очевидный резон: торопливость могла привести к большому кровопролитию, — ведь город представлял настоящую крепость, вооруженную, хотя и устаревшей, но мощной и многочисленной артиллерией. Блокировав Веракрус с моря, американцы взяли его в плотное кольцо своих войск и с суши. Осаждавшая город армейская группировка насчитывала более 12 тысяч солдат. С левого и с правого флангов город блокировали регулярные части, в центре находилась состоявшая целиком из добровольцев дивизия Р. Паттерсона. 2-й Нью-Йоркский полк, в котором служил лейтенант Рид, входил в состав этой дивизии. В то время как регулярные части вели непосредственные боевые действия, на добровольцев возлагалась вспомогательная функция — обеспечить безопасность армейских тылов: бороться с партизанами, а также заниматься снабжением осаждающих продовольствием и т. п. Данными обстоятельствами и объясняется характер материалов первого из очерков «стрелка в цепи». В них нет и не могло быть описания военных действий, потому что Рид не принимал в них участия. Зато есть масса сведений этнографического характера: о нравах и обычаях местного населения, о природе, климате, ландшафте, о встречах и общении с мексиканцами. По информации, содержавшейся в очерке, можно судить, что во время осады Веракруса Рид вел довольно активный образ жизни, интенсивно перемещаясь по территории *Terre CalUnte,* снабжая войска продовольствием, которое необходимо было закупать у мексиканских ранчеро. Судя по всему, основной функцией второго лейтенанта Рида было сопровождение американских офицеров-квартирмейстеров,

занимавшихся этим важным и, как показывает Рид, порой довольно опасным делом. Рид командовал боевым охранением, приданным фуражирам.

Это, казалось бы, не слишком интересное, с точки зрения человека военного, занятие, тем не менее, дало Майн Риду очень интересный и живописный материал для его первого очерка. Материал получился объемным и занял несколько полос еженедельника. Он состоял из нескольких эпизодов — самостоятельных историй, описывающих приключения молодого американского офицера в окрестностях осажденного города. Каждая из них получила собственное заглавие. С первой историей (фрагмент из которой был процитирован) под названием «Песчаные холмы Веракруса» читатель уже знаком. О содержании других дают представление сами их заглавия: «Ранчо и ранчеро», «Схватка с гверильяс», «Любовное приключение».

Повествование о такой далекой — по-настоящему экзотической для американцев — Мексике имело не только успех у читателей ежедневника, но и серьезные литературные «последствия» для автора: позднее коллизии, развернутые в очерке, органично вольются в сюжет его первой книги «Военная жизнь» (1849), а затем — в еще более развернутом виде — в роман «Вольные стрелки» и будут более детально разработаны и усовершенствованы писателем. Важен был этот опыт не только непосредственно для дальнейшего литературного развития писателя, — существенно то, что Майн Рид активно напитывался новыми впечатлениями. Интенсивное общение с местными жителями, наблюдения за флорой и фауной, знакомство с культурными традициями, бытом, нравами мексиканцев — вкупе с тем опытом, что он приобрел в начале 1840-х в мексиканской провинции Санта-Фе, — постепенно превращало его в подлинного и по-настоящему глубокого знатока мексиканской жизни. Эти знания в скором времени стали не только своеобразной «визитной карточкой» Майн Рида, но способствовали формированию по-своему уникального художественного мира писателя.

Конечно, у мексиканцев не было сил и средств одолеть американский экспедиционный корпус. Осада Веракруса закончилась капитуляцией его гарнизона, и Рид был среди тех, кто торжественным маршем вошел 29 марта 1847 года в город. Интересно отметить, что захват Веракруса прошел почти бескровно. Американцы потеряли всего лишь шесть человек убитыми, да и то большинство из них было потеряно не в бою, а в результате действий тех самых гверильясов, о которых писал в своем очерке Майн Рид.

После захвата Веракруса американская армия двинулась на северо-запад. Мексиканская армия отступала, ожидая подхода главных сил и надеясь, что в горной стране Сьерра-Мадре, куда теперь были перенесены военные действия, им удастся организовать эффективную оборону и нанести поражение противнику. 18 апреля, после подхода главных сил во главе с генералом (и президентом страны) А. де Санта-Анны[25], произошло сражение на перевале Серро-Гордо. Несмотря на почти трехкратный численный перевес, мексиканцам не удалось нанести поражение американцам, и они отступили еще дальше вглубь страны. Лейтенант Майн Рид принимал участие в этом сражении, и, если судить по очеркам за подписью «Эколье», участие его было весьма активным. Во всяком случае, он утверждал, что он — ни много ни мало — имел шанс захватить самого генерала Санта-Анну. Он писал по этому поводу: «Я лишился возможности отличиться только по причине глупости или тупости майора, командовавшего нашим батальоном. В самом начале сражения мне удалось обнаружить, что через расположенное неподалеку ущелье, прорезавшее тело горного хребта, уходит большой отряд неприятеля. У нас было достаточно сил, чтобы захватить противника, но майор не только отказался произвести нападение, но даже не дал мне солдат для этого. Позднее стало известно, что через это ущелье бежал Санта-Анна, главнокомандующий мексиканской армией». Добавим, что бегство Санта-Анны было настолько поспешным, что в палатке он оставил даже свой протез (ногу генерал потерял в бою с техасцами за десять лет до этого), ставший трофеем американских солдат. Скорее всего, Рид несколько преувеличил вероятность пленения диктатора. Неясно также, была ли тактическая необходимость в нападении на отступающих мексиканцев, тем более сам писатель указывал, что у американцев было меньше сил, чем у противника. Как бы там ни было, эпизод, скорее всего, в действительности имел место, и он характеризует нашего героя как человека хотя и склонного к авантюрам, но, безусловно, отважного.

После победы у Серро-Гордо американская армия, перевалив горные хребты, спустилась на равнину и заняла город Пуэбло. Вместе со своим подразделением лейтенант Рид находился в авангарде наступающей армии, который насчитывал три тысячи человек, но почти не встречал сопротивления. Это обстоятельство удивляло молодого офицера, и он писал на страницах «Духа времен»: «Нас было всего лишь три тысячи, но мы заняли город с населением, по крайней мере, в 75 тысяч человек. Его жители были почти парализованы изумлением и ужасом при виде такой

малочисленной армии. Балконы, окна, крыши домов были заполнены зрителями. На улицах было достаточно людей, чтобы просто забить нас камнями насмерть — в том случае, если бы они были мужчинами».

Захват Пуэбло был очень важен в тактическом и в стратегическом плане: город расположен всего в ста с небольшим километрах от Мехико, и от него идет прямая дорога к столице. Однако противник не предпринимал попыток вернуть себе город, а американцы нуждались в отдыхе и пополнении припасов. Почти два месяца провел лейтенант Рид в Пуэбло. Зная неугомонный характер будущего писателя, его неистощимую любознательность, можно утверждать, что, в отличие от большинства соотечественников, он не изнывал от скуки и безделья, но посвятил это время знакомству с бытом и нравами местных обитателей, местной природой; в эти два месяца была написана и вторая серия очерков «Стрелка в цепи», несколько недель спустя опубликованная в «Духе времен»;

Приказ готовиться к выступлению был отдан в начале августа; 10 августа армия двинулась по направлению к Мехико. Как и прежде, полк Рида находился в авангарде американских войск. Поэтому естественно, что он принимал непосредственное участие во всех сражениях, в которые была вовлечена наступающая армия. В очередном очерке он так описывал происходившее:

«10 августа, двигаясь с огромным обозом, мы миновали поросшие сосновыми рощами холмы и спустились в долину Мехико. Здесь мы сделали остановку для рекогносцировки; она затянулась на несколько дней. Город расположен посредине болотистой равнины, усеянной множеством озер; равнину рассекают восемь дорог, ведущих к городу. Было известно, что все они укреплены, особенно та, что ведет к воротам Сен-Лазар — это была прямая дорога от Пуэбло. Дорогу прикрывало сильное укрепление на холме Пиньоль; генерал Скотт полагал его неприступным. Чтобы миновать его, необходимо было произвести далекий обходной маневр к северу или к югу. Решено было избрать южный маршрут — по старой дороге, огибающей озеро Чако, через старинный одноименный город, а затем двигаться вдоль подошвы южного горного хребта — этот путь был признан наиболее разумным.

Мы отправились по этой дороге, и после неспешного четырехдневного марша наш авангард вышел на главную — Национальную дорогу, которая, огибая Мехико с юга, ведет в Акапулько. Оказалось, что дорога тоже сильно укреплена, и было принято решение сделать еще один поворот на запад, чтобы

миновать укрепления; сборным пунктом резервов была назначена придорожная деревня Аугустино де лас Гуэнас в двадцати километрах от Мехико. 19 августа генерал Уорт двинулся по Национальной дороге к хорошо укрепленному Сан-Антонио, намереваясь связать там части противника, в то время как основные силы его дивизии вместе с дивизией Твиггса и бригадой Шилдса (к которой принадлежал и я) совершили переход по Педрегалу — почти непроходимой местности из нагромождения скал, застывшей лавы и густых джунглей. К вечеру 19 августа мы пересекли Педрегал и в местечке под названием Контрерас вошли в боевое столкновение с сильным отрядом неприятеля под командой генерала Валенсии. Ночь прервала бой, и враг удержал свои позиции.

Всю ночь шел дождь; мы сидели без сна в утопавшей в грязи нищей деревушке Сан-Джеронимо — ужасная ночь в ожидании рассвета! Едва занялась заря, генерал Персифер Смит, командовавший нашими частями в этом сражении, отдал приказ, и бой возобновился. Меньше чем через час «Армия Севера» — такое название носила дивизия Валенсии, поскольку ее солдаты были родом из Сан-Луис Потоси и других северных штатов, — цвет мексиканской армии — была рассеяна и устремилась в бегство к Мехико.

В армии насчитывалось шесть тысяч солдат, кроме того, у нее был резерв также в шесть тысяч под командой самого Сан-та-Анны. Однако резерв в бой не вступил; говорят, тому причиной была вражда между Валенсией и Санта-Анной. В этом сражении мы захватили множество пленных и взяли 27 орудий.

Мы считали, что теперь дорога на столицу была открыта, но это было серьезной ошибкой, и вскоре мы это осознали, поскольку при дальнейшем продвижении наши отряды вступали в непрерывные стычки с противником. Очень скоро мы столкнулись с основными силами неприятеля, которые сконцентрировались за двумя сильными укреплениями (прежде ничего равного им мне не приходилось видеть), возведенными подле маленькой деревушки под названием Чурубуско.

Дорога к деревне пересекала ручей, над которым был переброшен мост, и этот мост оборонял отряд мексиканцев; очень скоро стало ясно, что без удара с фланга оттеснить их не удастся. Мост был хорошо укреплен, наши части пытались атаковать его с фронта, но безуспешно.

Бригаде генерала Шилдса был отдан приказ обойти гасиенду Лос Порталес и атаковать противника с фланга. Наши солдаты сумели достичь гасиенды, но продвинуться дальше не смогли. Мы несли большие потери и тщетно пытались укрыться за стенами

строений. Полковник Уорд Б. Беннет предпринял было отчаянную попытку собрать рассеянные подразделения вместе, но тщетно, и вскоре был сам серьезно ранен.

Положение стало критическим. Я командовал подразделением гренадеров из числа нью-йоркских добровольцев и видел, что эскадрон мексиканских улан готовится к атаке. Я знал, если они нападут сейчас, когда наш отряд дезорганизован, мы будем обращены в бегство. С другой стороны, если мы атакуем их, есть шанс, что неприятель дрогнет и побежит. В любом случае, ничего хуже настоящего состояния полного бездействия под убийственным огнем противника быть не могло.

Командир отряда добровольцев из Южной Каролины полковник Батлер был ранен; в его отсутствие подразделением командовал подполковник, он держал флаг штата с изображенной на голубом фоне пальмой. Я крикнул ему:

— Полковник, не пора ли идти в атаку?

Не успел он ответить, я услышал нечто похожее на громкий щелчок, и офицер упал с разбитым пулей коленом. Я тотчас же подхватил флаг, и, когда раненого уносили с поля боя, он прокричал:

— Майор Гладцен, примите флаг! Капитан Блэндинг, помните Моултри, Ландес и старый Чарлстон![26]

Я поспешил к своим солдатам, занимавшим крайний правый фланг, встал перед ними и крикнул:

— Солдаты! Пойдете со мной в атаку?

— Пойдем! — прокричал капрал Хауп, швейцарец.

Был отдан приказ к атаке, и мы двинулись вперед. Я был впереди, но рядом со мной шли храбрый швейцарец и отважный ирландец Джон Мёрфи.

Мексиканцы, увидев, с какой решительностью наступает на них холодная сталь, оставили свои позиции и устремились к замечательной дороге на Мехико, которая открывала им такую отличную возможность для бегства».

С пониманием отнесемся к саркастической интонации последней фразы — она была продиктована не презрением к мексиканцам, а восхищением отвагой и доблестью американских солдат — сослуживцев и подчиненных Рида. Есть основание полагать, что будущий писатель не слишком преувеличил собственную отвагу в бою: упоминание о доблести молодого офицера содержится в донесении, составленном командиром бригады, в состав которой входили нью-йоркские добровольцы, — генералом Шилдсом.

Хотя сражение у Чурубуско было не первым боевым эпизодом в военной биографии Рида, этот бой (кстати, один из наиболее

ожесточенных в ходе кампании) оказался первым по-настоящему серьезным и кровопролитным столкновением с мексиканцами, в котором довелось ему участвовать. Первым, но не последним: в скором времени второй лейтенант Рид станет деятельным участником решающего сражения американо-мексиканской войны — битвы за Чапультепек, последний рубеж обороны мексиканцев на подступах к столице. Однако это произойдет позднее — уже в сентябре 1847 года. А пока, после разгрома мексиканцев у Чурубуско, наступило затишье. Генерал У. Скотт объявил перемирие. Он полагал, что после сокрушительного разгрома мексиканцы станут более сговорчивыми и согласятся на те — бесспорно, кабальные — условия, на которых может быть заключен мир между США и Мексикой. Согласно инструкциям из Вашингтона, Мексика должна была отдать США Техас, Новую Мексику, Верхнюю Калифорнию, значительную часть современных северомексиканских территорий (в том числе штаты Нижняя Калифорния, Коауила, Чиуауа, Сонора) — то есть примерно три четверти своей территории. Переговоры проходили в деревушке Такубайя. Закончились они безрезультатно. Даже терпя поражение за поражением, Мексика не могла согласиться на условия, выдвигаемые американцами.

В одном из очерков «Стрелка в цепи» Рид критикует действия Скотта — в частности, за то, что тот пошел на перемирие. Молодой офицер утверждал, что главнокомандующий упустил возможность воспользоваться плодами победы у Чурубуско и с ходу захватить Мехико. На самом деле, Рид, критикуя Скотта, не обладал той перспективой видения, которую имел главнокомандующий. Рид не знал, что силы американцев на исходе, коммуникации растянуты, не хватает амуниции и боеприпасов, в войсках растет число заболевших, а сопротивление в тылу и на фронте неуклонно нарастает. Не знал Рид и того, что, хотя столица вражеского государства находилась в пределах прямой видимости, попытка взять ее с ходу, в силу указанных причин, скорее всего, не увенчалась бы успехом и, очень вероятно, привела бы к большим потерям. А Скопу как политику, намеревавшемуся баллотироваться в президенты, это было совсем невыгодно. К тому же, чтобы войти в Мехико, необходимо было преодолеть линию серьезных укреплений, возведенных противником, и, прежде всего, взять замок Чапультепек, который представлял собой очень важный, хорошо вооруженный и почти неприступный пункт обороны. Зная о его стратегическом значении, мексиканцы собирались обороняться до последнего.

Подвиг

Пользуясь затишьем и сочиняя очередной очерк «Стрелка в цепи», в котором Рид повествовал о событиях при Чурубуско и критиковал своего главнокомандующего, писатель, конечно, не знал, что очень скоро ему предстоит последний бой, который станет финальным аккордом в его боевой биографии и самым серьезным образом отразится в личной истории. До возобновления боевых действий лейтенант Рид успел завершить и отправить в редакцию очередной — предпоследний — очерк. Следующий — последний, — в котором он расскажет о взятии Чапультепека и завершении военных действий, Рид напишет лишь после очень долгого — многомесячного — перерыва. Чем была вызвана столь длительная пауза, рассказ впереди, а пока предоставим слово самому писателю — непосредственному участнику и свидетелю боев на подступах к Мехико. Он довольно подробно рассказал о событиях, и едва ли пересказ сможет заменить живую речь писателя:

«Перемирие оказалось кратким. 6 сентября американский главнокомандующий выслал противнику официальное извещение о его прекращении. Сие сообщение вызвало оскорбительный ответ Санта-Анны, и в тот же самый день большие силы противника были замечены по левую руку от Такубайи, подле комплекса строений под названием Молино дель Рей, который составляли большое каменное здание фабрики и литейная мастерская, принадлежавшие правительству, где производилось большинство мексиканских пушек. В анналах истории зданию фабрики принадлежит недобрая слава: здесь несчастные техасские пленники претерпевали самые жестокие страдания со стороны своих варварских поработителей. Здание расположено всего в четверти мили от укреплений Чапультепека, прямо под наводкой его орудий; от холма, на котором возвышается крепость, его отделяет только густая роща миндалевых деревьев.

7 сентября, после полудня, капитан Мейсон из инженерных войск был послан на разведку позиций противника. Справа от него, на некотором отдалении от Молино дель Рей, возвышалось прочное каменное здание, укрепленное бастионами, слева были укрепления, окружавшие фабрику. Здание справа называлось Каса Мата. Было известно, что оно занято противником, предполагавшим, что мы попытаемся обойти Чапультепек и будем стараться войти в город по дороге из Такубайи через ворота Сан-Косме. Все остальные проходы — Пиедас, Нино Пердидо, Сан-Антонио и Белен — были сильно укреплены и охранялись большими отрядами. У противника к тому времени

было не менее тридцати тысяч человек и не возникало проблем с тем, чтобы расположить мощные заставы на любом из направлений нашей возможной атаки.

7-го генералу Уорту был отдан приказ произвести атаку на вражеские позиции у Молино дель Рей. За ночь он должен был подготовиться к нападению и осуществить его восьмого утром.

Ночью 7 сентября первая дивизия, усиленная бригадой из третьей дивизии, выступила вперед в направлении противника. Диспозиция утверждала:

«Установлено, что слабейший пункт позиций противника находится примерно на середине пути между Каса Мата и Молино дель Рей. Этот участок, однако, усилен батареей из нескольких орудий.

Штурмовая группа из 500 человек под командой майора Райта производит нападение на батарею после того, как последняя подвергнется обстрелу орудиями батареи капитана Хагера. Справа от штурмовой группы, на расстоянии достаточном для оказания поддержки, занимает позиции бригада Гарленда.

На левом фланге — справа от противника — размещается бригада Кларка под командованием замещающего его полковника Макинтоша с батареей Дункана; бригада из дивизии Пиллоу располагается между штурмовой колонной и бригадой Кларка».

С рассветом начались боевые действия. Почин им положила 24-я батарея Хагера, обстрелявшая центр вражеских позиций. Все указывало на то, что противник отступил. Его пушки не отвечали. Уорт, убедившись (убеждение это имело фатальные последствия), что укрепления в центре покинуты, приказал штурмовой колонне атаковать.

Колонна быстро устремилась вниз по склону. Вел ее майор Райт. Когда она приблизилась на расстояние вполовину мушкетного выстрела, враг открыл по смельчакам убийственный огонь — едва ли прежде нечто подобное выпадало на долю солдат. Шесть орудий полевой артиллерии косили ряды атакующих; одновременно тяжелые орудия Чапультепека и шесть тысяч винтовок его защитников уничтожали наших сотнями. Уже первый залп усеял землю мертвыми и умирающими. Не меньше половины всей группы пало под этим ужасным градом пуль и шрапнели; остальные, растерявшись на мгновение, бросились врассыпную в надежде использовать какую-нибудь возможность укрыться.

Им на помощь выдвинулись легкий пехотный и 11-й пехотный батальоны; солдаты шли под смертоносным огнем, окутанные дымом, но, в конце концов, мы захватили вражеские укрепления. В то же самое время правый и левые фланги наших

войск вступили в бой соответственно с левым и правым флангами противника. Бригада Гарленда, поддержанная орудиями батареи Дункана, оттеснив сильную пехотную часть неприятеля, захватила фабрику, в то время как группа Макинтоша атаковала Каса Мата. Здание это оказалось очень хорошо укрепленным, окружено траншеями и рвами. Бригада быстро приближалась, но, достигнув широкого рва, очутилась на открытом пространстве и стала доступной не только для огня из винтовок, но и для тяжелых орудий из крепости и была вынуждена отойти к батарее. Дункан открыл огонь по зданию. Эффект оказался таковым, что противник скоро отступил, оставив здание.

В это время подошла и бригада из дивизии Пиллоу, а также бригада из дивизии Твиггса, но было поздно. Враг уже отступил. Молино дель Рей и Каса Мата оказались в руках американской армии. Вскоре после этого сама фабрика и все оборудование, включая формы для отливки пушек, были взорваны, а войска получили приказ возвратиться в Такубайю.

Так закончилось одно из наиболее кровавых и бесполезных, с военной точки зрения, сражений американской армии. Порядка шестисот пятидесяти наших отважных солдат полегло в этом бою, в то время как потери противника едва ли составляли половину от этой цифры.

Фатальные события у Молино дель Рей погрузили всю нашу армию в мрачное уныние. Мы ничего не достигли. Победоносные войска отступили на прежние позиции, побежденные осмелели и праздновали это столкновение как свою победу. Мексиканский командующий объявил, что предполагался захват Чапультепека, но он провалился. Мексиканские войска стали чувствовать себя увереннее и удвоили рвение; мы, в свою очередь, объявили произошедшее своей победой. Еще одна такая победа — и американская армия никогда не покинет долину Мехико.

Ночью 11 сентября можно было наблюдать, как два небольших отряда покинули деревню Такубайя и двинулись по двум разным дорогам. Один отряд направился по старой дороге к Молино дель Рей. Пройдя примерно половину пути между деревней и строениями последней, он остановился. Другой, продвинувшись немного к Чапультепеку, тоже остановился. Солдаты остановились не для отдыха: всю ночь они рыли землю, набивали мешки песком, выравнивали площадки для артиллерийских позиций.

Когда занялась заря, позиции были обустроены, пушки стояли на своих местах и, к большому удивлению мексиканцев, открыли огонь по замку Чапультепек. На огонь они вскоре ответили, но без особого успеха; в десять часов утра открыла

огонь другая батарея — у Молино дель Рей, произведя несколько точных выстрелов из гаубицы, что вызвало большое раздражение у мексиканцев.

…С хорошим гарнизоном Чапультепек был бы неприступен. Тысяча американцев с успехом могла бы держать его против всей Мексики. Их можно было бы уморить голодом или жаждой, но изгнать из замка их было бы невозможно. На свете немного сыщется крепостей, обладающих такими же природными преимуществами.

Весь день 12 сентября американские батареи продолжали обстреливать стены замка, им отвечали орудия крепости, а части, расположенные у Молино дель Рей, непрерывно стреляли из ружей. К вечеру замок начал приобретать вид осажденной и поврежденной крепости. Повсеместно были видны отметины от снарядов и пробоины в стенах, несколько орудий противника были выведены из строя».

В своем очерке о решающей битве при Чапультепеке Майн Рид большое внимание уделяет действиям американской артиллерии. Это справедливо: американские пушки были куда совершеннее мексиканских, они дальше и точнее били, поэтому роль артиллерии действительно была высока и, может быть, даже была решающей в этом сражении. Но нас интересуют все-таки не достоинства американских орудий и доблесть отдельных артиллеристов, которым Рид уделяет довольно внимания, а действия самого Рида в бою. Поэтому опустим рассказ об артиллерийской подготовке к штурму Чаоультепека и меткости американских артиллеристов, а обратимся к той части, где Рид рассказывает непосредственно о штурме и о своем участии в нем. Вот что он пишет об этом в очерке, опубликованном в нью-йоркском «Духе времен» в номере от 11 декабря 1847 года:

«13 сентября 1847 года — в день, когда начался штурм Чапультепека, я командовал ротой гренадер из своего собственного 2-го полка нью-йоркских добровольцев и временно подчиненного мне отряда морской пехоты. Мы были боевым охранением артиллерийской батареи, позицию для которой мы же выстроили в ночь на 11 сентября на северо-востоке от замка. Мы находились в тысяче ярдов (примерно в 900 метрах. — *А. Т.)* непосредственно напротив главных ворот в крепость и целый день их обстреливали. Первый штурм был назначен на утро тринадцатого, штурмовая группа — отряд из пятисот человек — между собой мы называли его «отряд обреченных» — состоял целиком из добровольцев, решивших принять участие в этом опасном деле. Там были представители всех родов войск; командовал ими пехотный капитан, еще одним офицером был

лейтенант из числа пенсильванских добровольцев.

На рассвете три дивизии — Уорта, Пиллоу и Квитмана — приблизились к Чапультепеку; наши стрелки занимали передовые посты мексиканцев, вытесняя противника; часть неприятельских солдат вошла в замок, часть, обогнув его, двинулась по направлению к Мехико.

Теперь можно было надеяться, что штурмовая группа справится с делом, на которое вызвалась добровольно. Батарея наша теперь вынужденно молчала, и мы трое — капитан Хагер, лейтенант Хэгни и я вместе с группой офицеров и инженеров — стояли около нее и наблюдали за атакой; облака дыма от мушкетов и ружей показывали то место, докуда они добрались. Мы наблюдали с тревогой; едва ли стоить говорить, что она сменилась дурным предчувствием, когда на полпути что-то остановило наше продвижение вперед. Я знал, что если Чапультепек не будет взят, то невозможен будет и захват столицы, а если мы не сделаем этого, едва ли кому-нибудь из нас удастся покинуть долину Мехико.

Нерешительные действия Уорта возле укреплений Молино дель Рей — если называть вещи своими именами — наше первое отступление за время всей кампании, серьезно деморализовали наших людей и воодушевили мексиканцев, вдохнув в них мужество, которого они не испытывали прежде. Здесь против нас было тридцать тысяч солдат, а у нас только шесть тысяч — то есть соотношение составляло пять к одному, не говоря о многочисленных партизанах, действовавших против нас в сельской местности и в городах. Более того, нам было известно, что генерал Альварес со своими индейцами зашел к нам в тыл и захватил перевалы, поэтому отступление к Пуэбло было для нас невозможно. В этом убежден был не только я, но и всякий разумный офицер в нашей армии; те двое, что стояли рядом со мной, были уверены в этом так же, как и я. Эта убежденность, а также то, что атака наша может вот-вот захлебнуться, заставили меня принять участие в штурме. Но, поскольку старшим по званию был командир батареи, я сначала должен был получить его разрешение: я был назначен охранять его батарею, но сейчас в том нужды не было. Я немедленно получил его дозволение, которое он сопроводил словами: «Идите, и пусть Господь будет за вас!»

Мексиканский флаг по-прежнему триумфально реял над укреплениями замка, а линия наших атакующих войск не продвинулась вперед ни на дюйм; никаких изменений не случилось и к тому времени, когда я со своими добровольцами и морскими пехотинцами короткими перебежками добрался до

остановившихся атакующих, которые неровной линией залегли у подножия холма. Почему они остановились, тогда нам не было известно, но позднее я слышал, что причиной тому стали неисправные штурмовые лестницы. Я не стал останавливаться, чтобы понять, в чем дело, но, миновав залегшую цепь, вместе со своими храбрецами начал подниматься по склону. Подле самой вершины я увидел тела наших солдат: некоторые из них были в серой форме добровольцев, другие одеты в мундиры 9, 14 и 15-го пехотных полков. Они входили в авангард наших атакующих войск — расчищали дорогу — и намного опередили «отряд обреченных». Впереди находилось самое опасное место — слегка наклонная в нашу сторону ровная площадка шириной примерно в сорок ярдов (примерно в 35 метров. — *А. Т.)* — она отделяла нас от стен замка, — короче говоря, гласис (то есть передний скат бруствера фортификационного сооружения. — *А. Т.)*. С парапета ее обстреливали сразу три орудия; они осыпали ее картечью так быстро, как только успевали перезарядить пушки. Казалось, не было ни малейшего шанса миновать ее, не попав под смертоносный град. Но и оставаться на месте тоже смертельно опасно — помнится, подумал я в тот момент.

Достигнув этого места, я на мгновение остановился и, чтобы меня было слышно, повернулся к солдатам и произнес (слова эти помнятся мне сейчас так ясно, будто произнесены они были вчера):

— Солдаты, если мы не возьмем Чапультепек, американская армия погибла! Лезем на стены…

Какой-то голос ответил:

— Мы пойдем, если нас поведут.

Другой добавил:

— Да, мы готовы!

В этот самый момент все три пушки почти одновременно грянули, изрыгнув свои смертоносные заряды. Сердце мое подскочило от радости, едва я услышал эти три выстрела. У нас появился шанс и, перескочив через гребень холма, что защищал нас, я закричал:

— Вперед: я поведу вас!

У меня не было нужды оглядываться назад, чтобы узнать, следуют ли за мной солдаты. Те, к кому я обращался, не были людьми, которые испугаются или станут мешкать, иначе мы не оказались бы здесь вместе, — все устремились следом.

Когда я был уже на полпути к стене, поднял голову и посмотрел наверх: я увидел толпу мексиканских артиллеристов в темно-синих мундирах с алым позументом. У каждого из них в руках было ружье, и мне казалось, что каждый из них целится в

меня. Учитывая то, что на моей шее был повязан шарф из алого шелка, они, пожалуй, думали, что я не меньше, чем генерал. Залп прозвучал почти одновременно. Я бросился на землю: у меня лишь оцарапало палец на руке, которой я сжимал саблю, да кусок шрапнели порвал ткань мундира. Немедленно я снова вскочил на ноги и бросился к стене. Я уже поднимался на нее, когда пуля из эскопеты пробила мне бедро, и я упал в ров».

Вдова писателя в своих воспоминаниях пишет: «даже раненый, лежа в канаве, Майн Рид с трудом приподнялся на локте и крикнул своим солдатам:

— Бога ради, только не оставляйте стену!»

Ободренные его призывом, солдаты бросились на штурм, и вскоре американский флаг развевался над стенами мексиканской цитадели.

Так ли было на самом деле, произносил ли эти слова раненый офицер — неизвестно. Вне зависимости от этого, очевидно, что лейтенант Рид из 2-го полка нью-йоркских добровольцев совершил самый настоящий подвиг: увлекая за собой дрогнувших было солдат американской армии, он своими действиями переломил ход решающего сражения. Неизвестно, какими бы оказались судьба кампании и результаты войны в целом без этого подвига — ведь силы обороняющихся действительно были велики, а атака американцев, по сути, почти захлебнулась. Не забудем и о том, что Чапультепек был «ключом» к Мехико и, соответственно, к победе в войне. К тому же Рид совершенно не преувеличивал, когда утверждал, что силы американцев были на исходе и провал под Чапультепеком неизбежно обернулся бы катастрофой для армии США. Можно предположить, что невзятие американцами крепости могло стать поворотным моментом и переломить ситуацию в пользу Мексики. Конечно, можно считать произошедшее банальным стечением обстоятельств и заявить, что будущий писатель просто оказался в нужное время в нужном месте. Увлечь за собой солдат мог и другой офицер — благо что отважных людей среди добровольцев и кадровых офицеров в американской армии хватало, — но факт остается фактом: сделал это именно лейтенант Рид, а не кто-нибудь другой.

Современники — сослуживцы и командиры Рида — вполне сознавали значение того, что он совершил. Свидетельством тому может служить, например, отчет генерала Шилдса (командира бригады, куда входил полк Рида), в котором несколько строк уделено подвигу лейтенанта. Симптоматично, что упоминание об отважных действиях Рида и о его роли в захвате укреплений замка содержится и в победной реляции командующего

американскими войсками генерала У. Скотта о взятии Чапультепека, направленной им после сражения военному министру США. Описывая решающее сражение Мексиканской войны, о подвиге отважного лейтенанта известили (многое, конечно, исказив и приукрасив, поскольку писали с чужих слов) и американские газеты. О доблести своего корреспондента не замедлил сообщить и нью-йоркский «Дух времен».

К сожалению, Майн Рид не смог тогда же насладиться своей известностью: получив тяжелое ранение, он потерял много крови и остался лежать у подножия крепостной стены. Только к вечеру, когда замок был взят и последние очаги сопротивления подавлены, его, без сознания и почти без признаков жизни, едва не погребенного под телами убитых, обнаружили и доставили в полевой госпиталь. Рана была очень серьезна, он потерял много крови, и врачи почти не надеялись, что ему удастся выжить. А вскоре после того, как он очутился в госпитале, распространились известия, что герой штурма Чапультепека умер, и их опубликовали многие американские газеты. Эта ложная информация имела разнообразные последствия. Для родных и близких — печальные: кто-то из знакомых семьи Ридов, прочитав эту «новость», поспешил сообщить родителям о смерти сына, и семья погрузилась в траур, который продолжался до тех пор, пока почти два месяца спустя до них не дошло собственноручное письмо сына, в котором тот сообщал, что жив, хотя серьезно ранен и находится на излечении. Имели место последствия и довольно курьезные и даже мелодраматические: некоторые газеты (прежде всего, выходившие в тех городах, где какое-то время жил Майн Рид — нью-йоркские, питсбургские и филадельфийские) опубликовали некрологи и статьи, посвященные его памяти. Некролог, извещавший о героической гибели своего корреспондента, опубликовал даже нью-йоркский «Дух времен», что уж говорить о других, менее респектабельных изданиях. Вдова писателя в своих воспоминаниях приводит одну из таких статей, напечатанную в ньюпортской «Ньюпорт ньюс», штат Род-Айленд. Озаглавлена она «Памяти лейтенанта Рида».

«Лейтенант Рид, — сообщается в статье, — прожил в этой стране пять или шесть лет. Эти годы был, в основном, связан с прессой, являясь литературным сотрудником, редактором и корреспондентом многих изданий; в последнем качестве он провел в Ньюпорте лето 1846 года, публикуясь в «Нью-Йорк геральд» за подписью «Ecolier». В то время мы и познакомились с ним, и многие жители нашего города подтвердят, что он был очень достойным человеком, о смерти которого мы глубоко и искренне скорбим. Он вернулся в Нью-Йорк 1 сентября и вскоре

после этого отплыл в Мексику вместе со своей частью.

Он участвовал в битве при Монтеррее и отличился в этом кровопролитном сражении. Около трех месяцев назад мы опубликовали его небольшую поэму, озаглавленную «Монтеррей», которая, несомненно, памятна нашим читателям. Поэму завершают такие строки:

> Немного было нас, стоявших в том строю —
> Бок о бок с теми, кто был нас смелее.
> Но каждый предпочел бы смерть в бою,
> И честь сразить врага при Монтеррее!

Такова человеческая слава! Едва ли тот, кто сочинил эти строки, думал тогда, что вскоре и он разделит участь тех, кто «предпочел смерть в бою». Штурмуя Чапультепек, он был тяжело ранен и вскоре скончался от ран. Он был человеком уникальных талантов и многообещающим писателем. Он обладал нервным и пылким темпераментом и необыкновенно ярким воображением. Его лучшие произведения можно отыскать в «Гоудис ледис бук», в котором он печатался три или четыре года назад за подписью «Бедный школяр». Прискорбно, что приходится так рано жертвовать такими талантами и что его карьера прервалась так скоро и так далеко — очень далеко — от земли, что дала ему жизнь, и от его второй родины, принявшей его. Но так случилось!..»

Как мы видим, строки, приведенные здесь, полны неточностей. Стихотворение «Монтеррей», возможно, было напечатано в «Ньюпорт ньюс», но впервые его опубликовал «Гоудис ледис бук» в ноябре 1846 года — через полтора месяца после упомянутого кровопролитного сражения (21–24 сентября 1846 года). Майн Рид не принимал и не мог принимать в нем участия, поскольку воевал совсем на другом участке фронта.

Более курьезный случай произошел на торжественном обеде, устроенном в главном городе штата Огайо — Коламбусе по случаю взятия американскими войсками столицы Мексики. Перед собравшимися выступила молодая начинающая поэтесса, сочинившая и прочитавшая целую поэму, оплакивавшую гибель героического лейтенанта Рида.

Вопреки опубликованным некрологам, произнесенным в его память речам и воспевающим его подвиг стихотворениям, офицер остался жив. Но в первые дни — Рид находился тогда в полевом госпитале — он буквально балансировал на грани жизни и смерти. Оттуда, после взятия Мехико, его перевезли в мексиканскую столицу. Рана воспалилась, опасались заражения

крови. Стоял вопрос об ампутации ноги. Но, поскольку раненый был слишком слаб, врачи от этой идеи отказались и положились на волю Провидения и силу организма. В конце концов организм Рида поборол недуг, но прошло почти два месяца, прежде чем он вновь встал на ноги.

В начале декабря в «Нью-Йорк геральд», одной из первых напечатавшей некролог о лейтенанте Риде, появилось следующее сообщение:

> «В силу недостоверной информации, поступившей в газету, недавно появилось сообщение о том, что лейтенант Майн Рид, чья отвага в сражении при Чапультепеке вызвала восхищение генерала Скотта, скончался от полученных ран. Как нам стало известно от вернувшегося недавно с фронта боевых действий офицера, Майн Рид жив и, несмотря на тяжелую рану левой ноги над коленом, нанесенную пулей из эскопеты, начал поправляться, и его состояние улучшается. Безусловно, его ждет повышение по службе».

Неделю спустя — в номере от 11 декабря 1847 года, — уже основываясь на собственноручном письме Рида редактору «Духа времен», нью-йоркский еженедельник сообщал:

> «Лейтенант Майн Рид, из полка нью-йоркских добровольцев, который получил тяжелое ранение при штурме Чапультепека и впоследствии был объявлен умершим, пишет нам в письме от 28 октября из Мехико, что хотя пуля величиной с голубиное яйцо (пущенная из эскопеты) пробила толстую часть бедра, нанеся огромный урон, считается, что жизнь теперь вне опасности. Ему нельзя поворачиваться, и он лежит на спине. На минувшей неделе мы опубликовали некролог, посвященный памяти этого замечательного молодого офицера, который долгое время являлся одним из лучших корреспондентов нашего издания. Мы сердечно поздравляем его со спасением».

Здесь же сообщалось, что вскоре читатели смогут познакомиться с новыми «Заметками стрелка в цепи» и узнать о приключениях «стрелка» в сражениях при Чапультепеке, Чурубуско и Молино дель Рей.

Действительно, чуть оправившись от ранения, даже еще не вставая с кровати, Майн Рид тут же принялся за продолжение своих очерков о Мексиканской войне, и оно появилось на

страницах «Духа времен» вскоре после сообщения, опровергающего слухи о его гибели.

Между тем здоровье его восстанавливалось медленно. Первые недели Рид ходил, опираясь на трость, преподнесенную ему товарищами. Впрочем, трость от сослуживцев стала не единственной наградой доблестному воину. Вскоре состоялось и повышение по службе: Томасу Майн Риду было присвоено очередное воинское звание — «первый лейтенант корпуса добровольцев Армии США». Одновременно с новым званием ему был предоставлен «длительный отпуск по ранению», который, впрочем, не предполагал, что офицер оставит действующую армию.

Капитан корпуса добровольцев

Приказ об эвакуации подразделений американской армии, который венчал мексиканскую кампанию, был подписан в мае 1848 года. По окончании- отпуска по ранению (в декабре 1847 года) и до эвакуации Майн Рид исполнял должность командира роты, в которой теперь был первым лейтенантом, все в том же 2-м полку нью-йоркских добровольцев. После взятия Чапультепека и покорения Мехико воинская часть Рида не принимала больше участия в боевых действиях, а была отведена на отдых. Впрочем, активная фаза войны закончилась для обеих противоборствующих сторон (хотя американцев по-прежнему беспокоили гверильясы, нападая на фуражиров и небольшие подразделения), и в дело вступили дипломаты. Переговоры, как известно, закончились подписанием печально известного мирного договора в небольшом селении Гуадалупе-Идальго[27] к северу от Мехико. Это произошло 2 февраля 1848 года. Договор вступил в силу 30 мая того же года — до этого времени американские войска оставались в стране.

Чем был занят Майн Рид в этот период — с декабря 1848-го до возвращения из Мексики? Прямые свидетельства на этот счет отсутствуют, но и косвенных достаточно, чтобы дать представление о времяпрепровождении молодого офицера. Очевидно, что служба не отнимала у него много времени — часть была добровольческой, поэтому на исходе войны боевой учебой почти не занималась. Рид дописывал свои «Записки стрелка в цепи», и очерки регулярно появлялись на страницах «Духа времен». Сотрудничал он и в других изданиях: его корреспонденции из Мексики печатала «Нью-Йорк геральд». Статус героя войны превратил его в желанного автора для многих американских газет и журналов. Но литературная работа

поглощала лишь часть его времени. В своей книге о муже Элизабет Рид сообщает, что в эти месяцы молодой офицер с увлечением отдался любимому делу — изучению местной флоры и фауны. Это явное преувеличение. Рид почти не покидал пределов столицы, лишь иногда посещая окрестности. Это объяснимо: он еще не совсем оправился от раны. К тому же выезд за пределы Мехико из-за партизан-гверильясов был сопряжен с риском и поэтому, по приказу командования, возможен только в сопровождении боевого охранения.

В эти месяцы Рид энергично окунулся в светскую жизнь. Высокий ростом, атлетического телосложения молодой офицер с репутацией героя, свободно говорящий по-испански, неизменно изысканно одетый, — перед ним были открыты двери домов местной знати — прежде всего из числа тех, кто был лоялен к американцам. Он с удовольствием посещал приемы и балы, бывал в театре. И конечно же ухаживал за местными сеньоритами. В пользу того, что «занятие» это поглощало изрядную часть его досуга, красноречиво свидетельствуют не только страницы очерков «стрелка в цепи» или романа «Вольные стрелки», но и некоторые газеты того времени, — по крайней мере, те из них, что выходили в городах, жителям которых имя Рида было известно. Например, в марте 1848 года «Дэйли диспетч» из Питсбурга опубликовала такую заметку:

> «Лейтенант Майн Рид, о гибели которого недавно сообщалось, собирается жениться на сеньорите Гуаделупе Рохас, дочери сенатора и очень красивой девушке. Говорят, что она является одной из богатейших наследниц в долине Мехико».

Действительно ли Рид собирался жениться, или то были досужие разговоры, но слухи о матримониальных планах Рида достигли и его родины — родительской семьи. На расспросы родных и знакомых ни отец, ни мать ничего не могли сообщить любопытствующим, поскольку сами не имели от сына почти никаких известий. Мы уже упоминали о письме, посланном в Ирландию вскоре после ранения с сообщением, что он жив, хотя и серьезно ранен. Это было короткое послание — более обстоятельное письмо Рид написал и отправил 20 января 1848 года, вскоре после выписки из госпиталя. К сожалению, сохранилась только первая его часть — окончание письма было утрачено еще при жизни писателя. Но письмо это весьма интересно и проливает свет на взаимоотношения Рида с семьей, которые, как уже отмечалось, простыми не назовешь. Приведем сохранившийся фрагмент:

«Армия США, город Мехико.

20 января 1848 года.

Могу ли я надеяться на то, что Вы сможете простить меня за молчание, что длилось несколько лет? Когда я писал Вам последний раз, я принял решение, что не буду отвечать на письма до тех пор, пока не стану достоин продолжения переписки. С тех пор обстоятельства переменились. Они дали мне возможность занять достойное место среди солдат доблестной армии и доказать, — прежде всего самому себе, — что я не так Уж недостоин той благородной крови, что течет в моих жилах. О, как бьется мое сердце, готовое возобновить эти нежные узы — узы отцовской, братской, сыновней любви; те золотые звенья цепей сердечной привязанности, так давно и прискорбно разорванные!

Если я не ошибаюсь, мое последнее письмо было написано в Питсбурге. Тогда я был на пути с Запада и направлялся в города атлантического побережья. Вскоре я прибыл в Филадельфию — здесь мои отчаянные блуждания на время прервались. В этом городе я посвятил себя литературе и на протяжении двух или трех лет зарабатывал на жизнь — скромную, но достойную — своим пером. Мой талант, к несчастью для моего кошелька, оказался не того свойства: он был лишен продажности, столь характерной для тех дешевых сочинителей наших дней, что зарабатывают литературной проституцией. Моя любовь к высокой литературе принуждала меня к бедности и, увы, — к безвестности, хотя понимание этого меня утешает, как, впрочем, утешает и то, что люди, искушенные в искусстве, полагают мои способности не уступающими ни одному из писателей этого континента. Такой настрой поддерживал меня в Соединенных Штатах, и, счастлив сообщить, его разделяли люди умные и образованные. Может быть, когда-нибудь в будущем мнение это прорвется и засияет тем ярче, чем дольше оставалось незамеченным.

Но нет у меня ни времени, ни места для теорий. Факты доставят Вам большее удовольствие, мой дорогой отец и лучший друг. Мои писания, хотя в основном я публиковался анонимно, встречали неизменно теплый прием со стороны изданий. Немного золота, сунутого в ладонь редактора, сделало бы их вообще превосходными! За это время я обзавелся множеством

друзей, но то были не те люди, которые смогли бы помочь мне выбраться из бедности.

В Соединенных Штатах нет Микен. И я не встретил никого, кто выковал бы мне золотые крылья, чтобы я мог воспарить на них к Парнасу. Тогда я часто посылал Вам газеты и журналы с моими публикациями, — в основном, я думаю, те, что печатались под псевдонимом «Бедный школяр». Но дошли ли они до Вас? Как я сказал, три или четыре года я, таким образом, занимался литературой и среди шарлатанства и знахарства нашего века опустился до уровня ежедневной журналистской поденщины. Я редактировал, писал корреспонденции, и, в конце концов, мне это занятие опротивело. Началась война с Мексикой. Я отшвырнул перо и взялся за саблю. Лейтенантом я вступил в полк нью-йоркских добровольцев и отплыл в Мексику».

На этой фразе письмо обрывается. Но и прочитанное дает возможность понять многое. Прежде всего оно доказывает, что родители явно не одобряли того, чем занимался их сын в Америке. Они не приветствовали его «дикую жизнь» на Западе, его литературную деятельность (симптоматично, что в родительском доме не сохранилось ни одного журнала с публикациями сына — свидетельство явного неодобрения!). Очевидно, что отец однажды даже упрекнул сына в том, что он недостоин «крови, что течет в его жилах», и письмо с этими словами, скорее всего, было прочитано в Питсбурге, штат Пенсильвания, откуда Рид уехал, не желая жить среди своих соотечественников-эмигрантов, среди копоти и грязи местных заводов. (А ведь отец снабдил его рекомендательными письмами и прислал ему денег, чтобы он смог обустроиться здесь.) Рид уезжал в Америку в надежде сделать карьеру в преподавании или бизнесе. Стремясь к этому, он и покинул Ирландию, и отец попытался понять его и помочь. Поначалу Рид действительно прилагал усилия к осуществлению этих намерений. Но реализовать себя ни в педагогике, ни в предпринимательстве ему не удалось, и он решил попытать счастья в литературе, чего родители с их ортодоксальными взглядами принять не могли. И тогда он решает отказаться от помощи и не писать в Ирландию до тех пор, пока не достигнет успеха и не докажет им свою состоятельность. Посылая письмо отцу 20 января 1848 года, Рид считал, что своими военными заслугами и успехами литературными он достиг желаемого. Но согласны ли с ним были его родители, убедил ли он в этом отца и мать? На этот вопрос

нет ответа.

Как бы там ни было, единственное, в чем тогда мог быть уверен Майн Рид, так это в том, что теперь он твердо встал на ноги и не нуждается ни в чьей помощи.

С армейской службой Рид распрощался в мае 1848 года и покинул армию в звании капитана. В публикациях, посвященных писателю, довольно широко обсуждается тема: какое все-таки воинское звание имел Майн Рид? Ставится под сомнение, что он имел звание капитана. Встречаются утверждения, апеллирующие к характеру писателя, склонного-де к авантюрам, что он самовольно его себе присвоил и величал себя капитаном без всяких на то оснований. Окончательно расставаясь с «военной» страницей в биографии писателя, разберемся с этой ситуацией.

Прежде всего необходимо отметить, что проблема существует. Есть приказы, фиксирующие присвоение Майн Риду воинского звания «второй лейтенант» и его производство в «первые лейтенанты», но нет приказа о присвоении ему звания капитана. Но означает ли это, что он самовольно присвоил себе очередное воинское звание? Отнюдь. Чтобы понять, в чем тут дело, необходимо вспомнить, что в XIX веке в США существовала разница между армией гражданского и военного времени. Кадровая американская армия была невелика (примерно 15–20 тысяч офицеров, унтер-офицеров и рядовых), но в военное время она существенно увеличивалась за счет призыва добровольцев (обычно их призывали на три, девять или двенадцать месяцев). Командовать частями назначались кадровые офицеры, младшие офицеры назначались губернаторами штатов, где формировалась часть, или избирались самими добровольцами. Соответственно все части делились на два вида — кадровая армия (US Army) и добровольческие части (US Volunteers). Отличались и офицерские звания: например, «лейтенант армии» (USA) и «лейтенант добровольцев» (USV). Имея одно и то же звание, они были равны на поле боя, но не были равны друг другу в мирное время, — после войны «лейтенант добровольцев» (USV) не мог превратиться в «лейтенанта Армии США». Производство в следующее звание происходило в регулярной армии по старшинству (следующий чин получал тот, кто дольше прослужил в предыдущем звании), у добровольцев — по мере освобождения вакансии (по гибели или ранению предшественника) или (как в случае с внеочередным производством Рида в первые лейтенанты) за отличие. По окончании войны добровольческие части распускались, а офицерам-добровольцам (в отличие от кадровых офицеров) автоматически присваивалось следующее офицерское звание (добровольческой армии военного времени — USV). Такой

механизм позволял реализовать две задачи: первая — на случай грядущей войны создавался резерв из обстрелянных, опытных офицеров; вторая — это была форма поощрения, награда родины за службу. Такой награды (с правом использовать звание в частной — невоенной жизни, например в переписке) в числе всех американских офицеров-добровольцев удостоился и первый лейтенант 2-го полка нью-йоркских добровольцев Томас Майн Рид. Так лейтенант Майн Рид стал капитаном Майн Ридом и мог с полным основанием пользоваться этим званием.

Первый роман

Итак, покинув армию, первый лейтенант Томас Майн Рид превратился в капитана Майн Рида. Это звание — своего рода почетный титул — не давало никаких преимуществ его обладателю, но, согласитесь, тешило самолюбие, недостатком которого начинающий литератор, как известно, не страдал. Из лейтенанта действующей армии в отставного капитана Рид превратился в Новом Орлеане: в свое время Новый Орлеан стал базой для «армии вторжения» генерала Скотта, сюда же, отправившись из Тампико и Веракруса, вернулись и корабли победителей. В Новом Орлеане Майн Рид пробыл всего несколько дней, которые понадобились для оформления необходимых документов и выполнения неизбежных формальностей, связанных с завершением военной службы. Отсюда, тоже морем, но уже вполне гражданским человеком, он отправился в хорошо знакомый провинциальный Ньюпорт. Чем объяснить этот выбор? Ведь Ньюпорт был совсем не тем городом, где кипит литературная жизнь, издаются газеты, журналы и книги. Тем не менее Ньюпорт он выбрал именно потому, что принял решение серьезно заняться литературой. Хотя как журналист, сотрудничая в нескольких нью-йоркских и филадельфийских изданиях, он, можно сказать, процветал, но решил распрощаться с тем, что называл «ежедневной журналистской поденщиной». Конечно, писать для газет и журналов он не перестал: после возвращения из Мексики в филадельфийских журналах были опубликованы три лирических стихотворения Рида («Франциско и Инес» в майском номере «Гоудис ледис бук», «К Гуаделупе» и «Той, кто понимает» — в сентябрьском и октябрьском выпусках «Журнала Грэма», соответственно) и два его прозаических очерка — «Мексиканская ревность» и «В разведке у Веракруса» (оба были опубликованы в тех же номерах «Журнала Грэма» за 1848 год). Но эти публикации — стихи о любви и очерки — начинающий писатель вполне оправданно не воспринимал как «поденщину».

Симптоматично, что, в отличие от подавляющего большинства предыдущих, упомянутые публикации вышли за подписью: очерки были подписаны уже хорошо известным американскому читателю псевдонимом «Эколье», а под стихотворениями стояло даже подлинное имя автора — Т. Майн Рид. Но он решительно отказался от репортерства — анонимной (и не слишком хорошо оплачиваемой) работы поставщика информации. Несомненный успех, выпавший на долю «Записок стрелка в цепи», привел его к мысли написать роман о военной жизни, о событиях только что закончившейся американо-мексиканской войны. Рид был уверен, что американская аудитория воспримет такой роман с энтузиазмом, а его автору нетрудно будет найти издателя: он знал, с каким напряженным вниманием американцы следили за перипетиями событий, и обладал незаёмным опытом. Рид пока еще плохо представлял себе конкретные «очертания» романа, но ему было ясно, что книга должна вместить его собственный боевой опыт и непосредственные мексиканские впечатления. Вот для этого писателю и нужен был тихий, провинциальный Ньюпорт — лишенный суеты большого города, он представлялся Майн Риду идеальным местом для написания романа. К тому же и с экономической точки зрения жизнь в маленьком городе была значительно дешевле жизни «в столицах» — Нью-Йорке или Филадельфии.

В Ньюпорте Майн Рид провел лето и осень. Здесь были написаны начальные главы первого романа «Военная жизнь, или Приключения офицера легкой пехоты». Но — может быть, дело было в характере, или слишком много планов он собирался осуществить — спокойной и плодотворной работы в Ньюпорте не получилось: несколько раз за это время Рид выезжал в Нью-Йорк и, по меньшей мере, дважды побывал в Филадельфии. Все эти визиты были вызваны делами литературными: в Нью-Йорке Рид искал издателя для своего еще ненаписанного романа и занимался финансовыми делами, а в Филадельфии навещал редакции «Журнала Грэма» и «Гоудис ледис бук» (предлагая новые произведения для публикации), а также предпринимал усилия для издания своей пьесы — трагедии «Мученик любви». Трагедия была напечатана в Филадельфии в 1849 году отдельным изданием на средства автора. Очевидно, что Рид не терял надежд на счастливую сценическую судьбу своего детища и продолжение карьеры драматурга.

Поздней осенью 1848 года Майн Рид получил письмо от своего давнего знакомого Донна Пайатта из Огайо. Он приглашал его провести зиму в своем доме. С Донном Пайаттом Рид познакомился зимой 1842 года в Цинциннати, где тот (вместе с

младшим братом Абрахамом) учился в местном университете на отделении юриспруденции. По рождению братья принадлежали к одной из наиболее влиятельных в своем штате семей. Они были богаты. Их предки, как нетрудно догадаться по фамилии, были французами. Спасаясь от религиозных преследований (Пайатгы были убежденными гугенотами), они еще в начале XVIII века перебрались в Нью-Джерси. Дед принимал самое активное участие в событиях американской революции и в награду от правительства молодой республики получил большой земельный надел на территории тогда еще не освоенного современного штата Кентукки. Отец приумножил благосостояние семьи, активно занимаясь земельными спекуляциями, торговлей недвижимостью, коммерческим судоходством по Огайо и Миссисипи, а затем и политической деятельностью. В отличие от не слишком образованного деда, внук получил серьезное образование и стал влиятельным юристом и политиком. По настоянию отца по его стопам пошли и дети. Хотя оба брата на протяжении значительной части своей жизни довольно успешно занимались адвокатской деятельностью, их интересы (особенно старшего — Донна) лежали в несколько иной плоскости — оба увлекались политикой, журналистикой и литературой, исповедовали демократические убеждения, были яростными сторонниками аболиционизма (в годы Гражданской войны эти убеждения приведут их в ряды армии северян, которую Донн закончит в чине полковника, а его младший брат станет бригадным генералом). Рид особенно сблизился с Донном, который был почти ровесником (родился в 1819 году). Как вспоминал Донн, в те годы он был особенно увлечен Байроном, многие поэтические строки которого Рид знал наизусть и всегда почитал лорда-бунтаря величайшим из англоязычных поэтов. Но не только это сближало молодых людей — объединяли их общие демократические убеждения, причем, по воспоминаниям Донна, его воззрения были еще радикальнее взглядов Рида. Будучи студентом, несмотря на свою молодость, Донн Пайатт уже имел некоторый литературный и политический опыт — он сотрудничал в местной газете и принимал участие в предвыборной борьбе, агитируя за кандидатов-аболиционистов. Тогда — в 1842 году — Рид был в равной мере далек как от литературной, так и от политической деятельности, но они тесно общались, спорили, читали друг другу стихи. Еще до исхода зимы Рид покинул Цинциннати, чтобы вновь отправиться на Запад. Но началась переписка между ним и Пайаттами. Особенно интенсивной она была в филадельфийские годы Рида и в период Мексиканской войны. Братья с интересом и сочувствием следили за

перипетиями судьбы своего друга, а когда он был тяжело ранен, даже переписывались с хирургом, который оперировал и лечил Рида. И вот теперь, узнав о том, что их друг пишет роман, Донн Пайатт пригласил его провести зиму в графстве Логан (штат Огайо), в их «родовом гнезде», в местечке под названием Мако-Чи.

В письме другу Донн сообщал, что недавно женился, счастлив и намерен прочно обосноваться на родной земле, завести детей, построить собственный дом. Он уверял Рида, что «они с Луизой (Луиза Кирби — жена Донна. — *А. Т.)* будут счастливы видеть его у себя в доме, не будут докучать без необходимости», и обещал создать все условия для работы. Он также писал, что снега и зимний ландшафт окрестностей «напомнят о родной Ирландии» и «будут вдохновлять его перо». Рид принял приглашение.

Много лет спустя, уже после смерти писателя, в статье, посвященной его памяти, Д. Пайатт писал: «Майн Рид написал свой первый роман в моем доме, в котором провел зиму. Он вернулся с Мексиканской войны с тяжелой раной, увенчанный славой храбрейшего из храбрых солдат нашей маленькой армии, что сражалась под командой Скотта».

Соглашаясь с Пайаттом в том, что Рид действительно купался в лучах славы, отметим: его друг все-таки не «написал», а закончил в его доме роман, начало которому было положено даже не в Ньюпорте, а гораздо раньше — в «Записках стрелка в цепи», публиковавшихся на страницах «Духа времен». Едва ли приходится сомневаться в этом обстоятельстве, достаточно просто сравнить тексты очерков (в 1998 году они были впервые собраны в книгу и изданы в Техасе местным историческим обществом) и текст романа. Но все-таки между очерками и романом — большая разница. В объеме: уже в своей первой редакции роман (изданный в 1849 году в США) более чем в три раза превышал суммарный объем очерков. В следующей редакции (в британском издании 1850 года) он еще увеличится. По жанру: несмотря на то что в основание очерков легли личные впечатления Рида, вымысел в них, безусловно, присутствовал, и их следует трактовать прежде всего как журналистскую работу, подчиненную конкретной задаче — показать события Мексиканской войны глазами очевидца. Роман же представляет собой художественный текст с развитой фабулой и сюжетом, системой характеров и отношений, определенной внутренней логикой развития событий и т. д. — то есть обладает всем тем, чего, по сути, лишены очерки «стрелка в цепи».

Как уже отмечалось, при издании роман Рида получил название «Военная жизнь. Приключения офицера легкой пехоты».

Он не только не принадлежит к числу известных произведений писателя, но, в отличие от подавляющего большинства его сочинений, никогда не переиздавался. Встречается утверждение, что не существует разницы между «Военной жизнью» и «Вольными стрелками», а речь идет просто о разных изданиях одного романа. На самом деле это не так: при всем сходстве (тематическом, содержательном, событийном), при том, что в книгах одни и те же действующие лица (включая главного героя), все-таки это разные романы, или, скажем так, — разные редакции романа, вторая из которых имеет существенные отличия от первой.

На первый взгляд отличия между ними невелики, — во всяком случае, событийная составляющая совпадает: главный герой вступает добровольцем в армию США, дерется на дуэли со своим соперником Дюброском и избирается капитаном роты; высаживается на острове Лобос, а затем у Санта-Круса; отправляется в экспедицию за мулами; спасает дочерей испанского идальго; сражается с мексиканскими партизанами; влюбляется сам и влюбляет в себя красавицу Гуадалупе; в финале герой отправляется покорять Мехико, а красавица ждет своего возлюбленного. Но если эти эпизоды исчерпывают событийную канву в «Военной жизни», то в «Вольных стрелках» они составляют лишь первый том романа, события второго тома — почти самостоятельная история, связанная, главным образом, с Дюброском и обманутой им Марией де Мерсед, которая также симпатизирует нашему герою. Отличаются романы и системой образов. Дело не только в том, что роман 1850 года более «населен», — меняются функции и значение героев в развитии сюжета. Например, если в «Военной жизни» постоянным и главным спутником в приключениях Галлера является Маленький Джонни, то в «Вольных стрелках» эта функция переходит к Бобу Линкольну, а Джонни отведена куда как более скромная роль. В первом романе почти с самого начала ясно, что Дюброск — шпион, во втором это становится ясно только к середине романа. И таких отличий можно найти довольно много.

Автобиографизм обоих романов очевиден, но все же первый ближе к фактам и обстоятельствам реальной жизни писателя (хотя написан он от третьего, а второй — от первого лица). Это очевидно уже с самого начала — действие первого романа начинается (Галлер решает вступить в армию) в Нью-Йорке, второго — в Новом Орлеане. В «Вольных стрелках» герой вступает в американскую армию, движимый местью мексиканцам, с которыми он уже сражался в Техасе, в «Военной жизни» Галлер — журналист, пишущий под псевдонимом «Бедный школяр» (!) и

вынужденный жить на мизерные гонорары. Понятно, что в образе Галлера без труда угадываются черты самого Рида. Но и в первом, и во втором романе (в нем еще больше!) Генри Галлер — «приукрашенный Рид». Однако если в «Вольных стрелках» это опытный боевой офицер, ставший капитаном, воюя с мексиканцами в Техасе; то в романе 1849 года Галлер — нью-йоркский журналист, уставший существовать на жалкие гроши и страдать от глупости и произвола редакторов. Во втором романе мотивация героя возвышенна и более «литературна», в первом — более правдива и источником своим имеет личную историю. Важно отметить вот еще что. Сопоставляя «Военную жизнь» и «Записки стрелка в цепи», нетрудно заметить, что событийную канву романа составили эпизоды из книги очерков. Его фабула целиком исчерпывается событиями, описанными в «Записках». В романе, опубликованном в 1850 году, фабула существенно расширилась, введено множество новых эпизодов и коллизий, вымысел потеснил факты.

Очевидно, что, создавая свой первый роман, Рид как писатель испытывал определенную робость, боялся «оторваться от факта», от личных впечатлений и от того материала, который уже «прошел проверку» у читающей публики и принес успех автору. Говорят, что первый роман любого писателя больше, чем какой-либо другой, имеет автобиографические корни и своего первого героя романист обычно пишет с самого себя. Первый роман Рида красноречиво подтверждает эту неписаную, но, видимо, справедливую истину.

Впрочем, неопытность Рида-романиста никак не влияла на собственную самооценку литератора, уже тогда — в Мако-Чи — он был чрезвычайно высокого мнения о собственном даровании. Донн Пайатт вспоминал: «По вечерам он читал нам главы из своего романа (он был прекрасный чтец), и если мы недостаточно, по его мнению, хвалили им написанное, сердито ложился спать и не касался пером бумаги по несколько дней кряду, вместо этого загоняя мою кобылу дикими скачками. Я понял, что если хочу спасти свою гнедую Дженни, то должен хвалить его работу — и со временем он стал смотреть на меня как Байрон на Гиффорда[28]. Когда первому сказали, что знаменитый критик провозгласил его «величайшим из живущих поэтов», Байрон заметил, что Гиффорд его «чертовски недооценивает»».

Интересная подробность: сочинение романа, скачки на гнедой Пайатта и общение с молодоженами — отнюдь не единственные занятия Рида в Мак-о-Чи. Как сообщает тот же источник, его друг много времени уделял и делам амурным, ухаживая за некой особой — «одной из прекрасных обитательниц

нашего дома». «Но галантный ирландец, — продолжает Пайатт, — не добился ответного огня ее больших голубых глаз». Кто это и как ее звали, так и осталось тайной, но, судя по всему, именно обладательнице «больших голубых глаз» мы обязаны эскалацией любовной истории в романе: Рид писал заключительные главы «Военной жизни», когда его собственный любовный роман переживал апофеоз. Вероятно, поэтому к концу действия «Военной жизни» линия любви затмевает все иные, а «приключения офицера легкой пехоты» из военных превращаются большей частью в любовные.

К марту 1849 года первый роман Майн Рида был завершен, но роман с некой «обладательницей голубых глаз» — явно не первый и уж точно не последний в жизни писателя — еще продолжался. Как утверждает Пайатт, после того, как его друг поставил последнюю точку в рукописи, только это обстоятельство и удерживало деятельного капитана в их доме. Лишь убедившись в бесплодности дальнейших ухаживаний, Рид покинул Мак-о-Чи, «устремившись на поиски новых приключений». Так это было в действительности или нет, оставим на совести Донна Пайатта. Но то, что Рид на всю жизнь сохранил благодарность своему другу за те месяцы, что дали ему возможность дописать роман и, по сути, состояться как писателю, — не подлежит сомнению. Пайатт в своих мемуарах припоминает стихотворение, которое Рид сочинил на станции, ожидая поезда, что унесет его на восток, и вложил в конверт с благодарственным письмом хозяину. Не будучи уверен в собственных версификаторских способностях, как, впрочем, и в безусловном поэтическом даре Рида, автор не приводит это стихотворение, адресуя заинтересовавшихся к книге вдовы писателя, где его строки приведены полностью. Вне зависимости от художественных достоинств, стихотворение друга тронуло сердце Пайатта, и в своей статье он не скрывает этого. «Между этим прощанием, — вспоминает Донн Пайатт, — и нашей следующей встречей минуло почти двадцать лет. Майн Рид преуспел и прославился, потратил свое состояние на строительство мексиканского ранчо в Англии, а я, продолжая вести все тот же образ жизни, только начинал пользовать свое перо как средство к существованию. Он поседел, но по-прежнему был крепок и элегантен и жил со своей очаровательной крошкой-женой в комнатах на Юнион-сквер в Нью-Йорке. Я рассказал ему, что наш старый дом в Мак-о-Чи обветшал и почти разрушился и что из того малого семейного круга, о котором он с таким теплом вспоминал, остался лишь я один. Это его так опечалило, что я предложил ему выпить бутылку вина, и он повел меня в подвальчик на Бродвее, где мы вместе выпили не только бутылку,

но за ужином осушили еще несколько».

Упомянутая Донном Пайаттом печальная встреча состоялась в 1869 году, но до нее оставалось еще 20 лет, и все прискорбные, как, впрочем, и очень многие радостные события в жизни нашего героя еще не свершились, а были впереди.

Из Огайо поездом Майн Рид отправился в Нью-Йорк. Видимо, он испытывал легкую грусть от неудачи на сердечном фронте, но, думается, можно утверждать, что в собственное будущее он, тем не менее, вглядывался с надеждой и оптимизмом. Он написал свой первый роман, о котором сам был весьма высокого мнения. У него не было необходимости ходить по издателям, уверяя в необходимости и выгоде издания романа. Напротив, имелась твердая договоренность с нью-йоркским издателем А. Таунсендом о публикации «детища».

Роман «Военная жизнь. Приключения офицера легкой пехоты» (достоверно неизвестно, но, судя по всему, на таком заглавии настоял издатель) вышел в издательстве А. Таунсенда через несколько месяцев после завершения. Неизвестна величина гонорара, который Рид получил за свою работу, но в ту относительно благополучную в финансовом смысле пору его существования, видимо, это не было столь важно — куда важнее было самоощущение: он опубликовал роман и приобрел уверенность, что состоялся как писатель.

Инсургент-любитель

Возвращение в Нью-Йорк, выход романа из печати, — казалось бы, все это предполагало в недалеком будущем успешную литературную карьеру — новые публикации, гонорары, известность и т. п. Но в жизни Майн Рида происходит очередной резкий поворот: начинающий, но уже полагающий себя профессионалом, писатель вдруг окунается в политику, причем в политику европейскую и политику самого что ни на есть радикального свойства. Вдова писателя в своей книге мимоходом (буквально одной строкой) упоминает о том, что в Нью-Йорке ее супруг познакомился с «немецким патриотом Фредериком Хекером». Вместе с ним и несколькими соратниками уже 27 июня 1849 года он «отплыл из Нью-Йорка на пароходе «Камбрия», королевской почтовой линии». По ее словам, во главе набранного в Нью-Йорке легиона революционеров-добровольцев Рид поспешил на помощь баварской революции. Хотя «хождение Рида в революцию» не имело для писателя «революционных» последствий, этот эпизод важен для адекватного восприятия его личности. Отразился он и в судьбе литератора. Зададимся

вопросами: что привело романиста в ряды европейских революционеров-радикалов и как это произошло?

Несмотря на то, что Рид был человеком весьма либеральных убеждений, его мало интересовала европейская политика, если она не была связана с его родиной — Ирландией или с Великобританией в целом. В этом нет ничего необычного: и в наши дни жители «островов» мало интересуются тем, что происходит на «континенте», если это напрямую не касается Британии. За годы, проведенные Ридом в Соединенных Штатах, Европа и европейские проблемы если и не превратились для него в нечто эфемерное, то явно отдалились. Но, возвратившись в Нью-Йорк весной 1849 года, Рид оказался в гуще событий, напрямую связанных с европейской политикой.

После поражения революций в Саксонии, Бадене, Пруссии, других немецких государствах германские революционеры превратились в изгнанников, и значительная их часть перебралась за океан — в США. Из них подавляющее большинство осело в Нью-Йорке и развило здесь большую активность: они создавали организации, собирали пожертвования, устраивали демонстрации, шествия и митинги. Американские власти не препятствовали этой деятельности. Почти все рассматривали свою эмиграцию как нечто временное и собирались вернуться на родину, как только позволит обстановка. А обстановка 1848–1849 годов, когда то в одной, то в другой части Европы вспыхивали восстания и разгорались революции, усиливала эти настроения. Среди вынужденных эмигрантов особое место занимал Фридрих Геккер[29]. Пожалуй, среди них он был наиболее заметной и даже в чем-то романтичной фигурой. Да и как могло быть иначе? Образованный юрист (он закончил Гейдельбергский университет), пламенный оратор, талантливый организатор, яростный республиканец и сторонник объединения Германии, он в марте 1848 года возглавил революцию в Бадене, провозгласил Германскую республику и призвал народ к оружию. Несмотря на безусловную революционную харизму, полководцем он оказался никудышным, и его отряды были разбиты вторгшимися в Баден баварскими и вюртембергскими войсками. Чудом ему удалось избежать смерти. После долгих скитаний и нескольких месяцев нелегального положения Геккер добрался до Нью-Йорка и развил здесь бурную деятельность, вербуя добровольцев в создаваемый им «революционный» легион.

Вдова Рида утверждала, что легион формировался для участия в баварской революции, а затем, после известий о ее поражении, был якобы «переориентирован» вождями на помощь революции венгерской. Едва ли это могло соответствовать

действительности. Если в «баварскую» версию можно еще поверить, то «венгерская» явно не выдерживает критики. Судите сами: если границ Баварии, в принципе, можно было достичь относительно беспрепятственно, очутившись на территории довольно лояльной к германским революционерам и пограничной с Баварией Франции, то для того, чтобы попасть в Венгрию, необходимо было не только пересечь территорию Франции, но и миновать, по меньшей мере, четыре границы: Бадена, Вюртемберга, Баварии и Австрии. Если вспомним о том, что многие из легионеров были весьма нежелательными Дерсонами в этих государствах (многие разыскивались как государственные преступники и были заочно осуждены), то станет понятно, что план этот не мог быть осуществлен даже теоретически. К тому же не следует забывать, что подавляющее большинство легионеров были немцами, которых мало интересовало то, что происходит за пределами Германского союза. Скорее всего, Геккер и его товарищи имели совершенно иные цели, и наиболее вероятной из них представляется вторжение легиона на территорию родного для него герцогства Баден. На это, кстати, «указывает» и сам Рид: в автобиографическом романе «Жена-дитя», опубликованном через 20 лет после событий (в 1868 году), писатель говорит, что легионеры собирались «принять участие в борьбе, начатой в Бадене и Палатине[30]». В оправдание вдовы Рида стоит сказать, что едва ли она специально перечитывала этот роман четверть века спустя после его выхода в свет, когда писала свою книгу о муже.

В отличие от большинства государств союза, где революция была побеждена реакцией, в Бадене, после разгрома «восстания Геккера», торжество реакции было кратковременным. В мае 1849 года здесь произошло новое восстание, герцог бежал, а к власти пришли республиканцы. Было сформировано республиканское правительство, в котором некоторые из соратников Геккера заняли ключевые посты. Очевидно, что и будучи за океаном, Геккер продолжал поддерживать с ними тесную связь. Он понимал, что республика в Бадене не сможет просуществовать долго, не имея боеспособной армии. Геккер явно извлек уроки из прошлогоднего поражения и теперь знал, что профессиональной армии должны противостоять не только «народные массы», но и обученные, обстрелянные офицеры и солдаты. Этими представлениями он и руководствовался, формируя свой легион в марте — мае 1849 года.

Как в рядах легиона оказался Майн Рид? По меньшей мере, две версии можно рассматривать как наиболее вероятные. Первая: во 2-м полку нью-йоркских добровольцев значительную

часть рядового и сержантского состава (это хорошо видно даже при беглом знакомстве с текстами романов «Военная жизнь» и «Вольные стрелки») представляли немецкие и швейцарские (немецкоязычные) эмигранты. Большинство из них весьма сочувственно относились к идее объединенной республиканской Германии. Именно в этой среде Геккер и вербовал своих легионеров. Вполне вероятно, что через них он и «вышел» на Рида. Бравый капитан — не только внешним видом, но и своей репутацией отважного офицера — не мог не произвести впечатления на баденского революционера. В пользу этого варианта возможного развития событий свидетельствует и автобиографический роман писателя «Жена-дитя». В нем упоминается о письме, которое получил его герой капитан Мейнард от некого «Комитета немецких беженцев в Нью-Йорке» и в котором герою предлагается возглавить «предприятие». В письме указывается и источник, инициировавший приглашение капитана, — «наши соотечественники, воевавшие с Вами в последней Мексиканской войне».

Возможен, впрочем, и другой вариант. Геккер особенно нуждался в опытных, боевых офицерах. В те дни, когда создавался легион, в Нью-Йорке шел широко освещаемый прессой процесс по иску бывшего командующего флотом Республики Техас коммодора Эдвина Мура к правительству США. Коммодор требовал возместить ему издержки на снабжение и ремонт кораблей (а также выплатить жалованье), которые он понес на посту. Надо сказать, что после присоединения Техаса к США в таком положении оказались многие офицеры армии и флота Техаса. Геккер мог предложить Муру присоединиться к его легиону или порекомендовать известных офицеров, которые могут заинтересоваться этим предложением. Мур и Рид — об этом мы уже писали — были хорошо знакомы и даже дружны. В таком случае фамилия писателя неизбежно должна была прозвучать и, видимо, прозвучала. Как бы там ни было, достоверно известно, что Мур был среди тех, кто провожал Рида в революционную Европу. На прощание адмирал подарил Майн Риду свою саблю, на лезвии которой было выгравировано: «Капитану Майн Риду от его старого друга коммодора Эдвина Мура».

Но почему Рида увлекла сама идея отправиться в Европу на помощь баденским (или баварским) революционерам? Ведь в то время — весной — летом 1849 года — вся Америка уже была охвачена «золотой лихорадкой» и десятки тысяч новоявленных старателей двинулись на Запад — в Калифорнию. Подавляющее большинство судов, покидавших нью-йоркскую гавань, держали

курс именно туда. Среди тех, кто отправился вокруг мыса Горн к новоявленному Эльдорадо, было много знакомых Рида, в том числе немало тех, с кем он воевал. Но Рид, тем не менее, предпочел восточное направление.

Что им двигало? Понятно, что не денежный интерес. Денег ему не обещали. Если бы его интересовали деньги, он бы направился на запад, а не на восток. Значит, Рида так сильно увлекли идеи свободы, что он отправился в Европу, чтобы за них сражаться? Возможно. Но ограничиться простой констатацией наличия у писателя даже очень большой «любви к Свободе» все-таки недостаточно и, по сути, неверно. Кроме свободолюбия, действительно присущего Риду, было у него еще и большое честолюбие, а потому и надежды, и перспективы — пока неясные, но от них у недавнего офицера американской армии явно захватывало дух. Его ждала слава, и эти эмоции он передал своему герою — капитану Мейнарду из упоминавшегося уже романа «Жена-дитя». Видимо, они были настолько сильны, что и 20 лет спустя, когда писался роман, их отзвуки вполне ощутимы. Но, кроме надежд, были и сомнения. Герой романа, стоя на корме парохода и провожая взглядом удаляющиеся берега Америки, думает: «…а правильно ли он поступил, приняв приглашение возглавить революционный поход в Европу? (Чувствуете амбиции? Не участвовать в борьбе за свободу отправляется Мейнард, а возглавить ее! — *А. Т.)* Он оставлял землю, на которой долго жил и которую любил, любил ее людей и ее устройство. Он пускался в весьма рискованное предприятие, чреватое большой опасностью; не как легально воюющий солдат, которой ничем не рискует, если проиграет на поле битвы, — он сохранит свою жизнь и попадет в плен; но как революционер и мятежник, который, если будет побежден, не может надеяться на снисхождение, — его ожидает только позорная смерть, и он даже не будет похоронен». Но, замечает автор и, по сути, солидаризуется со своим героем, «в то время… мятежник и патриот означало одно и то же… этим званием можно было гордиться, это была священная обязанность; и, вдохновленный этими мыслями, он смотрел вперед без опасений, а назад — без большого сожаления». Мы не слишком преувеличим, утверждая, что эмоции эти испытывал не только Мейнард на страницах романа, но и сам Рид, покидая в 1849 году Америку. Его личные переживания были источником эмоционального накала романа.

В своей книге Элизабет Рид пишет, что капитан М. Рид и Ф. Геккер отправились в Европу вместе, отбыв в Ливерпуль на пароходе «Камбрия». На самом деле это не соответствует действительности. Немецкий инсургент отбыл из Нью-Йорка

сразу же по получении сведений о произошедшей в Бадене революции — в мае 1849 года. Рид остался в Нью-Йорке. Ему было поручено завершить формирование легиона, произвести закупки вооружения и подготовить перемещение легионеров через океан в Великобританию. Ливерпуль должен был стать местом общего сбора. По утверждению миссис Рид, ее мужа назначили командиром легиона. Едва ли это соответствует действительности. Скорее всего, во главе легиона стоял сам Геккер, а Майн Рид был в нем старшим офицером, возможно, начальником штаба. Как бы там ни было, 27 июня 1849 года писатель с передовой группой легионеров (точное число их неизвестно, но едва ли их было больше десяти-двенадцати человек) поднялся на борт «Камбрии». Тем же днем пароход снялся с якоря и вышел в Атлантический океан. Путь его лежал в Ливерпуль.

Часть III
Англия: 1849–1867

Несостоявшийся Мюрат

За годы, проведенные в Америке, Майн Рид накопил изрядный опыт водных путешествий: много раз он поднимался вверх и спускался вниз по Миссисипи и Огайо, по Ред-Ривер и Теннесси, плавал по Великим озерам и диким рекам Северо-Запада, не раз пересекал Мексиканский залив и ходил вдоль атлантического побережья США, наконец, он «покорил» штормовую Атлантику на паруснике зимой 1839/40 года. Несмотря на столь богатый опыт, он никогда не испытывал удовольствия от перемещений по воде, предпочитая земную твердь корабельной палубе. На этот раз у него не было выбора: в те годы, кроме корабля, иных средств пересечь Атлантику не существовало. Еще было памятно многонедельное изнуряющее путешествие на «Дамфрисшир»: тоска, тревога и скученность пассажиров, несвежая питьевая вода, однообразная, скудная, низкого качества пища и постоянная сырость. Но почти за десятилетие, что минуло с той поры, изменилось многое — технический прогресс не стоял на месте. «Камбрия» «моложе» «Дамфрисшир» всего на семь лет (спущена на воду 1 августа 1844 года), но это был совсем другой корабль. Хотя он также нес три мачты с парусами, но между фок- и грот-мачтой возвышалась дымовая труба, изрыгавшая клубы дыма, а Во бортам вращались огромные гребные колеса, и из трюма доносился мощный гул паровой машины. Паруса поднимали дишь при попутном ветре — корабль двигался в основном благодаря энергии пара. По своим размерам «Камбрия» превосходила «Дамфрисшир»: она имела почти 70 метров в длину и более десяти в ширину, а водоизмещение было в два раза больше — почти полторы тысячи тонн. Так же как «Дамфрисшир», «Камбрия» была предназначена для перевозки пассажиров. Но если «Дамфрисшир» брал до шестисот человек на борт, то каюты «Камбрии» были рассчитаны

всего на 120 пассажиров, и никакого второго и третьего класса! — на корабле имелись каюты только первого класса. Конечно, таких судов было еще совсем немного — революционные изменения в трансатлантическое судоходство пришли с учреждением знаменитой компании *Cunard* в 1840 году. Компания подписала контракт с правительством Великобритании на регулярные почтово-пассажирские перевозки между Ливерпулем, Галифаксом (Канада) и Нью-Йорком и вывела на линию комфортабельные скоростные — до той поры невиданные — океанские парусно-паровые суда. Они назывались пакетботами. То расстояние, которое парусники преодолевали за полтора-два месяца, пакетботы «Кунард» покрывали меньше чем за две недели. Поначалу на линии работали четыре судна, с середины 1840-х их было уже шесть, и они ходили точно по расписанию.

«Камбрия» не считалась лучшим ходоком через Атлантику — ей ни разу не довелось завоевать тогда уже учрежденную «Голубую ленту» — за самое быстрое пересечение Атлантики, но это было довольно быстроходное судно: покинув нью-йоркскую гавань 27 июня, оно уже 10 июля пришло в Ливерпуль. Путешествие было неутомительным, тому благоприятствовала и погода. На борту находилось всего 94 пассажира, и все направлялись в Англию. В Галифаксе новых пассажиров не прибавилось, «Камбрия» даже не заходила в гавань, но, оставаясь на рейде, приняла несколько мешков с почтой, на что ушло несколько часов, а затем плавание продолжилось.

Фридрих Геккер встречал Майн Рида и прибывших с ним легионеров в Ливерпуле. Известно, что Геккер прибыл с информацией о поражении революций в Бадене и в Баварии. До выяснения ситуации и получения достоверных сведений от единомышленников на континенте было принято решение задержать отплытие оставшихся в Нью-Йорке легионеров. Заботу о пассажирах с «Камбрии», большинство из которых никогда не бывали в Англии, взял на себя немецкий революционер. С Майн Ридом они договорились встретиться через десять дней здесь же, в Ливерпуле.

Таким образом, у Рида внезапно появилось время, которое он решил провести у себя на родине — в Северной Ирландии, в Баллирони. Как, вероятно, помнит читатель, ближайшим к Баллирони морским портом является Уорренпойнт. Туда из Ливерпуля, не мешкая (Рид прибыл в Уорренпойнт уже 12 июля — то есть из Ливерпуля он должен был отплыть уже в день прибытия «Камбрии»), и отбыл писатель. Он не известил родных о приезде, поскольку, покидая в июне Нью-Йорк, был уверен, что у него не будет возможности повидать семью. Но теперь ситуация

изменилась — и вот он уже на пути к родному дому: дорога петляет между зеленых холмов и голубых озер родного Дауна, который он покинул без малого десять лет назад. Всего лишь за месяц до этого, в мае 1849 года, в город пришла железная дорога, но она проходила довольно далеко от Баллирони, потому Рид решил воспользоваться экипажем.

Майн Рид уезжал из Баллирони двадцатилетним. Его багаж был невелик, за душой десяток фунтов, выданных отцом, а в придачу диплом выпускника колледжа в Белфасте и не сложившаяся карьера школьного учителя. Невелик был его багаж и теперь, но ему уже за тридцать, он возмужал, у него огромный опыт и масса впечатлений, неведомых подавляющему большинству его современников; он элегантен, уверен в себе, у него славное военное прошлое и — он абсолютно убежден в этом — великое военное будущее. У него немного денег, но блестящие перспективы. К тому же он все-таки уже чего-то достиг: не только с гордостью и по праву носит звание капитана Армии США, но накануне отплытия из Нью-Йорка из печати вышел его первый роман, несколько экземпляров которого лежит в саквояже, — один из них он сможет подарить отцу и матери.

Можно представить радость родных, которые за эти десять лет не раз отчаивались когда-нибудь увидеть Рида живым. На встречу с ним в родительский дом приехали и сестры, и брат. Вдова в своих воспоминаниях, со слов мужа, пишет, что скоро «и соседи собрались оказать знаки внимания герою Чапультепека, хотя радость была омрачена известием, что он скоро уезжает и вновь на войну». Видимо, Майн Рид не скрывал своего участия в легионе, — напротив, он гордился этим и с удовольствием, красуясь перед родными и знакомыми, рисовал головокружительные планы. Однако и близких, и соседей, слышавших о женитьбе Рида, больше всего интересовал его матримониальный статус. Поэтому «особенно часто, — продолжает вдова, — его расспрашивали о браке с мексиканской наследницей, слухи о котором дошли и сюда. Он отвечал, что все это романтические домыслы, и, хотя его действительно восхищают усики над верхней губой испанских красавиц, они же приводят его в содрогание, когда он видит их у испанских старух. В дополнение к этой фразе он, обращаясь к матери, добавил:

— Я думаю, ты скорее б предпочла, чтобы я умер, но не женился на папистке (то есть католичке. — *А. Т.)*.

На что обожаемая мать отвечала:

— Я сама, скорее всего, умерла бы при известии об этом».

Визит на родину был коротким, но все же он продолжался дольше тех нескольких дней, что предполагалось: Рид уже

собирался на встречу с Геккером и готовился к отъезду, когда от немецкого революционера на имя писателя пришло письмо, в котором тот сообщал, что их встреча в Ливерпуле не состоится, и предлагал встретиться в начале августа в Лондоне. Так в первых числах августа 1849 года Рид оказался в британской столице. Здесь стало окончательно ясно, что «наполеоновским» планам и надеждам писателя сбыться не суждено: в Бадене и в Баварии (да и повсеместно в немецких землях) восторжествовала реакция. В том же направлении развивались и события в Европе: русскими и австрийскими штыками подавлена демократия в Венгрии, разгромлены карбонарии в Италии, потерпело поражение восстание в Польше. Хотя Франция была еще по-прежнему лояльна к революционерам (до «восемнадцатого брюмера» Луи Бонапарта оставалось еще почти два года), Геккер понимал, что для вторжения в южную Германию сил его легиона совершенно недостаточно, а повторять ошибку Георга Гервега[31] было глупо и жестоко. Геккер разочаровался и выглядел подавленным. Рид видел, что его друг колеблется, но все больше склоняется к мысли отказаться от дальнейшей борьбы и вернуться в США, чтобы остаться там навсегда. В конце концов так и случилось — в сентябре Геккер сел на корабль и отправился в Америку. Здесь он обосновался в Иллинойсе и стал фермером. Никакой политической карьеры в США он не сделал и не стремился к этому: словно после крушения революционных планов что-то в нем надломилось. Косвенным подтверждением тому служит и его участие в Гражданской войне Севера и Юга США. Будучи принципиальным противником рабства, он добровольно вступил в армию северян, был определен командовать бригадой и получил чин полковника. Но та отвага и инициативность, что были так свойственны ему в 1840-е годы, словно куда-то испарились — командиром он был инертным и безынициативным, ни одного сражения не выиграл и, видимо, потому покинул армию задолго до окончания войны.

Нет сведений о том, провожал Рид своего товарища в Ливерпуле или простился с ним в Лондоне. Впрочем, это не очень важно. Куда важнее то, что они довольно плотно общались в эти два месяца: нужно было завершить множество дел — ведь на Фридрихе Геккере и Томасе Майн Риде лежала ответственность за прибывших с ними немецких легионеров. Поскольку Геккер довольно часто пребывал в глубокой апатии, то многое приходилось делать Риду. Необходимо было обеспечить возвращение людей в США, помочь с жильем, одеждой, питанием; наконец, продать партию револьверов системы «кольт», которые они привезли с собой, чтобы вооружить своих товарищей (деньги,

вырученные от продажи, пошли на оплату обратного пути в США). В эти недели Майн Рид окунулся в стихию митингов и революционных собраний. Геккер свел его не только с немецкими революционерами, обосновавшимися в Лондоне, но и польскими, итальянскими, русскими, венгерскими революционными эмигрантами. Можно сказать, что, очутившись в Лондоне среди разношерстной европейской политической эмиграции, Рид сделался «своим среди чужих»: он не только разделял демократические убеждения изгнанников, но и чем мог помогал им — выступал своего рода посредником в бытовых вопросах, в контактах с прессой, объяснял, советовал, как вести себя в той или иной ситуации. Такой советчик был очень нужен этим людям, которые оказались хотя и в дружественной, но совершенно чуждой им в социокультурном плане среде.

Автор настоящих строк нимало не погрешил против истины, говоря о дружественном отношении британского общества к европейским эмигрантам-революционерам. Необходимо признать, что современная доброжелательность Великобритании к политическим эмигрантам (не только из России, но из других стран мира) имеет давние корни, и традиция эта, по меньшей мере, восходит к XIX веку. Исследования как британских, так и отечественных историков показывают, что в XIX столетии отношение действительно было и доброжелательным, и сочувственным. Среди причин, способствовавших этому, можно отметить хотя бы то, что в британском обществе традиционно сильны не только недоверие к Европе, но и демократические традиции. Поэтому национально-освободительные движения, тяга к демократизации общественной жизни, стремление внедрить традиционную для Англии парламентскую форму правления воспринимались англичанами — традиционными парламентаристами — с пониманием и сочувствием. Нельзя не забывать и об отношении официального Лондона: Британской империи были выгодны разброд и шатание в Европе, власти предержащие не видели никаких угроз для государства в том, что Лондон стал центром революционной эмиграции, да и лорд Пальмерстон — британский премьер явно благоволил эмигрантам. Наконец, эмигранты, облюбовавшие столицу империи, не были «сбродом», как это часто пытались представить официальные круги России, Австрии и Пруссии: в основном это были весьма респектабельные люди — бывшие министры (даже главы правительств), большей частью дворяне (нередко титулованные), офицеры и генералы разбитых армий, видные адвокаты, журналисты и, вообще, как правило, весьма образованные люди. Наконец, эмигранты были патриотами,

«мучениками за дело свободы», поэтому в их облике неизменно присутствовало нечто романтическое, возвышенное, и это не могло не привлекать к ним симпатии. Для Майн Рида этот романтический ореол, окружавший изгнанников, был, наверное, особенно важен, тем более что тень от него падала и на того, кто находился с ними рядом. И то, что таких политэмигрантов, как Л. Кошут, А. Мадзини, Д. Гарибальди и других, принимали министры британского правительства и английские аристократы, а европейские тираны забрасывали протестами по этому поводу Виндзор, — безусловно, тешило самолюбие тех, кто помогал изгнанникам. Сочувствуя этим людям, оказывая им помощь, защищая их от нападок консервативной прессы, Майн Рид ощущал себя причастным к борьбе за демократические идеалы, видел себя в рядах революционеров. Что может быть романтичнее этого самоощущения?

Даже внешне Рид стремился подчеркнуть свою «революционность»: обожал свободные белоснежные рубашки «апаш», шейные платки алого цвета и носил особого фасона шляпу — с высокой тульей и широкими мягкими полями. Моду на нее среди революционеров ввел все тот же Фридрих Геккер — в ней он провозглашал республику в Бадене и вел своих соратников в бой против баварских и вюртембергских отрядов. Она и называлась по его имени — «геккер», и стала своего рода «опознавательным знаком» в среде «людей 1848-го». С этим «опознавательным знаком» Рид не расставался на протяжении всей жизни, заказывал и неизменно носил шляпы именно такого фасона.

Викторианский литератор

Геккер покинул Англию. Больше с Майн Ридом они никогда не встречались и не переписывались. Но, как мы видим, «в наследство» немецкий революционер оставил своему другу не только привязанность к экстравагантному головному убору, названному его именем, но и широкие связи в среде политэмигрантов — «людей 1848-го». Позднее, в 1850-е, Рид особенно сблизится с венгром Л. Кошутом, будет с ним много общаться, переписываться, выступать с письмами в его защиту. Но тогда, в 1849 году, Рид еще очень мало знал о венгерской революции, да и Кошут был еще довольно далеко от берегов Туманного Альбиона. В Лондон бывший венгерский премьер прибудет (надо сказать, с большой помпой) только в 1851 го**ду.** Все это еще впереди. А теперь, после лихорадочной сумятицы мая — сентября, отъезда Геккера и его несостоявшихся легионеров,

Риду было необходимо оглядеться и сделать выбор — чем он займется и где станет жить: вернется ли, как его товарищи, обратно в США или останется в Великобритании.

Как известно, Рид считал Соединенные Штаты самым свободным государством мира. Свою родину — Великобританию он, наоборот, воспринимал как царство несвободы. Его возмущало рабство американских рабов, но в своих соотечественниках (и еще в большей степени — в европейцах) он видел рабов худшего свойства. В одном из романов есть характерные строки: «В других странах, в том числе в своей собственной, я вижу вокруг таких же рабов, причем их гораздо больше. Рабов не одного человека, но множества людей, целого класса, олигархии. Они не холопы, не крепостные феодала, но жертвы заменивших его в наше время налогов, действие которых столь же пагубно… Я считаю, что рабство негров менее унизительно, чем положение белых невольников в Англии. Несчастный чернокожий раб был побежден в бою, он заслуживает уважения и может считать, что принадлежит к почетной категории военнопленных. Его сделали рабом насильно. Тогда как ты, бакалейщик, мясник и булочник, — да, пожалуй, и ты, мой чванливый торговец, считающий себя свободным человеком! — все вы стали рабами по доброй воле. Вы поддерживаете политические махинации, которые каждый год отнимают у вас половину дохода, которые каждый год изгоняют из страны сотни тысяч ваших братьев (Рид имеет в виду массовый исход голодающих ирландцев в 1846–1850-х годах, который сознательно стимулировался властями империи. — *А. Т.),* иначе ваше государство погибнет от застоя крови. И все это вы принимаете безропотно и покорно. Более того, вы всегда готовы кричать «Распни его!» при виде человека, который пытается бороться с этим положением, и прославляете того, кто хочет добавить новое звено к вашим оковам».

Тем не менее Рид принимает решение остаться в Англии. Чем оно было обусловлено? Ответ очевиден: намерением продолжать литературную карьеру. В самом деле, а что ему еще оставалось? Его мечты превратиться в нового Мюрата и встать во главе революционных войск, сметающих троны европейских тиранов, развеялись как дым. Он мог вернуться к преподаванию, но, после того как дважды — сначала в Ирландии, а затем в США — под влиянием обстоятельств он вынужден был оставить учительскую карьеру, вряд ли его могла привлечь эта стезя. Он мог попытаться вновь податься в «акулы пера», но сама мысль о «поденщине», о неизбежных унижениях и компромиссах казалась ему отвратительной. Писательская карьера в викторианской Англии,

напротив, сулила перспективы. Хотя, как и в США, писательство на его родине не принадлежало к числу «респектабельных» профессий, все же статус писателя в Англии был ощутимо выше, нежели в Америке. Если мы вспомним о судьбе американского профессионального писателя Э. А. По и сопоставим ее с судьбами английских профессионалов пера Ч. Диккенса, Ч. Рида, У. Коллинза, У. Эйнсворта и многих других викторианцев, то станет понятно, о чем идет речь. И дело не только в отношении современников. В те времена в Америке даже самые успешные литераторы не могли прожить на деньги, которые они получали за издание своих произведений. В Англии наиболее успешные — так называемые перворазрядные писатели — не только жили достойно, но и богатели, сочиняя романы. Парадоксально, но литературный труд нигде и никогда не приносивший особенных доходов романистам, в Викторианскую эпоху мог быть (и для многих авторов был) доходным предприятием. Литературоведы, пишущие о викторианцах, увлеченные исследованием художественных особенностей их романов, изучением принципов отображения действительности, анализом образной системы и т. п., отчего-то упорно игнорируют экономическую составляющую их труда. А она, безусловно, оказывала самое существенное влияние на творческий процесс, определяя не только форму, но воздействуя и на содержание романа. Как здесь не вспомнить сакраментальное пушкинское: «не продается вдохновенье, но можно рукопись продать»!

Джон Сазерленд, видный культуролог, социолог и один из наиболее искушенных исследователей книжного дела в викторианской Англии, основываясь на тщательном анализе тогдашнего литературно-издательского рынка, приводит среднюю величину вознаграждения, на которую «средний» викторианский писатель мог рассчитывать в 1850–1860-е годы, продавая свой роман издателю. Так вот, она равнялась примерно 250 фунтам стерлингов. Это были очень значительные по тем временам деньги, когда человек, имеющий 100 фунтов годового дохода, мог смело причислять себя к среднему классу. При этом Сазерленд имеет в виду «стандартный» викторианский роман, — изданный в трех томах *in octavo* и стоивший полторы гинеи. В таком «формате» издавались романы Ч. Диккенса, А. Троллопа, У. Теккерея, У. Эйнсворта, Ч. Рида, большинства других викторианских романистов — вне зависимости от их успешности и литературной известности.

Кстати, обращал ли читатель внимание — романы Диккенса, Троллопа, Теккерея и других «викторианцев» поразительным образом близки по объему. Неужели потому, что коллизии,

которые они воплощали в своих текстах, требовали именно такого — трехтомного — объема? Отнюдь. Того требовал издатель — и объем романа (в трех томах) обязательно определялся в договоре между писателем и издателем. Конечно, издавали и двухтомники: они продавались по гинее и приносили несколько меньший доход издателю, а соответственно, и автору. Однотомники были скорее исключением.

Надо сказать, книжный рынок викторианской Англии был уникален и разительно отличался от тех реалий, что сложились в этой области за последнее столетие, поэтому имеет смысл хотя бы бегло остановиться на этом явлении поподробнее. На протяжении почти всего XIX века на британском книжном рынке безраздельно «царил» трехтомник или, как его называли англичане, «трехпалубник» (*three-decker*). Для издателей этот «формат» был предпочтителен. В трехтомном варианте издавались романы, мемуары, биографии выдающихся особ, популярные тогда разнообразные путевые заметки, научные и религиозные трактаты и т. п. Трехтомник печатался в одну восьмую листа, на бумаге высокого качества, с обязательными иллюстрациями в каждом томе (обычно по шесть гравюр на том). Шрифт был крупным, поля страницы — широкими (стандартная страница имела примерно 1200 знаков). Переплетался трехтомник в прочный, чаще всего тисненный золотом, кожаный или тканевый переплет — ремесло переплетчика в викторианской Англии превратилось в настоящее искусство, которое в настоящее время пристально изучается. Практически неизменным оставался и тираж: обычно он составлял одну тысячу экземпляров. Стоил трехтомник, как уже говорилось, полторы гинеи (то есть без малого два фунта стерлингов) — огромные деньги. Причем, как это ни парадоксально, цена оставалась неизменной практически на протяжении столетия. За это время изменились технологические процессы: удешевилось производство бумаги, были изобретены и внедрены новые печатные машины, появились фальцевальные и брошюровальные механизмы, совершенствовался процесс литографирования. Наконец, многократно возросла читательская аудитория. Но цена и тираж трехтомника не менялись. Заманчиво объяснить этот парадокс пресловутой приверженностью британцев традициям и английским консерватизмом. Но о какой «приверженности традициям» можно говорить, когда речь идет о коммерции и доходах? Издание чрезвычайно дорогих трехтомников (и двухтомников) было выгодно, рдин из историков книжного дела Викторианского периода совершенно справедливо отмечал: «Издатели могли позволить себе совершенно не заботиться о том,

что индивидуальный покупатель не приобретает их чрезвычайно дорогие книги». Почему? Да потому, что книги эти и не предназначались для рядового покупателя — их покупали платные библиотеки. «До тех пор, — отмечает тот же исследователь, — пока библиотеки забирали существенную часть тиража, доход издателя был неприкосновенен». Библиотеки делали ставку на трехтомник потому, что им была нужна «качественная литература», а трехтомник — своим оформлением, добротным переплетом и — главное — ценой — убеждал, что это и есть «качественная литература», а содержание, по большому счету, было не столь уж и важным. Для издателей, а следовательно, и для авторов это был почти беспроигрышный вариант. И если последнему удавалось пробиться в когорту «перворазрядных», то от перспектив захватывало дух. Впрочем, и те, кому не удалось, могли рассчитывать на неплохой и довольно устойчивый доход.

Библиотеки «потребляли» примерно две трети тиража, остальное (если роман не пользовался особенным — сумасшедшим — спросом, каким пользовались некоторые романы Диккенса или У. Коллинза, и требовалась допечатка) нередко оседало на складах и потом продавалось с большими скидками. Платных библиотек в Великобритании было довольно много — годовой абонемент на обслуживание стоил обычно гинею (за эти деньги в распоряжении читателя были и новинки, и книги прошлых лет издания; единственное условие — брать только по одной книге за раз). Это дело было весьма выгодным, тем более что пересылка почтового отправления (в том числе книги) в пределах Британии стоила всего пенс и обычно осуществлялась в течение суток. Платные библиотеки *(circulating libraries)* целевой аудиторией имели британский средний класс — он не обладал достаточной суммой денег, чтобы покупать роскошные трехтомники, но хотел читать, а количество более или менее образованных и неплохо зарабатывающих людей в Англии неуклонно росло. Это был серьезный рынок, и он диктовал свои условия издателям. В викторианской Англии находились настоящие «библиотечные гиганты» — достаточно упомянуть библиотечную «империю» Мади[32], расцвет которой пришелся на 1850–1870-е годы. Бывало, он один заказывал до 500 экземпляров того или иного романа сразу. Число только его подписчиков в упомянутый период варьировалось от 25 тысяч до 50 тысяч человек. А ведь были и другие библиотеки.

В 1850 году, когда состоялось «вхождение» Рида в английскую литературу, такое положение казалось незыблемым, но изменения, и довольно существенные, были не за горами.

Риду, хотя он едва ли сознавал это, доведется стать одним из важных действующих лиц этих перемен. Но о характере их, о роли Рида и его произведений в этих процессах поговорим позже.

* * *

Находясь в Лондоне и приняв решение не возвращаться в США, а продолжить литературную карьеру в Великобритании, Майн Рид прежде всего должен был озаботиться поиском издателя — важнейшей фигуры для любого писателя. У него имелся роман «Военная жизнь, или Приключения офицера легкой пехоты», изданный в США, и Рид начал наводить справки о возможности публикации книги на родине. Для начинающего писателя, каковым и представлялся Рид в Англии в глазах издателей, это оказалось непростым делом. В своей книге о муже Элизабет Рид мимоходом упоминает о долгих и непростых поисках. Вероятно, это было не столько длительное, сколько довольно мучительное занятие: выступать в роли просителя, получать отказы, беседовать с клерками, взирающими на тебя сверху вниз, или получать предложения, в которых твой труд оценивался смехотворно низко — согласитесь, для гордого и независимого по характеру человека это не могло не быть мучительно. Нет достоверной информации о том, как Рид нашел своего первого британского издателя, — сам ли вышел на него, кто-то посоветовал к нему обратиться или даже познакомил с ним начинающего литератора, но довольно скоро писатель впервые переступил порог офиса Уильяма Шобела на Грейт-Мальборо-стрит, 20.

У. Шобел специализировался на изготовлении книг «экзотического содержания», до которых английский читатель был великий охотник — он издавал мемуары и записки путешественников, миссионеров и естествоиспытателей, приключенческие романы, действие которых происходило в экзотических землях. В этом смысле роман Рида вполне органично вписывался в «формат» издательства Шобела. Но, по меркам британского издательского рынка, роман Рида был слишком мал по объему — его нельзя было издать не только трехтомником, но даже и в двух томах. Тем не менее Шобел ознакомился с представленным ему текстом и решил его напечатать. Однако поставил перед автором несколько обязательных условий. Прежде всего, роман должен был увеличиться в объеме — хотя бы вдвое. «Простоватой» показалась издателю и фабула романа. Конечно, только что закончившаяся

американо-мексиканская война должна была привлечь внимание британцев, но слишком мало в «Военной жизни» приключений, загадок и тайн, вероломных предательств и измен. Недостаточно, по мнению Шобела, автором используется и местный колорит, например, совсем не развита линия «гверильяс», — а какие перспективы сулит живописное изображение этих местных разбойников в создании характеров персонажей, наконец, для усложнения той же интриги! Простовата и любовная линия: в ней нет ничего таинственного — Галлер любит «черненькую», его друг лейтенант Клейли — «беленькую», и никаких особенных загадок, тайн, соблазнов. Викторианский читатель привычен к сюжетам иного рода, где есть и первое, и второе, и третье, когда любовь проходит через испытания и в финале увенчана счастливым брачным союзом.

Многое из того, о чем говорил издатель (памятуя о самолюбивом характере писателя!), конечно, вряд ли могло понравиться Риду, но в то же время он понимал, что Шобел — человек весьма искушенный и говорит дельные вещи, поэтому к его мнению следует прислушаться. К тому же в случае успеха романа Шобел обещал выплатить автору гонорар в 150–200 фунтов (во всяком случае, примерно в такую сумму он оценивал половину дохода от издания романа), выражал готовность немедленно заключить контракт на издание книги и даже выплатить будущему автору небольшой аванс. Конечно, имя У. Шобела было не столь широко известно и влиятельно в британском издательском мире, как, например, издательская марка Брэдбери и Эванс или предприятие Джорджа Роутледжа, но он был вполне удачлив, и каждый год его «фирма» стабильно выдавала по полтора-два десятка наименований. Интересно, что большинство из изданных Шобелом книг принадлежало перу начинающих авторов. Похоже, Рид, обратившись к Шобелу, попал по нужному адресу: едва ли Роутледж, Брэдбери и Эванс, другие «киты» британского издательского мира стали возиться с начинающим автором, а если бы и напечатали роман, то условия договора были бы, конечно, кабальными. Как тут не вспомнить печальную судьбу сестер Бронте, вынужденных по условиям договора с издателем отдавать свои тексты за бесценок. А ведь Рид не просто стремился быть представленным британскому читателю — он собирался зарабатывать пером на жизнь.

Довольно быстро — после нескольких визитов Рида — стороны пришли к соглашению и договор на издание нового романа был подписан. Текст его гласил:

«Соглашение между Т. Майн Ридом и господином Уильямом Шобелом о правах на издание романа в двух томах

20 сентября 1849 года.

Меморандум о соглашении между господином Томасом Майн Ридом, автором, и господином Уильямом Шобелом, издателем. Господин Рид обязуется написать оригинальный прозаический текст, представляющий собой единое связанное вымышленное повествование в двух томах в одну восьмую печатного листа, что составляет не менее *шестисот страниц* романа обычного размера, и передаст *рукопись* в руки издателю (У. Шобелу) — в полном и завершенном, готовом к публикации виде — до или не позднее первого дня декабря 1849 года.

Господин Уильям Шобел, издатель, и господин Томас Майн Рид, автор, пришли к соглашению о том, что господин Уильям Шобел соглашается подготовить к печати и издать упомянутую работу за свой счет, если рукопись будет удовлетворять его требованиям и представлениям о необходимом качестве работы.

Упомянутый издатель [У. Шобел] обязуется выплатить упомянутому автору [Т. Майн Риду] вознаграждение в размере половины дохода полученного упомянутым издателем [У. Шобелом] от реализации книги, согласно представленной калькуляции, подготовленной издателем [У. Шобелом] не позднее чем через шесть месяцев по издании книги упомянутого автора [Т. Майн Рида].

В счет причитающегося вознаграждения упомянутому автору [Т. Майн Риду] издатель [У. Шобел] обязуется выплатить двадцать пять фунтов стерлингов тотчас же по представлении упомянутой рукописи в полном и завершенном, готовом к публикации виде — до или не позднее первого дня декабря 1849 года.

Господин Уильям Шобел, издатель, и господин Томас Майн Рид, автор, пришли к соглашению о том, что упомянутая рукопись будет напечатана упомянутым господином Уильямом Шобелом тиражом в одну тысячу экземпляров. Упомянутый господин Уильям Шобел, издатель, обладает правом на издание дополнительных экземпляров упомянутой рукописи [доход от дополнительных экземпляров принадлежит упомянутому

господину Уильяму Шобелу, издателю, и упомянутому Т. Майн Риду, автору, в равных долях, согласно расчетам, представленным издателем].

Господин Уильям Шобел, издатель, и господин Томас Майн Рид, автор, пришли также к соглашению о том, что права на издание упомянутой рукописи могут быть переданы третьему лицу по согласованию с издателем [У. Шобелом] без согласования с автором [Т. Майн Ридом], а все доходы от этой сделки будут принадлежать издателю [У. Шобелу].

Господин Уильям Шобел, издатель, и господин Томас Майн Рид, автор, пришли также к соглашению о том, что господин Томас Майн Рид в течение года не станет печатать и издавать продолжение упомянутой рукописи без согласования с У. Шобелом.

Господин Уильям Шобел, издатель, и господин Томас Майн Рид, автор, пришли также к соглашению о том, что все доходы, полученные от продажи печатных форм упомянутой рукописи для печати в Америке, будут принадлежать издателю [У. Шобелу].

<Нотариально заверено. Скреплено печатью>
Лондон, 25 сентября 1849 г.».

Где писал Майн Рид свой первый «британский» роман — жил ли он в это время в Лондоне или вернулся на родину, в Баллирони, но написал он его очень быстро — менее чем за два месяца — и представил рукопись до обозначенного в договоре срока. Получил он от Шобела и оговоренный договором аванс в размере 25 фунтов стерлингов. По согласованию с издателем роман получил название «Вольные стрелки, или Приключения офицера пехоты в южной Мексике».

Если сравнивать два романа — тот, который Рид привез из Америки, и тот, который вышел в издательстве Шобела в 1850 году, — нетрудно увидеть, что романист не оставил пожелания издателя без внимания. Но, создавая новую редакцию романа, Рид как автор явно пошел по «линии наименьшего сопротивления» и отказался от полной переработки «Военной жизни». Сохранив главным героем Генри Галлера, он «романтически» возвысил его, превратив из не слишком удачливого нью-йоркского журналиста-поденщика в бывшего боевого офицера армии Республики Техас — капитана Галлера. Прежнего товарища Галлера — «Маленького Джонни» (он остался в новой редакции, но превратился в одного из второстепенных персонажей) — потеснил Боб Линкольн, охотник и техасский

рейнджер; эту колоритную фигуру Рид превратил в одну из центральных в романе. В остальном текст «Военной жизни» не претерпел серьезных метаморфоз. Коренной переработке своей первой книги автор предпочел иной путь: с незначительными изменениями американская «Военная жизнь» составила первый том британского романа, второй том, по сути, был написан заново. Рид усилил приключенческую составляющую. Интрига второго тома «закручена» вокруг фигуры изменника и мексиканского шпиона Дюброска, который в тексте 1849 года «обретался» на периферии сюжета. Рид расширил художественное время и художественное пространство романа. «Военная жизнь» — история о событиях, связанных с осадой Веракруса, и действие ее развивается в окрестностях осажденного города. События второго тома строятся следующим образом. Веракрус взят американцами, Галлер возвращается на ранчо дона Косме к своей возлюбленной, но находит ранчо пустым и разграбленным. Он узнает, что на дона Косме напали гверильясы и полонили его прекрасных дочерей. Галлер бросается в погоню и… попадает в плен к мексиканским партизанам, которыми командует его старый враг Дюброск. Оказывается, вся история с ранчо была задумана для того, чтобы заманить Галлера в ловушку. Но Галлеру удается бежать. В этом ему помогает прекрасная Мария де Мерсед, племянница дона Косме. Мария — женщина Дюброска. В свое время он совратил ее, и теперь она вынуждена быть рядом с преступным супругом (эпоха-то Викторианская — куда ей, бедной, деваться!), но в глубине своей натуры продолжает оставаться добродетельной особой и к тому же втайне влюблена в неотразимого смельчака Галлера. Пережив погоню, преодолев с помощью верного Боба Линкольна множество естественных (реки, горы, заросли, дикие животные и т. д.) и искусственных (погони, схватки с врагом) преград, герой обретает свободу, но только для того, чтобы вновь попасть в плен к еще более страшному вождю гверильясов (кстати, вполне историческому лицу) — падре Харауто — католическому священнику-партизану, известному своей жестокостью по отношению к пленным протестантам-американцам. Падре готовит страшную казнь Галлеру. Она уже начинается, когда на выручку к капитану приходят американские солдаты, шедшие по следам падре. Галлер спасен, бандиты наказаны. Но его приключения на этом не заканчиваются: едва освободившись из плена, Галлер сражается в битве у Сьерро-Гордо, где проявляет завидную отвагу. Рид не мог не упомянуть и эпизод, связанный с потенциально возможным пленением генерала Санта-Анны. В свое время в «Записках стрелка в цепи» был написан очерк, посвященный

этому бою. Не мог автор пройти мимо него и в романе. Как, вероятно, помнит читатель, после сражения у Сьерро-Гордо Рид находился в авангарде американских войск, преследовавших отступающих мексиканцев. Вместе с отрядом из двух сотен кавалеристов он столкнулся с группой из примерно двух тысяч мексиканцев. Как выяснилось позднее, командовал группой сам диктатор. Будучи одним из офицеров американского отряда, он предложил майору — своему командиру атаковать мексиканцев и взять их в плен. Но командир, человек опытный и трезвый, видя, насколько силы противника превосходят силы его подразделения, отказался от ридовской авантюры. Этот вполне реальный эпизод Рид, изрядно приукрасив, включил и в свой роман. Здесь отрядом кавалеристов командует майор, спасший Галлера. Галлер среди отступающих мексиканцев опознает Санта-Анну и собирается ринуться в бой, но майор удерживает Галлера от безумства. Словом, почти так же, как было на самом деле.

Но и на этом приключения капитана не заканчиваются. Он продолжает сражаться с мексиканцами. Участвует еще в ряде боев. С несколькими товарищами берет в плен целый батальон противника. Он благороден — дерется на дуэли, но способен простить своего недруга. И, наконец, почти в финале романа Галлер убивает своего главного врага — негодяя и шпиона Дюброска. Главные события войны — штурм Чапультепека и взятие Мехико остаются вне фабулы романа. С художественной точки зрения последнее было совершенно оправдано: описания этих событий затянули бы роман, «сбили» динамику повествования, тем более что все сюжетные узлы «развязаны» — противник разгромлен, главный злодей убит, Галлер женится на «черненькой» (красавице Гуадалупе), его друг лейтенант Клейли берет в жены «беленькую», а влюбленная в героя Мария де Мерсед, как и полагается достойной, но «падшей» женщине, удаляется в монастырь. То есть все, как и положено в классическом викторианском романе, — Зло посрамлено и повержено, Добро и Мораль торжествуют.

Роман вышел из печати весной — в марте 1850 года оговоренным тиражом в одну тысячу экземпляров. Хотя вдова писателя в своей книге настаивает, что «с момента появления роман имел большой успех и получил самые лестные отзывы прессы и читателей», все-таки нельзя утверждать, что он произвел фурор — во всяком случае, восторженных откликов в британских газетах по этому поводу нам обнаружить не удалось. Впрочем, вдова могла преувеличить и напутать — ведь ошиблась же она, сообщая, что роман «Вольные стрелки» был издан в трех томах, а продавался по цене в одну гинею. Хорошо известно, что одну

гинею стоили двухтомники, а трехтомники продавались по цене в полторы гинеи — и по иному быть не могло! Но едва ли она ошиблась, утверждая, что 25 фунтов — вся сумма, которую ее муж получил за издание своего первого британского романа. Майн Рид был начинающим автором и подписал типичный для начинающего — и потому лукавый — договор, по которому доходы (но и расходы) он делил с издателем пополам, но, обратим внимание, — «согласно представленной издателем калькуляции». Казалось, такая формула гарантировала солидный доход писателю, уравнивая его прибыль с издателем, но на самом деле — развязывала руки последнему, который готовил калькуляцию и волен был включать туда все, что ему заблагорассудится. Что ж, можно только посочувствовать неопытному Майн Риду, но и утешиться тем, что до него многие — в том числе маститые английские романисты — попадались на эту удочку. Хорошо еще, что Рид не остался должен тому, кто напечатал его роман, а ведь и такие случаи бывали. И еще за одно Рид мог благодарить судьбу — Шобел не навязал (да, видимо, и не пытался, не разглядев потенциальные способности нового автора) такие условия договора, по которому все права на все будущие (и еще ненаписанные) книги отходили издателю. Ведь и до, и после Рида многие талантливые литераторы, среди которых можно найти не только англичан, но и французов, немцев и русских, подписав договор, попадали в кабалу к издателю, избавиться от которой стоило потом больших усилий, а некоторым и вовсе не удавалось добиться этого.

Тем не менее выход романа «Вольные стрелки» стал этапным событием в жизни Майн Рида. Все, что он писал до этого, включая не только стихотворения, статьи, рассказы, цикл очерков о Мексиканской войне, но даже и первый роман, напечатанный в Америке, — все это, по сути, было любительством, дилетантством. А теперь начиналась профессия, которой он посвятит всю свою жизнь, сочиняя каждый год по роману, а в иные годы — и по два, и даже по три, не считая иных текстов в других жанрах. Скорее всего, тогда он еще не думал об этом и наверняка не ощущал, что перешагнул некий рубеж, выбрал себе дорогу, с которой уже не свернет до самой смерти.

«Охотники за скальпами»

Выход первого «британского» романа — улучшенной и расширенной версии романа американского, насколько можно судить по разнообразным косвенным источникам, вызывал у Майн Рида двоякие чувства. С одной стороны, сам факт

появления солидного, прекрасно оформленного двухтомника не мог его не радовать. Его самолюбие тешило, что теперь к сочетанию «капитан Томас Майн Рид» он мог прибавить «автор романа «Вольные стрелки, или Приключения офицера пехоты в южной Мексике»», изданного к тому же не где-то в далекой Америке, а в самом Лондоне, мировой столице книгоиздателей. С другой — его смущал мизерный гонорар, полученный за «Вольных стрелков». Он рассчитывал совсем на другие деньги — ведь он собирался жить литературным трудом и надеялся на жизнь безбедную. То, что это, в принципе, возможно, он знал, и респектабельное существование «перворазрядных» викторианских писателей — Ч. Рида, У. Эйнсворта, А. Троллопа, не говоря о таких корифеях, как Ч. Диккенс или У. Теккерей, это доказывало. Но расчеты, представленные У. Шобелом, демонстрировали обратное. Конечно, он подозревал, что издатель лукавил, и доход, полученный им от реализации книги, сильно превышал ту скромную сумму, которую он поделил с автором. Значит, необходимо было сменить издателя на такого, который будет честнее Шобела и сможет платить больше. Что касается издательской честности, на этот счет Рид, видимо, не особенно обольщался, но нельзя не согласиться, что у него были все основания надеяться на более высокие гонорары. В то же время он понимал: чтобы в будущем получать по-настоящему хорошие деньги за свой литературный труд, он должен написать нечто такое, что вызовет большой резонанс — роман, который станет популярным и о котором заговорят в обществе. К сожалению, о своих «Вольных стрелках» он не мог сказать, что они снискали широкую известность. Конечно, в глубине души он считал, что его труд недооценен — как издателем (которому следовало получше рекламировать роман), так и читателем, который не получил достаточной информации о романе и потому прочитал его «не так, как надо». Теперь у него возник замысел нового романа, и он уже начал делать к нему наброски, ожидая выхода «Вольных стрелков». Действие романа будет развиваться в Америке, на Дальнем Западе. Главным героем вновь станет капитан Галлер. Но кроме этого, полюбившегося Риду протагониста (в котором легко прочитывается сам писатель) в нем будут действовать колоритные американские «степные торговцы», техасские рейнджеры, живописные обитатели Новой Мексики и кровожадные индейцы. Как и в предыдущем, сюжет будет строиться на личном опыте — в его основу лягут собственные переживания и впечатления Рида, его путешествие и приключения на «Тропе Санта-Фе» летом и осенью 1840 года. Он будет более «экзотичен» и больше по объему: «классический»

викторианский трехтомник — «упакованный» в богатый переплет и хорошо проиллюстрированный.

Но, замышляя новый роман, который должен привести его к настоящему писательскому успеху, Майн Рид не собирался отдавать свое новое детище разочаровавшему его У. Шобелу, а намеревался найти другого издателя, способного заплатить достойный гонорар и обеспечить его продвижение к читателю. Неизвестно, предпринимал ли Рид попытки заключить договор на издание нового романа с одним из «гигантов» британского издательского мира — с предприятиями Джорджа Роутледжа, Смита и Эванса или, например, с фирмой Роберта Бентли. Скорее всего, наученный прошлогодним горьким опытом общения с ними, он не делал этого, а попытался найти начинающего, но амбициозного издателя, который нуждался в успехе не меньше, чем автор. Таким издателем для Майн Рида стал Чарлз Скит, до той поры довольно успешно промышлявший книжной торговлей и державший книжный магазин на Флит-стрит — в самом сердце Лондона, а теперь (расширяя свой бизнес и в надежде на существенное увеличение доходов) решивший заняться и книгоизданием.

В 1850 году, когда они встретились, Скит только начинал свой издательский бизнес[33] и искал перспективных, но «нераскрученных» авторов («раскрученные» — вроде сестер Бронте, Троллопа, Эйнсворта или Бульвер-Литтона имели своих издателей и, понятное дело, не хотели или не могли их менять). Он прочитал недавно вышедший роман начинающего писателя, тот ему понравился, и заключил с Ридом договор на издание нового — теперь уже трехтомного романа. Условия, на которых был заключен договор, были явно выгоднее для автора, нежели те, что определяли отношения между Ридом и Шобелом. Известно, что 20 лет спустя, когда Скит из начинающего превратился в опытного (и, как все они, циничного) книгоиздателя, он ставил очень жесткие условия перед начинающими авторами, требуя за издание книги определенную сумму предоплаты, чтобы, как он говорил, «подстраховаться и покрыть издержки от риска публикации», и заставляя подписывать договор, по которому они должны были в течение нескольких лет (от трех до пяти) поставлять ему тексты за почти символическую плату. Ничего подобного этому не было в отношениях Скита и Майн Рида. Во всяком случае, известно, что за «Охотников за скальпами» (так назывался роман) в общей сложности Рид получил от Скита 200 фунтов стерлингов. Это были уже серьезные деньги, на которые писатель действительно мог прожить безбедно, мало в чем себе отказывая. Но это было в

будущем, а тогда, весной 1850 года, Скит и Майн Рид только обговаривали «очертания» и условия издания книги.

На деньги, полученные за издание «Вольных стрелков», Рид не мог прожить в Лондоне — слишком дорогим для него сейчас был этот город. Поэтому, расплатившись с поднакопившимися долгами и заключив договор со Скитом на издание трехтомника — «экзотического» приключенческого романа из «мексиканской жизни», Рид уезжает на родину — в Северную Ирландию, графство Даун. Тем же хорошо знакомым маршрутом — из Ливерпуля на корабле в Уорренпойнт, а оттуда в нанятом экипаже до Баллирони — он добирается в родительский дом. Здесь, в старинном, сумрачном «Мурн Вью» он и пишет свой второй «британский» роман — «Охотники за скальпами, или Романтические приключения в Северной Мексике».

В настоящей книге автор неоднократно упоминал роман «Охотники за скальпами». Прежде всего потому, что текст этот автобиографичен: фабула романа источником своим имеет непосредственные впечатления двадцатилетнего Рида о путешествии по «Тропе Санта-Фе» в составе торговой экспедиции, организованной реально существовавшей компанией «Бент, Сент-Врэн и К⁰». Для этого предприятия, многие годы осуществлявшего торговые операции со штатами Северной Мексики, это была обычная торговая экспедиция. Для молодого эмигранта из Ирландии Томаса Майн Рида — необыкновенное (как он специально подчеркивает в заглавии — «романтическое») приключение, подобного которому он никогда не переживал прежде. Этот эмоциональный настрой Рид стремился сохранить и сохранил в своем произведении. Хотя в романе масса вымышленных персонажей, событий, явно придуманных коллизий и конфликтов, сюжет выстраивается довольно бесхитростно: герой (уже знакомый по предыдущим романам Рида — Генри Галлер), прослышав о выгодности торговых экспедиций в Северную Мексику, знакомится со «степными торговцами» и инвестирует свой капитал (10 тысяч долларов) в предприятие. Караван отправляется из Сент-Луиса и вскоре оказывается на пути в Мексику.

Не утомляя читателя описаниями девственных ландшафтов Запада и ограничившись кратким вступлением с рассказом о «Диком Западе», автор, тем не менее, сразу же погружает читающего в густую экзотическую атмосферу — описывая повадки и внешний облик «степных торговцев», устройство и организацию торгового каравана, вереницу охотничьих приключений и подвигов. Эпизоды охоты, пожалуй, сильнее всех иных «работают» на «сгущение» экзотики: чего стоят, например,

рассказы об охоте на бизонов — такой диковинной для англичан! — или, например, об охоте на американских антилоп. Причем читателя (даже современного Риду), конечно, не могли не поразить масштабы охоты: Галлер с товарищами охотится не на отдельное, кстати сказать, огромное — до тонны весом — животное, — в прорези прицелов многотысячное стадо этих «гигантов прерий». Погрузив таким образом своего читателя в экзотический мир, Рид затем выдвигает на первый план повествования своего главного героя — Генри Галлера. Охотясь на бизонов, Галлер получает ранение. Рана заставляет его расстаться с караваном и остаться на выздоровление в мексиканском городе Санта-Фе, столице провинции Нью-Мексико. Здесь «он был передан попечению искусного хирурга, который предписал ему полный покой и уверил всех, что через две недели Галлер будет совершенно здоров». Караван двинулся дальше — товары решили реализовать южнее — в Чиаууа, где торговля была выгоднее для американцев. Галлер должен был дожидаться своих товарищей в Санта-Фе. Но, выздоровев, он изнывает от скуки и решает идти навстречу возвращавшемуся каравану, чтобы перехватить его на полпути. Местные жители предупреждают героя, что избранный им маршрут небезопасен, поскольку проходит по пустыне и, кроме опасности заблудиться, существует еще и риск попасть в лапы к «кровожадным индейцам навахо». Тем не менее Галлер покидает Санта-Фе и (а разве могло быть по-другому в приключенческом романе!) попадает в переделку — сначала его предает и обворовывает проводник-мексиканец, а затем он переживает песчаную бурю. В результате Галлер, заблудившись, едва не погибает в пустыне от жажды, но его спасает некий Сегэн, местный житель — в его доме наш герой и приходит в себя. Сегэн рассказывает ему свою историю: прежде он был преуспевающим золотопромышленником, но из-за набега индейцев навахо потерял свой рудник и, что печалит его больше всего, свою старшую дочь Адель, которую индейцы увели с собой. Хотя с тех пор прошло немало лет, теперь только одна страсть владеет Сегэном — вернуть дочь в семью. Это и привело его в отряд «охотников за скальпами», созданный мексиканцами «из охотников разных народностей, по примеру индейцев, для набегов и нападений на страну апачей и навахо». «Добыча от таких набегов, — сообщает спаситель Галлера, — становилась собственностью отряда и делилась поровну; кроме того, участники получали премию за предоставленные ими скальпы. Мне, — продолжает он, — было предложено командование отрядом, и, в надежде найти этим путем мое дитя, я согласился…»

«— Вы содрогаетесь? — вопрошает Галлера Сегэн. — О да, это ужасное, отвратительное дело! И если бы моей целью было только мщение, я был бы давно удовлетворен. Мне отвратительна бесчеловечная бойня, и своим положением я пользуюсь, чтобы по мере сил ослаблять ее. Одно желание воодушевляет меня — вырвать мою дочь из рук навахо!»

Долгие годы он не мог напасть на след своей Адели и вот теперь получил достоверные сведения о том, что его дочь жива и находится в столице навахо: «…она занимает там особое положение, вроде королевы, и пользуется особой властью и привилегиями». Поскольку навахо планируют большой рейд против бледнолицых, отряд «охотников за скальпами» решает напасть на их столицу в отсутствие воинов и захватить богатую добычу, а Сегэн — освободить свою дочь. Галлер, движимый благодарностью к своему спасителю, решает присоединиться к «охотникам за скальпами». Описывая «охотников», Рид еще сильнее сгущает экзотические краски. Вот как он представляет читателю охотничий лагерь: «[Он] был разбит в извилине Рио-дель-Нортэ, обсаженной высоким хлопчатником, и состоял из нескольких разорванных палаток и нескольких шалашей, обтянутых шкурами по индейскому образцу. Большинство же охотников устроили себе убежище из четырех воткнутых в землю кольев, обтянутых сверху бизоньей шкурой, и, казалось, вполне довольствовались таким приютом. Сквозь редкие деревья виднелся неподалеку сочный зеленый луг, где паслись на длинных арканах мулы и мустанги. В лагере всюду были развешаны на пнях и ветвях деревьев седла, поводья и тюки; к деревьям прислонены ружья; всюду на земле валялась посуда — чашки, котелки. Перед кострами сидели группы охотников; некоторые курили, другие жарили оленину… Там и сям мелькали представители различных племен и народов: французы, канадцы, выброшенные на берег во время кораблекрушений моряки, мулаты, даже чернокожие, негры с луизианских плантаций, променявшие кнут смотрителя на эту вольную, бродячую жизнь… Лагерь охотников за скальпами представлял самую пеструю смесь представителей всех цветов кожи, всех климатов, всех языков и наречий, кого только свели случай и жажда приключений».

Усиливая «этнографический колорит», Рид делает одним из героев своего романа индейца по имени Эль Соль, который отличается поразительной ловкостью и меткостью — на грани фантастики — в стрельбе из ружья. В этой компании Галлер и отправляется воевать с индейцами навахо. По мере развития сюжета экзотический колорит только усиливается: повествуя о продвижении отряда к цели, автор не упускает возможности

подробно рассказать о местной природе, об индейских (действительно удивительных!) способах охоты на животных и даже о том, как спастись от жажды в безводной пустыне — употребляя особый вид произрастающих там кактусов! Рид подробно описывает эти растения.

Индейцы, вообще, занимают в романе особое место. «Охотников за скальпами» можно смело назвать по-настоящему «индейским» романом. Можно говорить о том, что, описывая индейцев, Рид движется по пути, намеченному Фенимором Купером (кстати, старшего современника Рида), но индейцы Майн Рида, конечно, достовернее, живее и… живописнее куперовских. Причем их «живописность» источником своим имеет не столько стремление писателя к экзотике, но, скорее, идет от знания «предмета». Очевидно, что Рид (в отличие от Купера) хорошо знал реальных индейцев, жил рядом с ними, наблюдал их воочию, и это сообщает большую достоверность его описаниям — быта, нравов, обычаев и внешнего облика краснокожих. Довольно подробно Рид описал даже «город» навахо. Вряд ли ему довелось лично побывать там (легендарные «города» навахо находятся в Южной Калифорнии, где Рид никогда не путешествовал), но он явно слышат и хорошо запомнил рассказы и описания тех, кто видел эти города своими глазами. Ну а то, что Майн Рид, превратив индейцев навахо (которые, как известно, набегами не баловались, а стояли на довольно высокой ступени развития и занимались в основном земледелием) в кровожадных разбойников, по сути, оговорил их, видимо, следует отнести к издержкам жанра.

Преодолев множество препятствий — горы, безводные пустыни, встречу с индейцами, отряд Сегэна захватил столицу навахо. Разыскали и Адель, но — вот незадача! — похищенная в детстве и воспитанная среди индейцев Адель превратилась в совершенную индеанку и не пожелала признавать отца: «Она совершенно забыла все, и отца, и мать; из памяти ее изгладилось всякое воспоминание о своем детстве, даже родной язык она забыла». Сегэн пытается заставить ее вспомнить прошлое. Он восклицает:

— Адель, дорогая, дитя мое, я твой отец!

— Ты? Ты — мой отец?! Все белые — враги наши! Прочь, прочь от меня! Не прикасайся ко мне! Мой отец был великий военачальник, он умер. Солнце теперь мой отец, я — дочь Монтесумы. Я — королева навахо!

Действительно, она — «королева» навахо, и индейцы зовут ее «королева Тайна». Несмотря на яростное сопротивление, «охотники» забирают девушку с собой и покидают индейский

город. Но им не удается уйти далеко: навахо, прознавшие о рейде «охотников», возвращаются и бросаются в погоню. Происходит сражение, и хотя «охотники» его выигрывают, Сегэн и его младшая дочь Зуи попадают в плен. Но у «охотников» тоже есть пленные; происходит обмен, однако вероломство индейцев не имеет границ, и теперь уже сам Галлер оказывается в плену у краснокожих. Враги вместе с пленниками добираются до столицы, где Генри Галлеру уготована страшная казнь, но наш ловкий герой убегает. Скитаясь в одиночестве по пустыне, он внезапно встречает торговый караван своих товарищей — «степных торговцев». Те возвращаются из Чиаууа. Узнав из рассказа Галлера о сложившейся ситуации, они решают присоединиться к «охотникам» и дать индейцам «генеральное сражение». Происходит бой, навахо разбиты, их вождь — вероломный и кровожадный Дакомо — убит, а Галлер и Сегэн с Аделью возвращаются домой. Хотя победой над навахо решена главная проблема — теперь жители Новой Мексики не будут больше страдать от набегов, не все «узлы развязаны»: остается Адель, не признающая своих родителей. Но и ее «решает» автор: в печали о дочери ее мать заиграла на мандолине (прежде, когда Адель была еще младенцем, она часто играла, убаюкивая малышку), и, «о чудо!»…

«Первые же ноты как будто пробудили Адель ото сна. Она обернулась лицом к своим и переводила широко раскрытые глаза с матери на инструмент и снова на мать — удивленно и вопросительно. Сегэн тотчас заметил новое выражение в лице дочери. Сердце его дрогнуло радостным предчувствием, и в страстном возбуждении он воскликнул:

— Адель, о моя Адель!..

Затем, обернувшись к жене, нервно проговорил:

— Спой Адель ту песенку… ту, знаешь, которой ты убаюкивала ее… О, посмотри на нее! Пой же, пой скорее! Быть может, Господь сжалится…

Преодолевая страшное волнение, оглянувшись полными слез глазами на свое дитя, мать тихо и нежно запела:

Спи, моя крошка,
Спокойно усни!
Пусть ангелы в небе
Хранят твой покой!
Дитя дорогое…

Пение было прервано странным резким криком девушки. При первых же словах песни она вздрогнула всем телом и начала

прислушиваться внимательно, напряженно… Потом с криком подбежала и также напряженно начала вглядываться в лицо госпожи Сегэн, а через минуту бросилась к ней на шею с громким, страстным криком:

— Мама! Мама!»

Вот такая история… Казалось бы, на этом вполне можно было поставить точку, но Майн Рид адресовался викторианской аудитории и, вероятно, потому не смог обойтись без «финального аккорда»: женитьбе Галлера и Сен-Врэна на дочерях Сегэна. Хотя, в отличие от «Вольных стрелков», в «романе об индейцах» «любовная линия», по сути, отсутствует, тем не менее он женил первого на «малышке» Зуи, а второго — на «королеве Тайне» — Адели.

Дэвид Боуг

Элизабет Рид в своей книге о муже говорит о «поразительном» успехе «Охотников за скальпами», утверждая, что «только в одной Великобритании было продано свыше миллиона экземпляров этого романа». Озвученная ею цифра, судя по всему, относится к 1900 году, — именно в этом году и вышла ее книга. Едва ли стоит безоговорочно верить в точность подсчетов мадам Рид, — ведь в то время еще никто всерьез не вел статистику продаж — этим начнут заниматься только в начале следующего — XX века. Тем не менее очевидно, что роман Майн Рида действительно имел успех — об этом говорят рецензии (наряду с другими периодическими изданиями, самые благоприятные отзывы на книгу поместили ведущие британские литературные журналы того времени — издававшийся в Лондоне «Атенеум» и эдинбургский «Журнал Чемберса»[34]), об этом свидетельствует солидное вознаграждение, полученное автором, и, наконец, то обстоятельство, что печатные формы книги приобрели американцы, чтобы выпустить ее в свет у себя на родине. Интерес к «Охотникам за скальпами» «подогрел» внимание и к предыдущему роману писателя: в том же 1851 году нью-йоркская издательская фирма «Симс и Макинтайр» приобрела у Шобела печатные формы «Вольных стрелков», намереваясь издать книгу за океаном. Но, видимо, главным успехом начинающего автора (и его нового романа) стало внимание, которое к нему проявил издатель Дэвид Боуг[35]. Их встреча, которая произошла вскоре после выхода в свет романа «Охотники за скальпами, или Романтические приключения в Северной Мексике», оказалась судьбоносной для Майн Рида и его писательской карьеры.

Трудно сказать, понимал ли значение этой встречи сам писатель. Скорее всего, понимал — ведь к нему обратился один из наиболее успешных и опытных издателей тогдашней Великобритании. Среди печатавшихся у Боуга были Ч. Диккенс, У. Коллинз, другие «перворазрядные» викторианские авторы. Он издавал не только романы, но и ежегодные альманахи и журналы (например, самое красочное и богато иллюстрированное периодическое издание эпохи «Журнал Крукшенка»), научные труды и справочные издания (выпускал, например, ежегодники «Люди нашего времени», в которые включались биографии выдающихся современников), был одним из тех немногих, кто с удовольствием печатал американских авторов (например, он первым среди англичан опубликовал «Песнь о Гайавате» Г. У. Лонгфелло и «Листья травы» У. Уитмена). Он был неутомимым экспериментатором и новатором — постоянно искал и находил не только новые имена, но новые литературные формы. Среди его «открытий» — первые так называемые «графические романы» — прообразы современных комиксов, в которых текст выполняет вспомогательную функцию, а основную несет красочный цветной рисунок. Боуг является и одним из «пионеров» литературы для детей. Поначалу он издавал иллюстрированные азбуки, затем стал печатать альманахи-ежегодники, адресованные мальчикам и девочкам, а потом пришел к идее публиковать художественные книги, специально ориентированные на юного читателя. Адресуя свои издания детской аудитории, Боуг полагал необходимым насыщать их тем, что в викторианской Англии называлось «useful knowledge» — то есть «полезными знаниями». Такие книги должны ненавязчиво, в занимательной форме знакомить юных британцев с окружающим миром, сообщая им разнообразную информацию о живой и неживой природе. Он сам как автор-составитель альманахов неизменно следовал этому принципу и требовал того же от своих авторов. Очевидно, что и в сочинениях Майн Рида он увидел эту самую склонность к насыщению текстов «полезными знаниями» и потому решил привлечь его к сотрудничеству. Едва ли возможно преувеличить ту роль, которую сыграл Боуг в писательской судьбе Рида. Именно Боуг «сделал» из Майн Рида детского писателя. Ему первому удалось разглядеть особый дар сочинителя — умение органично сочетать ненавязчивую назидательность с увлекательным сюжетом.

Неизвестно, самостоятельно ли Боуг познакомился с первыми книгами Майн Рида или кто-нибудь обратил на них его внимание, но факт остается фактом: именитый издатель написал молодому литератору письмо, в котором предлагал встретиться и обсудить аспекты возможного сотрудничества. Встреча

состоялась, и Дэвид Боуг предложил Майн Риду написать книгу для детей, точнее, роман, адресованный юношеской аудитории. Писатель согласился попробовать свои силы в новой для себя «отрасли». Неизвестны детали соглашения, подписанного между издателем и автором, но можно предположить, что они не были хуже тех договоренностей, что существовали между Скитом и Ридом. В конце концов, нельзя забывать, что на этот раз не писатель искал издателя для своего текста, а сам издатель предлагал автору написать для него текст. Едва ли Рид испытывал какие-либо сомнения в том, что он способен писать для подростков, и дело не в присущей писателю изрядной самоуверенности, а в том, что для новой книги ему не нужно было изобретать какую-то особую новую «художественную вселенную» — он оставался в привычном для себя мире: в соглашении, которое они заключили с Боугом, специально оговаривалось, что действие будущего романа будет вновь развиваться на пространствах американского Дальнего Запада, в уже хорошо знакомой читателям Майн Рида Новой Мексике. Договор был заключен летом (примерно в июне — июле 1851 года) и предусматривал, что текст «вымышленного повествования» будет закончен «в полном и завершенном, готовом для публикации виде» в декабре текущего года. Забегая немного вперед скажем, что роман был закончен Ридом даже до наступления оговоренного срока и получил название «Жилище в пустыне».

Обстоятельства личной и общественной жизни

В отличие от предыдущего романа, который Рид писал в родительском доме в Ирландии, книга «Жилище в пустыне» сочинялась в Лондоне, где теперь — сразу после выхода «Охотников за скальпами» — писатель прочно обосновался: он снял дом, обставил его мебелью и нанял приходящую прислугу. Коммерческий успех романа и, следовательно, неплохие деньги, полученные за книгу, а также договор на издание следующего романа (и, в перспективе, очень вероятно — даже следующих романов, поскольку Боуг, составляя соглашение с Ридом, говорил о серии романов для юношества), заключенный с Боугом, давали литератору все основания вглядываться в будущее с оптимизмом и строить новые планы.

Понятно, что теперь литературная деятельность стала занимать главное место в жизни Майн Рида, поглощать львиную долю его времени (тем более что сроки представления новых рукописей, как мы видим, были очень жесткими и короткими).

Однако сочинение новых романов, конечно, не исключало участия Рида в повседневной, обыденной жизни, разнообразных контактов, общения и взаимодействия с людьми за пределами «литературного круга». Насколько можно судить по доступной на настоящий момент информации, основной круг общения писателя в его первые английские годы составляли так называемые демократические круги британского общества — причем он явно больше общался с эмигрантами из Европы, нежели со своими соотечественниками. Понятно, что это было связано не только с убеждениями Рида (хотя и это, видимо, играло свою роль), но и с тем весьма специфическим кругом общения, который сложился у Рида в его первые недели и месяцы после возвращения из Америки, — прежде всего благодаря знакомствам и контактам, восходящим к Ф. Геккеру и его окружению. Рид довольно активно общался с политэмигрантами, обосновавшимися в Лондоне, участвовал в сборе средств в их поддержку, выступал на митингах, которых тогда — в начале 1850-х годов — проводилось довольно много не только в Лондоне, но и в других крупных городах Англии. Насколько можно судить по воспоминаниям вдовы Рида и по его собственной, во многом автобиографической книге — роману «Жена-дитя», писатель был даже включен в конспиративную работу и выполнял поручения деликатного свойства, связанные с получением британских паспортов для политических эмигрантов и переправкой конфиденциальных сообщений на континент. Впрочем, он не делал ничего такого, что могло бы вовлечь его в серьезный конфликт с законом.

Но, сколь бы интенсивным ни было взаимодействие Рида с европейскими политэмигрантами, его социальная активность этим не ограничивалась. Майн Рид, превращаясь в популярного, высокооплачиваемого писателя, вне зависимости от симпатий или антипатий, естественным образом должен был постепенно вливаться в повседневность викторианской Англии. Конечно, Рид был не настолько викторианцем, чтобы вступить в какой-нибудь респектабельный клуб (да и приняли бы его — выходца из Ирландии, не аристократа по рождению, к тому же еще и республиканца по убеждениям?) и проводить там свой досуг подобно многим британским джентльменам. Подобное времяпрепровождение было чуждо не только его «классовым инстинктам», но и его деятельной натуре. Хотя гипотетически можно предположить, что если бы в то время существовал некий клуб оппозиционно-демократической ориентации, то Рид непременно вступил бы в него. Тем более что, оставаясь при всех своих американо-республиканских симпатиях все-таки

британцем, он не мог отвергать этот институт. Поскольку клуба, который удовлетворял бы его, не существовало, писатель решил создать собственный — и выступил одним из инициаторов учреждения стрелкового клуба. Он получил название «Бельведер» и объединял любителей того, что мы сейчас назвали бы «спортивной стрельбой». То есть его члены не ставили перед собой каких-то практических задач, но встречались лишь для того, чтобы потренироваться в стрельбе. Устраивались и соревнования, но они явно не походили на современные мероприятия и не отличались массовостью участников — соревновались между собой, в «камерной», так сказать, обстановке. Членство в стрелковом клубе расширяло круг знакомств Рида и тоже способствовало его адаптации в викторианской действительности. К тому же возникали новые связи, завязывались новые знакомства. Например, среди членов клуба было немало аристократов — любителей охоты. Некоторые из них время от времени устраивали охоту на лис, фазанов и куропаток, куда нередко приглашали членов стрелкового клуба, а среди них и капитана Майн Рида, известного как опытного охотника и меткого стрелка.

Что касается личной жизни писателя в это время, то известно о ней очень немного — почти не пишет об этом Элизабет Рид, не содержит сведений подобного рода и доступная переписка писателя — в немногих сохранившихся письмах этого периода речь идет в основном о делах литературных и денежных. Впрочем, в том нет ничего удивительного, — частная жизнь викторианского джентльмена, как известно, была скрыта от глаз досужего наблюдателя, ее не принято было выставлять напоказ, но, напротив, в обычае было всячески скрывать.

В 1851 году Майн Риду исполнилось 33 года. Это был здоровый, совершенно нормальный мужчина приятной внешности со всеми вытекающими отсюда последствиями: ему нравились женщины, и он им, безусловно, тоже нравился. Хотя, согласно социологическим данным, в викторианской Англии мужчины женились значительно позднее наших современников, тем не менее Рид уже давно находился в том возрасте, когда даже викторианские джентльмены начинают задумываться о спутнице жизни. Читатель, вероятно, помнит, что Рид однажды — в 1848 году, в Мексике — уже находился «на грани» женитьбы, но что-то тогда там «не срослось»: то ли помешало протестантское вероисповедание жениха, то ли то, что Рид носил мундир американского офицера-оккупанта, то ли еще что-то, но жениться на той, что стала прототипом черноволосой Гуаделупе в «Вольных стрелках», Риду не привелось. Как сообщал в своем очерке о

писателе Д. Пайатт, уже отставник Рид, когда жил в имении друга, очень активно ухаживал за некой голубоглазой блондинкой (скорее всего, родственницей Пайатта), но не встретил взаимности. Совершенно определенно можно сказать, что у писателя имелись и другие увлечения, и очевидно, что их было немало (об этом с легкой долей иронии сообщает вдова в своей книге о муже), но ни одно из них не привело к изменению матримониального статуса Майн Рида. То ли он не планировал жениться, то ли еще не встретил ту, с которой захотел бы «соединиться навеки», а может быть, препятствием была неустойчивость его материального положения — отсутствие надежного (и солидного) источника дохода. Как бы там ни было, в 33 года он все еще был одинок, хотя теперь, после выхода романов у Шобела и Скита и договора на серию текстов для Боуга, последнее — материальное — препятствие вроде бы устранилось. Конечно, не с этим обстоятельством, а с иным — с Судьбой, с тем, что некоторые истовые протестанты называют «реализацией Божественного Вечного Плана», связано то, что случилось — в возрасте тридцати трех лет Майн Рид влюбился. Да не просто влюбился — в особ противоположного пола, разной этнической и социальной принадлежности он влюблялся довольно часто, — но влюбился в девочку-подростка, в дочку английского аристократа, которая была моложе его на целых 20 лет! Казалось бы, чистой воды безумие, и у этого чувства не могло быть счастливого финала. Но через несколько лет эта девочка стала его женой и превратилась в миссис Майн Рид.

Как известно, сочиняя романы, в поисках коллизий писатель щедро черпал из своего собственного прошлого. Не стала исключением и история его любви — он использовал ее в романе «Жена-дитя» *(The Child Wife),* опубликованном в 1868 году. Его герой Мейнард впервые встречается со своей будущей женой — тогда еще даже не подростком, а девочкой лет десяти-одиннадцати — на палубе пакетбота «Камбрия». Малышка вместе со своим отцом (у девочки нет матери, она умерла) — британским лордом и дипломатом возвращается из Америки в Великобританию. Увидев ее на палубе, мужественный «революционный лидер» Мейнард влюбляется. При высадке с корабля девочка едва не погибает, но он спасает ее и, таким образом, становится желанным гостем в доме лорда. Девочка-подросток отвечает герою взаимностью, но у Мейнарда есть недоброжелатель, он «открывает глаза» отцу девочки на «недостойное поведение» соперника, и Мейнарду отказывают от дома. Проходит несколько лет, девочка превращается в девушку и продолжает любить Мейнарда. Лорд болен и перед смертью дает

благословение на брак дочери с героем.

Элизабет Рид, которая стала прототипом героини, особенно любила это произведение супруга. Что, конечно, неудивительно — разве не лестно оказаться героиней романа, сочиненного мужем, в котором тебя изобразили в таких возвышенных и романтических тонах? Но, несмотря на то, что некоторые черты и ситуации узнаваемы и имели, что называется, «место быть», в целом реальность оказалась сильно приукрашенной. Рид не противоречил действительности, когда говорил, что у девочки не было матери — на самом деле, та умерла, когда дочь ее была младенцем, и единственным родителем Элизабет был отец. Но Рид не встречался с будущей женой на палубе «Камбрии» — среди его попутчиков не было лорда с дочерью. Да и впервые «жена-дитя» побывала в Америке уже будучи миссис Рид. Хотя Элизабет Хайд (такова девичья фамилия жены писателя) — прямой потомок знаменитого Эдварда Хайда[36], первого герцога Кларендона, ее отец, в отличие от его литературного воплощения — лорда Вернона, не был лордом и не выполнял неких ответственных дипломатических поручений британского правительства. Дворянин, он не принадлежал к родовой аристократии и, в отличие от Вернона, никаким дворцом с огромным парком, конечно, не владел и богатством своим не мог похвастать.

В глазах Элизабет Рид первая встреча с капитаном была лишена какой бы то ни было романтики. В своей книге она вспоминала: «Моя первая встреча с будущим мужем произошла в Лондоне, где я тогда жила у своей тетушки, вдовы моего дяди, старшего брата отца, который отвез меня туда сразу по-еле смерти моей матушки, что умерла, когда я еще была младенцем».

«Капитан Майн Рид, — пишет она, — оказался однажды в числе гостей в доме тетушки, и до того вечера я никогда прежде не слышала его имени… Но в течение того самого вечера капитан раз или два видел меня и, как он сам выразился, «влюбился с первого взгляда», в то время как на меня галантный герой не произвел ни малейшего впечатления; в тот же вечер кто-то спросил меня: «Каков он, капитан Рид?» — «Джентльмен средних лет», — таков был мой ответ и только. На следующее утро тетушка сказала: «Капитан Майн Рид отчаянно влюбился в тебя, дитя мое!» На это я ответила: «Можешь сказать капитану Майн Риду, что я в него не влюбилась»». После этого эпизода «джентльмен средних лет» был совершенно забыт. Но прошло несколько недель с того вечера, и — «я вновь встретилась со своей судьбой; я сидела одна в гостиной и была поглощена работой над платьем, которое шила своей кукле; в комнату вошел

господин и, подойдя ко мне, протянул руку и спросил, помню ли я его? Поскольку вид у него был вполне иностранный, я отвечала: «О, да! Вы мсье…» Но гость прервал меня и назвался по имени: «Майн Рид». Затем он спросил, сколько мне лет, я ему ответила, на что капитан ответил: «Вы уже достаточно взрослая, чтобы иметь возлюбленного, и я хочу им стать!»». В этот момент в комнату вошла тетушка, пишет мадам Рид, и «я собрала вещи своей куклы и ушла, чтобы обдумать происшедшее». После этого события капитан почти ежедневно посещал тетушку в надежде увидеться с племянницей, но та старательно избегала его. Он продолжал приходить и однажды, вспоминает Элизабет Рид, «… спросил меня, считаю ли я его красивым. Со всей своей детской откровенностью я ответила: «Нет!»». Но поклонник был настойчив и, в конце концов, она почувствовала к нему… жалость: «… потому что я вообразила его себе беженцем: я часто слышала, — пишет она, — его имя в связи с другими беженцами; в моем еще детском сознании не было четкого представления о том, кто такие беженцы; я знала только, что они несчастны, и мне казалось, что у Майн Рида, видимо, нет ни родителей, ни друзей, — а у меня не было возможностей что-нибудь разузнать про него».

Эпизоды, о которых пишет Элизабет Рид, относятся к весне-осени 1851 года. Майн Рид только что опубликовал роман «Охотники за скальпами» и сочинял свой первый «юношеский» роман. Жизнь его была насыщена литературой и политической активностью. Он был полон планов и впервые собирался на «континент» — это была его давняя мечта — он хотел посетить Францию, побродить по парижским улицам, попрактиковаться во французском — языке, в котором делал такие успехи в годы учебы в Белфасте. А юная возлюбленная не отвечала взаимностью. Можно ли со стопроцентной уверенностью утверждать, что уже тогда писатель воспринимал тринадцатилетнюю «нимфетку» как свою судьбу? Трудно ответить утвердительно, но то, что он был влюблен и испытывал настоящую страсть — очевидно. И ее отзвуки отчетливы даже в романе «Жена-дитя», хотя и написан он был много позднее. Вслушайтесь, как Рид описывает свою юную — тогда еще совсем от него далекую — возлюбленную: «…она была удивительным созданием. Она была все еще ребенком, самым обычным ребенком, одетым в простое платье без рукавов и короткую юбку, распущенные волосы волнами струились ей на плечи. Но под ее платьем уже угадывались линии тела, характер которых говорил о приближающейся женской зрелости, а ее роскошные локоны уже нуждались в заколках и гребнях».

Он пытался завоевать ее сердце подарками и знаками внимания, пытался поразить ее своей известностью и подарил свой недавно вышедший роман, но, как мы видим, она его не любила (да, видимо, и не могла еще любить — в тринадцать-то лет!). Но кое-чего Рид все-таки добился: пусть то была жалость, но он сумел разбудить воображение девочки. Впрочем, сам он об этом, конечно, не догадывался, да и слава богу: знать, что тебя *жалеет* девочка — сама мысль была бы невыносима такому гордецу, как Майн Рид! Он простился с ней и уехал в Париж.

В Париже Рид очутился накануне переворота, который устроил тогда еще президент Французской республики, а вскоре император Франции — Луи Бонапарт. Майн Рид видел, как это происходило. Увиденное, очевидно, настолько переплелось с любовными переживаниями (переживал, очень переживал влюбленный писатель!), что затем — в преображенном, естественно, виде! — «перекочевало» в роман о любви («Жена-дитя»).

А теперь вновь предоставим слово Элизабет. «С нашего расставания в Лондоне минуло два года, — пишет она. — Майн Рид ничего не знал обо мне, когда судьба привела его в город, где я тогда находилась. Писатель приехал по приглашению выступить на митинге в защиту польских беженцев. Я присутствовала там, где происходил митинг; со мной были отец и несколько его друзей. Едва капитан Рид вошел в зал, по моему телу будто пробежал электрический разряд. Не сказав никому ни слова, я немедленно пошла туда, куда направился он. Там, в конце зала, находилась платформа, на которой стоял выступающий и сидели несколько леди и джентльменов. Майн Рид занял свое место на платформе; я села напротив него. Мы еще не обменялись ни одним словом, но весь вечер смотрели друг на друга.

Все было как во сне. Подо мной море лиц, но я никого из них не вижу… и не помню речей, которые произносились!»

Они едва смогли обменяться парой фраз, но успели обменяться адресами и… начался роман в письмах, а потом ей сравнялось шестнадцать, и Майн Рид примчался к ее отцу просить руки дочери.

Но это произошло в 1853 году — через два с лишним года после того, как писатель впервые встретил и полюбил свою будущую «жену-дитя». А пока, разрываясь между любовью и политикой, он писал новый роман.

Первый «юношеский» роман

Боуг поставил Риду жесткие сроки: роман должен быть сдан

до 1 декабря 1851 года. Но писатель справился с поставленной задачей и представил свое новое произведение досрочно — в конце ноября. Издатель торопился — он планировал выпустить роман к Рождеству, а Рид спешил закончить работу поскорее потому, что хотел поехать в Париж.

Во Францию, судя по всему, Рид отправился сразу после сдачи рукописи и уже в конце ноября очутился в Париже. В упоминавшемся неоднократно романе «Жена-дитя» Мейнард попадает в столицу Франции тогда же. Он оказывается в Париже, возвращаясь на родину после поражения Венгерской революции, в завершающей фазе которой принимал деятельное участие. В отличие от своего героя, который добирался в Париж кружным путем и с приключениями, Рид приехал туда совершенно обычным образом: он пересек Ла-Манш на пароходе, а затем из Кале добрался до столицы поездом. Но и он, и его герой очутились в столице французского государства в знаменательный момент — накануне государственного переворота — того самого «18 брюмера Луи Бонапарта», о котором позднее Карл Маркс напишет свою знаменитую работу. Опять же, в отличие от протагониста романа, которого, если помнит читатель, едва не расстреляли за его республиканские взгляды (и защиту бедной модистки от насилия), Рид никак не пострадал в ходе переворота. Но картины и сцены этого события так живо запечатлелись в памяти и, видимо, настолько потрясли его «республиканское сердце», что полтора десятка лет спустя превратились, пожалуй, в наиболее живописные в романе.

Но Рида интересовала не только политика, и он не только вглядывался в происходящее — в те действительно напряженные социально-политические процессы и коллизии, которые наблюдал, но и с интересом следил за литературной жизнью столицы, общался с французскими писателями (не забудем, что «острая фаза» кризиса — собственно переворот — вместилась в несколько дней, а Рид пробыл в Париже более месяца). В частности, известно, что, практикуясь во французском, он с увлечением читал главный в то время литературный журнал Франции *Revue des Deux Mondes* — «Обозрение двух миров», который большое внимание уделял беллетристике. На его страницах Рид «встретился» с очерками и романами Луи де Бельмара, писавшего под псевдонимом Габриель Ферри[37]. Его произведения, весьма популярные в то время, не могли не попасть в поле зрения Рида, потому что Бельмар, так же как и Рид, продолжительное время жил в Мексике, писал приключенческие романы и создавал свои коллизии на том же материале, что и британский автор. В *Revue des Deux Mondes* Рид

прочитал и роман Бельмара «Косталь-индеец», который впоследствии перевел (весьма вольно) на английский и опубликовал под собственным именем. Бытует апокриф (восходящий к самому писателю), что Рид был лично знаком (и даже дружен!) с де Бельмаром и познакомился с ним в те дни, когда жил в Париже. Этот миф не выдерживает проверки фактами: к тому времени, когда Рид прибыл во французскую столицу, Бельмар уже покинул ее, отправившись по поручению (тогда еще президента) Луи Бонапарта в охваченную «золотой лихорадкой» Калифорнию, но на пути погиб. Тем не менее не приходится сомневаться, что чтение текстов Бельмара не прошло для Рида бесследно и кое-чему британец научился у француза.

Майн Рид вернулся в Лондон к Рождеству. К Рождеству был приурочен и выход первого «юношеского» романа писателя, — книга вышла из печати в декабре 1851 года. Но на титульном листе издания стояла иная дата — 1852 год. Такова была обычная практика издателей Викторианской эпохи: с коммерческой точки зрения считалось удачным приурочить выход новой книги к рождественским праздникам. Как показывал многолетний опыт, книги, вышедшие «под занавес» года, раскупались лучше — библиотеки, видимо, имея в виду рождественские каникулы и традицию готовить к Рождеству подарки, обычно увеличивали свои заказы. Коммерческими соображениями объясняется и датировка: книга считалась новой до тех пор, пока год издания, обозначенный на титульном листе, соответствовал календарному году, а библиотеки заказывали только новинки. В расчет принималось и то, что в Британии издавалось много периодики — разнообразных газет и журналов, а к Рождеству к тому же выходило множество разных «литературных приложений» к газетам, в которых, как правило, значительное пространство выделялось рецензиям на новинки. Книга, попадавшая в поле зрения рецензентов (естественно, рецензия должна быть благоприятной!), а следовательно, и потенциальных читателей, которые, познакомившись с отзывом, заказывали ее, понятное дело, расходилась лучше. В этом смысле время для выхода романа Рида было выбрано очень удачно. Не замедлила себя ждать и реакция рецензентов: по выходе романа сразу в нескольких журналах появились самые благожелательные отклики. Конечно, сейчас трудно судить, какую роль в рецензировании книги сыграл сам издатель (не только в наши дни, но и тогда — в викторианской Англии — существовала практика «проталкивания» рецензий на нужные книги), но роман Рида, безусловно, заметили. Об этом говорит хотя бы тот факт, что самую обстоятельную и благожелательную рецензию под

названием «Семья английских робинзонов» опубликовал респектабельный *Атенеум* (*Athenaeum*. Feb. 14. 1852. P. 198). Не приходится сомневаться, что книга имела и коммерческий успех. Конечно, свою роль сыграли отзывы и грамотная рекламная кампания, удачно выбранное время для выхода книги и «чутье» Боуга: в отличие от большинства викторианских современников-книгоиздателей, продолжавших работать «по старинке» и выпускать традиционные «трехпалубные» романы, Боуг сумел увидеть потенциальные возможности литературы, адресованной детской аудитории. Потенциал книг для детей и подростков оценил и владелец крупнейшей на Британских островах библиотечной сети — Чарлз Мади, который выкупил почти весь тираж нового романа Рида. В результате Боуг выплатил писателю более ста фунтов стерлингов авторского вознаграждения и заключил с ним договор об издании следующего повествования «для юношей».

Хотя любой, более или менее близкий к литературе человек знает, насколько велики роли издателя и продавца в успехе или провале конкретного литературного произведения, едва ли все-таки стоит удачу книги целиком и полностью приписывать предприимчивому издателю. Изначально успех романа — это заслуга автора, создавшего героев, которым хочется сопереживать, сочинившего увлекательное повествование.

Роман этот известен русскоязычному читателю под названием «Жилище в пустыне». Это не совсем точный перевод заглавия романа *The Desert Home* — то есть «Обиталище в пустыне» или «Пустынный дом», — но поскольку первое привычнее, будем оперировать им. Полное название романа звучит так: «Жилище в пустыне, или Приключения семьи, затерявшейся среди дикой природы» *(The Desert Home, or the Adventures of a Lost Family in the Wilderness)*. Под таким заглавием роман и тиражировался впоследствии — как в Великобритании, так и в США. Однако лондонский «Атенеум» не случайно озаглавил свою рецензию на книгу «Семья английских робинзонов». Дело в том, что оригинальное название — заглавие первого издания, выпущенного Д. Боугом, было длиннее: *The English Family Robinson. The Desert Home, or the Adventures of a Lost Family in the Wilderness.* Непонятно почему, но в дальнейшем заглавие сократили — уже в следующем году, когда роман переиздали в США (Боуг весьма выгодно продал американцам печатные формы романа), — он назывался «Жилище в пустыне, или Приключения семьи, затерявшейся среди дикой природы», — первая часть заглавия — «Семья английских робинзонов» — бесследно исчезла.

Хотя впервые на русском языке роман появился еще в 1864 году (затем книга неоднократно переиздавалась в России в 1880–1900-е годы, причем несколько раз выходила под авторством Жюля Верна!), он не принадлежит к числу широко известных произведений Рида. Но интересна книга не только этим. Сочиняя роман о «семье робинзонов», писатель разработал формулу приключенческого романа для детей, которой почти неизменно придерживался в дальнейшем. Что же собой представляет роман?

Прежде всего, по сравнению с предыдущими «британскими» сочинениями Рида, этот роман невелик. Его объем всего около двенадцати печатных листов. Это неудивительно. Поскольку книга задумывалась как юношеская, она, чтобы не утомлять читателя, и не должна была быть большой: Боуг издал ее в одном томе, и в первом издании она насчитывала 456 страниц. Отличало книгу и оформление. Как известно, снабжать книги качественными, специально изготовленными иллюстрациями было в обычае викторианских издателей. Хотя создание рисунка, изготовление гравюр и печать иллюстраций изрядно повышали стоимость производства книги (примерно на 10–20 процентов), но такова была традиция — без иллюстраций настоящий викторианский роман немыслим. «Детский» роман не только немыслим без «картинок» — их должно быть больше, чем во «взрослом» романе. Поэтому, если по викторианской традиции обычно рисовали шесть иллюстраций на том, то для нового романа Рида Боуг заказал вдвое больше — 12 иллюстраций. Осознавая, что для детского восприятия визуальный ряд значит больше, чем для взрослого, он очень серьезно подошел к проблеме выбора художника и резчика гравюр и пригласил к сотрудничеству, пожалуй, лучших — рисовальщика У. Харви и граверов братьев Дэлзл[38]. Едва ли корректно утверждать, что эти люди предопределили успех, но то, что они на него повлияли — бесспорно. Свою роль, вероятно, сыграла и цена. Ее издатель (он же книгопродавец) определил в 12 шиллингов. Конечно, это было дорого, но совершенно понятно, что теперь книгу могли приобрести не только платные библиотеки, но и люди из среднего класса, — по крайней мере, наиболее состоятельные и чадолюбивые, беспокоящиеся о том, чтобы их дети получали достаточно «полезных знаний».

Основой для сюжета писателю вновь послужил его собственный опыт путешествия в Новую Мексику. Однако на этот раз он избрал события, которые были связаны с возвращением в Штаты. Как, вероятно, помнит читатель, из своей торговой экспедиции в 1840 году Рид возвращался через Техас и на пути к нему должен был пересечь так называемую Великую

Американскую пустыню. На ее территории и разворачиваются события «Жилища в пустыне».

Роман, как обычно у Рида (и как это было принято у «викторианцев»), начинается с топографии места действия: автор описывает Великую Американскую пустыню, знакомит с природой, растительностью и животным миром. Чтобы юный читатель имел представление о масштабах пустыни, Рид сравнивает ее (видимо, с известной английскому подростку) с Сахарой, указывает на отличия и сходства (в частности, на то, что здесь, так же как в африканской пустыне, есть оазисы — это важно для достоверности будущего рассказа) между «великими» пустынями. Затем дается экспозиция: автор выступает в роли рассказчика и излагает предысторию — не представляясь сам и не знакомя со своими товарищами — участниками событий. Выступая от первого лица, он рассказывает: «Несколько лет тому назад я присоединился к торговцам, идущим с караваном из Сан-Луи в Санта-Фе, в Новую Мексику. Мы следовали по наезженной дороге, ведущей в Санта-Фе. Не продав всех товаров в Новой Мексике, мы направились в город Чиаууа, расположенный южнее. Справившись со своими делами, не обремененные никаким багажом, мы решили возвращаться в Соединенные Штаты не старой дорогой, а найти более короткую. В Эль-Пасо мы продали наши вагоны и купили нескольких мексиканских мулов. Здесь же мы наняли аррьеро. Так называются мексиканцы, умеющие обращаться с мулами. Кроме этого, мы купили несколько лошадей лучшей мексиканской породы, наиболее приспособленных к путешествию по пустыне. Закупили необходимую одежду и провизию, которая могла бы пригодиться нам в этом путешествии. Все мы были хорошо вооружены. Оставив Эль-Пасо, мы направились на восток», то есть через Великую Американскую пустыню. Пересекая ее, путники совершенно случайно наткнулись на оазис, о существовании которого не знали даже проводники. Они вышли к нему, привлеченные гулом водопада, который низвергался в долину. «С каким восхищением, — повествует рассказчик, — мы любовались этим громадным водопадом, загнутым наподобие лошадиного хвоста, ниспадавшим в пенистое озеро для того, чтобы потом снова подняться, увлекая с собою миллионы белоснежных брызг, блиставших на солнце всеми цветами радуги!» Но еще большее восхищение вызвала открывшаяся их взору панорама оазиса: «Недалеко расстилалась великолепная долина, покрытая роскошной растительностью. Она имела почти овальную форму, ограниченная со всех сторон естественной каменной стеной. Длина ее была около шестнадцати миль, а в самом широком

месте всего около восьми. Мы находились на самой высокой оконечности, следовательно, могли просматривать ее всю. По бокам пропасти росли деревья, и ветки некоторых из них касались земли. Это были кедры и сосны. Мы увидели также переплетавшиеся ветви громадных кактусов, росших в расщелинах скал. Вверху кругом было мрачно и неприглядно, а внизу природа ласкала глаз прихотливым разнообразием своих красот! В центре долины сверкали прозрачные воды озера, чистого, как кристалл, и гладкого, как зеркало. Солнце находилось тогда в зените, и его лучи, отражаясь на поверхности воды, придавали ей вид громадного листа из золоченой бумаги».

Понятно, что описываемого рассказчиком оазиса не существует, да и не могло быть ничего похожего в безводной пустыне. Но истина заботила Рида в последнюю очередь — ему нужно было увлечь читателя и заставить поверить в правдоподобие происходящего и того, что будет происходить в дальнейшем. (В тексте есть характерная ремарка: «…неожиданное зрелище привело нас в восторг и изумление. Никто не ожидал увидеть нечто подобное среди бесплодной пустыни». Еще бы! То, чего не может быть в принципе, не может не приводить в «восторг и изумление».) А в дальнейшем происходит вот что. Оазис оказывается населенным. В нем обнаруживается большой добротный дом, в котором обитает большая семья: ее глава Роберт Рольф, его жена Мария и их дети — два мальчика, Фрэнк и Генрих, и две девочки, Луиза и Мария. Кроме них, здесь есть еще один человек — негр по имени Куджо, в прошлом раб, но теперь преданный друг семейства Рольфов. Они — настоящие «робинзоны», все сделано их руками — построен дом, сшита одежда, обработаны поля и ухожены животные. Картина, нарисованная рассказчиком, вполне идилличная и даже пасторальная — гармоничны отношения в семье, нет никаких конфликтов, все друг друга любят и уважают, урожаи неизменно высоки, а животные здоровы и исправно дают молоко и приплод. Причем всех своих животных Рольфы приручили — даже тех, кто в принципе не может быть приручен. «Дикие животные, — замечает автор, — были так же смирны и приручены, как рабочий скот на любой ферме». Например, у них рядом с потенциальными жертвами свободно разгуливают ручные (!) пумы (пантеры, кугуары). И «обе девочки свободно ходили среди всех этих зверей, нисколько, по-видимому, не опасаясь их присутствия. Звери, в свою очередь, не обращали на них никакого внимания».

Рид, создавая свой первый «юношеский» роман, явно ориентировался на книгу своего великого соотечественника Даниеля Дефо (интересно, было это оговорено с издателем, или

то была собственная инициатива автора?). Однако в пасторальности «пейзажа» он даже превзошел предшественника. Но особенно необычны для нашего современника христианские аллюзии в романе. Симптоматично, что единственной книгой в доме Рольфов была Библия, и она «лежала на отдельном столике (видимо, специально для этого изготовленного «Робинзонами». — *А. Т.)».* «Ее очень изящный переплет был сделан из шкуры молодой антилопы. Меня сразу охватило любопытство. Я открыл книгу и на первой странице прочитал: Святая Библия». Рассказчик, чего прежде в романах Рида не встречалось, «возблагодарил Небо за то, что в этом заброшенном углу земного шара мы попали к христианину». И вообще вся картина жизни «робинзонов», как пишет автор, «напомнила мне слова Священного Писания, предсказывающая наступление такого времени, когда на земле водворится полный мир, когда «лев будет жить бок о бок с ягненком»».

Где искать источник этой, нарисованной Ридом в духе «первобытного христианства» утопии? В собственных ли его воззрениях? Но Майн Рид никогда прежде не демонстрировал какой бы то ни было религиозности в своих текстах. Или он считал религиозно-нравственный подтекст с прямыми отсылками к Священному Писанию обязательным свойством литературы для детей? Или на этот счет у него была прямая установка от издателя, затеявшего выпуск романа? Едва ли мы сможем дать ответы на эти вопросы. Но нельзя забывать, что роман писался в викторианской Англии и в ту эпоху ни о какой нравственности, свободной от религиозного чувства, не могло быть и речи, а воспитание морали, видимо, полагалось важнейшей задачей произведений, ориентированных на юную аудиторию.

Вернемся, однако, к сюжету «Жилища в пустыне». После того как путешественники познакомились с жизнью «робинзонов», глава семейства начинает рассказывать свою историю. С этого момента безымянный рассказчик перестает быть повествователем. Рассказ продолжает Роберт Рольф. Оказывается, что он англичанин. Отсюда, кстати, и исчезнувшая впоследствии первая часть заглавия — «Семья английских робинзонов». Впрочем, иной семьи и не могло быть — все-таки роман писался для англичан. Беспутно прожив молодые годы (чувствуете моральный урок?) и растратив большую часть полученного им наследства, герой женится и «берется за ум». Но денег, чтобы начать достойную жизнь в Англии, у семьи недостаточно. Поэтому Рольфы перебираются в Америку. Но и здесь им не везет: сначала их обманывают и продают ферму с истощенной землей, а затем они становятся жертвой довольно типичной для Америки середины

XIX века ситуации: поверив в рекламные обещания, они вкладывают оставшиеся деньги в покупку земли в «бурно развивающемся городе Каире», но теряют и их. (Афера эта хорошо известна; того, кому интересна упомянутая вполне реальная история, отсылаем к книге современного американского историка Д. Бурстина «Американцы: национальный опыт».) Уже почти отчаявшись, они отправляются на Запад и принимают предложение случайного знакомого перебраться на рудник, который ему принадлежит. Но на караван, движущийся по «Тропе Санта-Фе» (уже привычной читателям Майн Рида), нападают (конечно же!) индейцы. Они грабят его и убивают тех, кто шел с караваном. Семье Рольфа удается выжить случайно, но они спасают девочку, которую (ну как же без этих «неожиданных» совпадений в викторианском романе!) много лет назад потерял и с тех пор безуспешно разыскивает еще один из выживших, — он оказывается в числе спутников рассказчика. Здесь повествование «разрывается», и следует еще один «рассказ в рассказе»: сначала сцена обретения утраченного ребенка, а затем, отнесенное на десять лет назад, повествование безутешного отца о поисках дочери.

Оставшись в одиночестве, в совершенно незнакомой стране, семья Рольфов пытается выжить в пустыне. Вот здесь и начинается «настоящая робинзонада», когда, как и в достопамятных «Приключениях Робинзона Крузо» Дефо, каждая проблема решается и всегда найдется потребный к случаю «рояль в кустах». Рольфам нечего пить, но, оказывается (!), существует особый вид кактусов, который аккумулирует воду. Они его находят, и жажда им уже больше не страшна. Им нечего есть, и нет подходящей дичи (откуда она в пустыне?), тогда они ловят экзотическое животное под названием армадилл и съедают его. Затем охотятся на не менее экзотических для английских мальчиков горных баранов, пустынных оленей и канадских барсуков и ими утоляют голод. Череда эпизодов, связанных с жизнью в пустыне, и являет собой приключенческую составляющую книги. Она знаменует очень важное для Рида художественное открытие: оказывается, не только война, бои с индейцами или бандитами, плен и бегство, месть и благородство, преданность и предательство, интриги врагов, любовь красавицы и муки ревности, но и борьба с природой могут быть источником приключений и собственно событием приключения. А если сочетать их с подробным рассказом о свойствах экзотических растений, о повадках еще более экзотических животных и способах охоты на них, то они могут стать, по сути, неисчерпаемой кладовой. Рид и раньше — в прежних романах —

вставлял подобные эпизоды, но они были редки и, скорее, «тормозили» (например, в «Вольных стрелках») приключенческую коллизию, чем развивали ее. В «Жилище в пустыне», напротив, все эти традиционные составляющие приключенческой поэтики Ридом почти не используются, их замещают приключения познавательные. Причем функция их не просто развлекательная. Рид, конечно, развлекал молодого читателя, но и развивал его, сообщая ему в «легкой форме» сведения (может быть и бесполезные в обыденной жизни), получить которые нелегко. Сочиняя первый «юношеский роман», свою задачу он видел не только в развлечении, но и в просвещении подрастающего поколения — в насыщении их сознания теми самыми «полезными знаниями», о которых так радел издатель, тем более что трактовал их Боуг, судя по всему, предельно широко.

Наконец, семья Рольфов находит свой оазис и решает обосноваться в нем. Но не потому, что им просто некуда идти — это было бы логично, но потому, что здесь они обретают верный источник благосостояния (с точки зрения протестантской морали это важно — богатеть честным путем!), который не могли найти ни в Англии, ни в цивилизованной части США. «Для нас открывался более обильный источник богатства, чем самое выгодное положение на рудниках Мексики». Этим «источником» стали бобры, которые населяли долину. «Шкурка каждого бобра, — сообщает старший Рольф, и ему можно доверять, потому что любой читатель Рида мог это проверить, — стоит около двух фунтов. Их было в долине, по меньшей мере, сто штук, а так как каждое из этих животных ежегодно приносит по четыре-пять детенышей, то в скором времени их будет очень много. Мы могли бы приручить их, доставлять им пищу и уничтожать их врагов. Таким образом, мы ускорили бы их размножение. Старых мы бы убивали, и вскоре могли бы вернуться к цивилизованной жизни с достаточным количеством этого драгоценного меха и скопить себе значительное состояние».

Затем начинается обустройство жизни «новых робинзонов», и происходит оно вполне в духе «робинзонады» Крузо. Тем более что все есть под рукой — необходимые инструменты и приспособления. Нужен дом? Строим дом. Его строительство отнимает (оказывается!) совсем немного времени и сил, но дом получается отличный, большой, крепкий и светлый. Почти по мановению он наполняется удобной мебелью и утварью (тоже все своими руками и очень быстро). Нет сахара? Находим «сахарное дерево». Нет соли, чтобы посолить пищу и заготовить мясо? Находим «соленый ручей» и выпариваем соль. Нет кофе? Жарим желуди бука и превращаем их в кофейный напиток. Нет хлеба?

Но есть «хлебное дерево» — особый вид местной сосны, из зерен которой можно смолоть муку и испечь хлеб. Кончился порох, и ружья стали бесполезными? Не беда. «Мы изготовили три лука, наподобие тех, которые применяют индейцы, как и они, мы натянули на них сухожилия лани. Из дерева мы сделали стрелы, в которые Куджо вбил острые гвозди, извлеченные из старой повозки. Мы ежедневно упражнялись в стрельбе из лука и еще до наступления зимы научились хорошо стрелять. Генрих сбил белку с вершины одного из самых высоких деревьев, растущих в долине. Он всю зиму снабжал нас в изобилии куропатками, белками, зайцами и дикими индюками». Жена главы семейства, «в свою очередь, много трудилась для того, чтобы улучшить нашу пищу. Последние дни осени она посвятила ботаническим исследованиям. Кто-нибудь из нас сопровождал ее для того, чтобы, в случае опасности, подстраховать. Каждый раз она возвращалась с каким-нибудь новым продуктом. Таким образом, она нашла много различных плодов: смородину, вишню и рябину. Мы собрали эти ягоды для варенья… Между деревьями мы нашли так называемое «белое яблоко», или индейскую репу, и, что было для нас гораздо интереснее, дикий батат. На это растение мы даже не обратили бы внимание, если бы не жена… Из плодов акации мы готовили пиво. А благодаря дикому винограду, в изобилии растущему вокруг нас, мы имели возможность готовить для себя более приятный напиток».

Есть в романе Рида и свой Пятница — негр Куджо. «Он сделал много посуды, без которой сложно было обойтись. Он соорудил деревянную соху, весьма удобную для распашки выбранной нами земли, очень легкую и удобную в работе». Он, вообще-то, «пацифист» и охоту не любит, зато обладает незаурядным «сельхозяйственным даром», большой сноровкой в ловле рыбы и умением приручать животных. Так на столе у Рольфов появляются рыба, молоко и сыр, а в загоне для скота животные.

Так же, как и Дефо, Рид насыщает свое повествование комментариями о повадках животных, о том, как они добывают пищу и чем питаются. Но у него эти сведения проходят не рядом малозначительных эпизодов, но плотно насыщают рассказ. К тому же, в отличие от предшественника, в поле зрения Рида попадают не только те животные, которых, скажем так, можно «использовать для нужд человека», но и существа вполне экзотические и «бесполезные» — змеи, дикобразы, еноты, опоссумы и т. д. Еще больше сведений автор сообщает из области ботаники — о жизни растений, о разнообразных возможностях применения их в быту.

Хотя повествование заканчивается традиционным викторианским (да и для начинающего Рида тоже) бракосочетанием (женятся «все, кто может»: Фрэнк, Генрих, Куджо, белокурая Мария и черноволосая Луиза), но в «Жилище в пустыне» такое окончание, конечно, лишь дань традиции. Майн Рид, сочиняя свою первую книгу для юношества, создавал особый тип повествования — приключенческий (то есть динамичный, насыщенный событиями) роман, в котором, однако, нет привычного для «взрослого» повествования насилия, но зато есть взаимодействие с природой (точнее, ее «потребление») и ее познание. Интересна еще одна новация. Рид писал «мальчишеский» роман, поэтому среди тех, кто переживает приключения, есть дети — мальчишки-подростки, сыновья Роберта Рольфа, Фрэнк и Генрих. Пока они находятся на периферии приключений, но уже активно действуют — стреляют, охотятся, помогают семье выжить. До «Жилища в пустыне» у Рида таких героев еще не было, теперь они появились и вскоре — в следующих «юношеских» романах — займут центральное место, серьезно потеснив взрослых.

«У меня совсем не хватает времени писать самому…»

Возвращение Рида из Парижа совпало с выходом «Жилища в пустыне». Боуг торопился и сумел напечатать роман в рекордные сроки. Коммерческий успех, о котором мы говорили, убедил издателя продолжать издание литературы для подростков и развивать сотрудничество с писателем. Таким образом, получилось, что пребывание Рида во Франции оказалось кратким отпуском, передышкой между сочинением двух романов. Боуг предложил Риду написать новую книгу, и тот взялся за ее создание. Но если предыдущие «британские» романы были написаны в очень короткие, почти в рекордные сроки, то второй свой «юношеский» роман Рид писал долго. Хотя по своему объему тот был примерно равен «Жилищу в пустыне», писатель потратил на него почти год. Что помешало уложиться в более короткий срок? Причин было несколько. Первая заключалась в том, что второй роман не должен был стать продолжением первого: Боуг предложил Риду отойти от привычной темы и развернуть действие не в хорошо знакомой читателю Новой Мексике, а отправить героев на северо-запад — по «Орегонской Тропе». Хотя Рид путешествовал в тех местах в начале 1840-х годов и, конечно, использовал собственный опыт и впечатления в новом романе, но его познания в животном и растительном мире этой части Америки были недостаточны. А поскольку он намеревался придерживаться той же схемы, что использовал в «Жилище в пустыне», — то есть «развлекая, просвещать», ему потребовалось время на сбор сведений о жизни обитающих там животных и растений, там произрастающих. Для этого нужно было читать книги, изучать коллекции путешественников-натуралистов, собирать и уточнять разнообразную информацию. Так он оказался в Британском музее — и с этого времени превратился в завсегдатая его уже тогда знаменитой библиотеки. Элизабет Рид в книге о муже особо отметила, что, создавая произведения, действие которых разворачивается в странах, где ее супруг не бывал, он сначала тщательно собирал материалы по теме — выписывал из библиотек и читал книги, знакомился с отчетами экспедиций, встречался с путешественниками и натуралистами, посещал музеи и изучал коллекции. Едва ли стоит не доверять ей: она была непосредственным свидетелем сочинения большинства этих «вымышленных» романов (тем более что с течением времени их становилось все больше и больше: викторианский — как и любой — литературный рынок требовал разнообразия, и Рид был вынужден отвечать на его требования). Отметим только, что

начало этой, ставшей со временем привычной «процедуре» было положено, когда Рид сочинял свой второй «юношеский» роман и когда впервые собственных знаний и впечатлений ему уже явно не хватало.

Вторая причина была иного свойства. Насколько можно судить по косвенным свидетельствам (в том числе, например, по роману «Жена-дитя»), в 1852–1853 годах Рид особенно активно занимался политикой и даже, как сообщает Элизабет Рид, подумывал о том, чтобы выставить свою кандидатуру на местных выборах. Политическая деятельность писателя была тесно связана с европейскими политэмигрантами, обосновавшимися в Англии. Судя по всему, даже во Францию Рид ездил не просто отдохнуть и попрактиковаться в языке, но и с неким деликатным поручением (поручениями?), связанным с делами эмигрантов. Ему приходилось много передвигаться по стране (и, видимо, делал он это с удовольствием), выступать на митингах в поддержку польских, немецких, венгерских и иных изгнанников, а, по сути, беженцев (англичане их так и называли — рефьюджи (*refugee*) — то есть беженцы), заниматься сбором средств в их пользу, писать письма в газеты. Эти дела тоже требовали времени, но ими он занимался с энтузиазмом, поскольку полагал себя единомышленником этих людей, — помогая им, он ощущал себя причастным к борьбе за свободу.

В 1852 году состоялось знакомство писателя с венгерским патриотом и бывшим «диктатором» Венгрии Лайошем Кошутом[39] — сначала заочное, а затем и личное. Кошут пригласил Майн Рида посетить его у себя в доме, и тот откликнулся на приглашение. Обстоятельства этого визита были таковы. При массовом и искреннем сочувствии британского общества беженцам, нашедшим приют на островах, в Британии имелись серьезные силы, которые отрицательно относились к самому факту пребывания политэмигрантов на территории государства и той деятельности (направленной на свержение существующих в своих странах режимов), которую они вели. Наиболее энергичным (и тогда уже очень влиятельным) рупором анти-эмигрантских настроений была газета «Таймс». Несмотря на то, что Кошут был принят на самом высоком уровне (известно, что он неоднократно встречался с лордом Пальмерстоном — сначала министром иностранных дел, а затем и премьер-министром Великобритании, и был близок к влиятельному в то время английскому либеральному политику лорду Дадли[40]), у него было немало врагов, и вскоре после его приезда в страну газета опубликовала обширную статью, в которой бывший диктатор Венгрии обвинялся в монархических амбициях. Конечно, Кошуп — фигура

неоднозначная, и революционер в нем вполне органично уживался с ярым националистом, но в то время в либеральных кругах его демократические убеждения никто не ставил под сомнения. Рид выступил в пользу Ко-шута и направил возмущенное послание в защиту бывшего венгерского лидера, а когда «Таймс» никак не отреагировала на его послание, опубликовал в одном из британских журналов открытое письмо, в котором в довольно резких выражениях обвинил «Таймс» в клевете и шельмовании благородного человека. Именно эта публикация и положила начало знакомству Рида и Кошута. Элизабет Рид в своей книге пишет о тесной дружбе, существовавшей между Кошутом и ее мужем. Вряд ли стоит говорить о «настоящей дружбе»: едва ли прожженный политик с кем-нибудь по-настоящему «дружил» (скорее, пользовался дружбой). Но что касается Рида, то он действительно искренне восхищался Кошутом (те, кто читал посвященный бывшему венгерскому лидеру роман «Жена-дитя», не станут возражать против этого) и не только активно защищал его от нападок консервативной британской прессы, но и всячески стремился помогать ему словом и делом.

Если читатель помнит, в упомянутом романе основная интрига выстраивается вокруг событий, связанных с пребыванием Л. Кошута в Англии в 1852–1853 годах. В них Майн Рид включился самым решительным образом и, будучи активным участником, многие сведения для своего повествования почерпнул, что называется «из первых руте». Одна из основных линий романа связана с антигабсбургским восстанием в Милане в феврале 1853 года. В романе восстание представлено Ридом как провокация, устроенная властями Австро-Венгрии и Великобритании с целью заманить Кошута на территорию Италии и там его арестовать. Кошуту сообщают о восстании венгерских полков, расквартированных в Милане. Джузеппе Мадзини[41], друг и один из лидеров итальянского Рисорджименто[42], призывает Кошута возглавить восставших. Но путь в Италию пролегает через Францию, власти которой обязательно арестуют венгерского лидера и выдадут его австрийцам, если он окажется на территории их страны. Герой романа Мейнард решает помочь Кошуту пересечь Францию, выправив тому британский паспорт на имя «слуги мужского пола — Джеймса Даукинса», который будет сопровождать Мейнарда в путешествии. В романе путешествие, хотя все к нему было готово, не состоялось. Не случилось оно и на самом деле. В реальной жизни Рид также исхлопотал паспорт для Кошута — тот отправлялся с Майн Ридом в качестве слуги: паспорт был выписан «для свободного проезда капитана Майн

Рида, британского подданного, путешествующего по континенту в сопровождении слуги мужского пола Джеймса Хокинса, британского подданного». В романе поездка сорвалась, потому что один из героев подслушал разговор, что восстание в Милане — ловушка, подстроенная специально, чтобы заманить Кошута. В своей книге Элизабет Рид говорит о некой шифрованной телеграмме, полученной бывшим диктатором, также сообщавшей о восстании-ловушке. На самом деле все было не совсем так, точнее, совсем не так. Никто, конечно, не организовывал восстания специально для того, чтобы устроить западню Кошуту. Дело не в том, что фигура эта не «того масштаба» (с масштабом-то — хотя бы потенциальным — все в порядке), просто сама идея, выдвинутая Ридом в романе, абсурдна. Кошут не поехал в Милан, потому что восстание потерпело поражение, и принял решение уже после известия об этом. В романе Кошут ничего не знал о подготовке восстания и считал его авантюрой, обреченной на провал. В реальности же Кошут деятельно участвовал в его подготовке и по предложению Мадзини даже написал прокламацию, которую итальянцы-карбонарии распространяли среди солдат венгерских частей в Милане. Позднее, после провала восстания, эту прокламацию раздобыла и опубликовала «Таймс», но Кошут отрекся от нее, категорически отказавшись от авторства. В романе, написанном через 15 лет после событий, ощутимы отзвуки этой истории, но теперь Кошут (как герой романа) не столь категоричен в отрицании авторства. Он говорит, что во всем виноват Мадзини, который якобы использовал «давнее обращение к ним (солдатам венгерских полков. — *А. Т.),* написанное в то время, когда я был в плену в Кутайе[43]. Он использует это послание в Милане, лишь изменив дату». Но тогда, в феврале 1853 года, когда «Таймс» опубликовала компрометирующий политика документ, Рид бросился в атаку, доказывая, что опубликованный текст — подделка, грубая фальшивка. Элизабет Рид в своей книге приводит письмо Рида в редакцию. Оно адресовано редактору влиятельного издания. Весьма показательный текст, который характеризует отношение писателя к Кошуту. Приведем его и мы:

«В последнем номере вашего журнала появилась телеграмма, извещавшая о восстании в Милане, а под ней в той же колонке опубликован некий документ, который, как вы утверждаете, написан Кошутом и им же подписан. Итак, сэр, господин Кошут либо написал этот документ, либо он его не писал. Если он его написал, а вы его опубликовали без согласования с автором, то по всем законам чести и нашей страны — вы совершили бесчестный поступок. Если он не писал его, вы, согласно законам этой

страны, совершили уголовное преступление. Я обвиняю вас и в том, и в другом. Вы, безусловно, виновны в последнем, а это неизбежно подразумевает виновность и в первом. Вы опубликовали этот документ без разрешения того, чьим именем он подписан; на следующий день в еще одной статье вы категорически утверждали подлинность этого документа — будто бы это прокламация, адресованная господином Кошутом из Бэйсуотер[44] ломбардским и венгерским патриотам с целью побудить их к участию в восстании в Милане. А раз так, то от имени господина Кошута, сэр, я объявляю этот документ фальшивкой. Я заявляю, что это подделка. Господину Кошуту теперь решать, привлечь ли вас к преследованию по закону. Моя обязанность — привлечь вас к суду общественного мнения».

Через несколько дней после этой публикации (ее напечатали в одной из столичных газет, сочувствовавшей эмигрантам) Кошут, как утверждает вдова писателя, написал Риду длинное послание, в котором, кроме слов благодарности, утверждал, что злополучная прокламация написана не им, и подробно объяснял, почему он не мог ее написать и даже одобрить. «Я испытываю глубокую признательность, — писал он, — за то благородство и рыцарство, с которыми Вы выступили в мою защиту, когда поняли, что я оклеветан в этом «деле с прокламацией»; я также искренне благодарен Вам за ту готовность, с которой Вы протянули мне руку помощи в той области, действия в которой я не одобрял, но к которым я, конечно, должен был относиться с сочувствием». Письмо завершалось уверениями в уважении и искренней благодарности адресату.

Хотя переписка и личное общение между Л. Кошутом и Майн Ридом продолжались и позднее — во второй половине 1850-х — первой половине 1860-х годов, думается, Элизабет Рид изрядно преувеличила степень дружественных отношений между ними, и можно понять почему: то, что «великий человек» дарил дружбой ее мужа, возвеличивало и его, почти их уравнивая. Понятно, и почему Рид с таким искренним восторгом относился к Кошуту и не замечал, скажем так, несовершенства своего героя (которое было вполне очевидно не только его великим современникам — таким как Т. Карлейль, Дж. Мадзини или К. Маркс, но и многим «простым» людям), — в Кошуте, поднявшемся почти «из низов» и достигшем такого высокого положения, он видел реализацию того, чего не смог достичь сам — стать революционным лидером, настоящим «великим человеком». Вероятно, Майн Рид считал, что лишь случайность, роковое недоразумение (поражение революции в Бадене и Баварии да нерешительность Геккера) помешали ему достичь тех же «высот», что и Кошут. Самому же

Кошуту «дружба» с Майн Ридом была выгодна. Не столько потому, что тот энергично защищал его от нападок прессы — у него, смеем утверждать, нашлось бы немало «защитников», куда более эффективных и влиятельных, нежели Рид. Но для Кошута Рид был почти незаменим — его преданный «друг», обладая бойким пером, хорошим слогом и владея английским литературным языком, в 1850-е и 1860-е годы редактировал речи, лекции и статьи Кошута, с которыми тот выступал перед английской публикой. Элизабет Рид в своей книге приводит немало фрагментов из писем Кошута, адресованных ее мужу. Делает она это с понятной целью: показать степень дружеских отношений между ними, но они совершенно отчетливо показывают, *что* на самом деле связывало этих людей и что прежде всего *было нужно* Кошуту от Рида. Вот хотя бы несколько фрагментов.

Л. Кошут пишет (в марте 1856 года) романисту:

> «Мой дорогой сэр, я *вечно* (курсив мой. — *А. Т.)* подвергаю Вас пыткам. Посылаю Вам вторую половину своей лекции для просмотра…»

Или в июне того же года:

> «Мой дорогой сэр… я подготовил новую лекцию для Глазго, куда отправляюсь в следующий понедельник… Я в большом долгу за вашу доброту и помощь. Я никогда не забываю своих обязательств и надеюсь вскоре доказать Вам это; но прошу *еще раз* — проверьте мой стиль и грамматику».

Или вот еще (из письма Кошута Риду от 4 марта 1861 года):

> «Мой дорогой друг! Очень грустно услышать о болезни мадам Рид и о Вашем собственном недомогании. Бронхит — это проклятие лондонского климата — тяжелая штука; увы, он и нам хорошо известен.
>
> Огромное, огромное Вам спасибо за щедрое предложение, которое я с радостью принимаю, как и все, что связано с Вашим мощным пером. Я и в самом деле нуждаюсь в нем, так как *у меня совсем нет времени писать самому* — едва хватает времени дышать…»

Косвенным подтверждением нашему предположению служит и тот факт, что переписка (а с ней и всякие отношения) между

Кошутом и Ридом прервалась с отъездом «сиятельного» эмигранта из Англии. Как известно, в 1867 году Кошут перебрался в Италию (которая, наконец, освободилась от австрийского владычества и стала единым государством) и осел в Турине, где почти безвыездно жил до самой смерти (а прожил он, хотя и был на 16 лет старше Рида, до глубокой старости и умер на 92-м году жизни).

Как бы там все ни происходило и какие бы чувства на самом деле ни испытывал Кошут к Риду, но со стороны писателя отношение к высокопоставленному венгерскому изгнаннику было, безусловно, совершенно искренним и бескорыстным. И оно, что бы мы ни думали о Кошуте и его мотивах, делают честь нашему герою.

Конечно, политическая активность Рида была связана не только с Кошутом и «его делами». Прежде мы отмечали, что он деятельно поддерживал немецких и польских эмигрантов, ратовал за более активную помощь британским правительством политическим изгнанникам. Парадоксально, но факт — Рид как политик почти не интересовался внутренними делами. Его не волновали многие, очень актуальные и широко обсуждавшиеся тогда в лояльно-консервативных и оппозиционно-демократических кругах вопросы: продолжительность рабочего дня, оплата труда рабочих, их права и медицинское обслуживание, британская система образования, правоприменительная практика, состояние и особенности британской петенциарной системы. Он был увлечен политикой и собирался даже баллотироваться на выборную должность, но его не возмущало несовершенство и очевидная несправедливость британской системы избирательных округов и избирательного ценза, хотя, казалось бы, он не должен был пройти мимо этого, напрямую затрагивающего его как политика явления. Можно заметить, что упомянутые аспекты были не слишком близки милому сердцу Рида «делу свободы», но почему тогда он — выходец из Ирландии — не участвовал в митингах и не состоял в комитетах в поддержку ирландцев, не выступал с требованиями помочь голодающим обитателям Эйре, не собирал, наконец, для них вещи, деньги, продовольствие? На эти вопросы нет ответов. Можно предположить: хотя упомянутые проблемы действительно обсуждались викторианцами, но они не давали шанса политику «покрасоваться» на «фоне» лордов, известных парламентариев, а тем более членов кабинета министров (и, следовательно, попасть на страницы газет), поскольку те не принимали участия в подобных мероприятиях. Возможно также, Рид полагал эти «внутренние» вопросы слишком мелкими, не соответствующими

масштабу его личности. Но подобные предположения могут завести довольно далеко в оценке личных качеств писателя и выставить его в довольно неприглядном свете, чего он — при всей широко известной его любви к внешним эффектам: костюму, жесту, внешнему облику — разумеется, не заслуживает. Но факты есть факты — его политическая активность действительно была целиком и полностью направлена «вовне»: на проблемы глобальные и мировые, — например, он с удовольствием принял участие в митинге, устроенном лордом Дадли Стюартом, и выступил там с речью, направленной против тайной дипломатии (о чем конечно же сообщили ведущие британские газеты), но игнорировал полуподпольные собрания (о которых газеты, понятное дело, не сообщали) тех, кто помогал его землякам, страдающим от голода и болезней.

«Формула» ювенильного романа

Несмотря на весь интерес Рида к политике и его увлеченность «делом свободы», уже тогда — в начале 1850-х — он все же ощущал себя, прежде всего и в первую очередь, литератором, романистом. И сочинение нового романа, хотя оно продвигалось с трудом, стояло у него на первом месте. Рида торопил издатель, потому что для него проект юношеского романа становился явно приоритетным — успех ридовского «Жилища в пустыне» убедил Боуга, что он находится на верном пути. В то же время он интуитивно чувствовал, что потенциальные коммерческие возможности ювенильной прозы постепенно проясняются не только для него, но и для иных издателей, что скоро по его пути последуют другие, и потому он торопился, что называется, «снять сливки».

Завершенный роман Рид принес Боугу в сентябре 1852 года. Издатель прочитал его не мешкая, но нашел, что текст необходимо доработать. Интрига его вполне удовлетворила — как всегда у Рида, действие романа развивалось динамично, интересны и нетривиальны были герои. Но издатель посчитал, что «образовательную» составляющую («полезные знания») можно и нужно усилить, включив больше сведений о жизни и повадках животных, климатических и природных особенностях тех мест, где путешествуют его герои.

Едва ли Рид был согласен с замечаниями, высказанными Боугом. Как художник он интуитивно чувствовал, что любое вмешательство в роман, который он задумал и осуществил прежде всего как приключенческий, только повредит, но был связан договорными обязательствами, которые его как автора

ограничивали и заставляли внимательно прислушиваться к мнению издателя. Тем более что у его работодателя имелись и формальные основания: текст, который Рид находил гармоничным и совершенным, был примерно на 10–15 процентов меньше оговоренного объема. Писатель (как, вероятно, и любой художник) полагал это несущественным. Издатель (как, вероятно, любой представитель этого «племени»), которого «творческие» проблемы волновали мало, напротив, считал это обстоятельство принципиальным. Можно понять и Боуга, который имел свое видение «юношеского» романа. А поскольку платил деньги именно он, то оно было, конечно, решающим. Да и поистратился уже Боуг на этот, еще не осуществленный роман: торопясь издать его к Рождеству, он уже заказал иллюстрации (их снова было двенадцать) Уильяму Харви; гравюры с них, как и для «Жилища в пустыне», резали братья Дэлзл.

Месяц с небольшим понадобился писателю, чтобы (конечно же в великой спешке!) доработать роман. Текст его увеличился в объеме и даже превысил ту цифру «страниц обычного формата», что была обозначена в договоре. В таком виде он и пошел в печать. Роман появился накануне рождественских праздников. Он получил название «Мальчики-охотники, или Приключения в поисках белого бизона». Хотя Рид, скажем так, не был склонен к недооценке собственных произведений, но, видимо, памятуя о «насилии» со стороны издателя, не считал этот роман особенно удачным. Тем не менее именно этот роман можно считать образцовым, «формульным», потому что именно в нем писатель задал тот алгоритм, которому в дальнейшем будет следовать не только он сам, но и многие сочинители подростковой литературы. С дистанции времени видно, что по его стопам пойдут многие современники (да и не только современники), причем не только английские, но и немецкие, французские, американские.

«Формулу» эту можно свести к нескольким основополагающим составляющим. Первое: героями — главными действующими лицами романа являются мальчишки — юноши и подростки. Взрослые, а они, конечно, есть в романс, находятся на периферии сюжета, хотя и оказывают воздействие на его развитие (например, побудительное, инициирующее). В ювенильном романе нет места женщинам, поскольку это мальчишеский мир, а в мальчишеском возрасте девчонки, разумеется, только все портят. Принципиальный момент: герои романов Рида (юношеских особенно) имеют «благородное» происхождение. Не всегда они дворяне, но всегда — «джентльмены» (это правило не распространяется на иностранцев: иностранцы обязательно

должны иметь благородное происхождение, только в таком случае викторианец мог быть уверен, что имеет дело с джентльменом). Это обязательное условие можно объяснить целевой аудиторией писателя: подрастающее поколение должно иметь идеал, к которому нужно стремиться. Для английского мальчика им может быть только джентльмен. Второе: «юношеский роман» Рида — «роман дороги»: его интрига развивается в пути, потому что его герои постоянно ку-да-нибудь двигаются, активно перемещаясь в пространстве. Третье: действие романа развивается прерывисто: фабула (как непрерывный ряд событий) постоянно перебивается вставными новеллами и эпизодами. Реже — ретроспективными, в которых герои рассказывают о событиях, с ними произошедших или свидетелями которых они были (в основном рассказы об охоте на удивительную дичь или повествование о природных, стихийных явлениях); чаще — «существующими» в реальном художественном времени и посвященными особенностям того или иного экзотического (для европейцев-англичан) животного или растения. Функция этих эпизодов обычно «просветительская»: они и сообщают юному читателю те самые необходимые «полезные знания».

В соответствии с этой формулой развивается и действие «Мальчиков-охотников». Как всегда, роман открывает экспозиция: повествователь рассказывает о месте, где начинается действие (в Луизиане, в 300 милях к северу от устья Миссисипи), и знакомит читателя с героями (это «мальчишеский» мир, в нем живут только мужчины: убеленный сединами господин, его дети — подростки семнадцати, пятнадцати, тринадцати лет, а также слуга, который выполняет работу по дому: готовит, убирает, ухаживает за животными). Глава семейства, Ленди — безусловный джентльмен: в прошлом полковник наполеоновской армии (и корсиканский дворянин), он, как и подобает истинному джентльмену, не нуждается в заработке, а занимается наукой — он натуралист, изучает местную флору и фауну. Важный момент, связанный не только с целевой аудиторией Рида, но, без сомнения, и с его собственными представлениями: его герой (читай — истинный джентльмен) хорошо образован. «До вступления в наполеоновскую армию, — сообщает рассказчик, — он изучал естественные науки. Он был натуралистом, а натуралист может найти себе занятие везде, получать ценные сведения и удовольствие там, где другие будут умирать от скуки и безделья». Тоже, кстати, принципиальная позиция Рида: настоящий джентльмен не бывает бездельником — он энергичный человек, всегда занятый полезным делом. Ленди не был кабинетным натуралистом. Как и знаменитый Одюбон, он

был увлечен внешним миром и любил брать уроки у самой природы… «Ленди не сидел без дела: он охотился, ловил рыбу, изготовлял чучела птиц и выделывал шкуры редких зверей, сажал и подрезал деревья, воспитывал своих мальчиков и тренировал собак и лошадей». Глава семьи, хотя и занимает не очень значительное место в сюжете романа, фигура очень значительная — он воплощает важнейшие, по мнению автора, качества джентльмена. Он скромен: «Полковник отличался скромностью в своих привычках. Он приобрел ее, будучи солдатом, и (это очень важно! — *А. Т.)* воспитывал сыновей в том же духе… ел простую пищу, пил только воду и спал на походной кровати, покрытой лишь одеялом». Он не высокомерен: «…часто посещал деревню и любил поболтать со старыми охотниками и другими деревенскими жителями». Поэтому они «относились к нему с уважением». Однако они «удивлялись вкусам натуралиста, которые казались им странными». Их также «поражало, как это он ухитряется вести хозяйство без служанки». Но «полковника не интересовали их догадки, он лишь посмеивался над любопытными, оставаясь все в тех же хороших отношениях со своими деревенскими соседями». И это тоже очень по-джентльменски: неизменно быть выше слухов и пересудов и сохранять добрые отношения со всеми. Естественно, что у джентльмена и дети джентльмены. Они слыли (а как же могло быть иначе?!) «лучшими стрелками среди своих сверстников, могли соревноваться в верховой езде с любым, могли переплыть Миссисипи, умели управлять пирогой, бросать лассо и бить гарпуном крупную рыбу… Это были настоящие маленькие мужчины». Превосходство над другими (неджентльменами) — естественное состояние джентльмена, поэтому и «простые крестьяне инстинктивно чувствовали превосходство этих юношей». Но это превосходство для Рида — именно «естественное состояние джентльмена», поэтому «мальчики не были заносчивы и обходились со всеми приветливо».

У джентльмена и друзья — джентльмены. Особое место среди них занимает некий родственник императора «принц Музиньянский». Он так же, как и полковник, натуралист и посылает своему другу письмо, в котором просит раздобыть шкуру белого бизона (то есть бизона-альбиноса). Но, оказывается, шкура требуемого качества — большая редкость. Это известие и составляет завязку романа — позиция полковника принципиальна (а разве у джентльмена может быть по-другому?!) — раз друг просит, нужно помочь, не считаясь с трудностями. Сам полковник отправиться на поиски белого бизона не может — у него одна нога (вторую он потерял в Наполеоновских войнах), поэтому

отправляются его дети — Базиль, Люсьен и Франсуа. Их путешествие через прерии — Великие Равнины — «в поисках белого бизона» и составляет, собственно, сюжет романа. Они движутся на север, преодолевают преграды, охотятся и страдают от нападения разных зверей, готовят пищу. По ходу в повествование «вклиниваются» охотничьи истории, но чаще — рассказы о повадках животных, способах охоты на них, а также сведения о топографии, географии и климате, истории о растениях, их применении в быту и хозяйстве (чего, например, стоит занимающая несколько страниц книги подробнейшая история об особенностях и свойствах белой и черной шелковицы, ягоды которой «имеют приятный, ароматный вкус; их можно есть сырыми и в виде варенья; если их смешать с сидром, получается приятный напиток», а «особо приготовленные корни применяются как прекрасное глистогонное (!) средство») и т. п. Вставные эпизоды, конечно, тормозят повествование, снижают динамику интриги, но, видимо, по представлениям Рида, они суть неизбежное качество «ювенильного» сюжета. Впрочем, боюсь, не нам, отделенным полуторавековой временной дистанцией, судить о пагубности для динамики развития сюжета тех или иных «вставок». Кто знает, может быть, описания деталей охотничьей амуниции, конской упряжи и вооружения были для викторианского подростка не менее увлекательны, чем сцены погони за дикими мустангами или бегства от кровожадных индейцев?

Кстати, об индейцах. Роман об американском Западе, к тому же юношеский, не мог обойтись без них. Появляются они и в «Мальчиках-охотниках» — в заключительной части романа. Мальчики, вынужденные искать своего белого бизона в местах, где обитают немирные индейцы, в конце концов должны были с ними столкнуться и «пострадать» от них. Так и происходит: они попадают к краснокожим в плен и, как водится, должны быть подвергнуты мучительной казни. Приготовления к казни заканчиваются, и ничто, казалось бы, ей не может помешать… Ан нет! Оказывается, автор таки заготовил специальный «рояль в кустах» (самый важный среди «роялей», коих в романе разбросано немало), который не даст совершиться — явно несправедливому по отношению к таким хорошим мальчикам — злодеянию. Старый полковник, провожая сыновей в дорогу, дал им небольшой кожаный мешочек, в котором находился некий артефакт, который и спасает им жизнь. Это головная часть (чашечка) индейской «трубки мира», которую в свое время курил знаменитый индейский вождь Текумсе[45] (память о нем и, понятно, о его трубке, из которой он курил, чуть ли со всеми

вождями североамериканских индейцев (?!), для всех индейцев, живущих в тех местах (?!), священна). Об этом при помощи особых знаков (!) индейцам сообщает старший из ребят — Базиль, которого обучил им (!) отец и которые, разумеется, понимают все индейцы. В результате индейцы из врагов немедленно превращаются в лучших друзей мальчиков. А затем, «узнав о цели путешествия, индейцы были очень удивлены и восхищены отвагой юных охотников. Они, в свою очередь, рассказали мальчикам, что… преследуют большое стадо бизонов и… видели одного или двух белых бизонов среди этого стада. Индейцы добавили, что, если мальчики останутся и несколько дней поохотятся с ними вместе, они приложат все старания, чтобы убить… одного из них». Естественно, «это приглашение было радостно принято». Бизона добывают, а шкуру доставляют любимому отцу (чтобы у мальчиков больше не было приключений, индейцы сопровождают их до границ Луизианы): «старый натуралист получил то, что хотел, и был несказанно счастлив». Но, конечно, «он еще больше теперь гордился своими маленькими мужчинами».

Вот такая история. Не будем дольше на ней задерживаться, тем более что роман этот наверняка хорошо знаком тем жителям бывшей Страны Советов, кто любит и знает Майн Рида: «Мальчики-охотники» под названием «В поисках белого бизона» публиковались в составе знаменитого оранжевого шеститомника писателя, изданного в 1956–1958 годах, а затем переизданного «Террой» в начале 1990-х. Поэтому вернемся в Лондон 1852 года.

Роман вышел в начале декабря. На его титуле по традиции (о которой уже говорилось) был обозначен 1853 год, но лондонский «Атенеум», отмечавший все мало-мальски значительные новинки, откликнулся на его выход уже в номере от 25 декабря 1852 года, в котором поместил доброжелательный отзыв. В рецензии отмечалось, что увлекательная книга не только «развлечет юного читателя», но наверняка «пойдет ему на пользу», поскольку «английские мальчики извлекут из нее не только немало поучительного, но и массу полезных знаний, расширяющих их представления о животных и растениях далекой Америки». Помогла ли эта рецензия или отклики в других изданиях (а всего их появилось около десятка), но и эта книга Майн Рида имела большой успех — даже больший, нежели предыдущий роман «Жилище в пустыне»: через несколько месяцев Боуг не только напечатал дополнительную тысячу экземпляров, но и продал затем готовые печатные формы американцам.

Положительно, Боуг приносил удачу Риду (и, конечно, деньги). Поэтому, когда издатель предложил написать

продолжение романа — с теми же героями, но теперь они должны отправиться еще дальше — в Канаду, на Крайний Север, — Рид не мог отказаться.

Сочинение романа, которому Майн Рид дал название «Юные путешественники, или Мальчики-охотники на Севере» *(The Young Voyageurs: or, The Boy Hunters in the North),* потребовало от писателя серьезных усилий — сбора большого объема информации. Он не только работал в библиотеке Британского музея, но, возможно, встречался с бывшими и действующими сотрудниками «Компании Гудзонова залива», выписывал и читал книги, изучал коллекции натуралистов, переписывался с путешественниками, коллекционерами и охотниками. Поэтому нет ничего удивительного, что этот роман Рид писал почти год. Это очень длительный срок, довольно необычный для писательской практики Викторианской эпохи. Как правило, в договорах между авторами и издателями в то время указывались более короткие сроки. Вероятно, и Рид мог бы уложиться в меньший промежуток времени, но сочинение романа он делил с политической деятельностью, которая, как мы видели, именно в этот период достигла своего апогея. Видимо, и Боуг с пониманием относился к своему автору и не настаивал, чтобы тот писал быстрее. В результате новый роман, как и предыдущий, вышел из печати накануне Рождества. Он также был однотомным, имел 12 иллюстраций, выполненных У. Харви, и продавался по стандартной цене в 12 шиллингов.

Хотя и на этот раз Боуг организовал необходимую рекламную кампанию: в столичных и провинциальных газетах были опубликованы объявления о выходе в свет «нового романа капитана Майн Рида», появились доброжелательные рецензии, и книга вышла в нужное время, но необходимо признать — ее успех был не таким значительным, как у «Мальчиков-охотников». Поэтому Боугу пришлось ограничиться единственным тиражом — в тысячу экземпляров. Почему «Юные путешественники» были встречены читателями прохладнее, чем «Мальчики-охотники»? Можно сказать, что такова обычная судьба продолжений. Но насколько корректно подобное заявление? История литературы знает и немало обратных примеров. Вспомним хотя бы судьбу некоторых сюжетов Дюма-отца, а из сочинений соотечественников Рида — исторические романы Теккерея. Во всяком случае, у современников Теккерея его «Виргинцы» пользовались куда большей популярностью, нежели предшествовавшая им «История Генри Эсмонда». Можно сослаться и на то, что на британском книжном рынке в 1853–1854 годах появилось сразу несколько новых, вызвавших широкий

резонанс романов, чей успех мог затмить все остальные новинки сезона. В упомянутый период, например, были изданы «Холодный дом» и «Тяжелые времена» Ч. Диккенса (1853 и 1854 годы — соответственно), «Ньюкомы» У. Теккерея, «Виляет» Ш. Бронте, «Кренфорд» Э. Гаскслл, «Звездная палата» У. Эйнсворта, «Мой роман» Э. Бульвер-Лиггона (все — в 1853 году) — и это только «корифеи». А сколько было просто успешных авторов, чьи тексты пользовались спросом, их современники Рида читали, обсуждали, заказывали в платных библиотеках. По подсчетам авторитетного исследователя викторианской беллетристики Д. Сазерленда, в 1853 году вышло более 140 романов. И это без учета переизданий — только изданное впервые. Впрочем, удача — очень капризная дама, а успех романа и вовсе не предсказуем, поскольку не подразумевает качество текста.

Отсутствие успеха у современников, видимо, каким-то образом проецировалось и на дальнейшую судьбу романа — даже в России, где Майн Рида так любят, этот роман переиздается редко. А на самом деле, «Юные путешественники» — хороший, добротный роман. Он лишен многих недостатков, присущих первой части дилогии. Он динамичнее, в нем нет того «столпотворения» персонажей, которое характерно для предыдущих книг писателя — в том числе и для «Мальчиков-охотников». В романе их всего четверо: кроме знакомых, но уже повзрослевших на два года Базиля, Люсьена и Франсуа, есть еще один персонаж — юноша, которого зовут Норман и который вместе с героями совершает путешествие на Север. На этот раз в романе нет взрослых. Но им все равно принадлежит инициирующая роль: старый полковник умер, а его дети должны перебраться к дяде, который живет на севере Канады в одном из поселений британской «Компании Гудзонова залива». Норман — его сын, и он сопровождает путешественников, переживая вместе с ними все приключения. Во втором романе дилогии Рид не только развивает опробованную прежде формулу — он совершенствует ее, отсекая лишние сюжетные линии, связанные со второстепенными персонажами, оставляя только то, что непосредственно связано с предметом и героями повествования. Архитектоника и ритмика романа гармоничнее — «вставные новеллы» и эпизоды, в которых автор рассказывает о жизни и повадках северных животных, особенностях растительного мира и конкретных растений, не нарушают динамику сюжета, а помогают его развитию, способствуют «раскручиванию» интриги. В отличие от широко известного русскоязычному читателю первого романа дилогии о «мальчиках-охотниках» второй большинству мало знаком. Стоит поэтому хотя бы вкратце напомнить его фабулу.

Итак, герои повзрослели. После смерти отца они в сопровождении двоюродного брата, пятнадцатилетнего юноши, отправляются к его отцу (своему дяде). «В молодости, — сообщает рассказчик, — тот жил на Корсике, где и женился на сестре полковника. Впоследствии этот дядя переселился в Канаду и занялся торговлей мехами. Он был теперь главным управляющим, или фактором, в «Компании Гудзонова залива» и жил в одном из самых отдаленных пунктов у берегов Ледовитого океана». Туда они и направляются. На этот раз Рид (вполне оправданно) избегает длительной экспозиции. Его рассказ о топографии места событий лаконичен, он не утомляет читателя. Очень кратко — несколькими абзацами — автор излагает предысторию и начальную фазу путешествия; читатель становится «соучастником» путешествия только тогда, когда герои оказываются на Севере, вне пределов цивилизованного мира. Начало путешествия и есть завязка повествования — героям предстоит преодолеть почти две тысячи миль, их путь лежит в основном по воде, они плывут по реке на пироге. Поначалу ничего особенно драматичного не происходит: эпизоды охоты на пернатую и иную дичь перемежаются рассказами-вставками о жизни и повадках тех обитателей северных просторов, с которыми сталкиваются мальчики, а также с «занимательной» информацией об особенностях растительного мира Севера. Затем их транспортное средство разбивается, припасы и амуниция гибнут, и они вынуждены строить новую лодку, ловить рыбу и охотиться. Это обстоятельство драматизирует ситуацию, обостряет действие: теперь мальчикам нужно не только добраться до отдаленной фактории на берегу Ледовитого океана, им необходимо выжить. Понятно, что всё заканчивается благополучно и они достигают конечной точки маршрута. Но для этого им пришлось преодолеть самые разнообразные — в том числе, по сути, неодолимые — трудности. Юный викторианский читатель, сопереживая героям Рида, не только учился стойкости и мужеству, но получал и разнообразные сведения — о том, как ловить рыбу и какие рыбы водятся в северных реках и озерах, как построить лодку (пирогу) из коры березы (и заодно узнать, как много существует разновидностей этого дерева), как и на какую дичь можно охотиться на Севере (и познакомиться с представителями северной фауны), как изготовить силки и капканы и т. д. и т. п.

Роман получился цельный и органичный, динамичный и насыщенный достоверными деталями. Но, к сожалению, не обрел того признания, которого был по-настоящему достоин. Конечно, неудача романа относительна: его издание не нанесло

финансового ущерба Боугу, и он извлек свой доход. Свой гонорар получил и Майн Рид. Но, по справедливости, и автор, и его издатель (последний — особенно) могли рассчитывать на большее, если бы успех литературного произведения определяли его художественные достоинства.

Два года в Стоукенчёрче

Наступил новый, 1854 год. Для Майн Рида этот год стал важной вехой, но не в литературной жизни — многие вехи на этом пути были еще впереди, а в личной. Весной писатель женился. С его избранницей читатель уже давно знаком — это Элизабет Хайд, не только верная и постоянная спутница его дальнейшего существования, но и автор единственной[46] до настоящего времени книги, повествующей о жизни Рида (опубликованная в 1976 году монография американской исследовательницы Д. Стил — не в счет, так как она посвящена не жизни, а творчеству — точнее, романам — писателя). После внезапной встречи Рида с Элизабет Хайд в Манчестере на митинге в поддержку польских эмигрантов (о которой уже упоминалось) минуло несколько месяцев. Все это время Элизабет и писатель не виделись, но между ними разразился бурный «роман в письмах». Инициатором этого «романа», разумеется, был Майн Рид, но, насколько можно судить по воспоминаниям его жены, она не отвергала эпистолярных ухаживаний и бурных проявлений чувств капитана. Роман этот длился несколько месяцев и, как свидетельствует будущая (на тот момент) миссис Рид, закончился долгожданным для писателя робким признанием девушки: «Мне кажется, я вас люблю». Не откладывая дела в долгий ящик, сразу по получении письма с этой фразой, писатель сел в поезд и поспешил к своей любимой. Встретившись с отцом, который в реальности оказался отнюдь не таким неприступным аристократом, каким Рид изобразил будущего тестя капитана Мейнарда в романе «Же-на-дитя», а, напротив, был человеком демократически мыслящим, к тому же единомышленником писателя по многим вопросам внешней политики, да и вообще приятелем некоторых его знакомых, — он попросил руки его дочери. Однако отец возлюбленной был все-таки не настолько широко мыслящим, чтобы тотчас согласиться отдать свое дитя почти своему ровеснику. К тому же на момент предложения руки и сердца юной мисс Хайд не сравнялось еще и шестнадцати лет. Ее отец вообще был не склонен обсуждать с капитаном эту тему. Но тут уж настойчивость проявила сама юная особа и заявила, что все равно выйдет замуж за капитана, даже если отец не даст

согласия. «Однако, — пишет Элизабет Рид, — мой отец отличался мягким характером, всегда мне доверял и потому, в конце концов, согласился». Правда, будущая жена капитана не сообщила, что согласился он далеко не сразу и только после того, как все сошлись во мнении, что свадьба может состояться, когда невесте исполнится 16 лет.

В романе «Жена-дитя» бракосочетание капитана Мейнарда и его шестнадцатилетней невесты происходило в церкви Святой Марии в Кенсингтоне[47]. В романе Рид довольно подробно описал церковь, ее топографию, внутренний интерьер. Это дает основание предположить, что писатель, по меньшей мере, бывал там и, возможно, не раз. Зная его приверженность к использованию в литературных произведениях собственного опыта (по крайней мере там, где это возможно), можно выдвинуть версию, что именно в этой церкви он и сочетался браком со своей будущей девочкой-женой. Едва ли простым совпадением можно считать то обстоятельство, что в романе (как и в жизни) бракосочетание состоялось осенью. В качестве косвенного подтверждения версии можно считать то, что в романе (как и в жизни) свадьба происходила в узком кругу — почти без свидетелей. Например, даже тетя, которая проживала в Лондоне и в семье которой на положении воспитанницы несколько лет жила Элизабет Хайд, на свадьбе не присутствовала и совершенно ничего о ней не знала. В своей книге супруга писателя обмолвилась: «Тетя чрезвычайно удивилась, услышав новость (о ее свадьбе. — *А. Т.),* поскольку буквально днями ожидала приезда племянницы в Лондон для завершения обучения в школе». Племянница приехала в Лондон, но не для того, чтобы вернуться в школу, а чтобы пойти под венец и из школьницы превратиться в замужнюю даму.

Сразу после бракосочетания молодожены перебрались за город — Майн Рид снял меблированный коттедж в местечке под названием Стоукенчёрч в 50 с небольшим километрах от Лондона. Это было очень по-викториански: обзавестись загородным домом и вывезти свою молодую супругу пожить за городом. Так поступали многие состоятельные горожане. Правда, сельские коттеджи обычно снимали на лето — чтобы отдохнуть от городской суеты и развеяться, а Рид снял дом поздней осенью и собирался прожить в нем, по крайней мере, всю зиму, сочиняя очередной роман и наслаждаясь уединением с молодой женой. Еще он очень хотел поохотиться — вот уже несколько лет кряду он не брал в руки ружье, а для такого заядлого охотника, как Майн Рид, это было поистине мучительно. Вообще этот шаг показателен. Во-первых, очевидно, что Рид был влюблен в свою

юную жену и ни с кем и ни с чем не хотел делить ее общество. Во-вторых, ясно, что уже в 1854 году, опубликовав в общей сложности шесть романов (пять из них — в Англии), он обладал достаточным капиталом, чтобы позволить себе такие большие траты. Аренда дома, — а он снял его сразу на несколько лет, — вне зависимости от условий найма, была дорогим удовольствием. При этом Рид не только не отказался от дома, который уже арендовал в Лондоне, но нанял человека, который бы присматривал за ним в отсутствие хозяина: ведь слуга уезжал вместе с ним. Позднее писатель наймет еще и служанку для жены. Следовательно, Майн Рид уже в середине 1850-х годов превратился в состоятельного человека. И все свои деньги, напомним, он заработал исключительно литературным трудом — других источников дохода у него не было. Обратим внимание еще вот на что: Рид никогда не обладал страстью к экономии и накопительству, но, напротив, был известен как человек, ценивший изысканную кухню и элегантные наряды, а это тоже требовало денег, и немалых. Его частые разъезды по стране для участия в разнообразных митингах и политических собраниях — еще одна статья расходов. Но всё это — будучи профессиональным писателем — он мог себе позволить. Что ж, глядя из сегодняшнего дня на отдаленную от нас эпоху, остается только вздохнуть и позавидовать: хорошо все-таки жилось викторианским писателям — даже не самым известным из них, — своим пером они могли обеспечить себе весьма безбедное существование. И даже с комфортом!

Стоукенчёрч — большая (в тысячу с лишним жителей) деревня. Она расположена в графстве Бакингемшир к северо-востоку от Лондона, неподалеку от знаменитого своим университетом Оксфорда. В середине XIX века она входила в состав одноименного графства (Оксфордшир). Известна эта деревня прежде всего своей церковью, точнее, ее удивительной красоты витражами. Но едва ли писатель и его жена часто ими любовались — из окон их дома вряд ли был виден даже шпиль церкви. Дом, который снимал писатель, находился в отдалении от деревни — примерно в трех километрах. Элизабет Рид, видимо, сохранившая самые живые воспоминания об этом периоде жизни, вспоминала: «Небольшой коттедж располагался в стороне от проезжей дороги на краю общинной земли; с трех сторон он был окружен лесом; железнодорожная станция находилась в пяти милях, а до ближайшей деревни было две мили. Почту не доставляли, и вообще очень немногое напоминало о том, что где-то рядом живут люди, только по дороге изредка проезжала повозка, да раз в неделю проходил

дилижанс».

Молодая жена скучала. Чтобы ей было чем занять себя, Рид приобрел для нее смирную лошадку-пони, на которой Элизабет нередко каталась, а затем подарил и маленькую собачку, с которой супруга очень сдружилась и гуляла у дома. Никаких светских развлечений, конечно, не было. В гости они не ходили, да и не к кому было — никого из соседей они не знали и ни с кем не пытались познакомиться. Тогда Рид писал свой очередной «юношеский» роман и был занят в основном этим. А досуг посвящал главным образом охоте, по которой очень соскучился, и с увлечением охотился на зайцев, куропаток или просто стрелял ворон. Выходя замуж, девушка, вероятно, мечтала совсем о другой жизни. Даже много лет спустя, в книге о муже, нотки неудовлетворенности сельским существованием можно легко различить. Видимо, были и размолвки, и неудовольствие. В главе, посвященной этой странице жизни, Элизабет писала о себе в третьем лице: «После недолгого пребывания в Лондоне молодой новобрачной пришлось переехать в это пустынное место… Жена часто оставалась в доме одна. Однажды она полушутя-полусерьезно заметила, что она вернется в Лондон, если муж так надолго будет оставлять ее одну в этом ужасном месте». В самом деле, «же-на-ребенок» начинала подумывать, что ей было бы лучше пойти в школу, а не выйти замуж. Однажды утром, вскоре после того как муж отправился пострелять, миссис Рид, вместо того, чтобы ехать верхом на пони, как у нее вошло в привычку делать по утрам, в сопровождении своей маленькой собачки пошла погулять по лесу. «Вернувшись примерно через час, она была очень удивлена, увидев своего мужа и слугу, — пригнувшись к земле, те что-то внимательно разглядывали. Они были настолько поглощены своим занятием, что не заметили ее. Минуту или две миссис Рид молча наблюдала за ними. Собака, не вытерпев, бросилась к ним, муж, уловив движение, поднял голову, и, когда увидел жену, на лице его засветилась радость. Он воскликнул: «О, моя дорогая! Я подумал, что ты ушла, и мы пытались разобраться в твоих следах на снегу. Слуги не видели, как ты ушла, а когда я зашел в твою комнату и увидел, что шляпная коробка раскрыта, то решил, что ты исполнила свою угрозу и направилась в Лондон»».

«Однообразную жизнь, — пишет Э. Рид, — изредка нарушали ночные тревоги». Тогда муж в сопровождении жены и слуг, со свечой в руке и вооруженный саблей обходил дом, оглашая ночь громогласными проклятиями. Но тревога неизменно оказывалась ложной. Время от времени они выбирались в деревню. В этих походах, бывало, случались конфузы — жену Майн Рида местные

жители нередко принимали за его дочь. Почему-то среди местных жителей царило убеждение, что жена капитана — больная, прикованная к постели женщина и потому никогда не покидает дома. Однажды, когда миссис Рид в очередной раз направилась в деревенскую булочную, чтобы сделать заказ, старик-пекарь предложил ей отведать печенья. Та посчитала это несколько странным, но не рискуя показаться невежливой, взяла печенье. Пекарь спросил ее:

— Как поживают капитан и миссис Рид?

Миссис Рид весьма удивилась, поскольку думала, что пекарь ее знает, ведь она не раз заходила в булочную вместе с супругом. Она ответила:

— Капитан живет хорошо, а я и есть миссис Рид.

«Лицо старика в этот момент, — пишет она, — было достойно того, чтобы его изобразил художник — он едва не свалился под прилавок от изумления и воскликнул:

— Покорно прошу прощения, мадам! Я думал, что вы юная леди, навещающая чету Ридов во время школьных каникул».

Самого писателя эти конфузы немало забавляли, и он только весело посмеивался, слушая рассказы жены. Но однажды признался ей, что очень гордится, что у него такая молодая жена. Вот только не сказал ей: гордится ли он ее красотой и молодостью или горд собой, потому что сумел взять себе в жены такую — на 20 лет моложе — особу. Думается, что последнее предположение ближе к истине.

Живя в сельской глуши, они тем не менее время от времени выбирались в столицу, иногда по делам капитана, связанным в основном с литературной деятельностью (женившись, Майн Рид явно начал отходить от политической активности и почти перестал посещать собрания и выступать на митингах), но чаще без определенной цели — походить по магазинам и лавкам, нанести один-два визита знакомым. Накануне каждой такой поездки (которые молодая жена капитана всегда ждала с нетерпением и радостью) Рид нанимал в деревне экипаж и возницу. Выезжали, как правило, затемно — часа в три ночи и тогда утром уже были в своем лондонском доме. Но в городе обычно не задерживались больше чем на один-два дня: капитан торопился обратно — то его влекла охота, то не терпелось вновь засесть за очередной роман.

«Есть только одна страна в мире, где деревенская жизнь имеет смысл и где она действительно приятна. Это Англия!» Эти слова можно найти на страницах романа Рида «Жена-дитя», опубликованного в 1868 году. Он знал, о чем писал — к тому времени Рид уже накопил изрядный опыт «сельского жителя»,

начало которому положили годы, проведенные в Оксфордшире.

Майн Рид и его жена прожили в Стоукенчёрче до осени 1856-го — то есть два года. За это время писатель опубликовал пять (!) романов и начал сочинять шестой. Из них три — «юношеских»: «Лесные изгнанники»[48] *(The Forest Exiles: or, The Perios of a Peruvian Family Amid the Wilds of the Amazon),* «В дебрях Южной Африки, или Приключения бура и его семьи»[49] *(The Bush Boys: or, The History and Adventures of a Cape Farmer and His Family in the Wild Karoos of Southern Africa),* «Юные охотники, или Повесть о приключениях в Южной Африке» *(The Young Yagers: or, A Narrative of Hunting Adventures in Southern Africa)* и еще три — «взрослых»: «Охотничий праздник, или Беседы у походного костра» (*The Hunter's Feast: or, Conversations Around the Camp Fire),* «Белый вождь» (*The White Chief: A Legend of Northern Mexico)* и знаменитая «Квартеронка» (*The Quadroon: or, A Lover's Adventures in Louisiana).*

Как мы видим, продуктивность Рида в «оксфордширский» период поразительна — никогда прежде он не работал с такой энергией и не сочинял так много и успешно. Очевидно, что женитьба в творческом (и в «человеческом») плане явно пошла ему на пользу. Свою роль, конечно, сыграла и «изоляция» в сельской глуши. Живя в Стоукенчёрче, он почти не отвлекался на что бы то ни было, не связанное с сочинительством.

Первой книгой, за которую читателям Майн Рида следует быть благодарными Стоукенчёрчу, стал роман «Изгнанники в лесу». Впрочем, там он его только закончил, а писать начал значительно раньше и всю подготовительную работу проделал летом и в начале осени в Лондоне. Работа эта была огромна — впервые Рид взялся за роман, действие которого развивается в местах совершенно ему незнакомых — в горах Перу и в джунглях Амазонии. Ему пришлось прочитать массу книг, изучить коллекции натуралистов, там побывавших, разыскать и встретиться с теми, кто жил в южноамериканских тропиках, послушать их рассказы — чтобы «напитаться» той атмосферой. В какой степени ему это удалось и из каких «рук» он черпал информацию? Если судить по содержанию, то становится совершенно ясно, что источники оказались не слишком достоверными. Точнее, вполне достоверным было то, что он почерпнул из книг и изучения коллекций натуралистов: описания южноамериканских растений, животных, климата, ландшафтов и т. п., но, что касается повадок наиболее примечательных представителей фауны сельвы, — в этом он руководствовался главным образом безусловно живописными, но недостоверными слухами. Чего стоит, например, история о птице-змеелове, которая охотится на гремучих змей, но их укусы ей не страшны,

потому что она ест побеги некой лианы, которую, в свою очередь, используют и люди. Они выжимают сок побегов в собственноручно нанесенные порезы на руках, втирают их и, таким образом, приобретают иммунитет против укуса любых гадов! Или апокриф о летучих мышах-вампирах: по Майн Риду, вампиры эти пьют кровь не только у животных, но и у людей. Или история о ядовитых деревьях: если заснешь под их кроной, — утверждает писатель, — то никогда не проснешься. Но затмевает все рассказ о магнетических свойствах взгляда анаконды. Ее глаза завораживают и притягивают к себе жертву. Если люди еще как-то способны противостоять этому магнетизму, то примитивные предки людей — обезьяны полностью в его власти. Поэтому ручная обезьянка героини романа, хотя и «жалобно скулит», но, «влекомая *неодолимой силой*» (курсив мой. — *А. Т.),* сама (!) прыгает в пасть гигантской анаконды (таким же апокрифом, кстати, являются и сведения о величине этой змеи).

Роман выстроен в соответствии с уже привычным алгоритмом юношеского повествования: это «роман дороги», в котором герои постоянно перемещаются, двигаясь к цели (конечная цель их путешествия, правда, не ясна). Привычно и чередование динамичных (охота, бегство от хищников и врагов, борьба со стихиями) и «статичных» (вставных рассказов о свойствах, особенностях и возможном применении растений — в этом смысле очень колоритно рассуждение автора о свойствах коки, повадках животных и птиц) эпизодов. И в этом романе Рид придерживается формулы — «развлекая, просвещать» юного читателя. Привычен и избранный тип героя: Пабло и его семья — перуанцы благородного происхождения (читай: джентльмены). Традиционен (скорее, правда, для «взрослого» романа писателя) мотив изгнанничества: герои боролись за дело свободы, но, когда революция потерпела поражение, вынуждены были бежать, спасая свою жизнь. Но кое в чем Рид отступил от традиционной формулы. Первое — он перенес действие из современности в последнее десятилетие XVIII столетия; второе — в центре коллизии взрослые (благородный изгнанник Пабло и его слуга — благородный потомок вождя инков), а юные герои (дети Пабло) находятся все-таки на периферии.

Как и почти все «юношеские» повествования писателя, роман «Изгнанники в лесу» так же вышел из печати к Рождеству. Надо сказать, он пользовался большим успехом у юных читателей. Не случайно Ч. Мади для своей библиотеки дважды заказывал дополнительные экземпляры книги, и Боугу пришлось срочно печатать еще один тираж. Конечно, свою роль сыграли, как всегда, великолепные иллюстрации У. Харви (их снова было

двенадцать) и тема — таинственная Амазония. Но нельзя сбрасывать со счетов и то обстоятельство, что у Рида уже появился собственный читатель, который ассоциировал его имя с тем типом романа, который ему нравится.

Первым начатым и завершенным в Стоукенчёрче романом стал «Охотничий праздник». Это был «взрослый» роман. Рид писал его зимой и весной 1854/55 года. Почему писатель после довольно долгого — и весьма успешного — общения с юношеской аудиторией вдруг вновь обратился к взрослым читателям? Трудно ответить на этот вопрос однозначно. Возможно, воспоминания об охотничьей жизни на Дальнем Западе США всколыхнули его жизнь в деревне, регулярная охота на мелкую дичь заставила вспомнить о том, как он охотился на куда более крупных животных в североамериканских прериях. Наверняка вспомнил он и о разговорах бывалых охотников у ночного костра, слушателем и участником которых был в начале 1840-х годов, путешествуя по «Орегонской Тропе» и «Тропе Санта-Фе». Свою роль могло сыграть и авторское самолюбие. Хотя настоящий успех и безбедное существование обеспечили ему именно «юношеские» романы, он, вполне вероятно (не забудем о самолюбивом характере Рида!), не хотел оставаться лишь детским писателем. Тем не менее роман, ориентированный на взрослых, написан все-таки в соответствии с формулой, разработанной Ридом для «ювенильного» романа. Это тот же роман «дороги», в котором группа опытных охотников-любителей в сопровождении двух проводников отправляется поохотиться на просторах Великих Равнин. Их главной целью являются бизоны, и герои двигаются в «страну бизонов», но по пути им попадается и множество иной дичи, на которую они с удовольствием охотятся. После удачной дневной охоты вечером все собираются у костра и рассказывают случаи из своей охотничьей жизни. Таким образом, повествование строится как чередование эпизодов, связанных с основной (сквозной) сюжетной линией, и вставных новелл, в которых герои рассказывают о забавных или трагических случаях, происходивших с ними на охоте не только в Америке, но и в разных частях света.

Интересна издательская судьба романа. Судя по всему, он был написан Ридом по собственной инициативе — вне каких-либо договоренностей с Боугом. Вероятно поэтому, когда писатель принес роман и предложил своему издателю опубликовать его, тот отказался сделать это. Поэтому Рид напечатал его за свой счет, точнее, расходы он разделил с типографом, который взялся его печатать. Отказ Боуга издавать роман под собственной маркой, видимо, не обескуражил автора и тем более не привел к

конфликту между ними. В викторианской Англии подобная практика была обычным делом — особенно для «раскрученных», уже хорошо известных читателю авторов. В случае удачи предприятия автор получал, конечно, больше, чем если бы он сотрудничал с издателем. Весь доход делился на двоих — между писателем и типографом, но и все расходы (как и риски) на издание книги в таком случае также делились поровну. Сам факт подобного издания говорит о многом. Во-первых, очевидно, что уже в середине 1850-х годов Рид как автор чувствовал себя вполне уверенно — во всяком случае, достаточно для того, чтобы самостоятельно выйти на британский книжный рынок. Во-вторых, он смог найти типографа, — следовательно, у него уже сложилась репутация автора, способного приносить прибыль. И, в-третьих, у Рида имелось достаточно средств, чтобы «вложиться» в предприятие. Конечно, все это говорит и об изрядном «авантюризме» автора. С этим трудно спорить, тем более что в дальнейшем, издавая за свой счет собственные романы и журналы, он неоднократно будет демонстрировать как склонность к авантюрам (причем порой — очень рискованным), так и уверенность в своих силах. Коммерческий успех предприятия нам неизвестен. Но можем предположить, что едва ли Риду удалось заработать. И понятно, почему. В отличие от Боуга он и его компаньон едва ли смогли организовать достойную рекламную кампанию. Во всяком случае, нам не удалось обнаружить рецензий на этот роман Рида. Не содержит сведений о них и обширная (и единственная полноценная) библиография англо-американских изданий Рида, подготовленная американским ученым Дж. Стил.

Второй роман — «Белый вождь. Легенда Северной Мексики». Мы уже упоминали о нем, когда рассказывали о путешествии молодого Рида по «Тропе Санта-Фе». Так же, как и предыдущий, этот роман имеет очевидную автобиографическую подоплеку и основан прежде всего на впечатлениях, которые Рид почерпнул, путешествуя по Новой Мексике. В отличие от «Охотничьего праздника» это произведение хорошо известно русскоязычному читателю — его регулярно издают и переиздают в нашей стране на протяжении почти полутора столетий. Поэтому отметим только одну, но, как нам кажется, важную особенность романа — он ориентирован как на взрослую, так и на юношескую аудитории. Кому принадлежала идея такого произведения, сказать трудно, но очевидно, что инициатива исходила не только от самого Рида, а, вероятно, и от Боуга. Иначе как объяснить появление этого романа под его издательской маркой? Хотя этот роман можно трактовать и как ювенильный, он был издан в

традиционном для «взрослого» текста трехтомном исполнении, имел по шесть иллюстраций на каждый том, стоил традиционные полторы гинеи (31 шиллинг) и, уже традиционно, вышел из печати в канун Рождества. Судя по всему, «Белый вождь» был хорошо встречен британской публикой. Во всяком случае, именно об этом свидетельствует восторженная рецензия на роман, помещенная в лондонском «Атенеуме» 5 января 1856 года.

Вполне возможно, что следующий, определенно «юношеский» роман, за которым в русскоязычной издательской традиции закрепилось не совсем корректное название «В дебрях Южной Африки, или Приключения бура и его семьи», Рид писал параллельно с романом «Белый вождь». Об этом говорит время его выхода из печати — март 1856 года. Можно предположить, что уже тогда — в середине 1850-х складывается вскоре ставшая традиционной для писателя практика работы сразу над несколькими книгами разной жанровой модификации, когда он одновременно сочинял для детей и для взрослых и на его «письменном столе» «существовало» сразу несколько рукописей в разной степени завершенности.

«В дебрях Южной Африки» — несомненно, наиболее удачный из всех юношеских романов, до той поры сочиненных Ридом. Интрига развивается динамично, действия и поступки героев мотивированы их характерами и ситуацией. Не кажутся нарочитыми и тормозящими повествование (как это нередко бывало прежде) и вставные — «образовывающие и просвещающие» — эпизоды, в которых автор рассказывает о жизни и повадках животных, особенностях произрастания и полезного применения растений. Впрочем, возможно, что в таком впечатлении «виноват» сам материал — экзотическая Африка. События романа начинаются со знакомства с его главным действующим лицом — капским буром Гендриком ван Блоомом. В первой главе читатель узнает его житейскую историю: хотя в обыденном сознании викторианцев «бур» означает «деревенщина», ван Блоом — «благородного» происхождения (напомним, герой викторианского романа должен быть джентльменом!), он — выходец из Голландии, а в Африке остался, потому что влюбился и женился на дочери местного фермера. Но это — в прошлом. В настоящем — он вдовец, у него три сына: Ганс, Гендрик и Ян и похожая на покойную мать дочь Гертруда, его процветание и богатство осталось в прошлом: он — один из руководителей бурского восстания против англичан — вынужден был покинуть пределы Капской провинции, лишившись своих обширных угодий. Теперь он один из тысяч буров, обреченных на изгнание (опять — изгнанники, несправедливо

обиженные, — постоянный мотив Рида, искренне сочувствующего эмигрантам). Он пытался наладить жизнь в дикой саванне, но перелетная саранча (Рид подробно описывает это природное бедствие и сообщает немало очень интересных и поучительных фактов, в том числе об употреблении саранчи в пищу местными обитателями) уничтожает богатый урожай, семья вынуждена отправиться вглубь Африканского континента. Так начинается их дорога (опять «роман дороги»!), которая, в конце концов, через столкновения с дикими животными (наиболее колоритные из которых, конечно, цари африканских саванн — львы, слоны и носороги) и стихиями, через охоту на разнообразных зверей и обустройство в сердце дикой саванны приводит Гендрика ван Блоома и его семью к процветанию. Процветание это зиждется на слоновой кости, которую в течение нескольких лет добывают ван Блоом и его сыновья. Выгодно продав ее, они становятся богатыми. Интересная особенность — казалось бы, семья ван Блоомов обретает полную гармонию среди дикой природы. Но, по Риду, этого для счастья недостаточно. Развязкой своего романа писатель утверждает — счастливым можно быть только среди людей. При этом счастье подразумевает богатство, здоровье, толерантность, образование для детей, крепкую дружную семью и уважение соседей. Нетрудно заметить — вполне викторианские ценности. Но Майн Рид, при всем своем стихийном демократизме, никогда и не выходил за пределы викторианской шкалы ценностей; даже самые строгие и ортодоксальные ревнители викторианской морали едва ли могли его упрекнуть, что он учит своих молодых читателей тому, чему учить не следует.

Интересно посвящение, предпосланное роману. Оно гласит: «Трем юным моим дорогим друзьям, Францу, Лайошу и Вильме, детям моего друга, друга свободы, добра и правды — Лайоша Кошута, эту книгу посвящает их искренний доброжелатель Майн Рид». Объяснить его происхождение легко: именно в эти годы — в середине 1850-х — «роман» Рида с Ко-шутом переживал свой апогей. Впрочем, повторимся, «В дебрях Южной Африки» — пожалуй, лучшая из ювенильных книг писателя, и такое посвящение, безусловно, было приятно и лестно его «другу» и его семье.

Возможно, оценка этого романа кому-то покажется необъективной. Но, справедливости ради, отметим — автор настоящих строк едва ли способен объективно судить об этой книге, потому что именно с нее в далеких 1960-х для него лично и началось знакомство с Майн Ридом и его героями. В то же время, совершенно очевидно, что продолжение этого романа —

«Юные охотники» — явно слабее первой части трилогии[50]. Тем не менее, если судить по числу переизданий, — только в XIX веке и только на английском языке он переиздавался более двадцати раз и пользовался у читателей не меньшей популярностью, нежели первый роман трилогии. Роман этот также был написан в Стоукенчёрче и опубликован в 1856 году в издательстве Боуга.

Но, конечно, главной книгой «стоукенчёрчского» периода является знаменитая «Квартеронка». Она вышла в свет в августе 1856 года и имела огромный успех — и не только в Британии, но и за океаном, где была издана уже через два месяца после выхода на родине. «Квартеронка, или Приключения влюбленного в Луизиане» — роман для «взрослых». По воспоминаниям вдовы, эту книгу Майн Рид писал долго и к тому моменту, когда мисс Хайд превратилась в миссис Рид, уже сочинял ее. Следовательно, речь может идти о пяти-шести годах, потраченных для работы над романом. Таким образом, в Стоукенчёрче он его только закончил, а начал в первые годы пребывания в Англии. Конечно, большинство из тех, кто любит Рида, читали роман. Да и автор этих строк уже неоднократно обращался к его сюжету, поэтому едва ли стоит напоминать читателю фабулу. Отметим только, что, наряду с не менее знаменитыми «Всадником без головы» и «Оцеолой, вождем семинолов», «Квартеронка» — наиболее известный и популярный роман Майн Рида в нашей стране. Первый раз на русском языке его опубликовали всего лишь через шесть лет после выхода на языке оригинала и с тех пор с неизменной регулярностью переиздают вот уже 150 лет. Кто еще из западных авторов может похвастаться такой судьбой своих книг в России?

Томас Майн Рид, эсквайр

Жизнь профессионального писателя, интенсивно занимающегося литературным трудом, обычно не слишком богата внешними событиями. И понятно, почему. Большая часть его каждодневного существования происходит не «на улице» — в постоянном взаимодействии с людьми, а в тиши кабинета, за письменным столом, в напряженной работе над очередным произведением. Об интенсивности труда Рида говорит то, что за два года, прожитых в Стоукенчёрче, он опубликовал шесть романов, и большинство из них написано здесь. Но это не значит, что жизнь его была совершенно лишена событий. Он постоянно сталкивался с внешним миром — пусть и не так плотно, как большинство его современников. Он общался с женой, ходил на охоту, вел интенсивную переписку, ездил в Лондон. Возможно,

такое существование продолжалось бы и дальше, но чем дольше они жили в доме из красного кирпича на окраине общинной земли среди полей и лесов, тем больше скучала молодая супруга и тем чаще звучали ее жалобы на одиночество. И Рид решил сменить место жительства — перебраться поближе к «цивилизации». Конечно, в этом решении свою роль сыграли не только сетования жены, но и необходимость чаще бывать в столице.

Осенью 1856 года чета Ридов покинула Стоукенчёрч и перебралась в Джеррардз Кросс — местечко в графстве Бакингемшир километрах в тридцати от их прежнего места жительства и в двадцати пяти — от Лондона. Там они сняли коттедж и взяли в долговременную (на 99 лет) аренду участок земли неподалеку — на землю у писателя были свои виды. Риду Джеррардз Кросс понравился. Он заприметил это живописное место во время своих поездок в столицу. В наши дни Джеррардз Кросс непосредственно примыкает к «Большому Лондону» и расположен в так называемом зеленом поясе столицы. Деревня насчитывает около десяти тысяч жителей, и обитают здесь люди весьма небедные, — место считается фешенебельным, и строения там соответствующие. В годы, когда здесь поселились Риды, местность эта была куда менее населена, а большинство домов находилось на приличном расстоянии друг от друга. Коттедж, который снял писатель, стоял уединенно, но железнодорожная станция была неподалеку и нетрудно было добраться до Лондона. В 1856–1857 годах Майн Риду часто приходилось бывать там в связи с литературной деятельностью.

Начиная с романа «Охотники за скальпами» (1851), постоянным издателем произведений Майн Рида был Дэвид Боуг.

Лишь однажды, и то не по своей вине, писатель изменил ему (роман «Охотничий праздник»), И роман «Юные охотники», вышедший на Рождество 1856 года (датирован 1857 годом), Рид издал у него. Но свой самый известный и, смеем утверждать, самый к тому времени удачный (и коммерчески наиболее успешный) роман 1850-х годов — «Квартеронка» — он издал не у Боуга. Хотя последний, будучи весьма искушенным издателем, конечно же сумел бы оценить роман по достоинству. Но Рид выпустил его под издательской маркой «Дж. У. Хайд». Знакомая фамилия, не правда ли? Нет никакой тайны, кто этот «Дж. У. Хайд». Конечно, это тесть писателя — Джордж Хайд, эсквайр, собственной персоной.

Было бы жестокой несправедливостью утверждать, что Майн Рид, беря в жены Элизабет Хайд, имел некие корыстные мотивы. Но факт остается фактом — едва успел закончиться медовый

месяц дочери, как «молодой» зять (кстати, он был совсем ненамного моложе тестя) принялся одолевать отца предложениями создать собственную издательскую фирму. Рид полагал, что если они сделают это, то в перспективе их предприятие ждет блестящее коммерческое будущее. В самом деле, в своих силах Майн Рид был уверен, связи, необходимые в мире печатников и иллюстраторов, у него имелись, — не хватало малого: достаточного количества денег. Во все времена издательский бизнес — дело затратное. Викторианская эпоха не была исключением. Рид не имел средств для открытия собственного дела да и едва ли полагал, что писателю стоит этим заниматься. Но сама идея — не делить доходы с посторонними, которые наживаются на твоем таланте (а в том, что на его таланте наживаются, Майн Рид был всегда уверен), — идея вполне здравая. Поэтому ему и нужен был мистер Джордж Хайд, который мог взять на себя всю рутинную часть проекта — договариваться с печатниками, иллюстраторами, граверами, вести бухгалтерию, заниматься перепиской, рекламой, распространением, книгопродавцами и платными библиотеками, а он, по мере сил, времени и возможностей, конечно, помогал бы ему. Но и у Хайда не было денег (хотя семья была аристократической, богатством Хайды не отличались). Необходимо было взять кредит, и тесть-аристократ мог получить его под невысокий процент. У Рида, который не обладал ни собственностью, ни родословной, не являлся к тому же англичанином, занимался сомнительным делом (в глазах банкиров из Сити писательство, разумеется, было делом весьма сомнительным) и не имел определенного социального статуса, шансов получить такой кредит почти не было.

Видимо, мистер Хайд согласился заняться издательским бизнесом не сразу. Что сыграло роль в принятии им положительного решения? Помимо иных причин (а они, безусловно, были), главными, скорее всего, стали уговоры дочери (мистер Хайд, как мы знаем со слов Элизабет, «был человеком мягким и доверял своей дочери») и, конечно, успех предыдущих книг зятя. Судя по всему, окончательно «сломила» тестя представленная ему Ридом рукопись «Квартеронки». Надо сказать, что мистер Хайд не был великим книгочеем, но, как и любой викторианский джентльмен прогрессивных взглядов (а таковым он себя считал и, судя по всему, был таковым), книги читал, к литературе относился с уважением и полагал себя человеком в словесности искушенным. Рукопись «Квартеронки» стала решающим аргументом, — и в 1856 году новая книгоиздательская фирма появилась на свет.

Так сложилось, что издание «Квартеронки» в августе 1856 года стало единственной акцией «совместного» предприятия. Но по прошествии лет, когда судьба была уже не столь милосердна к Риду, как в эти ранние годы, он, вероятно, неоднократно благодарил Провидение, что выпустил роман под маркой тестя и, по сути, в дальнейшем оставался владельцем прав на издание книги. Роман имел грандиозный успех и принес (и продолжал приносить в дальнейшем) серьезный доход. Но писатель не собирался «почивать на лаврах», — стремясь удержать удачу, он принялся срочно готовить инсценировку романа, и уже на следующий год «Квартеронка» с триумфом (и к немалой выгоде автора) шла на сцене Лондонского городского и нескольких провинциальных театров. Энергично Рид принялся за сочинение и следующего романа. Все эти хлопоты — переговоры с антрепренерами, типографами, художниками и граверами, репетиции в театре, деловое и просто общение с тестем, наконец, светская жизнь — все это требовало более частых поездок в Лондон и сделало переезд поближе к столице неизбежным.

Но, к сожалению, не только из удач сложился первый год в Джеррардз Кросс. Мы упомянули, что «совместное предприятие» Дж. Хайда и Рида выпустило всего лишь один роман. Следующий — «Тропа войны, или Охота на мустанга», который писатель энергично сочинял, — должен был выйти весной 1857 года. Роман Рид закончил к намеченному сроку, но выпуск его под маркой «Дж. У. Хайд» не состоялся. Причиной тому стала внезапная смерть тестя. Достоверные детали этого прискорбного события отсутствуют, но если судить по некрологу, то смерть наступила от болезни, которая протекала быстротечно и, увы, имела летальный исход. Скорее всего, речь идет о воспалении легких — недуге, который в те времена почти не поддавался лечению и очень часто заканчивался смертью больного. И еще одна смерть — такая же внезапная — случилась под Рождество 1856 года. Умер Дэвид Боуг. Он был старше Джорджа Хайда, но тоже довольно молод — ему еще не сравнялось и пятидесяти. Он умер скоропостижно, но чем болел, неизвестно. В своей книге о муже Элизабет Рид лишь вскользь упоминает о смерти отца и ничего не пишет о смерти издателя. Очевидно, эти трагические события не могли не опечалить Рида. С каждым из ушедших его связывали общие планы и перспективы, а с Боугом — и «славное прошлое». Последний вообще очень много сделал для Рида. Во всяком случае, бесспорно, что судьба писателя могла быть совершенно иной, не повстречайся он с Боугом и не начни с ним сотрудничать. Стал бы он сочинять юношеские романы? Превратился ли со временем в классика детской литературы? Да

и вообще, смог бы преуспеть как беллетрист? На эти вопросы едва ли можно дать положительный ответ. С Хайдом Рида связывали не только родственные отношения, но и грядущие издательские проекты, надежды на независимость от аппетитов (и произвола) тех, кто издает книги и владеет авторскими правами (в те времена с передачей рукописи издателю автор обычно утрачивал и права на текст, а соответственно, и права на участие в прибылях). Ведь если бы Рид в дальнейшем издавался у Хайда, то ему, скорее всего, не пришлось в будущем выкупать права на собственные книги у издателей и он, несомненно, был бы гораздо состоятельнее. Тогда в его жизни могли не случиться и те трагические повороты, что случились. А следовательно, он, возможно, и прожил бы дольше, и, вполне может быть, даже писал бы по-другому, обращался к иным темам и сюжетам. Впрочем, эти размышления в сослагательном наклонении могут завести нас довольно далеко. Жизнь любого человека пошла бы иначе, не случись те или иные события, но — они случились, и ничего с этим не поделать.

Едва ли писатель тогда сознавал, что эти прискорбные события круто повернули его судьбу, причем — но об этом можно судить только с дистанции времени — не в лучшую сторону. Да и какие тогда могли быть у него основания опасаться за свое будущее? Он был полон новых творческих планов и уверен, что они осуществятся: книги его опубликуют, а полученное вознаграждение обеспечит достойное существование семьи и его личные прихоти. После безусловного успеха «Квартеронки» и шедшей с аншлагом на столичных подмостках инсценировки романа Рид впервые почувствовал, что богат и может жить на широкую ногу. И жил соответственно. Он любил лошадей и теперь, в Джеррардз Кросс, завел собственную конюшню, где держал лошадей для выезда и для верховой езды. Особенно он любил черную скаковую кобылу английской породы, на которой носился по окрестностям, изумляя местных обитателей. Для прогулок и поездок на более дальние расстояния он для начала обзавелся открытым экипажем и парой крепких норвежских лошадей, а затем прикупил и еще несколько. Вообще, — сообщает миссис Рид, — у мужа одновременно «было несколько экипажей и самые разные лошади». Видимо, доходы позволяли ему не только покупать, но и содержать животных. К давней страсти изысканно одеваться (которой, как мы помним, он «заболел», еще учась в Белфасте) добавилось и коллекционирование. Он не коллекционировал нечто конкретное, однако порой его одолевала настоящая мания к приобретению вещей странных и необычных. Время от времени он наезжал в Лондон с единственной целью —

обойти как можно больше антикварных лавок и посетить все проходившие в городе аукционы по продаже антиквариата. В такие дни он отправлялся вместе со слугой в большом экипаже и возвращался, как сообщает вдова, в приподнятом настроении и с огромным количеством всевозможных предметов непонятного ей предназначения.

Майн Рид, судя по всему, вообще отличался склонностью к экстравагантным поступкам и поведению. Объяснить ее возможно, скорее всего, интуитивным стремлением «выделиться из толпы», показать, что он не такой, как все, — особенный. Можно даже предположить, что многие поступки, совершенные им в жизни, были продиктованы именно этим — подспудным, неосознанным, но стойким желанием. Вспомним его подвиг при Чапультепеке, безумное намерение пленить Сан-та-Анну да и само участие в американо-мексиканской войне; начало литературной деятельности в Питсбурге и Филадельфии, авантюру с легионом и решение стать писателем в Англии. Это же стремление, видимо, тянуло его и к таким фигурам, как Э. Мур, Ф. Геккер, Л. Кошут и др. Его любовные похождения — ухаживание за мексиканскими сеньоритами, намерение взять в жены Гуадалупе Рохас и даже женитьба на Элизабет Хайд — шестнадцатилетней девушке, старше которой он был на 20 лет, — тоже, отчасти, видимо, были продиктованы этим (что, впрочем, совсем не исключало искреннего любовного чувства). Многие другие странные его поступки и поведение — например, то, что он частенько разъезжал (кстати, правил сам) в большой карете ядовито-желтого цвета, в которую запрягал (видимо, для контраста) пару вороных, или носился по окрестностям Джеррардз Кросс на вороной лошади с тигровой шкурой, живописно наброшенной на круп; или появлялся на улицах деревни в костюме из алого бархата и в геккеровской шляпе ему в тон; или гулял по Лондону в ярком пончо и сомбреро на голове, — всё имело, видимо, тот же источник. Как свидетельствует вдова, иной раз это принимало такие причудливые формы, что в нем даже видели клоуна. «В Дерби[51], — пишет миссис Рид, — капитана приняли за королевского шута; несколько человек даже поздоровались с ним: «Здравствуйте, мистер Уоллет». Вообще (когда они с женой ехали в своей желтой карете. — *А. Т.)* их часто принимали за бродячий цирк и у слуги нередко спрашивали, где состоится представление; тот, включаясь в розыгрыш, обычно отвечал: «В следующем городе»». Миссис Рид вспоминала, как однажды утром они таким образом (все в той же желтой карете. — *А. Т.)* ехали в Лондон и очутились в хвосте бродячего цирка. Когда они поравнялись с заставой для

сбора оплаты за проезд у Аксбриджа, сборщик спросил, обратившись к Майн Риду: «Вы заплатите за всех? Вы — мистер Кук, не правда ли (так звали владельца цирка)? Тот, что ехал перед вами, сказал, что за всех заплатит последний». «С большим трудом, — пишет Элизабет, — удалось убедить сборщика оплаты, что писатель никак не связан с цирком». И это понятно — ведь экипаж и сам седок были наиболее причудливыми персонажами всей кавалькады.

Конечно, далеко не все поступки и начинания Майн Рида были «экстравагантны» — многие из них не лишены здравого смысла и даже некоторой практической сметки. Так, видя, что Джеррардз Кросс постепенно становится популярным местом жительства состоятельных лондонцев и активно заселяется (в 1859 году местечко получает статус деревни, соединив в своих границах пять окрестных деревушек), Рид покупает несколько участков земли неподалеку от собственного коттеджа и еще несколько берет в долгосрочную — на 99 лет — аренду. На одном из них он начинает добывать глину и изготовлять из нее кирпич (рядом с карьером было организовано производство с печью для обжига), а затем берется и за скотоводство — разводит овец особой норфолкской породы, шерсть которых тогда весьма высоко ценилась. Другое начинание Рида — учреждение омнибусной линии: он планировал открыть сообщение между железнодорожной станцией и окрестными деревнями. К счастью, это намерение не осуществилось — кроме убытков и хлопот оно ничего иного не сулило. К сожалению (позднее поясним, почему), Рид осуществил другое свое намерение — он решил построить собственный дом по своему проекту. Дом этот не сохранился, но, по воспоминаниям современников, представлял собой необычное строение. Рид в качестве образца для него избрал латиноамериканскую гасиенду. Преданный поклонник писателя, его секретарь и многолетний друг Чарлз Олливант, неоднократно бывавший и живший у Рида, оставил описание этого примечательного «ранчо»:

«Дом располагался примерно в четверти мили от проезжей дороги; на въезде были возведены две небольшие башенки-сторожки, каждую из которых венчал купол с золоченым орлом наверху. Они были сложены из кирпича, как и сам дом, и оштукатурены портландцементом… Столбы для ворот тоже выполнены из кирпича, сами ворота были из дерева, покрашены светло-зеленой краской, что контрастировало со светло-серым цветом сторожек. Широкая подъездная дорога вела прямо к дому; с обеих сторон ее окаймляли зеленый газон и кустарники.

Не доходя примерно пятидесяти ярдов до дома, дорога

раздваивалась, расходясь вправо и влево, и, формируя правильный круг с прудом в центре, затем соединялась вновь у входа в дом, создавая таким образом прекрасный подъезд для экипажей. Точно таким же манером дорога затем вновь раздваивалась, огибая кругом дом, и вела к конюшням, образуя восьмерку, внутри петель которой находились дом и пруд.

Такая планировка была разработана самим Майн Ридом, пытливый ум которого всегда находил оригинальные решения. Она давала возможность экипажу подъехать к дому и вернуться обратно без сложных маневров разворота и так же легко подъехать к конюшне позади него.

Сам дом, хорошо видимый на удалении, представлял необычайно живописное зрелище — совершенно не похожее на то, что можно видеть в Англии. Как и башенки-сторожки, он был светло-серого цвета, оштукатурен и представлял собой двухэтажный квадрат. Крыша была плоской и по всем сторонам окружена бетонной балюстрадой — последняя изготовлена по чертежам самого Майн Рида. В центре крыши располагался небольшой купол, в нем была дверца, через которую можно было войти и спуститься внутрь дома по винтовой лестнице. Слева и справа от купола были продолговатые башенки, но и у них поверху шли балюстрады меньшего размера, но точно такие же, как по кругу крыши. По сути, эти строения являли собой дом в миниатюре.

Было заметно отсутствие уродливых наростов — каминных труб. Когда дом еще строился, рассказывал мне Майн Рид, соседи шутили, что он сам, видимо, собирается поглощать дым собственных печей. Загадка разрешилась лишь по завершении строительства: по дыму, поднимающемуся над ними, стало понятно, для чего нужны были эти надстройки — они и служили каминными трубами».

Рассказал Олливант и о внутренних помещениях:

> «Входя, оказываешься в просторном холле, в центре которого лестница, а по бокам от нее два коридора, что вели во внутренние помещения. С каждой стороны располагалось по четыре комнаты; на плоскую крышу, также огражденную балюстрадой, можно было выйти из спален второго этажа; в хорошую погоду здесь было прекрасное место для отдыха. Одну из этих спален я занимал, когда был в его доме. Соседняя комната служила писателю кабинетом, а когда позволяла погода, он выносил стол и стул наружу, на крышу, и занимался литературной работой на свежем воздухе».

Когда Олливант гостил у Рида, отделка дома еще продолжалась. В связи с этим писатель большую часть времени проводил на открытом воздухе, «присматривая за рабочими, которые вносили заключительные штрихи» в сооружение необычного строения. Кроме собственного дома, которым Майн Рид очень гордился, его рабочие возводили десять «образцовых» коттеджей в деревне неподалеку, на земле, которую он приобрел. Они также были построены по чертежам писателя и представляли собой упрощенную копию его гасиенды — из красного кирпича, с плоской крышей, башенками и балюстрадой поверху. Рид собирался их продать или сдавать в аренду. Возводя эти дома, он был абсолютно уверен, что на них найдутся покупатели и арендаторы. Он ошибался, и это заблуждение обошлось ему очень дорого. Но об этом рассказ еще впереди.

Описание гасиенды Рида (так — на испанский манер — он называл свой дом сам, а на людях предпочитал пользоваться более понятным для соотечественников словом «ранчо») относится ко второй половине 1860-х годов, когда строительство в основном было уже закончено, а на писателя неумолимо надвигалась мрачная тень банкротства. Ну а пока все было хорошо и ничто не предвещало грядущих потрясений. Рид завершал «взрослый» роман «Тропа войны», который первоначально предназначал для издательской фирмы своего тестя, и параллельно сочинял «юношеский» роман несколько иного свойства, нежели прежде, — его параметры еще осенью были обговорены с Д. Боугом. В апреле 1857 года писатель поставил последнюю точку во «взрослом романе» и представил его издателю для публикации. Без особого труда ему удалось на весьма выгодных условиях «пристроить» и роман для подростков, который еще находился в работе, но был близок к завершению. Каждый из издателей заплатил ему солидный аванс (с «легкой руки» Боуга Рид уже давно переместился в категорию писателей, которым принято платить авансы). Покончив, таким образом, с самыми важными для него делами (а что, в самом деле, может быть важнее для писателя, чем судьба его произведений?), он решил предпринять большое путешествие — на родину, в Северную Ирландию.

Элизабет Рид вспоминала: «Весной 1857 года Майн Рид, который все предыдущее время работал очень напряженно, предложил устроить отдых, но сделать это по-новому. В мае мы, в сопровождении служанки, слуги и собаки-далматинца, в открытом экипаже, запряженном парой крепких норвежских лошадей, отправились в Ирландию». Все путешествие Рид планировал проделать в этом экипаже, не прибегая к услугам

железной дороги. Не собирался он останавливаться и в гостиницах, а решил ночевать под открытым небом. Поэтому с собой взяли большой багаж, много одежды и кухонные принадлежности. «Еду готовили на открытом воздухе, — вспоминала вдова о приключении, — а две ночи провели прямо у дороги». Судя по воспоминаниям жены, «романтизм» мужа совершенно не вызывал у нее восторга, и ночлегу под звездами она явно предпочитала мягкую перину на кровати гостиницы. Но перечить, видимо, не стала. Шесть дней они добирались до Ливерпуля, а оттуда, пароходом, погрузив все свое немалое хозяйство (включая экипаж и лошадей), отплыли в Ирландию. Обычно писатель приплывал в Уорренпойнт — ближайший к Баллирони морской порт. Но на этот раз он приплыл в Дандалк — порт на территории современной Республики Ирландия. Этот выбор объясняется достаточно просто — в Уорренпойнт не ходили большие суда, во всяком случае, те, что согласились бы взять на борт таких пассажиров. Путешествие от Дандалка в три с лишним раза удлиняло обычный маршрут от Уорренпойнта до Баллирони. Но что за малость! Рид ехал домой победителем, и что в этом триумфальном шествии могли значить лишние три десятка миль! Конечно, формально он поехал в Ирландию, чтобы поддержать матушку, которая недавно лишилась мужа — отца писателя, и представить ей свою молодую жену. Но в глубине души он, конечно, ликовал: он был богат, независим, женат на аристократке (в викторианской Британии этим можно было гордиться!) и даже мог себе позволить совершить такое длительное путешествие в собственном экипаже, со слугами, и даже прихватить собаку! А мать его так хотела, чтобы он стал священником и жил на 100 фунтов в год. Да он сегодня за один роман получает в два с лишним раза больше, — и это не считая переизданий, инсценировок, доходов от собственной земли! Вот теперь она убедится, что зря опасалась за судьбу сына — он достиг того, о чем она даже и мечтать не могла! Похоже, молодая жена писателя была не в восторге от путешествия (она пишет о нем очень коротко — одним абзацем), но для Рида, понятно, это был действительно триумф.

В Баллирони чета Ридов пробыла до августа. Они не сидели на месте, но много путешествовали по окрестностям. Муж стремился показать жене красоту своего родного края. Они посетили могилу легендарного святого Патрика, навещали родственников, изучали Мурнские горы, побывали в Белфасте и, возможно, в Королевском институте, в стенах которого писатель некогда получал высшее образование. Едва ли со многими, кого он знал в молодые годы, удалось увидеться, — большинство из

тех, с кем он учился, так же, как и он, уехали в США, да там и остались. Но одна встреча не могла не порадовать каждого из ее участников: среди прочих поездок, Рид побывал и в недальнем от Баллирони городке Кэйтсбридж, где учился в школе. Здесь он встретился с преподобным Дэвидом Макки — своим любимым учителем. Тот находился в здравии, был полон энергии и искренне рад за своего питомца. Об отношении писателя к учителю (мы уже упоминали об этом) говорит тот факт, что книгу, которую Майн Рид тогда писал («Охотники за растениями»), он посвятил своему старому педагогу и позднее выслал ему в подарок.

Путешествие, конечно, внесло разнообразие в жизнь писателя. Был он рад и встрече с матушкой, — судя по переписке и воспоминаниям жены, временами он относился к ней с теплой иронией, но глубоко и искренне любил. Она постарела, но держалась молодцом, выглядела очень деятельной и энергичной. К сожалению, это была последняя их встреча — позже они регулярно обменивались письмами, но больше уже никогда не увиделись.

* * *

В августе Риды вернулись в Джеррардз Кросс. Здесь писателя ждало много дел: он собирался (тогда, в 1857 году, еще только «собирался») начать строительство дома в мексиканском стиле по собственным чертежам, должен был закончить «юношеский» роман («Охотники за растениями») и начать новый. Морское путешествие дало мощный толчок творческому воображению Рида и стимулировало его обращение к морской теме. В ближайшие два года писатель выпустит два — и весьма удачных — романа о море: «На море» (1858) и «Морской волчонок» (1859). Но в том году он напечатал еще один роман, мимо которого невозможно пройти.

К Рождеству 1857 года из печати вышел хорошо известный нашим соотечественникам роман «Охотники за растениями» (в свое время он, как, вероятно, помнит читатель, издавался в составе «оранжевого» шеститомника Майн Рида, а затем многократно переиздавался). В оригинале роман назывался «The Plant Hunters: or, Adventures Among the Himalaya Mountains», то есть «Охотники за растениями, или Приключения в горах Гималаев». Казалось бы, очередной «юношеский» роман писателя — что в нем может быть особенного, нового? Но на самом деле роман этот был по-настоящему новаторским, и, сочиняя его, а

затем вынося на суд публики, Рид отправлял своих юных читателей в неизведанный, но казавшийся юным британцам близким (или, во всяком случае, доступным) мир — в Индию. Но Индия, которая представлялась знакомой, — волшебная страна слонов, магараджей и их дворцов, дервишей, факиров, сикхов и т. п., страна, о которой можно было прочитать в мемуарах и записках офицеров и чиновников Ост-Индийской компании, — не она интересовала писателя, и не туда он вел своего молодого читателя. Он отправлял его в совершенно дикие, неизведанные места, куда почти не ступала нога белого человека — в предгорья Гималаев, в таинственные Бутан и Сикким.

И на этот раз Рид не изменил своим излюбленным героям — в путешествие опять отправляются изгнанники, точнее, один — главный среди «охотников за растениями» — изгнанник. Его зовут Карл Линден. Он из тех, кто «делал» революцию в Бадене и Баварии в 1848 году (следовательно, по Риду, человек безусловно благородный). Линден — ученый-ботаник, вместе с братом он, по заданию одного из британских питомников, отправляется на поиски редких растений в предгорья Гималаев. «Обычная» компания на этот раз разнообразится аборигеном — охотником-индусом по имени Оссару, великим мастером по части поимки и убийства зверей. Начав свой путь в тропической части Ассама[52], герои продвигаются (опять традиционный для писателя «роман дороги») на север в горные районы, попутно наблюдая за жизнью диковинных животных и охотясь на них. Впрочем, Рид, как всегда, не забывает показать, что путешествие его героев — опасное предприятие, потому что не только ты, но и на тебя охотятся. Забавным (и познавательным) может показаться эпизод, когда путешественники становятся добычей сухопутных пиявок, но отнюдь не кажется таковой история с тигром, ворующим трофеи, и охотой на него. Наиболее впечатляют, конечно, эпизоды охоты на тигров и особенно схватка с тигром-людоедом, которую устраивает индус-охотник. Охотятся путешественники и на других животных, и охота на обитателей тропиков, по мере того как они забираются выше в горы, сменяется охотой на медведей разных видов, оленей — замбаров, «хрюкающих быков» — яков, горных баранов — таров и т. д. Очевидно, в отличие от ранних американских романов, Риду интересна охота не сама по себе — во всяком случае, не только как эпизод, развивающий приключенческую составляющую сюжета, но и как способ донести «полезное знание» до своих юных читателей.

Несмотря на то, что герои отправляются на поиски редких растений, собственно о растениях автор говорит совсем мало. Во всяком случае, не больше, чем в других романах, где действие

разворачивается в Амазонии, на американском Западе или канадском Севере. Другое дело, что материал экзотичнее — вставные «новеллы» о баньяне, бамбуке и пальме-пальмире, о свойствах *индийской конопли* (!), о приготовлении бетеля и использовании его местными жителями, конечно, способны поразить воображение английского подростка сильнее, чем, например, рассказ о канадской березе. Очевидно, для писателя «охота за растениями» — всего лишь повод отправиться в очередное опасное экзотическое путешествие и увлечь с собой юного читателя.

Впрочем, куда интереснее задаться вопросом: почему это вдруг Рид обратился к теме экзотических растений? Что его подвигло к этому? Ведь, скажем, «охотники на тигров» — звучит явно куда «романтичнее», нежели «охотники за растениями». А для Рида тема, заглавие, место действия романа очень важны. От них в изрядной степени зависел успех произведения, следовательно, — не будем забывать о «грешном металле» — и его собственный доход. И вообще, что заставляет писателя обращаться к той или иной теме? Что им движет? Вопрос, как говорится, интересный. Ведь действительно иной писатель вынашивает замысел годами — сомневается, мучается. Но бывает и наоборот — тему определяет случай, простое стечение обстоятельств. Смеем утверждать, у Майн Рида, который, как известно, написал около шестидесяти книг (из них большинство — романы), чаще всего преобладал именно случай. После успеха первых своих романов писатель перебрался жить за город, обзавелся собственной землей, взялся обихаживать усадьбу; как и многие его соотечественники, увлекся выращиванием всевозможных ботанических редкостей на своем участке — цветов, кустарников, трав и деревьев. Понятно, что в поиске саженцев и семян для своего сада он не мог миновать питомников, специализирующихся на потакании этой национальной британской страсти[53]. А отсюда «рукой подать» и до сюжета. А сколько в таком сюжете возможностей для внедрения в сознание юных британцев пресловутого «полезного знания»? И вот вам — история об «охотниках за растениями». Как тут не согласиться с Анной Андреевной Ахматовой и с ее знаменитым: «О, если б знали, из какого сора / Растут стихи, не ведая стыда…»? Из «такого сора», оказывается, «растут» не только стихи, но и проза. И как тут не связать между собой весенне-летнее путешествие Рида через Ирландское море из Ливерпуля в Дандалк и обратно с «внезапным» появлением в творчестве морской темы, в частности, с тем обстоятельством, что практически немедленно по возвращении из Ирландии он засел

за роман «На море»?

Впрочем, вернемся ненадолго к «Охотникам за растениями». Очевидно, что, в отличие от предыдущих произведений, этот роман изначально задумывался и воплощался как «сериальный» — то есть предполагающий продолжение. И в этом тоже его особенность и новаторство: на сей раз писатель лишил повествование обязательной счастливой развязки — спас героев, но оставил их в безвыходной ситуации — свою горную тюрьму они покинуть не могут. Хотя сюжет этого романа (как и любого майн-ридовского повествования) полон разнообразными «роялями в кустах» — внезапными и почти чудесными избавлениями героев от опасности (чаще всего — опасности смертельной), — на этот раз самого большого «рояля» — главного, финального чуда, знаменующего счастливое завершение истории, — нет. Очевидно, Рид предполагал (и приберегал) счастливый финал для своих героев в следующем романе. И здесь тоже есть своя интрига. «Охотники за растениями» писатель сочинял для публикации у Боуга. Вероятно, и вторую часть собирался написать для него. Но Боуг умер. Роман вышел в издательской фирме «средней руки» «Уорд и Локк». А те, видимо, не были заинтересованы в продолжении истории. Так и случилось, что писатель опубликовал продолжение — «Ползуны по скалам» — только в 1864 году. В этом романе чудесное спасение приходит и «охотники за растениями», наконец, возвращаются в лоно цивилизации. Но читателям Рида пришлось ждать этого возвращения долгих шесть лет.

«Не ходите, дети, в Африку гулять!»

Вернемся, однако, в Джеррардз Кросс августа 1857 года. После поездки в Ирландию Рид немедленно приступил к сочинению нового романа — и это был роман о морских приключениях. До той поры писатель никогда не обращался к морской теме. Причина вполне понятна: Рид был «сухопутным» человеком, опыт морской жизни был у него совсем невелик и, похоже, он вообще не слишком любил море и не очень понимал тех своих соотечественников, кто предпочитал морские просторы земной тверди, а соленый морской бриз — ароматам лесов и полей. Чего стоит, например, такая фраза из романа: «Путешествие по морю вообще однообразно, крайне однообразна и жизнь моряка»? Но вот вдруг он решил сочинить морскую историю. Что его подвигло так круто изменить привычный «литературный курс»? Непосредственным толчком стало упомянутое морское путешествие. Но «озарение» это, конечно, опиралось на интуицию писателя: Рид ощущал, что книга о приключениях на море будет с интересом воспринята юным читателем. Можно сказать, он выполнял и определенный «социальный заказ»: ведь британцы — нация мореплавателей, и все, что связано с морской стихией, близко и понятно многим его соотечественникам. Еще совсем недавно — в 1830–1840-е годы — они зачитывались историями капитана Марриета[54], но с тех пор прошли годы, а после смерти писателя-моряка никто морских романов не писал, хотя лучшие из них (кстати, как и морские романы американца Дж. Ф. Купера) продолжали переиздаваться и их охотно читали.

Роман «Сбежавший в море» был написан в рекордные сроки и к Рождеству уже опубликован. Его полное название: «Сбежавший в море: Автобиография для мальчиков» *(Ran Away to Sea: An Autobiography for Boys)*. Конечно, ничего автобиографического в этой книге нет. Все события в романе вымышлены, но на второй части заглавия настояли издатели, полагавшие (видимо, ориентируясь на опыт Марриета и Купера), что она придаст книге большее правдоподобие. Как всегда, сочиняя роман, Рид немало времени провел в библиотеке за чтением книг, он изучал морскую фауну — морских животных, рыб и птиц, карты течений, записки мореплавателей. Без сомнения, консультировался он и по оснастке судов — едва ли писатель представлял, где расположена та самая бом-брам-стеньга, на которую с риском для жизни взбирался и с которой упал в море его герой. Впрочем, обширных сведений в этих областях не понадобилось, сумел он обойтись и

без особенных знаний в морской терминологии (изрядная «оснащенность» ею отличает, например, повествования моряков Марриета, Купера, Конрада и неморяка Стивенсона), но тем не менее написал увлекательный приключенческий роман. Что весьма хорошо получалось у Майн Рида и до «морского» романа — на вполне сухопутном материале.

Но можно ли назвать этот роман «морским»? Поскольку главный герой — подросток, отправившийся юнгой в дальнее морское плавание на корабле, — безусловно. Но собственно «морской истории» принадлежит лишь часть — около одной пятой — всего повествования. Более того, происходящее с юнгой на корабле трудно назвать приключениями — скорее, это злоключения, потому что ничего «увлекательного» — того, *что хотелось бы* пережить молодому человеку, с ним не происходит. Впрочем, судите сами. Шестнадцатилетний юноша по имени Вильям, который с детства (как, видимо, многие английские мальчишки) «бредил морем», убегает из дома и поступает на корабль под названием «Пандора». Судно выходит в море, и на подростка обрушивается приступ жесточайшей морской болезни. Но если к качке Вильям быстро адаптируется (ведь он — английский мальчик!), то открытие, что он находится на борту корабля работорговцев, повергает его в ужас. Не только потому, что занятие это бесчеловечно и незаконно, но и потому, что экипаж судна — отъявленные негодяи. Особенно бесчеловечны капитан, боцман и матрос-американец по имени Бигмэн[55], жестоко издевающиеся над подростком.

Но есть у него и защитник — матрос Бен Брас[56], который становится единственным другом Вильяма. Издевательства над юнгой и его страдания во время перехода «Пандоры» из Англии к берегам Гвинеи и составляют коллизию начальной части повествования. Корабль прибывает в Африку, входит в устье реки и становится на якорь возле деревушки, которая является «штаб-квартирой» местного царька Динго-Бинго. Начинается «сухопутная часть» повествования — наиболее насыщенная приключениями. Пока капитан и его приспешники занимаются покупкой рабов, юнга и Бен Брас сходят на берег и отправляются на охоту. Описывая приключения друзей, писатель окунается в привычную атмосферу «охотничьего праздника» с типичными для него эпизодами охоты на разнообразную дичь, центральным из которых является схватка с царем зверей львом. Попутно автор рассказывает и о повадках других африканских животных, о свойствах растений, особое внимание уделяя экзотическому баобабу. Не нужно обладать особой прозорливостью, чтобы понять, что и на этот раз, сочиняя свою историю, Рид хорошенько

поработал с доступными ему книжными источниками, сведения из которых, в силу их вторичности, не отличались правдивостью — отсюда и неизбежные (и традиционные для Рида) «ляпы»: например, явно апокрифическая информация о местных погребальных обрядах или описание поведения мстительных бабуинов-мандрилов, сознательно осаждающих (!) охотников. Будем, однако, снисходительны к автору и согласимся, что без этих, пусть и не очень достоверных, сведений едва ли ему удалось бы выстроить захватывающую коллизию.

С возвращением на корабль приключения Вильяма, однако, не заканчиваются — негодяй-капитан за шесть взрослых негров-рабов продает юнгу Динго-Бинго. Интересно заметить, что Рид, при всем сочувствии американским рабам, не испытывает никакой любви к африканским неграм. Как и многие в викторианской Англии, он полагал, что в работорговле (кстати, запрещенной в Британской империи специальным актом парламента в 1833 году) во многом виноваты сами африканцы, торгующие собственными соплеменниками. Поэтому среди отрицательных персонажей романа не только капитан «Пандоры» и его подручные, но и отвратительный Динго-Бинго, его приближенные, негр-кок Снежок да и сами коренные обитатели Африки, совершающие странные ритуалы и продающие друг друга за спиртное, оружие и бижутерию.

Вильям с помощью Бена Браса убегает от своего хозяина и вновь оказывается на «Пандоре», когда та, груженная живым товаром, снимается с якоря. На этом сухопутная часть романа заканчивается, и герои вновь устремляются в море. Но далеко им уплыть не удалось: Снежок, добывая спиртное, случайно поджигает корабль, и тот взрывается. Капитан и несколько наиболее приближенных к нему членов команды, бросая своих товарищей, бегут на шлюпке, экипаж сооружает большой плот и плывет на нем, Бен Брас и Вильям строят свой — маленький (они задержались, освобождая из трюма негров-рабов) и догоняют большой. Однако негодяи работорговцы, испытывая голод, решают съесть юнгу. Бен Брас и Вильям бегут от людоедов на своем плотике. Бегство — счастливое избавление от ужасного соседства — венчает повествование. Вот финальные фразы романа: «Я мог бы рассказать вам еще много об опасностях, пережитых нами до того благословенного часа, когда мы увидели белые паруса прекрасного судна, которое взяло нас к себе на борт и доставило в Англию. Но, — пишет Рид, — я не хочу утомлять вас этими подробностями. Достаточно сказать, что мы спаслись; не случись этого, разве мог бы я рассказать вам всю эту историю? Мы живы до сих пор, Бен Брас и я. Мы остались моряками и

плаваем по морям, но не под командой такого чудовища, каким был продавец невольников. Мы оба теперь капитаны. Я служу на судне, принадлежащем Ост-Индской компании, а друг мой на коммерческом судне, таком же красивом, каким была «Пандора», — он один из совладельцев этого судна. Бен Брас ведет честную и законную торговлю на берегах Африки. Груз его состоит не из негров, а из слоновой кости, золотого песка, пальмового масла, страусовых перьев. Как я понял, дела его идут хорошо, и всякий раз, когда он возвращается, то вносит на свой депозит значительную сумму в Банке Англии. Я радуюсь его процветанию, да и ты, читатель, без всякого сомнения, испытываешь те же чувства». Вполне викторианский финал — разбогатеть, но без пятен на репутации.

В отличие от многих своих викторианских современников Рид избегал назидательности, что называется, «напрямую», но совсем избежать ее, понятно, не мог. Так и в этом романе: единственное, от чего прямо предостерегает своих читателей-мальчишек автор, — бегство из отчего дома в поисках приключений на море. И звучит это у него почти по Чуковскому: «Не ходите, дети, в Африку гулять!» Нет там ничего хорошего, а в море нет никакой романтики. Можно предположить, что и «Убежавший в море» был написан как отклик на какое-то (или какие-то) вполне реальное событие, взбудоражившее тогда британское общество (и лично писателя). Но это, замечу, предположение, хотя, возможно, и не беспочвенное.

Хотя роман можно лишь условно назвать «морским», уже сам факт обращения Рида к морской теме означал многое и, прежде всего, то, что его дарование было явно на подъеме. Майн Рид развивался — и развивался довольно энергично. Уже в следующем, 1859 году он опубликует еще один морской роман — знаменитый «Морской волчонок», а потом, в 1864 году, историю о том, что случилось с Беном Брасом и Вильямом после их бегства от людоедов, — «Затерянные в океане». И это будет уже настоящий «морской» роман. Много лет спустя, уже на излете своей писательской карьеры, Рид вновь, после долгого перерыва, вернется к морской теме и создаст еще два романа — историю о путешествии в южных морях — «Сигнал бедствия» и роман о китобоях «Охота на левиафана». Но все это случится позднее, а тогда, в конце 1858 года, после публикации «Убежавшего в море», Рид уверенно шел к апогею своей литературной славы. Трудно определить начало ее расцвета. Но очевидно, что уже следующий, 1859 год стал очень важной вехой в этом восхождении.

На подъеме: романы 1859 года

«Linda Florida! Прекрасная страна цветов! Так приветствовал тебя смелый испанец, искатель приключений, впервые увидевший твои берега с носа своей каравеллы». Этими словами начинается роман Майн Рида «Оцеола», вышедший в трех томах *in octavo* в январе 1859 года под маркой одного из ведущих издательств викторианской Англии «Хёрст и Блакетт».

Надо сказать, что выход книги в солидном трехтомном исполнении не был первым знакомством британского читателя с романом. Начиная с первого январского номера, еженедельно (в течение двадцати шести недель) «Оцеолу» сериями — по несколько глав — печатал «Журнал Чемберса» — один из ведущих литературных журналов викторианской Англии[57]. Предыстория этой публикации такова. Майн Рид начал писать роман осенью 1857 года и тогда же предложил еще незавершенное произведение «Журналу Чемберса». Несмотря на то, что роман являлся еще незаконченным (можно предположить, что об этом обстоятельстве в редакции было неизвестно), журнал принял его к печати, а Рид, отложив в сторону воплощение иных задумок и проектов, принялся в великой спешке дописывать «Оцеолу». Под знаком этой спешки и прошли первые месяцы 1858 года — журнал требовал продолжения, а Рид, отговариваясь необходимостью внесения правки и дополнений, лихорадочно сочинял главу за главой. Как бы там ни было, в последнем июньском выпуске еженедельника были опубликованы последние главы романа. Тогда же к писателю обратились из «Хёрст и Блакетт» с предложением издать «Оцеолу» отдельной книгой. Условия договора на издание трехтомника были выгодны писателю — Рид, если и не числился в неписаном реестре «перворазрядных» авторов, считался литератором высокооплачиваемым. Правда, подготовка романа к отдельному изданию потребовала от Рида определенной работы — он дописал несколько глав, поправил текст. В январе 1859 года роман вышел из печати.

Уже с первых откликов стало понятно, что это успех, и успех очень значительный — во всяком случае, такого признания не удостаивался ни один из прежних романов, включая «Квартеронку». А ведь Рид, создавая эту книгу, двинулся по пути, прежде ему незнакомому, — на этот раз он сочинил исторический роман. Его действие начинается примерно в 1830 году на крайнем юге США, в «цветущей» Флориде. Майн Рид не отступил от викторианской традиции предварять повествование вступлением — своеобразным введением в действие, призванным погрузить читателя в атмосферу тех мест, где будут развиваться события. Но на этот раз он сделал его кратким. Стремительной

была и завязка. Интрига «закручивается», едва читатель успевает познакомиться с главным героем книги — Джорджем Рэндольфом, юношей из плантаторской семьи. Тот становится свидетелем готовящегося преступления: один из рабов по прозвищу «Желтый Джек» собирается убить сестру героя Виргинию и ее служанку, заманив в пруд, где те обычно купаются, аллигатора. Рэндольф бросается на помощь сестре, но спасает ее не он, а сын владелицы соседней плантации Пауэлл. Молодые люди стали друзьями, а Рэндольф влюбился в сестру Пауэлла — черноволосую красавицу Маюми. Подружилась с братом и сестрой и Виргиния. Но против их дружбы — старшие Рэндольфы. Дело в том, что хотя соседи и были плантаторами, но в их жилах текла наполовину индейская кровь — их мать была индианкой. Юного Рэндольфа отправляют учиться в военную академию Уэст-Пойнт, Виргинию — в женский колледж. Минуло пять лет. Виргиния и ее брат, ставший лейтенантом Армии США, возвращаются на родину. Но Пауэллы уже не владеют своей плантацией — ее обманом захватил сосед, негодяй Аренс Ринггольд, а Пауэллы отбыли в неизвестном направлении. Между тем разгорается война с индейцами-семинолами, которых американцы хотят переселить на Запад. Армию индейцев возглавляет молодой энергичный вождь Оцеола. Рэндольф, владеющий языком семинолов, участвует в переговорах; он встречается с Оцеолой и узнает в нем своего друга Эдварда Пауэлла. После того как у его матери обманом отобрали поместье, он решительно встал на сторону семинолов. Так друзья оказываются противниками. Но это не препятствует их дружбе, она проходит через испытания ревностью, недоверием, предубеждением и предательствами — и они (прежде всего Оцеола — Рэндольфа) не раз спасают друг друга. Хотя индейцы под руководством Оцеолы весьма успешно противостоят Армии США, они, конечно, не могут выиграть войну в целом. Оцеола погибает. Но справедливость (не историческая, но личная — героя романа) торжествует: злодеи, чьими интригами и поступками был лишен имущества Пауэлл, развязана война, убиты мать и дядя Рэндольфа, — уничтожены. А главный герой обретает счастье, женившись на сестре Оцеолы — Маюми.

Характеризуя эту книгу Майн Рида, ее обычно называют приключенческой, что не совсем справедливо. Конечно, «Оцеола» — роман приключенческий, но и исторический одновременно. Однако в смысле традиции он, пожалуй, ближе к «историческому» роману А. Дюма-отца и Э. Сю, нежели к Вальтеру Скотту. Помещая в центр вполне реальных событий прошлого (война с семинолами 1835 года) вымышленного героя (Рэндольфа), а на

периферии — лиц вполне исторических (Оцеолу, генералов Скотта, Клинча, президента США Э. Джексона), Рид, казалось бы, следует «вальтер-скоттовской» формуле. Но, трансформируя своего Оцеолу из чистокровного индейца в образованного сына плантатора Эдварда Пауэлла (что, конечно, совершенно не соответствовало действительности) и не стремясь к достоверному воссозданию «духа» и «буквы» событий войны (единственным исторически достоверным фактом в книге является разгром семинолами отряда майора Дейда), он, наоборот, отступает от этой формулы, приближаясь к тому типу авантюрно-исторического романа, который развивали Дюма и Сю. Очевидно, что Рид даже ближе к последнему, романы которого (как и романы Дюма) он, безусловно, читал. С Эженом Сю его сближает прежде всего мощный социально-критический пафос: роман Рида насыщен идеями демократизма и антиксенофобии, протестом против торгашеской сущности американской цивилизации. При этом Рид, конечно, далек от какой бы то ни было системной критики. Не забудем, для писателя американская республика — идеал государственного устройства! Поэтому, хотя он приводит подлинные факты обмана американцами индейцев, в его восприятии аморальна не система, а отдельные ее представители — такие как Аренс Ринггольд, генералы Скотт, Клинч, негодяи Спенс и Уильямс. Симптоматично, кстати, что главным злодеем — абсолютно безнравственным и лишенным морали — в романе выступает «Желтый Джек», беглый раб, воюющий на стороне индейцев только для того, чтобы мстить — жестоко и беспощадно. Социально-политическая заостренность книги указывает и на еще один — более близкий источник. Как известно, в викторианской литературе «моду» на социальную проблематику ввел Ч. Диккенс. В Англии после него уже никто не писал романов (даже авантюрных!), лишенных элементов социального критицизма. Поэтому дело было не только в личных общественно-политических убеждениях Рида (хотя и они играли свою роль), но и в определенной литературной традиции, на которую писатель как викторианский беллетрист просто не мог не ориентироваться.

Э. Хемингуэй как-то заметил, что все книги так или иначе повествуют или о войне, или о любви. Майн Рид написал книгу и о любви, и о войне. А еще «Оцеола» — роман, где герои не только любят и воюют, но и переживают всяческие — обычно головокружительные — приключения, где преданность, отвага и чистота помыслов постоянно сталкиваются с низостью, вероломством, предательством и корыстью. Как всегда, Рид постоянно помещает своего главного героя в почти безвыходные

ситуации. И, как обычно, избежать неминуемой гибели ему помогает очередной *deus ex machina*[58]. Но надо отдать должное писателю, появление этого *deus ex machina* (чаще всего в лице Оцеолы) обычно мотивировано ситуацией и порой даже выглядит достоверно. Другое дело, что сам «Бог из машины», так легко и радикально поменявший свою этничность, не слишком достоверен. Впрочем, он и не должен быть достоверным, ведь «Оцеола» — роман романтический. И герой, имя которого вынесено в заглавие, воплощает черты героя романтического, даже «байронического» типа. Отсюда его гордое одиночество, обреченность, неземное благородство и недоступность суду человеческому. Исторический Оцеола был совсем иным, и мотивы его были совершенно «земными». Но не забудем, Рид не собирался писать, да и не писал документальную книгу о войне с семинолами. Он сочинял приключенческую историю, действие которой развивается на фоне событий этой войны. И герои этой истории — герои романтические, то есть исключительные персонажи, существующие в исключительных условиях. А викторианский читатель к таким героям давно привык. Чтобы убедиться в этом, нет нужды вспоминать романы В. Скотта, но достаточно перелистать книги современников Рида — У. Эйнсворта, Ш. Бронте или У. Коллинза. Да и среди персонажей Ч. Диккенса можно найти таких героев.

Еще одна особенность «Оцеолы» — мистический колорит. Прежние романы писателя были совершенно свободны от «чертовщины» и даже принципиально рационалистичны. В истории Рэндольфа мистической составляющей, напротив, принадлежит важное место. Линия сверхъестественного в романе связана с образом Хадж-Евы, которую автор называет индейской королевой (почему и чья она королева — он не поясняет). Впервые эта женщина таинственным образом появляется в ночном лесу, где лейтенант Рэндольф в одиночестве ожидает посланцев вождей — предателей дела семинолов, — чтобы предупредить его о подосланных убийцах. Затем она несколько раз спасает жизнь лейтенанта при сходных обстоятельствах, а еще заставляет его совершать поступки, смысл и назначение которых ему непонятны. Женщина эта, как утверждает герой, безумна. Речи ее туманны, с прозы она переходит на стихи и поет песни. Неразлучны с ней две ядовитые змеи: одна — гремучая — обвивает стан, другая — изумрудно-зеленая — шею. Но внешность ее не только не отталкивает, а даже совсем наоборот. Впрочем, судите сами. Вот как описывает ее рассказчик: «Я увидел высокую женщину средних лет, которая когда-то была красавицей, а потом подверглась бесчестью и поруганию. Так

статуя греческой богини, разбитая руками вандалов, даже в осколках сохраняет свою величайшую ценность. Она еще не совсем утратила свое обаяние. Время пощадило благородные очертания ее груди, ее полных, округлых рук. Я мог судить об этом, ибо весь ее стан, обнаженный до пояса, был залит ярким лунным светом. Только черные волосы, в диком беспорядке рассыпавшиеся по плечам, немного прикрывали ее тело. Время пощадило и их: в роскошных косах, черных, как вороново крыло, не виднелось ни одной серебряной нити. Время не тронуло и ее лица. Все сохранилось — и округлость подбородка, и овал губ, и орлиный нос с тонким, изящным изгибом ноздрей, и высокий гладкий лоб…» Следует извиниться за объемную цитату, но — она того стоит! А безумна Хадж-Ева потому, что некий бледнолицый когда-то обманул девушку, и рассудок ее помутился. Хадж-Ева мстит всем, кто причиняет боль женщине, мстит за всех женщин. И экзотический внешний облик ее, и сравнение с греческой богиней вызывают вполне внятную ассоциацию с богинями мести — эриниями. Для современников Рида такая ассоциация была, видимо, более зрима — они куда лучше нас знали античную мифологию и ее героев. Но есть у Хадж-Евы и вторая функция — она охраняет любовь. Прежде всего, любовь своей соплеменницы Маюми. Потому и выступает ангелом-хранителем Рэндольфа. Но не его бережет она, а его любовь к индианке, и потому нет-нет да и спросит: а продолжает ли он любить, — ведь если любви нет, то и беречь Рэндольфа незачем.

Мистический элемент в романе — еще одно доказательство, что Рид как писатель развивался не в безвоздушном пространстве, но в насыщенной атмосфере викторианской литературной Англии и был открыт ее воздействию. Как раз в это время литературный мистицизм начинал входить в моду — вновь британским читателем оказались востребованы готические романы, на страницах журналов стали появляться и с интересом читались «страшные» истории и «рассказы о привидениях» Ш. Ле Фаню и А. Эдвардс, романы Ш. Ридделл[59] и У. Коллинза. Даже такой реалист и «прагматик», как Диккенс, и тот принялся сочинять мистические истории[60]. Рид, будучи чутким художником, не мог оставаться в стороне от этих процессов — не только в этом, но и во многих последующих романах он не упускал случая напустить «мистического тумана».

Итог романа предсказуем: погибли те, кто должен был погибнуть; счастье дано тем, кто его заслужил. Джентльмен Рэндольф не «уронил» своего достоинства и обрел награду в лице жены (красавицы Маюми) и богатства (земли, рабов и

плантации). Верный соратник Рэндольфа раб «Черный Джек» получил свою возлюбленную Виолу, Виргинии (выдать ее замуж за Оцеолу автор, увы, не мог) был дан капитан Галлахер, приятель брата. Совершенно викторианский финал. У современного читателя подобное завершение может вызвать снисходительную улыбку, но, хочу напомнить, такова была традиция: зло обязательно должно быть посрамлено и вознаграждена добродетель. Иного финала викторианский читатель не понял бы и не принял.

Очевидно, что «Оцеола» — наиболее «литературный» из написанных к тому времени Майн Ридом романов. Дефиниция «литературный» не содержит какой-либо негативной оценки. Напротив, в данном случае «литературность» подразумевает стилистическое единство и несомненные сюжетные достоинства — прежде всего динамично развивающуюся коллизию и мотивированность поведения героев их характерами и ситуациями, в которые они попадают. Все это говорит прежде всего о том, что Рид как беллетрист энергично развивался. Он осваивал новые «художественные пространства», учился у своих современников, активно перенимая и творчески развивая их приемы и методы. Об этом же красноречиво свидетельствует следующий роман писателя — «Морской волчонок», увидевший свет через несколько месяцев после выхода «Оцеолы».

Этот роман хорошо знаком русскому читателю, поэтому нет надобности в пересказе. Но, поскольку книга, во-первых, до сих пор очень популярна в России, а во-вторых, безусловно является новаторской, несколько слов сказать о ней все же необходимо. Прежде всего стоит остановиться на заглавии. Наш читатель знает роман под названием «Морской волчонок». Непонятно, чем руководствовались переводчики, но так озаглавили русский перевод романа еще в XIX веке (у Сытина книгу «обозвали» еще «забористее» — «Морской волк»), и с тех пор он благополучно существует под этим названием. В оригинале он назывался по-другому: «The Boy Tar: or, A Voyage in the Dark». То есть «Запертый (как вариант: мальчик взаперти) мальчик, или Путешествие в темноте». Авторское название, как мы видим, изрядно отличается от переводческой интерпретации. Но поскольку оно «прижилось», мы тоже будем им пользоваться.

Прежде всего, «Морской волчонок» — юношеский роман, книга для мальчиков. Главным и по сути единственным ее героем является английский мальчик-подросток. Рид «эксплуатирует» ту же тему, что и в предыдущем «морском» детском романе — бегство юноши из дома в море в поисках приключений. Но на этот раз автор «строит» его по-другому: роман представляет собой

своеобразный «рассказ в рассказе», роман-воспоминание. В роли повествователя выступает старый «морской волк», бывший шкипер торгового флота Филипп Форстер. Он давно в отставке и живет в тихой деревушке на берегу моря. У него нет семьи, но он не одинок — вокруг него постоянно вьются дети, слушая рассказы о его приключениях. Однажды мальчишки обращаются к нему с письмом, в котором просят рассказать какой-нибудь особенно яркий эпизод из его жизни. Капитан не может отказать детям и собирает их, чтобы поведать им «целую главу из своей жизни» — о том, как стал моряком. Повествование он начинает с детства, вспоминает о своей рано проявившейся тяге к морю, о моряке по имени Гарри Блю, который стал наставником в первых морских «подвигах». Один из таких подвигов описывается подробно: герой на ялике Гарри Блю отправляется на прибрежный островок, где его застигает прилив, а лодку уносит течением. Читатель, вероятно, помнит этот драматичный эпизод, когда прибывающая вода сначала заливает островок, а затем и накрывает с головой подростка, который пытается выжить, карабкается на шест, укрепленный в центре ушедшего под воду клочка суши. Но и это опасное приключение не отвратило мальчишку от моря. Он пытается устроиться юнгой на корабль, отплывающий в Перу, но в ответ слышит насмешки над малым ростом, советы повременить лет пять-шесть да подрасти еще немного. Тем не менее он пробирается в трюм и прячется там среди тюков и ящиков. Судно вместе с безбилетным пассажиром, укрывшимся на самом дне корабля, выходит в море. Так начинается основная часть повествования, посвященная приключениям подростка в темных глубинах огромного трюма.

«Путешествие на дне трюма» — таков русский вариант второй части заглавия книги, в оригинале — «The Voyage in the Dark» (то есть «Путешествие в темноте»). И то и другое, по сути, верно — юный Филипп, затаившийся в глубине корабельного чрева, оказался не только «на дне трюма», но и в полной темноте, и, сам того не ведая, угодил в ловушку. Он-то думал, что через один или два дня после выхода судна в открытое море покинет свое убежище и предстанет перед капитаном. Тот, конечно, не станет возвращаться в порт, а будет вынужден принять его юнгой. Так и сбудется мечта. Но «предстать перед капитаном» оказывается почти невозможно — мальчик находится на самом дне грузового отсека корабля; от палубы его отделяют многие метры плотно уложенных командой разнообразных ящиков, тюков с товарами, бочек и бочонков с жидкостями. Он взаперти, у него нет ни воды, ни еды, и к тому же он ничего не видит: его окружает полная, непроницаемая темнота. Таким образом, у

Филиппа почти нет шансов, но он начинает борьбу за жизнь, пробиваясь сквозь толщу грузов к верхней палубе, к выходу из трюма.

Напряженные эпизоды освобождения ребенком самого себя из западни, которую он сам же себе устроил, читатели наверняка помнят, отметим, что в этой истории (как, впрочем, в любом сюжете Рида) есть не только «место подвигу», но и чудесам — разнообразным «роялям в кустах» (вроде бочонка с пресной водой или ящиков с галетами и сухарями — это на дне-то трюма?!) и неизбежному для юношеского романа «полезному знанию» (пресловутому «useful knowledge»!), — например, информации о том, как справиться с морской болезнью, как с помощью рычага двигать тяжелые грузы, или подробный рассказ о том, что собой представляет «норвежская» или корабельная крыса. К палубе Филипп пробивался почти полгода — столько, сколько длилось плавание корабля к Перу. То, что все закончится благополучно (в викторианском романе и не могло быть по-другому!), — ясно с самого начала, поскольку герой доживает до спокойной старости и рассказывает о своих приключениях. Но в романе важен не финал, а сама история о борьбе за жизнь. По сути, все романы Рида — в том числе юношеские — повествуют о том же, но никогда прежде схватка со смертью не представала перед читателем так обнаженно и не была такой захватывающей и напряженной, как в этом романе. Источником напряженности являются возраст и одиночество главного персонажа романа. Никогда прежде юные герои Рида не боролись в одиночку. Всегда рядом с ними были или взрослые, или верные друзья. В «Морском волчонке» герой оказывается один на один со смертельной опасностью. Еще одной, почти революционной для викторианского романа новацией является ограниченное художественное пространство произведения. Рид, хотя и был лично знаком с Эдгаром По, едва ли читал его знаменитую работу «Философия творчества». В этой статье американский романтик высказал идею о важности «замкнутого художественного пространства» для достижения «тотального эмоционального эффекта». Читатель, должно быть, помнит — Рид достигает в романе высокого эмоционального напряжения. Но вряд ли благодаря тому, что следует «инструкциям» По. Если Рид и читал его работу, едва ли осознанно мог воспользоваться идеями американца: По писал о рассказе, а Рид сочинял роман. Скорее всего, к этой идее он пришел интуитивно, но эта интуиция показывает, что Рид уже не просто вполне «освоил ремесло», но постоянно находился в поисках новых художественных решений. А это свидетельство, что писатель не только обладал

незаурядным литературным даром, но талант его — от романа к роману — несомненно развивался.

Трудно сказать, заметили ли современники подлинно новаторский характер книги или восприняли ее как очередное сочинение известного романиста для английских подростков. Но оценить успех Рида как сочинителя сумели. В 1859 году в ежегодном альманахе «Выдающиеся современники» был опубликован очерк о писателе[61]. Этот очерк по запросу издательской фирмы, выпускавшей альманах, был написан им самим, но факт обращения к нему издателей был симптоматичен: теперь Майн Рида, наряду с учеными, политиками, аристократами и некоторыми писателями, причислили к плеяде «выдающихся», а это кое-что значило.

Роковое решение

Новый, 1860 год чета Ридов встретила в своем деревенском доме в Джеррардз Кросс. Никогда прежде писатель не был так благополучен: владел недвижимостью, имел солидный счет в банке, у него были масса творческих замыслов и уверенность в их осуществлении, и он был по-настоящему «завален» работой. Главным этой зимой стал роман «Отважная охотница», который Рид начал сочинять осенью минувшего года. Это был вновь большой «взрослый» роман. Его, как и «Оцеолу», Рид планировал издать в традиционных викторианских трех томах. Однако, еще не завершив, он предложил новое произведение все тому же «Журналу Чемберса», и тот принял его к печати. «Отважная охотница» выходила еженедельными выпусками по нескольку глав с 7 июля по 29 декабря 1860 года. Как и в прошлый раз, Рид писал роман (особенно заключительные главы) в большой спешке, едва успевая сочинить положенную часть текста к очередному выпуску. Поэтому, как и в случае с «Оцеолой», ему пришлось еще поработать с книгой при подготовке отдельного издания. Казалось бы, что за нужда была спешить с журнальной публикацией? Не разумнее ли было сначала завершить роман? Возможно. Но Рид привык работать в таком темпе и сочинять одновременно несколько вещей. К тому же этот своеобразный «препринт» был выгоден Риду — и по финансовым соображениям, и в качестве рекламной акции. Публикуя роман в журнале, писатель получал гонорар (а «Журнал Чемберса», будучи самым тиражным литературным еженедельником той поры, имел возможность хорошо платить своим авторам), но не утрачивал прав на произведение и в дальнейшем был волен распоряжаться им по своему усмотрению. Кроме того, публикация в журнале,

предшествующая появлению романа в книжном формате, считалась престижной, почетной. Для викторианцев это был своеобразный «знак качества» писателя. Так печатались Ч. Диккенс, У. Теккерей, А. Троллоп, У. Коллинз, Дж. Элиот, Э. Гаскелл, Дж. Мередит и многие другие. Конечно, далеко не все из тех, кого печатали журналы, превратились в «классиков». Напротив, многие остались лишь в анналах истории английской литературы XIX века. Но все они, вне зависимости от современного статуса, были в то время популярны и востребованы британским читателем. К числу таких писателей, как мы видим, принадлежал и Майн Рид.

Позднее мы вернемся к «Отважной охотнице». Теперь же стоит обратить внимание вот на что: на рубеже 1850–1860-х годов Рид пользовался широкой известностью не только как писатель для юношества, но и как «специалист по экзотике». Свидетельством тому — заказанная издательской фирмой Дж. Роутледжа книга об экзотических народах, населяющих Землю. Она получила название «Необычные люди: Уникальные народы в доступном описании» *(Odd People: Being a Popular Description of Singular Races of Man)*. Условия, на которых писатель взялся за создание этого труда, были весьма выгодны: фирма Роутледжа считалась одной из крупнейших в викторианской Англии. Известно также, что издатель не оговорил содержание книги и предоставил полную свободу автору. Единственным требованием было разнообразие: книга должна рассказывать о жизни племен разных континентов. Рид выполнил заказ: сборник, изданный летом 1860 года, включал 18 этнографических очерков. В них писатель знакомил молодых читателей с обычаями, нравами, внешним обликом, бытом и образом жизни «диких» народов — тех, кого он счел достойным внимания. Нетрудно понять, чем руководствовался автор, сочиняя книгу, — прежде всего он, конечно, стремился поразить воображение читателя. Этим и объясняется выбор «героев». Открывает книгу очерк о бушменах — обитателях Южной Африки, его сменяет рассказ об индейцах Амазонии, затем следуют истории о живущих на воде индейцах озера Маракайбо, эскимосах, «кентаврах Гранд-Чако» (индейцах Аргентины), каннибалах — островитянах Фиджи, туркменах, команчах, андаманцах, патагонцах, огнеземельцах и т. д. Без какой-либо системы — географической, антропологической или иной закономерности — автор перемещает своего читателя по континентам и климатическим зонам планеты, одно экзотичное племя сменяется другим, еще более экзотичным и «странным». Понятно, что информацию для своего сочинения Рид в основном черпал из вторых рук, и книга представляла собой компиляцию

из многочисленных, главным образом не слишком достоверных, источников. Но других у Рида не могло быть — ведь этнография как наука тогда еще только зарождалась (о социальной антропологии еще и не слышали, хотя собственно антропология уже успешно развивалась), ни о какой научной методологии описания народов говорить не приходилось. Стоит ли поэтому удивляться откровенной апокрифичности большинства его очерков (в наши дни невозможно без улыбки читать о гигантах, населяющих Патагонию, о людоедах, обитающих на острове Фиджи, о «грязеедах» с берегов Ориноко или рассуждения о происхождении туркмен, нравах жителей Андаманских островов и т. п.). Впрочем, к научности Рид и не стремился — он был писателем, а не ученым. Тем не менее некоторые из его очерков — например, о команчах или индейцах Льяно-Эстакадо — и сейчас сохраняют свою познавательную ценность. Причина в том, что об этих племенах Рид писал, опираясь не только и не столько на книги, сколько на собственный опыт и личные впечатления.

Сочинение книги «о необычных людях» потребовало от Рида немалых усилий — ему пришлось много времени провести за чтением разнообразных текстов: научных трактатов и сочинений путешественников и натуралистов. Но время не было потрачено зря — книга имела успех. Издание было богато иллюстрировано — на 400 с небольшим страниц текста приходилось 12 искусных гравюр, изображающих экзотических туркмен, эскимосов, индейцев и т. д. в экзотических нарядах и интерьерах.

Очевидно, что книги для юношества пользовались постоянно возрастающим спросом у британцев. Чем, как не этим, объяснить интерес к сочинениям подобного рода со стороны такого издательского гиганта, как компания Роутледжа, которая вполне процветала и без детских книг? А между тем по выходу «Необычных людей» Роутледж заказал Риду еще одну детскую книгу, но на этот раз роман — причем роман «тематический» — об охоте на медведей. Забегая вперед отметим, что роман был написан Ридом очень быстро, и уже в следующем году Роутледж издал его под названием «Мишка, или Большая охота на медведя» *(Bruin: or, The Grand Bear Hunt)*[62]. Вполне возможно, что уже тогда Майн Рид получил заказ на еще одну, близкую по характеру к «Необычным людям», книгу — об экзотических животных. Фирма Роутледжа издала ее в 1866 году. Она получила название «Четвероногие, какие они и где обитают: книга по зоологии для ребят» (*Quadrupeds, What They Are, and Where Found: A Book of Zoology for Boys)*. Эту книгу Рид писал долго — много дольше, чем книгу о «необычных людях». Видимо, она потребовала больших усилий и большего объема информации. Впрочем свою роль

сыграло и то, что писатель был завален работой — слишком много обязательств он на себя взял, слишком много контрактов на создание новых произведений он заключил. Но об этом позже. Теперь же вернемся к «Отважной охотнице».

Отдельной книгой (в трех томах) роман вышел из печати в феврале 1861 года. По сравнению с журнальной публикацией он увеличился в объеме, и это говорит о том, что Рид специально его дорабатывал. Впрочем, если сопоставить журнальный и книжный варианты, становится понятно, что доработка не коснулась сюжета. Появился ряд новых эпизодов и сцен, но герои остались те же, не изменилась и композиция романа.

Если рассматривать произведение в контексте творческого развития писателя, становится ясно, что «Отважная охотница» знаменует важный этап в этом процессе. Можно утверждать, что книга развивает ту же линию, что и предыдущая — «Оцеола». «Отважная охотница» — роман прежде всего «американский» (события развиваются в США), любовно-авантюрный, приключенческий, роман об индейцах и социально-политический. Можно назвать его и историческим. Действие развивается в 1848 году — пусть недавняя, но уже история. Однако если в «Оцеоле» фоном служит весьма серьезное общественно-политическое событие — война с семинолами, то в «Отважной охотнице» таковое событие как будто отсутствует. На самом деле историческое событие есть, но оно глобального масштаба, а не «одномоментное». Фоном интриги романа является, с одной стороны, разрушение традиционного «пограничного» уклада, в частности, такого его института, как скваттерство[63], а с другой — начало массового переселения американцев на Дальний Запад. Важно и вот что: после долгого перерыва писатель вновь обращается к собственному опыту, «идет» туда, где он когда-то жил и наблюдал упомянутые процессы, что называется «воочию». Поэтому в определенном смысле «Отважная охотница» — еще и роман автобиографический.

Рид начинает свою историю вполне традиционно — с топографии места событий: с рассказа о Теннесси, о густых лесах, реках и озерах штата, о звуках и запахах природы, погружая читателя в атмосферу лесного края. Представив «общий план», автор перемещает читателя на расчищенный от леса участок подле хижины скваттера и знакомит с будущими героями: сначала с двумя сестрами-красавицами — старшей, смуглой и черноволосой Мэриен, и младшей, ослепительной блондинкой Лилиен, затем с их отцом — суровым скваттером Хикменом Холтом, а потом и с его визитером — отвратительного вида персонажем по имени Джош Стеббинс. Мы присутствуем при

разговоре двух последних и узнаем о странной власти, которой обладает невзрачный Стеббинс над гигантом Холтом (первому известна некая тайна, способная «подвести под виселицу» последнего). Еще узнаем о том, что Стеббинс — мормон, он требует от отца отдать в жены Мэриен, которую он собирается увезти на Дальний Запад. Холт под угрозой некого разоблачения соглашается. Затем автор знакомит читателя с другими персонажами: Фрэнком Уингроувом, местным фермером, влюбленным в Мэриен, и полубезумной индианкой Су-вани, влюбленной уже в него. Таким образом, завязывается коллизия: есть влюбленные (Фрэнк и Мэриен), есть соперница-индианка, и есть злодей-разлучник (зловещий мормон). Имеется и роковая тайна, подчиняющая всех злой воле негодяя. Для многих «викторианцев» (для того же Уилки Коллинза, например) вполне достаточно для интриги. Но Риду этого мало — еще не появился главный герой романа. Этим героем является отставной капитан Армии США по фамилии Уорфилд. Капитан — не только самый важный персонаж романа, он выступает в роли повествователя (события излагаются от первого лица), и все происходящее подается сквозь призму его восприятия. Уорфилд уже знаком читателю Рида по роману «Тропа войны» и вот теперь появляется вновь. Его присутствие в Теннесси вполне мотивированно: он получает участок государственной земли, на котором находится вырубка Холта, в награду за участие в американо-мексиканской войне. Так переплетаются судьбы уже знакомых героев с судьбой Эдварда Уорфилда, а интрига усложняется: ведь Уорфилду предстоит выселить Холта с захваченного им участка. Дружба с Фрэнком Уингроувом, спасение златовласой Лилиен из лап пумы (а затем и взаимная любовь) еще теснее связывают героя с лесными жителями. Стеббинс увозит Мэриен на Дальний Запад. Вся округа взбудоражена слухами о золотых россыпях в Калифорнии. Уорфилд, будучи джентльменом, предлагает Холту деньги, чтобы тот уступил ему свою вырубку. Тот продает ее, а затем вместе с младшей дочерью и вновь появившимся Стеббинсом отправляется на Запад. Безумная Су-ва-ни в иносказательной манере (читатель Рида хорошо знаком с ней по монологам Хадж-Евы из «Оцеолы») рассказывает о судьбе, уготованной Лилиен (она должна стать одной из многочисленных жен главы секты мормонов), и указывает направление, куда ее увозят — Большое Соленое озеро[64]. Уорфилд и Уингроув бросаются в погоню. Начинается традиционный ридовский «роман дороги», в котором одно приключение сменяет другое, одна опасность — следующую, а преодоление разнообразных преград превращается в привычную череду испытаний отваги,

ловкости и удачливости героев. На этом пути друзей ждут противоборство с силами природы и схватка с кровожадными индейцами арапахо и шайенн, союз с мирными индейцами юта. Среди последних нашла «тихую гавань» и «отважная охотница» — черноволосая индианка-полукровка Мэриен, сбежавшая от Стеббинса. Как это ей удалось сделать — неясно, но этим обстоятельством объясняется непонятное вначале возвращение мормона за другой дочерью Холта — Лилиен. Встреча друзей с «отважной охотницей», ее поединок с Су-ва-ни и гибель последней знаменуют счастливую развязку любовной линии «Мэриен Холт — Фрэнк Уингроув». Но остаются еще две незавершенные коллизии: Лилиен находится в плену у мормонов, не решена загадка отношений между Холтом и Стеббинсом. Благородным преследователям удается настичь караван мормонов. С помощью Мэриен Уорфилд спасает Лилиен, но мормоны бросаются в погоню. По следам идет опытный Хикмен Холт. Он находит своих детей и их защитников и, увидев, что Мэриен жива, переходит на их сторону. Теперь уже мормоны попадают в ловушку благородных героев. Стеббинс под дулами направленных на него ружей признается, что подтасовал улики, обвиняя Холта в убийстве жены. Скваттер, освобожденный от груза вины, решает отпустить Стеббинса, но когда узнает, что брак с его дочерьми был фиктивным и они обе предназначались в дар «пророку» мормонов, в гневе убивает негодяя. Все «узлы развязаны», все тайны раскрыты. Финал венчает традиционный «хеппи-энд»: герои возвращаются в Теннесси, женятся на своих возлюбленных и процветают на своих плантациях, окруженные любовью жен и детей.

Казалось бы, ничего нового — все вполне обычно для «ридовского» приключенческого повествования. Роман имеет привычную композицию, автор эксплуатирует традиционные сюжетные ходы, ситуации, персонажей; можно говорить даже о штампах: есть два героя (друзья-джентльмены), две возлюбленные (две сестры — «беленькая и черненькая»), неизменные индейцы («плохие» и «хорошие»), приключения, обязательный злодей и бракосочетание в финале (хотя на этот раз Рид «изменил» себе и «дал» своему герою не «черненькую» — как обычно, а «беленькую»). Имеется даже полубезумная индианка Су-ва-ни (Рид явно ориентируется на «Оцеолу»), хотя и выступает в качестве отрицательного персонажа, по сути, выполняет ту же функцию, что и Хадж-Ева, — она направляет героев, предупреждает о действиях противника.

Эту склонность к самоповтору не преминул отметить анонимный рецензент лондонского «Атенеума», поместившего в

целом благоприятную рецензию на роман в номере от 9 марта 1861 года. К сожалению, он не обратил внимания, что в «Отважной охотнице» есть не только приметы самоповтора, но и очевидные новации. Связаны они прежде всего с особенностями построения сюжета. На этот раз Рид отошел от традиционного — линейного развития, когда интрига, все ее коллизии и события замыкаются на фигуре главного героя. В «Отважной охотнице» герой (Уорфилд) появляется в романе не сразу — лишь тогда, когда главный конфликт уже завязался, а все основные герои читателю представлены и действуют. Писатель еще не способен на полноправное развитие нескольких сюжетных линий в романе, но он явно движется в сторону усложнения художественной структуры. Линии повествования, дополняющие основную (например, Мэриен и Уорфилда, Мэриен и индейцев юта, Холта и Стеббинса), вполне «рудиментарны» и фрагментарны, но иллюстрируют развитие дарования писателя. О том же свидетельствует и юмористическая составляющая романа, связанная с двумя комическими персонажами, сослуживцами Уорфилда по Мексиканской войне — коротышкой О'Тиггом и его долговязым приятелем Верным Глазом. В викторианской литературе комические персонажи подобного рода, конечно, не редкость. Вспомним хотя бы героев романа Ч. Диккенса «Посмертные записки Пиквикского клуба» (а также других романов писателя). Да и вообще, юмористическая стихия — типична для английской литературной традиции, но для Рида появление персонажей подобного рода было новым.

Конечно, для викторианской литературной традиции в целом ничего революционного «Отважная охотница» не содержала. Даже «мормонская тема», занимающая важное место в романе и, казалось бы, сенсационная, не была новой для викторианской литературы — примерно в том же, вполне негативном ключе о мормонах писали и до, и одновременно, и по-еле Рида. Тем не менее роман стал очередным свидетельством того, что Майн Рид как беллетрист постоянно растет. Расширялась не только тематика произведений, но усложнялась художественная структура его сочинений, совершенствовались сюжет и композиция. Важно отметить и вот что. «Отважная охотница» (наряду с «Оцеолой» и «Морским волчонком») открывает 1860-е годы — наиболее плодотворный период в творчестве писателя. Никогда прежде Рид не работал так успешно и так интенсивно, как в это десятилетие. Именно в 1860-е он не только сочинил лучшие свои романы, но вообще написал их больше, чем когда бы то ни было.

Казалось бы, что плохого, что Рид много трудился? Но дело в

том, что ряд обязательств из осуществленных в этот период, он взял на себя вынужденно — того потребовали обстоятельства. О последних разговор пойдет позже. Теперь же отметим, что тогда, в самом начале 1860-х годов, будущее рисовалось Риду в радужных тонах: у него была масса замыслов, книги заказывали лучшие издательства. Ему хорошо платили. Он заключил контракт с издательством «Хёрст и Блакетт» на серию приключенческих романов. Переиздавали прежние сочинения: в 1860 году Роутледж выпустил в дешевом издании «Оцеолу» и «Тропу войны», а в 1861-м респектабельные «Чапмен и Холл» переиздали «Оцеолу» трехтомником под названием «Полукровка» (*The Half Blood),* активно перепечатывали его романы и американцы. Хотя переиздания не приносили денег писателю (права на большинство книг принадлежали издателям), но тешили самолюбие и умножали известность. В совокупности с творческой энергией Рида, с массой замыслов и уверенностью в своих силах — всё это создавало иллюзию бесконечности успеха и прочности положения, прежде всего финансового. Вот тогда, в конце 1860-го — начале 1861 года, Майн Рид и принимает решение, ставшее роковым, — заняться строительством и возвести на своем участке дом по собственному проекту.

В воспоминаниях о муже Элизабет Рид называет коттедж в Джеррардз Кросс «своим домом». Эмоционально она имела на это право — в нем прошли первые, самые счастливые годы их совместной жизни. Но юридически он не был «своим» — они его арендовали. А Джеррардз Кросс очень нравился и писателю, и его юной супруге. Им было удобно тут жить. Деревня была не слишком населена, располагалась неподалеку от Лондона, а ее окрестности весьма живописны. Поэтому Рид и решил обосноваться здесь по-настоящему. Казалось бы, что в этом решении рокового? Материальное положение Рида позволяло построить дом. К тому же он уже владел участками в деревне и несколько имел в долгосрочной аренде. Но решение это потянуло за собой последствия, серьезно осложнившие в дальнейшем его жизнь — и творческую, и материальную. Конечно, все дело было в характере писателя. Как мы видели, Рид всегда стремился к исключительности, старался выделиться. Это стремление формировало его судьбу. Очевидно, это реализовывалось и в литературе. Чем иным объяснить редкую настойчивость наделять протагонистов собственными чертами, писать от первого лица и заставлять своих героев совершать удивительные подвиги на охоте и на войне, путешествовать по равнинам, горам и по морю? Во всяком случае, все это нельзя объяснить только требованиями издателей и особенностями литературного рынка Викторианской

эпохи.

Если бы Рид, строя свой дом, пошел по традиционному пути — заказал проект профессиональному архитектору или воспользовался «типовым» (а еще лучше — купил готовый коттедж) — все, вероятно, могло сложиться по-другому. Но он не только стремился быть уникальным, но и был самоуверен. Поэтому решил все осуществить сам: сочинить проект, сделать чертежи, нанять рабочих, руководить строительством. Даже возводить свой дом он решил из собственного кирпича: на одном из принадлежащих ему участков открыл (как уже упоминалось) глиняный карьер, принялся добывать глину, построил печь для обжига кирпичей, которые затем доставлялись к месту стройки. Эти начинания писателя можно было бы назвать милыми чудачествами — чего-чего, а чудаков в Британии всегда хватало! Но, во-первых, Рид решил строить большой дом; во-вторых, строение должно было быть совершенно необычного для Англии типа — в качестве образца писатель избрал мексиканскую гасиенду (хотя никаких чертежей у него, конечно, не было и представлял он ее чисто умозрительно). В-третьих, он не умел ни чертить, ни рисовать (Элизабет Рид с юмором вспоминала, как муж украшал поля листов рукописей каракулями, кои называл рисунками, но, что изображено на них, никто, кроме него, понять не мог). И, наконец, в-четвертых, Рид решил и заработать: кроме собственного дома он вознамерился построить еще десять (!) строений. Ему принадлежал земельный надел, который он запланировал разбить на участки, возвести на каждом по коттеджу, а затем продать или сдать их в аренду. Джеррардз Кросс, в силу своей близости к столице, активно развивался, и спрос на недвижимость существовал. То есть идея, в принципе, была вполне здравой. Но можно представить, какие расходы повлекла ее реализация! К тому же коттеджи были уменьшенной репликой большого дома писателя — гасиенды. Почему-то Рид был уверен, что такие дома — совершенно необычного для Британии вида, с плоской крышей — будут пользоваться спросом. Или, затевая такое грандиозное мероприятие, он не задумывался над последствиями? Сейчас уже не ответить на этот вопрос. Да и есть ли в том необходимость? Как бы там ни было, старт авантюре был дан летом 1861 года.

Едва ли имеет смысл погружать читателя в этапы воплощения этого грандиозного замысла — как расчищали площадки под строительство, рыли котлованы, забивали сваи, возводили фундаменты, подвозили кирпич и т. п. Памятуя о неугомонном характере писателя, ясно, что во всем этом он принял самое живое и деятельное участие. Куда интереснее вот какой факт: в

конце 1860 года чета Ридов оставила Джеррардз Кросс и более чем на полгода перебралась в Лондон — писатель снял дом в районе под названием Вуберн Плейс. В воспоминаниях о муже вдова не комментирует причину этого переезда, отмечая лишь, что в лондонском доме был написан (а также начат и завершен) целый ряд романов, упоминая такие произведения, как «Охотники на медведей» *(Bruin: or, The Grand Bear Hunt),* «Лесные рейнджеры» *(The Wood Rangers),* «Охотник на тигров» *(The Tiger-Hunter*)[65], книгу «Четвероногие, кто они такие и где водятся». От себя добавим, что последняя из упомянутых, скорее всего, была только начата здесь — закончил ее Рид в 1866 году (отдельным изданием «Четвероногие» вышли в следующем — 1867 году). В доме на Вуберн Плейс Рид работал и над подготовкой «Отважной охотницы» к отдельному изданию.

Чем был вызван переезд в Лондон? Ведь известно, что писатель не любил жить там (как, впрочем, и в любом другом большом городе), справедливо полагая, что столичная суета мешает ему работать, а зимние лондонские смоги (прочитайте впечатляющее описание одного из них в романе «Жена-дитя»!) пагубно сказываются на здоровье. Ответ очевиден: кроме необходимости посвятить какое-то время работе в библиотеке Британского музея (ему были необходимы материалы для работы над «Четвероногими») Риду пришлось очень много общаться с архитекторами, составляя эскизы, планы и чертежи будущих строений. Он довольно быстро понял, что самостоятельно эту работу не осилить. Поскольку объем работ был по-истине чудовищно велик, он не мог постоянно ездить из Джеррардз Кросс в Лондон и обратно. Но, конечно, причина переезда заключалась не только в этом. Ему необходимо было больше времени уделять литературным занятиям. В деревне слишком много соблазнов заняться чем-то иным, помимо сочинительства. Кроме романа «Отважная охотница», который он тогда готовил к изданию, Рид взялся написать небольшой роман (по объему, скорее, повесть) под названием «Жак Депар» (в оригинале «Despard the Sportsman»). Его предполагалось выпустить в дешевом издании для распространения на железнодорожных станциях (как видим, прогресс постепенно проникал и в такую консервативную сферу, как британское книгоиздательство). Он также сочинял роман для издательства Дж. Роутледжа («Брюин»), С художественной точки зрения текст непримечательный, но благодаря героям (русским дворянам-охотникам) — любопытный для наших соотечественников. Помимо упомянутых книг Рид принялся за «вольный перевод» двух романов Луи де Бельмара, писавшего под псевдонимом Габриэль Ферри. Первый из них —

«Лесные бродяги, или Трапперы Соноры» — вышел осенью 1860-го, второй — «Охотник на тигров» — в 1861 году. Понятно, что романы эти — никакие не «переводы». Писатель знал французский, но органически — по характеру своему и темпераменту — не был способен к скрупулезному воспроизведению чужого текста. Да и само понятие «художественный перевод» имело тогда несколько иной смысл, нежели теперь, об авторских правах никто особо не задумывался — «пиратство» процветало. Единственная страна, у которой с Великобританией существовал договор об авторском праве, была Пруссия. Даже с США такой договор появился только в 1890-х годах. Что уж тут говорить о «вольном переводе», по сути, пересказе. Характерно, что романы де Бельмара были изданы (а затем многократно переиздавались) без упоминания первоисточника и под совершенно иными названиями[66]. Всего лишь год или два назад Рид, скорее всего, отверг бы предложение взяться за «перевод» какого-либо текста, даже и де Бельмара. У него немало имелось и собственных замыслов! Но теперь ситуация изменилась — ему нужны были деньги. Конечно, положение не было отчаянным, но со строительством расходы резко возросли и следовало ожидать, что они возрастут еще. А Хёрст и Блакетт предложили Риду столько же, сколько за оригинальные произведения, и он согласился. Работу сделал быстро, и один за другим романы вышли солидными трехтомниками.

Конечно, ни о каком особенном «творчестве» здесь не было и речи — в основании упомянутого «предприятия» лежал прежде всего коммерческий расчет. Теми же соображениями можно объяснить и еще одну инициативу Рида начала 1860-х — сочинение наставления для игры в крокет. Книга называлась просто: «Крокет. Учебник». В наши дни крокет — игра малоизвестная, но тогда она входила в моду (пик популярности пришелся на конец XIX века — в 1900 году крокет даже включили в программу Олимпийских игр!) — прежде всего в аристократической среде. Крокет сродни гольфу, но требует меньших физических усилий (да и поле требуется совсем небольшое), поэтому в него можно играть даже после плотного обеда, что немаловажно для завсегдатаев аристократических клубов. Исторически крокет (*croquet)* — игра французская, но в Англию она попала не из Франции, а из Ирландии, куда в свое время ее завезли религиозные эмигранты-французы (скорее всего, в XVII веке) и где она была хорошо известна. В отличие от Британии второй половины XIX века в Ирландии в нее играли в основном простолюдины и мальчишки. Мальчишкой выучился

играть в крокет и Майн Рид. И вот теперь, видя, что забава входит в моду среди аристократов, решил на ней подзаработать. Интересный факт: учебник он издал у «старого знакомца» Ч. Скита за свой счет, и, таким образом, авторские права остались у писателя. Расчет оказался верным — эта небольшая книжица (объемом менее ста страниц) пользовалась устойчивым спросом, и в 1860-е годы ее переиздавали почти ежегодно, что приносило автору небольшой, но довольно стабильный доход. Кстати, о доходах. Элизабет Рид вспоминает в своей книге о судебном процессе, который в середине 1860-х затеял, а затем выиграл ее супруг. Так вот, он был связан именно с правами на «Крокет». Мадам Рид писала: «Однажды, гостя в доме у своего приятеля, он обнаружил книжку под названием «Правила крокета», написанную неким «Любителем». Изучив ее, писатель понял, что это его собственная книга под иным названием. При продаже книгу вкладывали в коробки с оборудованием для крокета, а издал ее лорд Эссекс. Майн Рид потребовал объяснений и изъятия книги с рынка. Получив отказ, он обратился к адвокату, и в результате суд предъявил иск лорду Эссексу. Дело завершилось тем, что писателю выплатили 125 фунтов, а проигравшая сторона оплатила судебные издержки и уничтожила оставшиеся экземпляры».

Тогда же, в начале 1860-х годов, Майн Рид, который на протяжении всего «британского периода» сочинял исключительно крупную прозу, начинает публиковать и рассказы. С чем был связан этот возврат, казалось бы, к давно оставшемуся в американском прошлом жанру? Ответ на этот вопрос, скорее всего, также следует искать в материальном интересе, тем более что первыми рассказами, которые Рид опубликовал, были истории, впервые появившиеся еще на страницах филадельфийских «Годис ледис бук» и «Журнала Грэма». Впрочем, вскоре увидели свет и рассказы, написанные специально для публикации в британских журналах. Ясно, что Рид в общем-то никогда серьезно не относился к малому жанру. Симптоматично, что, хотя он и написал более двух десятков рассказов, при жизни никогда не пытался собрать и выпустить их отдельным изданием[67]. Главные книги его рассказов — «Пронзенное сердце и другие рассказы» и «Дерево-ловушка и другие истории» — были собраны и вышли уже посмертно, в середине 1880-х.

Обращение писателя к короткой прозе являлось и объективным свидетельством изменений, которые происходили на викторианском литературно-издательском рынке. Они были связаны с постепенным удешевлением производства печатной продукции, с одной стороны, и с численным ростом среднего

класса (и просто образованных людей) — с другой. В годы, когда Рид занимался литературной деятельностью, в жизни британцев все большее место начинали занимать литературные журналы — ежемесячные, двухнедельные, еженедельные. Они становились все более доступными по цене и постепенно вытесняли традиционные (и весьма дорогие!) ежеквартальники (*quarterlies*) и ежегодники *(annuals)*. Новые технические возможности делали периодические издания полиграфически более совершенными и дешевыми. С каждым годом их становилось все больше, и публика постепенно привыкала их читать. Хотя журналы публиковали и романы (в том числе и романы Рида), короткая проза вытесняла на их страницах крупные формы, все больше пространства освобождая для рассказа. Писатель не дожил до золотого века новеллы (1890–1910-е), но был свидетелем и участником (не слишком, правда, активным) его начальной фазы; его обращение к жанру в 1860-е и последующие годы — тому подтверждение. Однако будем справедливы: Майн Рид, сформировавшись как литератор в 1840–1850-е годы, все-таки под настоящей «литературой» прежде всего подразумевал роман, а к рассказу относился довольно пренебрежительно.

Весной 1861 года эскизы и чертежи будущих строений были готовы и Рид поспешил обратно в деревню — пора было приступать к основной фазе строительства. Конечно, он не собирался собственноручно возводить стены и класть кирпичи — Рид был способен на экстравагантные поступки, но не настолько, чтобы избрать себе такое увлечение (хотя, например, сэр Уинстон Черчилль слыл искусным каменщиком и не чурался самозабвенно заниматься кладкой). Его главной заботой теперь было обеспечить финансирование предприятия. Какими средствами обладал Майн Рид? По прошествии стольких лет ответить на этот вопрос, конечно, невозможно, но то, что он был состоятелен, бесспорно. Его доходы складывались из авансов от издателей и гонораров от журнальных публикаций, из отчислений за театральные постановки (тогда на столичной и провинциальной сценах с успехом шли его инсценировки романов «Квартеронка» и «Оцеола»), а также от сдаваемых в аренду принадлежавших ему земель. Элизабет Рид сообщает, что за «взрослый» роман ее мужу обычно платили около тысячи фунтов, за «ювенильный» — 600–700[68]. Конечно, год на год не приходился, но в среднем, по ее подсчетам, выходило, что доходы составляли около двух тысяч фунтов стерлингов ежегодно. Миссис Рид не указала конкретный отрезок времени, к которому относится такая сумма, тем не менее ясно, что в 1860-е годы — период наибольшей творческой продуктивности — он, скорее всего, получал эти деньги.

Насколько можно судить по характеру Рида, накоплений он не делал, но и взаймы не брал. Во всяком случае — до начала строительства. Но теперь, имея в перспективе большие расходы, вынужден был пойти на заимствование. Обеспечением сделки стали принадлежавшие ему земли в Джеррардз Кросс. Он пошел на этот шаг без колебаний: Рид был уверен в перспективах — как удачливый беллетрист и как будущий владелец изрядной недвижимости. Да и те несколько тысяч фунтов стерлингов, которые он занял, едва ли теперь могли сильно поразить его воображение — с теми доходами, которые он имел от своих книг, он мог позволить себе подобные займы. А ведь были еще и другие поступления, да и замыслов (воплощение которых в перспективе принесет деньги) в его голове роилось немало. Но начавшаяся в США Гражданская война между рабовладельческим Югом и свободным Севером заставила его отложить привычные сюжеты в сторону.

Читатель может подумать, что Майн Рид снова решил круто поменять течение своей жизни и устремился на войну. Во всяком случае, от человека с таким характером можно было ожидать чего-то подобного, тем более что писатель всегда был яростным противником рабовладения. Если бы Гражданская война в Америке разразилась на десять или даже лет на пять раньше — он, скорее всего, так бы и поступил. Но теперь это был уже другой человек. Не то чтобы взгляды его изменились или поменялись убеждения. Отнюдь. Он продолжал оставаться все тем же либералом, республиканцем и сторонником освобождения рабов. Но за годы, прожитые в Англии, он «вписался» в викторианскую действительность, «отвоевал» себе «место под солнцем» (и, надо сказать, неплохое) и пустил корни — женился, обзавелся недвижимостью, обрел достаток. Возможно, он и хотел бы вновь надеть мундир офицера-добровольца Армии США, но ему уже было прилично за сорок, он погрузнел, да и обязательства необходимо выполнять — Рид вполне сознавал свою ответственность перед «теми, кого приручил»: женой, издателями, банкирами, строительными рабочими и т. д. Вот может быть позднее — он закончит строительство, расплатится с долгами, напишет романы, и вот тогда… Но этого не случилось — на войну он не попал и обязательства не выполнил. А в Америку уехал, но уехал не победителем, а раздавленным обстоятельствами, растерянным, разорившимся, выбитым из ставшего уже привычным уклада жизни. Но произошло это несколько лет спустя, а пока (не забудем, Рид прежде всего — писатель!) он решил написать новый роман. И то, что этот текст был «спровоцирован» Гражданской войной в США, — несомненно. Это

антирабовладельческий роман «Мароны» *(The Maroon),* который Майн Рид взялся сочинять сразу же по возвращении в Джеррардз Кросс.

Казалось бы, вполне логично, что такой знаток США, как Рид, должен был взяться за роман на американском материале: «Квартеронка» да и другие романы красноречиво демонстрируют, что писателю удавалось вполне успешно сочетать мелодраматический сюжет с антирабовладельческим пафосом. Но едва ли ему удалось бы повторить ошеломительный успех «Хижины дяди Тома» Г. Бичер-Стоу. Впрочем, Рид и не собирался писать «политический» роман — он сочинял приключенческое повествование. А «Мароны» — при всем анти-рабовладельческом подтексте — книга прежде всего приключенческая, авантюрная. Действие романа развивается в 1820-е годы на острове Ямайка — британской колонии и одном из центров мировой работорговли. Лофтус Воган — судья и владелец богатой плантации «Горный приют» получает два письма. Первое его радует — в нем сообщается о скором приезде мистера Монтегю Смизи, лондонского бонвивана и владельца соседней плантации (крупнейшей на острове). Воган планирует выдать за него свою дочь Кэт и, таким образом, стать самым богатым человеком на острове. Второе — огорчает: на одном корабле с мистером Смизи прибывает племянник Вогана Герберт. Сын его покойного брата беден, и плантатор совсем не жаждет его видеть. Их и встречают по отдельности — Смизи везут в дом плантатора, а Герберта — в уединенный дом управляющего. Племянник оскорблен и едет в дом дяди. Визит заканчивается ссорой и разрывом отношений. Герберт уходит из негостеприимного дома. Но прежде, чем это случается, юноша влюбляется в Кэт Воган, а та — в него. Рассорившись с дядей, Герберт ночует в лесу, знакомится с вождем маронов (свободных негров) Кубиной и вместе с ним спасает беглого раба плантатора Джесюрона — соперника и врага Лофтуса Вогана. Сбежавшего раба зовут Сингуэс. Он принц, сын султана и прибыл на Ямайку, чтобы разыскать и выкупить из рабства свою сестру. Джесюрон злодейски лишает его свободы, клеймит и превращает в невольника. Кубина укрывает беглеца. Джесюрон берет Герберта на работу: узнав о родстве последнего со злейшим врагом, он решает выдать за него свою дочь Юдифь. Та должна влюбить его в себя (вместо этого Юдифь влюбляется сама, а Герберт продолжает любить Кэт). Право наследовать «Горный приют» у племянника появится в том случае, если, во-первых, Лофтус умрет, и, во-вторых, последний не успеет завещать имущество дочери. Кэт Воган — дочь рабыни и по ямайским законам не может наследовать имущество родителя

«естественным образом». Погубить Лофтуса помогает чернокожий колдун Чакра, которого в свое время Воган осудил на смерть, а Джесюрон тайно освободил и помог спрятаться. Кэт любит Герберта, но под нажимом отца (будучи уверена, что кузен любит Юдифь) дает согласие на брак со Смизи. При помощи Синтии — рабыни, влюбленной в марона Кубину, колдуну удается отравить Лофтуса. Чакра обещает Синтии приворожить Кубину. Последний любит служанку Кэт рабыню Йолу, та отвечает марону взаимностью. Йола узнает в беглом рабе своего брата. Кубина рассказывает историю Сингуэса Лофтусу Вогану, и тот решает расправиться с Джесюроном. Хотя чувствует себя Лофтус плохо, он отправляется в столицу острова, чтобы возбудить дело против врага. Однако по дороге умирает. Чакра, опасаясь, что тайна смерти судьи будет раскрыта, убивает Синтию, а затем с приятелями бандитами нападает на усадьбу Вогана: у него свои мотивы — он не только хочет отомстить Вогану, но еще и пылает преступной страстью к красавице Кэт. Пока бандиты грабят и поджигают усадьбу, Чакра уносит Кэт. Смизи, вместо того, чтобы защитить невесту, прячется, а потом бежит с острова. Кубина и Герберт бросаются в погоню и спасают Кэт. Джесюрон и Чакра гибнут. В финале Кэт и Герберт женятся (Кубина и Йола — тоже) и обретают счастье во вновь отстроенной усадьбе.

Считается, что роман не принадлежит к числу шедевров писателя, и, наверное, это суждение справедливо. Рида еще при жизни упрекали, что книга слишком «населена», характеры «размыты», поступки героев не всегда мотивированы ситуацией, а их поведение больше подчиняется воле автора, нежели логике событий и обстоятельств. Уличали его и в незнании местных реалий (в частности, религиозных культов), в фактических и географических ошибках, в излишней романтизации маронов и т. п. Здесь не с чем спорить — все это правда. Объяснить эти «особенности» книги можно и тем, что на Ямайке Рид никогда не был, и тем, что писал он ее в большой спешке (уже в январе 1862 года началась публикация объемного произведения в еженедельнике *Cassell's Illustrated Family Paper*[69], а в августе книга вышла трехтомником). Но критики книги не обратили внимания на два очевидных ее достоинства. Во-первых, несмотря на «перенаселенность», она увлекательна и захватывает читателя буквально с первых страниц. Во-вторых, — и это обстоятельство объясняет первое, — Рид впервые продемонстрировал (и реализовал) умение выстраивать и развивать несколько повествовательных линий в романе, активизирующих и дополняющих основную. Читатель, вероятно, заметил, что к этому «многоголосию» писатель шел постепенно — год от года, от

текста к тексту сюжеты романов усложнялись, становились художественно более убедительными и красочными. С этим «завоеванием» в дальнейшем Рид уже не расстанется: подобная «полифония» превратится в характерную особенность многих его романов, — не только написанных сразу по-еле «Маронов» — «Затерянные в океане», «Белая перчатка», «Всадник без головы», но и лучших его книг последующих лет.

Завершение краткого, но очень интенсивного в творческом плане лондонского периода и возвращение в Джеррардз Кросс не слишком изменило традиционный распорядок дня писателя, «львиная доля» в котором всегда принадлежала сочинительству. Правда, как свидетельствовала супруга, он отказался от ежедневных длительных прогулок и перестал ходить на охоту. То и другое заменили ему ежедневные инспекции строительных площадок. Миссис Рид вспоминала, что в те дни муж неизменно вставал очень рано и появлялся на строительстве почти одновременно с рабочими. Он внимательно смотрел за тем, как производятся работы, и «горе было тому, кто относился к своим обязанностям спустя рукава. Голос писателя разносился далеко: можно было подумать, что он снова штурмует Чапультепек или что отряд диких индейцев, вставших на тропу войны, вторгается в мирную деревню! В такие моменты его трубный глас разносился, без преувеличения, на милю в округе».

Все, что было связано с возведением его гасиенды и коттеджного поселка, безмерно его интересовало, но основную свою энергию Рид, конечно, направлял на создание новых произведений и работал очень интенсивно. Судите сами: не успев даже закончить «Маронов» (роман еще печатался в журнале), он взялся писать продолжение «Охотников за растениями» («Ползуны по скалам»), а затем и продолжение «Убежавшего в море» — «Затерянные в океане». Когда «Мароны» вышли отдельным изданием, он тотчас принялся сочинять инсценировку романа, и уже в 1864 году пьеса с успехом шла в лондонских театрах.

Мы уже писали, что в эти годы все более серьезное место в литературной жизни викторианской Англии начинают занимать литературные журналы. С каждым годом их становилось не только больше, но происходила «специализация» периодических изданий. Возникали юмористические журналы (например, в 1861 году был основан знаменитый *Fun),* журналы для семейного чтения, дамские, для девочек и девушек, издания, специализировавшиеся на «страшной» прозе, научно-популярные и т. п. Появились и специальные журналы для мальчишек: «Бойс джорнэл», «Бойс оун мэгэзин», «Инглиш бойс джорнэл», «Эври

бойс мэгэзин», «Бойс ов Ингланд» и т. д. Они конкурировали, и с их стороны шла настоящая «охота на авторов». Поскольку в Англии Рид считался «юношеским писателем номер один», его приглашали к сотрудничеству и он с удовольствием откликался на предложения сочинить роман или рассказ. И если «препринт» «взрослого» романа был для Майн Рида скорее исключением, нежели правилом, то, начиная с романа «Затерянные в океане», появившегося в первых номерах только что основанного (в 1863 году) журнала «Бойс джорнэл», такие публикации стали совершенно обычными. Начиная с 1863 года в «журнальном исполнении» впервые перед читателями представали практически все «юношеские тексты» Рида — «Ползуны по скалам», «Молодые невольники», «Водой по лесу», книги 1870-х годов. Поскольку Рид был хорошо знаком не только британским, но и американским юным читателям, ему нередко удавалось одновременно продать один и тот же текст и британцам, и американцам. Так случилось, например, с романом «Водой по лесу» (русскоязычному читателю он больше известен под названием «На бревне по Амазонке»), который с разницей в несколько месяцев печатался сначала в лондонском «Бойс джорнэл», а затем в бостонском «Ауэр янг фолке». Можно привести и другие примеры подобного рода.

Кого-то, возможно, покоробит такая предприимчивость писателя, но мы не должны забывать о двух очень важных обстоятельствах. Прежде всего, о «пиратстве». Книги Рида печатались не только в Великобритании, но и в США, и в основном — пиратским способом. За эти издания он не получал ни гроша. А публикация в журнале, хотя и не предохраняла от пиратского воспроизведения текста, но приносила дополнительный доход. Последнее обстоятельство было, безусловно, главным — писатель отчаянно нуждался в деньгах. Строительство не только поглощало те деньги, которые он получал за свои книги (надо сказать, немалые), но понуждало к новым заимствованиям, которые, в свою очередь, постепенно, но верно вели его к финансовой катастрофе. С дистанции времени видно, что он мог ее избежать. Для этого необходимо было сделать несколько вещей. Во-первых, прекратить строительство коттеджного поселка. Во-вторых, изменить образ жизни: отказаться от дома в Лондоне, сократить штат слуг, «остановить» перманентное обновление гардероба, перестать совершать бесполезные покупки и не увлекаться лошадьми. Но ничего этого Майн Рид не сделал — образ жизни оставался прежним, отказываться от дорогостоящих причуд и привычек он не собирался. Неужели он не видел, что долговая петля постепенно затягивается? Судя по всему, тогда — в первой половине 1860-х

— он не считал свое положение катастрофическим, был уверен в том, что так или иначе все наладится, коттеджи вскоре будут куплены или хотя бы арендованы. Но ни на начальной стадии, ни по завершении строительства эти необычные постройки так и не нашли владельцев. Забегая вперед скажем, что, когда положение дел станет действительно отчаянным, Рид пойдет на решительные шаги, но уже исправить что-либо будет поздно. А пока жизнь его была наполнена хлопотами по строительству и литературным трудом. Писатель энергично сочинял и, видно, полагал возможным поправить дела разнообразными литературными проектами (мы уже отмечали, что никогда прежде он не работал так интенсивно): брался за любую работу, сулившую доход, — сочинял рассказы и романы, «переводил» де Бельмара, написал учебник по крокету, даже пошел на соавторство, чего прежде никогда не делал. Последний эпизод да и сама фигура соавтора Рида достойны того, чтобы остановиться на них особо.

«Каннибал Чарли»

В воспоминаниях миссис Рид есть интересная история. Зимой уходящего 1862 года в лондонском доме писателя появился весьма странный субъект. Одет он был довольно необычно — в грубое неопределенного цвета одеяло с отверстием для головы на манер латиноамериканского пончо. Простоволосый, с обветренным лицом и клочковатой бородой. В руках он держал коричневый бумажный пакет. Рид выслушал этого человека — оказалось, он недавно вернулся из Австралии. Поскольку время было обеденное, то незнакомца пригласили к столу. За едой тот признался, что почти забыл, как пользоваться ножом и вилкой, потому что очень долго находился вдали от цивилизации, а за время своих скитаний шесть раз обогнул земной шар и даже жил среди каннибалов. Звали его Чарлз Бич. После трапезы писатель и необычный визитер уединились в кабинете. В пакете находилась рукопись гостя. По словам Э. Рид, Бич пытался встретиться с лондонскими издателями, но те не согласились его выслушать, поскольку внешность его не внушала доверия. Так он попал в их дом. С помощью Майн Рида рукопись была переработана и превратилась в трехтомный роман, опубликованный в 1864 году под названием «Пропавшая Ленор[70], или Приключения Перекати-Поля» *(Lost Lenore, or The Adventures of a Rolling Stone)*.

Оставим эту версию на совести миссис Рид. На самом деле все было не так — точнее, не совсем так. Чарлз Бич

действительно появился в лондонском доме Рида в середине декабря 1862 года. В руках у него был пакет с бумагами, но в нем находилась другая рукопись — «История искателя приключений в Новой Гвинее». Неправда и то, что Бич не смог встретиться с лондонскими издателями. К Риду этот человек попал прямиком от издателя «Отважной охотницы» Р. Бентли. Кроме пакета с рукописью у Бича имелось рекомендательное письмо Бентли писателю. Письмо не сохранилось, но, судя по всему, издатель предлагал своему автору переработать рукопись и «довести» ее до «нужной кондиции» — с тем, чтобы он смог издать ее. Сохранилась переписка Р. Бентли с редакторами. Из нее следует, что в издательстве отнеслись к Бичу с большим вниманием — прочитали его рукопись, обменялись мнениями, но пришли к выводу, что в настоящем виде издать ее невозможно: рукопись «нелитературна», в данном случае необходима не редакторская, а литературная правка — текст должен быть «переработан» (то есть переписан заново) профессиональным писателем. Так и возникла фигура Рида, которого Бентли знал как человека, во-первых, способного работать быстро, а во-вторых, падкого до всяких «диковинок». Знал ли он о том, что Риду нужны деньги? Может быть. В любом случае, ни о какой благотворительности не могло быть и речи — Рид должен был получить столько же, а возможно и больше, чем «автор». То есть речь могла идти о сумме никак не меньше 100 фунтов стерлингов. Такими деньгами Рид не мог разбрасываться и после знакомства с рукописью взялся ее переработать — то есть переписать заново. Хотя, как мы знаем, писатель тогда же сочинял несколько собственных книг, за три с небольшим месяца он переписал историю «каннибала Чарли» (так прозвала Ч. Бича миссис Рид), и уже в мае 1863 года книга вышла под названием «Эндрю Деверел: История искателя приключений в Новой Гвинее» *(Andrew Deverel: The History of an Adventurer in New Guinea)*. Интересно, что Рид выполнил для Бентли «программу максимум». В одной из записок редактору издатель писал, что хотел бы выпустить записки Бича в двух томах. После заключения редактора о низком качестве текста издатель обращается с просьбой «набрать материал» хотя бы на один том. После того как Рид переписал рукопись, «Эндрю Деверел» вышел в двух полновесных томах.

На этой — первой для «каннибала Чарли» книге — сотрудничество начинающего литератора с Бентли и закончилось: то ли книга не принесла ожидаемого дохода, то ли издатель посчитал хлопоты, с ней связанные, слишком обременительными. А может быть, дело было вовсе и не в Бентли, а в «творческом тандеме» Рида и Бича. Вполне возможно, что авторов (читай —

Рида) не удовлетворили финансовые результаты предприятия, и они решили, что без Бентли смогут заработать больше. В пользу последней версии говорит то обстоятельство, что следующая книга Бича вышла под издательской маркой Ч. Скита, у которого Рид неоднократно печатался в прошлом и еще напечатается в будущем. К середине 1860-х годов Скит уже давно перестал быть начинающим издателем — он «заматерел» и выработал собственную «схему» работы с авторами, согласно которой страховал риски, заставляя писателей участвовать в производственном процессе, перекладывая на них изрядную часть расходов, но явно предпочитая журавлю в небе синицу в руках, довольствуясь небольшим процентом прибыли. В случае успеха авторы могли получить хороший доход, но случалось это, видимо, нечасто. Книга получила название «Пропавшая сестра, или Приключения Перекати-Поля» и вышла уже в следующем — 1864 году. Интересная подробность: двухтомный «Эндрю Деверел» был опубликован без какого-либо упоминания об участии Майн Рида[71]. На этом, видимо, настоял издатель, полагая, что новый автор вызовет больший интерес у читателя. Неуспех книги мог убедить «тандем» в обратном. Во всяком случае, на титульном листе «Пропавшей Ленор», напротив, указание имелось — имя Рида не только было напечатано под именем Чарлза Бича шрифтом того же размера, но тексту предшествовало предисловие, в котором Рид говорил прямо, что принял участие в подготовке книги. ««Катящийся камень»[72] попался мне на пути, — пишет Рид, — в нем сверкали драгоценные искры; они говорили, что это не булыжник. Я поднял его и внимательно осмотрел — камень оказался бриллиантом! Бриллиантом чистой воды, лишь с небольшими вкраплениями кварца. Необходим был только резец краткости, чтобы явить его красоту восхищенному миру. Чарлз Бич — владелец этой драгоценности, я же лишь ремесленник, которому поручили огранку». Майн Рид явно преуменьшил свое участие в судьбе этой «драгоценности» — он не «огранил», а переписал эту (как и предыдущую) книгу заново. Было ли это стечением обстоятельств, или трехтомник действительно читался интереснее двухтомника, но «Пропавшая сестра» имела успех у современников и раскупалась лучше, — соответственно, и тираж был выше. Следовательно, и доход, который получили участники «тандема», должен был быть приличным.

В 1865 году вышла третья книга «каннибала Чарли» — в трех томах, под названием «Возвращение к цивилизации» *(Left to the World)*. Трехтомник издал Джон Максвелл, предпочитавший традиционные формы работы с авторами. Значит, были и аванс, и

покупка авторских прав, и роялти (регулярные отчисления от продаж книги)[73]. Издателя, видимо, впечатлил успех предыдущего творения Бича, и он решил напечатать очередную книгу. К сожалению, успеха она не имела и стала последней в творческой биографии «каннибала». «Возвращение к цивилизации» не содержит прямых указаний на «соавторство». Но, конечно, и эта книга не могла состояться без Рида — едва ли Бич смог найти себе «соавтора-призрака», способного так быстро и так успешно приводить его сочинения в удобоваримый вид. Поэтому для исследователей викторианской литературы соединение двух имен — Майн Рида и Чарлза Бича — вполне оправданно и логично. Единственный вопрос, на который, к сожалению, сейчас уже невозможно ответить: кого в сочинениях «каннибала Чарли» было все-таки больше — Рида или Бича?

Неуспех третьей книги разрушил «тандем». Никогда и ничего больше Бич совместно с Ридом не написал и не опубликовал[74]. Дальнейшая судьба его не была благополучной. Заработав при помощи Рида некоторую сумму денег, «каннибал Чарли» приоделся, даже приобрел некоторый лоск, стал появляться в лондонских гостиных, куда с подачи Рида и издателей его стали приглашать. После успеха «Пропавшей Ленор» Бич женился, снял коттедж в деревне и принялся за сочинение «Возвращения к цивилизации». Плачевный финал этой книги разрушил не только финансовое благополучие, но и семейное счастье «каннибала». В 1866 году тот решил вернуться на родину — в Соединенные Штаты. Хотя тогда финансовое положение Рида было уже весьма сложным, он помог Бичу деньгами и, возможно, даже оплатил билет на пароход. Бич уехал. Но расстались они не окончательно. Элизабет Рид вспоминала, как в 1870 году, уже в Америке, они еще раз увиделись с ним. «Каннибал» разыскал их в Нью-Йорке. Вид у него был потрепанный, от него пахло алкоголем. Он бодрился, посмеивался, утверждал, что вообще-то не пьет, лишь иногда выбирается в Нью-Йорк «покутить». Но было ему явно невесело — тяжело, видимо, давалась асоциальному Бичу «цивилизованная» жизнь. Он попросил в долг немного денег и распрощался. Вскоре стало известно о смерти «каннибала Чарли».

Взлет и падение

Однако мы забежали вперед: до незапланированного отъезда в Америку оставалось еще почти три года. Судя по всему, 1864 год оказался для писателя последним из тех, что он прожил в спокойствии, достатке и радости. Летом строители закончили возведение гасиенды и начали отделку внутренних помещений.

Продолжалось и строительство коттеджного поселка. Из «Ранчо» (так называл свое арендованное жилище в Джеррардз Кросс писатель) в новый дом (которому писатель также дал название «Ранчо», но среди близких предпочитал называть его на латиноамериканский манер — «гасиенда») чета Ридов перебралась весной следующего, 1865 года. На протяжении всего 1864 года Рид напряженно работал: кроме упомянутых продолжений, опубликованных прежде юношеских романов и текстов, создаваемых в тандеме с Бичем, на столе у него в разной стадии завершенности «лежало» еще несколько книг, главной из которых был, конечно, роман «Белая перчатка».

Роман этот хорошо знаком нашему читателю, поэтому не будем перегружать жизнеописание Майн Рида подробным пересказом. Но, памятуя о том, какую роль в жизни профессионального писателя играют его книги, несколько слов о романе сказать все же придется, — хотя бы потому, что он (так же как «Мароны», «Оцеола» и «Морской волчонок») принадлежит к числу этапных в творческом развитии беллетриста. Прежде всего, «Белая перчатка» — первый роман, который можно безоговорочно назвать историческим. Прежние «экскурсы» Рида в историю в жанре романа («Оцеола» или «Мароны») нельзя считать полноценными историческими повествованиями — в них он совершенно не стремился к реконструкции прошлого, воссозданию атмосферы минувшего. В этих книгах прошлое выступает лишь фоном (причем не слишком достоверным) для приключений героев и развития мелодраматической интриги с традиционным «хеппи-эндом». Мелодраматизм и обилие приключений присущи и «Белой перчатке», но Рид ставит перед собой задачу не только развлечь, но и рассказать об одной из наиболее драматичных страниц национальной истории — начальной фазе гражданской войны в Англии XVII столетия. Действие романа развивается в 1640 году — переломном в противостоянии короля и «народа», когда после разгона «короткого» парламента на сторонников ограничения королевской власти (прежде всего из числа «джентри») обрушились репрессии. Исторически совершенно реальная поляризация британского общества на сторонников короля и его противников определила основной конфликт романа, мотивировала противостояние персонажей и сформировала «политическую» интригу сюжета. Политические симпатии и антипатии разделили всех персонажей романа на положительных и отрицательных. Первые (Черный всадник, семья Уэдов, разбойник Гарт, лесник Дэнси) — не забудем о яростной приверженности автора демократии! — стоят за парламент и

«свободу», вторые — за короля (капитан Скэрти, корнет Стаббс) или «сами за себя» (Бэт Дэнси, ее отвергнутый жених). Рид весьма живо и правдоподобно живописует бытовые реалии, внешний облик персонажей, костюмы, ритуалы и т. д. — в общем, все то, что принято называть «атмосферой».

Достоверному воссозданию «духа» ушедшей эпохи способствовала локализация художественного пространства романа. Его действие ограничено местностью, хорошо знакомой писателю, — это современный ему и милый его сердцу Джеррардз Кросс и его окрестности. Местные городки Аксбридж и Биконсфилд, Чилтернские холмы, река Колн — все это хорошо знакомо и находится рядом с «Ранчо». Герои едут по тем же дорогам, по которым ездил Майн Рид, пересекают те же мосты, взбираются на те же холмы, дышат тем же воздухом, ощущают аромат тех же цветов и дубрав, что и он. Хотя с той поры прошло более двухсот лет, но сохранилась даже таверна, в которой пировали кирасиры капитана Скэрти, — Рид сам не раз сиживал в ней, попивая местный эль и наслаждаясь обедом. Вполне возможно, что и героям романа он подобрал прототипы среди своих знакомцев-современников. Во всяком случае, очевидно, что именно так обстоит дело с двумя главными персонажами — Черным всадником (Генри Голтспером) и его возлюбленной — Мармион Уэд. Протагониста он рисовал явно с себя, а мисс Уэд — с Элизабет Рид. Об этом говорят разница в происхождении и в возрасте героев (Голтспер в два раза старше своей избранницы), неизменная элегантность всадника, его рыцарство, республиканские убеждения и т. п. Нельзя не обратить внимания и на «американское» — совершенно, кстати, необязательное для развития сюжета — прошлое героя. Даже шкура леопарда, наброшенная на круп лошади, — все это так «по-майн-ридовски»! И еще одна подробность — Каменная Балка, имение героя, находится в четырех милях от Аксбриджа. Ровно четыре мили отделяло от него и «Ранчо» Майн Рида в Джеррардз Кросс — едва ли это совпадение случайно!

Конечно, Рид модифицирует политическое наполнение конфликта, «приближая» его к своим современникам. Он не стремится к воссозданию истинного смысла и содержания противостояния между королем и парламентом. В романе не найти религиозных дискуссий, не услышать речей, осуждающих нравы двора, распущенность горожан или порицающих весьма популярные тогда театральные действа. Рид не делит противников короля на пуритан, пресвитериан, левеллеров, диггеров и т. п., не показывает различий между ними. Да и сами диссиденты в изображении писателя отнюдь не аскеты, чей образ

жизни так решительно отличался от повседневного существования «кавалеров». В уста героев Рид вкладывает суждения, несвойственные XVII веку, — рассуждая о республике и о тирании, они мыслят и говорят как люди середины XIX столетия. Впрочем, писатель явно не стремился воссоздать «дух и букву» ушедшей эпохи. Хотя политика занимает большое место в сюжете и формирует судьбу большинства персонажей, «Белая перчатка» не является романом политическим. «Спровоцированный» Гражданской войной в США и республиканскими убеждениями автора, он прежде всего — роман приключенческий, в котором любовь Генри Голтспера к Мармион Уэд, его соперничество с капитаном Скэрти и связанные с ними перипетии сюжета играют не меньшую роль, чем политическая и заговорщицкая деятельность героя. Но «Белая перчатка», повторим, роман этапный. Не только потому, что книгой этой Рид вторгался (и, отметим, весьма успешно!) в новую для себя «историческую» область. Но и потому, что в «Белой перчатке» уже по-настоящему чувствуется рука мастера: никогда прежде его повествование не обладало такой легкостью, никогда прежде он не вел так естественно и непринужденно сразу несколько сюжетных линий, а герои и их поведение никогда прежде не были столь органичны характерам и обстоятельствам.

Майн Рид, видимо, и сам хорошо понимал, что роман удался. Потому он и напечатал его у Ч. Скита. Мы уже говорили, что публикация у «старого знакомца» требовала серьезных затрат от автора на этапе доиздательской подготовки, но сулила куда больший доход, нежели при традиционной продаже рукописи издателю. Роман вышел в традиционных трех томах, был богато иллюстрирован и хорошо раскупался. Незадолго до «Белой перчатки» отдельным однотомным изданием был выпущен очередной «юношеский» роман «Затерянные в океане», и почти одновременно с «Белой перчаткой» увидел свет еще один — долгожданное продолжение «Охотников за растениями» — «Ползуны по скалам» *(The Cliff Climbers: or, The Lone Home in the Himalayas)*.

Без всяких скидок, как беллетрист Майн Рид в это время находился в зените успеха и славы. Книги писателя — и детские, и взрослые — хорошо раскупались, принося ему изрядный доход. У него появились почитатели, и их число росло с каждым годом. Конечно, львиную долю составляла молодежь — юноши и подростки. Изо всех уголков Великобритании, из Канады и США приходили к нему письма с просьбами дать автограф или просто со словами признательности и восхищения. Эти послания тешили самолюбие Майн Рида, и он с удовольствием демонстрировал их

своей супруге. Как вспоминала последняя, ее муж относился к ним без всякой иронии и старался отвечать на каждое. Чего здесь было больше — стремления сохранить и умножить читательскую аудиторию или простого человеческого чувства? Ответить на этот вопрос однозначно невозможно — видимо, было и то и другое. Но вот что интересно: писатель специально сфотографировался, а затем заказал изрядный тираж своего (весьма, впрочем, подретушированного) фотографического портрета[75] (а это было недешево!) — только для того, чтобы подписывать его и отсылать своим почитателям. Не всегда поклонники довольствовались эпистолярным общением с мэтром. Бывало и так, что некоторые из них считали возможным нанести личный визит почитаемому автору. К счастью, случалось это нечасто — жил Рид, как мы помним, довольно далеко от Лондона, и добираться к нему было непросто. Появление таких визитеров — а возникали они против викторианских правил чаще всего без предупреждения — не вызывало обычно у Рида раздражения. Хотя почти всегда писатель был занят, он радушно и с удовольствием (по крайней мере внешним) разговаривал с ними, некоторым показывал дом, сад, хозяйство и, если время было обеденное, даже приглашал к столу. Абсолютное большинство этих визитов не имело никаких последствий — за исключением одного — того, который состоялся в июле 1866 года и который нанес Риду молодой уроженец Манчестера Чарлз Олливант. Встреча эта переросла в многолетнюю и — со стороны последнего — в совершенно бескорыстную дружбу, которая помогла Риду пережить грядущие невзгоды. Олливант стал верным помощником во всех начинаниях писателя, его секретарем и, наконец, просто верным товарищем на жизненном и творческом пути.

Олливант был одним из многих юных почитателей Майн Рида. По его собственному признанию, он прочитал все книги своего кумира, многие не раз перечитывал и не пропустил ни одной новинки. Его родина — грязный, суетливый, промышленный Манчестер; семья — мать-домохозяйка и отец — средней руки промышленник, владелец небольшой ткацкой фабрики; сестры — любительницы наряжаться, довольные своим существованием и мечтавшие о женихах, — все это было обыденно, скучно, предсказуемо. А мальчик, хотя и не отличался физической силой и не был по духу своему авантюристом, мечтал о дальних странах, путешествиях, схватках с индейцами, океанских просторах, грезил о подвигах и славе. Он хотел испытать то же, что испытал Майн Рид, побывать там, где скитался в поисках приключений его кумир, а потом — так же, как и он, — описать все это уже в своих книгах. Первое письмо

автору любимых книг он отправил ранней весной 1865 года. Где он взял адрес? Да все очень просто — в одном из изданий прочитал обращение к читателям. А под подписью «Капитан Майн Рид» было напечатано: «Ранчо», Джеррардз Кросс, Бакингемшир. Этот адрес он и написал на конверте. Купил марку за один пенни, и… — английская почта уже тогда работала безукоризненно — письмо нашло адресата. О чем он писал в своем первом письме, неизвестно — к сожалению, оно не сохранилось. Едва ли что-то такое, что могло выделить его из десятков посланий почитателей, которые писатель получал ежемесячно. Рид ответил, ограничившись несколькими теплыми стандартными словами на обороте собственного фотографического портрета. Фотография ушла в Манчестер. Переполненный благодарностью и восторгом, Олливант написал новое письмо. Обычно Рид не отвечал на письма с благодарностями, но, видимо, что-то в послании юноши затронуло некую струну в душе писателя. Олливант не просил ни советов, ни денег (а такое случалось!), не домогался протекции, а только восхищался — причем не только книгами, но и демократическими убеждениями автора, которые очень импонировали юноше. Завязалась переписка, и ее можно назвать интенсивной: только за один год адресаты обменялись не менее чем двумя десятками писем. Постепенно тон посланий становился более доверительным. В августе 1865-го Олливант признался, что его тяготит жизнь в провинции, перспектива продолжать семейный бизнес вызывает у него отвращение и он мечтает стать писателем. Может быть, спрашивал он в письме, мэтру нужна помощь? Он с удовольствием взял бы на себя обязанности секретаря — чтобы освободить его от рутинной переписки. У него хороший почерк, и он также мог переписывать рукописи набело, чтобы писатель не отрывался от главного дела — сочинения новых романов. Рид отвечал тепло и сердечно, обращаясь к юноше на старомодный манер, уважительно — «мастер Олливант». Он писал, что тронут и был бы очень рад, чтобы у него появился помощник — он действительно ему нужен. Но финансовые трудности (он писал о них лаконично, но не скрывал) не позволяют ему нанять секретаря. Судя по всему, упоминание о финансовых неурядицах было уже не первым в их переписке, но едва ли можно предположить, что Рид стал посвящать своего юного корреспондента в сложные взаимоотношения с заимодавцами. Скорее всего, писатель посетовал, что ему нужны деньги, а продажи только что вышедшего двухтомником «Всадника без головы» не радуют. И Олливант предложил свою помощь в распространении книги. Элизабет Рид вспоминала: «Мистер Олливант много времени и

сил потратил в своем родном Манчестере и в других местах, чтобы увеличить продажу книги». В воспоминаниях она приводит и слова из письма юноши: «Рад сообщить, что мои усилия не пропали даром; как написал мне Майн Рид, выручка от уже проданных экземпляров изрядно помогла поправить положение». Между тем на исходе 1865 года «положение» уже невозможно было «поправить» — как не поправил его предшествующий тираж (первоначально «Всадник без головы» издавался отдельными выпусками, и позднее мы вернемся к довольно интересной ситуации с изданием этого самого известного романа писателя). Но детали Олливанту, конечно, не были известны, и он очень гордился, что смог помочь своему кумиру.

За эпистолярным знакомством последовала, наконец, и личная встреча: в июле следующего, 1866 года, будучи в гостях в Лондоне, молодой человек решил навестить Майн Рида. Не утруждая себя формальностями, без предупреждения, он сел на поезд, добрался до Аксбриджа и оттуда пешком (четыре мили — почти семь километров!) проделал путь до гасиенды писателя. Предоставим, однако, слово самому Олливанту:

«Добравшись до места и спросив «капитана Майн Рида», я получил ответ, что его нет дома, — он на прогулке где-то возле деревни Джеррардз Кросс. Предпочтя сидению за закрытыми дверьми прогулку на свежем воздухе, я направился вдоль дороги и вышел на луг. Какое-то время я бродил по лугу, но, не преуспев в поисках того, кто был мне нужен, в конце концов, сдался.

День был по-настоящему жаркий — солнце так и палило, и я изрядно устал, поднимаясь от Аксбриджа, потому улегся на пурпурный вереск, которым густо порос луг, прикрыл шляпой глаза и погрузился в легкую полудрему.

Так я лежал несколько минут и уже начал было засыпать, когда неожиданно услышал: «Устали, мой юный друг?» Торопливо вздернув шляпу вверх, я увидел стоявшего передо мной человека, одетого в светлый твидовый костюм с поясом на талии — это одеяние известно как «норфолкский жакет». В правой руке джентльмен держал украшенную серебряным набалдашником малаккскую трость. Он был чуть выше среднего роста, с военной выправкой, у него были довольно длинные черного цвета волосы, густые усы и бородка клинышком, глаза темно-карие, нос прямой, среднего размера, маленький рот и выдающийся подбородок. Четко очерченное лицо говорило о том, что человек этот решительный и твердый. В этой поразительной фигуре я сразу узнал свой мальчишеский идеал — частенько прежде я рисовал его образ в воображении — это был капитан Майн Рид, он был точно таким, как на фотографии, которую

прежде послал мне. Когда я назвался, он тепло пожал мне руку, взял за нее и повел через луг к своему дому; всю дорогу он говорил и говорил так увлекательно! Те, кто был знаком с ним достаточно близко, знают, как удивительно он умел рассказывать!

Есть ли необходимость говорить о том, как я был рад? К моему юношескому восторгу, исполнялось самое пылкое желание моей предшествующей жизни: лично говорить с моим любимым писателем. И я увидел не сухого книжного червя, но человека практичного и очень доброго, и он разговаривал так же, как говорят герои его книг.

Вскоре мы достигли места назначения, и там состоялось знакомство с его юной женой, только что вернувшейся из Лондона. Как хорошо я помню ее, входящую в комнату, помню и ее походку — легкую и грациозную! То была миниатюрная женщина, с белой кожей, вьющимися светлыми волосами, уложенными в простую, без изысков, прическу. Глаза ее смотрели мягко из-под слегка подведенных идеальной формы бровей. Ее стройную невысокую фигурку выгодно подчеркивало светло-голубое платье из кашемира — оно очень шло этой миловидной блондинке. Когда ее муж назвал мое имя и произнес: «Моя жена», она протянула руку и с милой улыбкой пригласила меня в «Ранчо». Дом был совсем недавно закончен, они въехали в него не больше месяца назад».

Личная встреча закрепила уже возникшую между Майн Ридом и его молодым другом дружбу. Интересно отметить еще и вот что — судя по описанию Олливанта, Рид явно не казался обеспокоенным или подавленным, хотя его финансовые дела находились, безусловно, в самом плачевном состоянии. Чем это можно объяснить? Отчасти характером — Майн Рид верил в свою счастливую звезду и не допускал мысли о банкротстве. Заимодавцем, владевшим всеми его векселями, был серьезный, надежный банк, владельцы которого совершенно не были заинтересованы в банкротстве писателя. Другое дело, что в 1865–1866 годах доходы Рида, судя по всему, шли на погашение огромных долгов, накопившихся за время строительства гасиенды. И Рид явно прилагал максимум усилий к их скорейшей оплате, выкупу векселей и закладных на недвижимость. Что он для этого делал? Мы уже писали, что никогда прежде не была так высока его творческая активность — он действительно сочинял почти непрерывно, отвлекаясь только на сон и короткие прогулки. Наиболее интенсивно он работал как раз в ту пору, когда с ним познакомился, а затем и навестил его Олливант — то есть в 1865–1866 годах. Судите сами, в течение двух этих лет

были напечатаны пять книг: четыре романа — «Молодые невольники», «Всадник без головы», «Банделеро», «Водой по лесу» и «книга для ребят по зоологии» «Четвероногие». И это не считая рассказов, которых в то время он написал довольно много (часть из них вошла в сборник «Вождь гверильясов и другие истории», опубликованный уже после отъезда в Америку). А сколько еще книг «лежало на столе» в разной степени готовности!

Естественно, что на всех упомянутых книгах заметен отпечаток торопливости. Рид спешил: ему нужны были деньги (и много денег!), а заработать их он мог только своим пером. Поэтому нет ничего удивительного в том, что при прочтении «Молодых невольников» возникают ассоциации с африканскими эпизодами «Убежавшего в море», читая «Водой по лесу», вспоминаешь «Изгнанников в лесу». Вполне вторичны сюжеты и «мексиканских романов» этого периода — «Банделеро» и «Вождь гверильясов» — в них писатель эксплуатирует те же мотивы и ситуации, что были реализованы в «Вольных стрелках», «Охотниках за скальпами» и «Белом вожде». По тому же принципу, что и «Необычные люди», скомпонована и очерковая книга «Четвероногие, кто они такие и где водятся». Что уж тут говорить о последней британской книге 1860-х годов — романе «Охотники за жирафами» — запоздалом продолжении «бурского» цикла «В дебрях Африки» (1855) и «Юные охотники» (1856)! Естественно, что роман стал слабейшим текстом трилогии. Предвижу возможное возражение: а как же быть со знаменитым «Всадником без головы»? Ведь он был опубликован в 1865 году. Но кто сказал, что этот роман — шедевр? Или что эта книга — самая лучшая из написанных Ридом? Самая издаваемая — при жизни и после смерти писателя — безусловно. Но всегда ли бестселлер — заведомый шедевр? Отнюдь. Элизабет Рид называет «Всадника без головы» лучшим романом мужа. Но для нее критерием служил как раз коммерческий успех книги. Простим ее простодушие — хотя муж и был знаменитым писателем, в литературе Элизабет не слишком разбиралась и судила о книгах по-обывательски — раз быстро раскупается — значит, книга хорошая. Самому Риду больше нравились «Квартеронка», «Мароны» и «Белая скво», а своим лучшим произведением он считал «Уединенное жилище» (1871). Тем не менее Майн Рид едва ли стал бы оспаривать, что «Всадник без головы» является одним из наиболее удачных его романов, и, если бы его попросили назвать десять (или даже пять) своих лучших романов, среди них, конечно, нашлось место и для «Всадника без головы». Таким образом, «один из…» — безусловно, но «самый» — едва ли.

К середине 1860-х годов Рид окончательно сформировался

как профессиональный беллетрист. Сочинительство превратилось в ремесло, и он владел им в совершенстве. Конечно, какие-то романы были более удачными, какие-то менее, но способностью создавать качественный текст с увлекательной фабулой он обладал без сомнения. Поэтому и среди упомянутых романов нет, да и не могло быть, откровенно неудачных и слабых. По той же причине роман о приключениях и любви Мориса-мустангера и о его вражде с Кассием Колхауном оказался самым лучшим романом 1865–1866 годов. Успех «Всадника без головы» был предопределен несколькими обстоятельствами. Во-первых, Рид «владел материалом» — реалии техасской жизни ему были хорошо знакомы. Во-вторых, этот «материал» был новым и не использовался им прежде. В этих слагаемых — основа успеха, остальное решили профессиональные навыки и умелая реклама. К сказанному добавим, что оригинальность сюжета вызывает сомнения — очевидно, что здесь явно не обошлось без влияния Вашингтона Ирвинга и его знаменитой новеллы «Легенда Сонной лощины».

Не будем пересказывать произведение. Русскоязычному читателю его содержание известно лучше, нежели сюжет любого другого повествования Рида. Но бросить взгляд на «издательскую кухню» этого романа небезынтересно, во-первых, потому, что история издания книги интригует, да и вообще малоизвестна, а во-вторых, успех книги не в последнюю очередь зависел и от обстоятельств появления ее на свет. Издательская история «Всадника без головы» отличалась от всех предшествующих. Договор на издание книги Рид заключил с «Чапмен и Холл» — одной из крупнейших издательских фирм викторианской Англии. Не первую книгу выпускал писатель у этих респектабельных издателей, но до той поры это были классические трехтомники или двухтомники. Несмотря на устойчивое положение на рынке, «Чапмен и Холл», стремясь к увеличению прибыли, постоянно искали новые формы книжной продукции. Не отказываясь от традиционных викторианских «трехпалубников» за полторы гинеи, одними из первых они начали внедрять в практику дешевые издания (на бумаге низкого качества и в «упрощенном» полиграфическом исполнении), переиздавая романы популярных авторов и продавая их по цене в один-полтора шиллинга за экземпляр. «Чапмен и Холл» даже придумали специальную серию, в которой выходили эти книги, — *Parlour Library* (то есть Библиотека железнодорожного салона). Они (так же как и книжки главного конкурента фирмы — Дж. Роутледжа в серии *Railway Library)* издавались в обложках зеленого цвета, предназначались пассажирам поездов и продавались исключительно на

железнодорожных станциях. И прежде — в 1850-е, и потом — в 1870-е годы романы Рида неоднократно появлялись в обеих сериях. Но на этот раз «Чапмен и Холл», изучив рукопись новой книги, решили издать ее по-другому: сначала выпусками (всего их было шесть) — продавались они в красочных бумажных обложках на железнодорожных станциях, а затем в виде классического викторианского трехтомника. Последний должен был стоить традиционные полторы гинеи, а каждый из выпусков продавался по цене в один шиллинг, что, кстати, было очень недешево. «Чапмен и Холл» провели эффективную рекламную кампанию: при появлении в продаже первой части романа на все железнодорожные станции были разосланы большие цветные литографии, на которых была изображена красивая черная лошадь, на ее спине сидел всадник в полосатом мексиканском серапе и в сапогах со шпорами; твердой рукой он держал поводья, но голова у него отсутствовала! С подачи издателей в дни выхода очередной части Рид публиковал в газетах объявление, в котором налагал запрет на театральную инсценировку романа: «Прошу не трогать «Всадника без головы». Этому молчаливому джентльмену предстоят еще месяцы блужданий, скитания по прериям и зарослям сассапареля, ему придется преодолеть множество кровавых опасностей, а пока этого не случится, ничья рука не может взять повод его коня».

Избранная издателями тактика принесла ожидаемые плоды, и роман пользовался огромным успехом. Ни одна из прежних книг (хотя среди них было немало успешных) не приносила Риду таких доходов, как проект под названием «Всадник без головы» (*The Headless Horseman: A Strange Tale of Texas)*. Пускай почти все деньги, которые он получил от издателей, и ушли на погашение долгов, но сам факт ошеломительного успеха был очевиден. «Чапмен и Холл» готовили роман к выходу в дорогом трехтомном исполнении. Они были уверены, что книга разойдется и библиотеки постепенно, пусть и не быстро, но раскупят тираж. Однако Рид, который по договору получал отчисления с каждого проданного экземпляра, не мог ждать несколько лет — банк-заимодавец, как оказалось, сам находился на грани банкротства и требовал возврата долгов. Поэтому писатель настоял, чтобы книга была издана не в трех (ее объем соответствовал традиционному трехтомнику), а в двух томах и продавалась по цене в 12 шиллингов, а это было почти вполовину меньше гинеи — обычной цены за двухтомный роман. Рид надеялся, что «демократичная» цена расширит число покупателей и обеспечит больший доход. Поначалу «Чапмен и Холл» пошли на требования писателя и отпечатали первый том книги. Но затем

консервативные настроения, видимо, возобладали, они посчитали риск неоправданным и отказались от дальнейшей публикации. Эстафету подхватил другой издатель — не менее известный, но, вероятно, более авантюристичный Р. Бентли. Он выкупил права на издание, печатные формы и уже отпечатанный первый том, а затем напечатал и второй — но уже под собственной маркой. Так и появилось это необычное двухтомное издание, у томов которого разные издатели.

Судя по всему, риск оправдался, и, несмотря на то, что Рид, как мы видели, был не очень доволен продажами книги и даже просил о помощи юного Олливанта, сальдо предприятия оказалось вполне положительным и об этом можно говорить с уверенностью. Чем иным объяснить тот факт, что и следующий роман — «Банделеро, или Свадьба в горах» (*The Bandolero: or, A Marriage Among the Mountains)* был издан также у Р. Бентли? В архиве издателя сохранилась переписка с Ридом, в которой тот настаивал на максимальном удешевлении продажной цены романа. Он доказывал, что невысокая цена привлечет больше покупателей и, следовательно, доходы издателя и автора возрастут. Неизвестен коммерческий результат издания, однако очевидно, что Бентли внял аргументам писателя — он продавал книгу по той цене, что и «Всадника без головы» (12 шиллингов за два тома), на чем и настаивал его корреспондент.

Вне зависимости от успеха упомянутого конкретного проекта можно утверждать, что 1865–1866 годы были периодом финансового благополучия. Но за взлетом, увы, последовало падение. 13 ноября 1866 года банк, которому принадлежали долговые обязательства Майн Рида, обанкротился. Соответственно, был возбужден иск и о банкротстве писателя. Но банкротство — позор для викторианского джентльмена, и Рид (что полностью соответствует его характеру) принял мужественное решение — выплатить все долги. Но решение это повлекло очень серьезные последствия. Хотя никогда прежде он не зарабатывал так много, как тогда, никаких литературных доходов, конечно, не могло хватить, чтобы расплатиться с долгами, а об отсрочках не могло быть и речи. Пришлось отдавать имущество. В результате он потерял всё: земли — собственные и взятые в долгосрочную аренду; карьер с кирпичным заводом, недостроенный коттеджный поселок, конюшни, экипажи и лошадей. 10 января 1867 года суд прекратил дело о его банкротстве. Рид «сохранил лицо», но утратил всё, что ему принадлежало. Это был тяжелый удар. И горше всего была потеря дома — любимой гасиенды. Но писатель, судя по всему, не отчаялся: в конце концов, главное, что он остался джентльменом,

а как одолеть бедность, он знал — писать, писать и писать. Ведь его репутация осталась неприкосновенной.

Новый, 1867 год писатель встречал уже в Лондоне, в съемном жилище, куда вынужден был переехать с женой. Так в январе 1867 года начался новый этап его жизни. Он покинул Джеррардз Кросс, но покинул его с гордо поднятой головой — он не должен был никому ни пенни! Он уехал, чтобы больше никогда сюда не возвращаться — ведь все это, построенное его собственной энергией, было утрачено безвозвратно. Можно представить, каких эмоций стоило это Майн Риду! Тем не менее тогда он, конечно, не думал, что покидает свой любимый край навсегда. В голове у него возник сумасшедший план, как вернуть потерянное. Если не всё, то хотя бы свой любимый дом — гасиенду. Что это был за план? Отчаянный, но вполне в духе Майн Рида. Он решил заняться журналистикой и основать собственную газету. Конечно, это была ошибка. Ведь он мог пойти совсем по другому пути и жить литературой. Постепенно, за несколько лет, он сумел бы восстановить материальное положение, вернуться к привычному образу жизни и со временем вновь обзавестись недвижимостью. Но Рид выбрал другой путь — он вернется с блеском, в лучах успеха, победителем!

Хотя Рид нередко выступал со статьями и письмами в газетах, публиковал романы и рассказы в журналах, опыта профессиональной журналистики у него не было, как не имелось и опыта издательской деятельности. Конечно, это была авантюра. Неясно, пришла ли эта идея к нему самостоятельно или кто-то натолкнул его, но он почему-то считал, что его предприятие ждет успех, газета обретет популярность и в короткое время он сможет вернуть свое имущество. Денег у него теперь не было, недвижимости тоже, но осталось доброе имя. С этим багажом писатель и отправился в «новое плавание», которое, увы, оказалось совсем недолгим.

В зимние месяцы 1867 года, когда идея только начала обретать очертания, его представления о газете были поначалу достаточно смутными. Одно он знал точно — это должна быть недорогая общедоступная газета, пронизанная демократическими идеалами. Стоить она будет не больше одного пенса и выходить ежедневно. Она должна быть интересной и развлекать, но не опускаться до балагана. На ее страницах будут печататься реклама и объявления, но их количество будет сведено к минимуму, и они должны быть внятными и пристойными. Заведомо сомнительную рекламу он печатать отказывался. В общем, газета должна быть респектабельной — как «Таймс». Но в отличие от рупора британских консерваторов это будет

либеральная газета. Она посоперничает с «Таймс» на ее поле. И со временем, конечно, станет более популярной. Но это в будущем. А пока на вещи надо смотреть трезво — сначала «встать на ноги», сформировать аудиторию. Поэтому поначалу издание должно быть небольшим по объему. А назовет он эту новую газету — «Маленькая тайме» *(Little Times),* а как же иначе!

Последний зимний и первые весенние месяцы прошли в подготовке к выпуску нового издания. В эти дни Рид ничего не писал, ему было совершенно не до сочинения романов, благо, что задел был создан прежде, очередные книги выходили и успешно раскупались. В начале года вышла «книга по зоологии для ребят» — «Четвероногие», следом появилась заключительная история о приключениях буров — «Охотники за жирафами», в газете «Квин» *(Queen)* выпусками по нескольку глав печатали уже вышедший отдельным изданием «Банделеро». Договор на издание того же романа, но под другим названием *(The Mountain Marriage*), Риду удалось заключить с одним небольшим лондонским издательством. Писатель также продал американской фирме «Тикнор и Филдс» из Бостона права на издание в США романа «Водой по лесу», а затем ему удалось заключить выгодный контракт на публикацию сборника короткой прозы, составленного из уже напечатанного прежде. То есть с финансами постепенно налаживалось, и он мог не отвлекаться на сочинительство. Но рука сама тянулась к перу, хотя теперь, в первые весенние месяцы, он сочинял не романы, а писал статьи и фельетоны, заготавливая материалы для газеты, и параллельно размышлял над макетом издания и рубриками. А еще занимался поиском типографии и переговорами с печатниками, справлялся о ценах на бумагу, договаривался о литографиях и клише для своего еще не родившегося детища. Наконец, в апреле Рид снял помещение для редакции, вызвал в Лондон Чарлза Олливанта и поручил тому технические вопросы. Олливант должен был исполнять обязанности секретаря редакции — принимать заказы на рекламу, беседовать с посетителями, давать разъяснения, договариваться с распространителями.

В субботу 27 апреля 1867 года на улицах Лондона появился первый номер вечерней газеты, стоила она один пенни и называлась «Литтл таймс». И действительно — по оформлению и визуальной стилистике — это была маленькая копия респектабельного издания. Другим был формат (вполовину меньше — примерно 24 на 30 сантиметров), соответственно, и текст располагался не в шесть (как в «большой» *Times* того времени), а в три колонки. В первом номере была помещена редакторская статья, в которой разъяснялась политика издания.

Майн Рид сообщал, что газета будет печататься ежедневно — «сразу по получении утренней почты и телеграмм». Он не говорил о политическом направлении газеты, но заявлял, что «ее дух и склонности скоро обнаружатся». «На страницах газеты не будут публиковаться странные и аморальные объявления», но редакция не отказывается от добросовестной рекламы, «условия публикации — один пенни за слово».

Элизабет Рид называет газету мужа «отличным изданием», которое сочетало в себе качественную полиграфию и глубину содержания. Трудно судить об этом: к сожалению, майн-ридовская *Little Times* нашлась только в библиотеке Британского музея и только потому, что верный Олливант собрал и сохранил все выпуски газеты, которые затем переплел в единый том, снабдив его составленным от руки оглавлением, в котором привел названия всех публикаций.

Учреждая свою газету, писатель ожидал, что успех последует незамедлительно: ее будут раскупать, читать и обсуждать; заказы на рекламу и объявления посыплются как из рога изобилия, и издание немедленно превратится в прибыльное предприятие. Может быть, так и случилось бы, но для этого необходимо было время: читатель должен был привыкнуть к новой газете, а рекламодатель — увидеть, что у издания есть своя (и достаточно обширная) аудитория. То есть какое-то время — возможно, долгое — газета в принципе не могла приносить доход, но должна была быть убыточной. К такому повороту Рид оказался совершенно не готов — он не обладал достаточными средствами, чтобы покрывать издержки. Да и сил, чтобы в одиночку (!) сочинять весь «контент» газеты («Маленькая тайме» выходила шесть дней в неделю, исключение составляло воскресенье), видимо, день ото дня становилось все меньше. Тем не менее в выпуске от 21 мая Рид сообщал, что с 28 мая в газете начнется публикация романа «Белая скво», который станет продолжением его раннего романа «Охотники за скальпами» (1851). Но обещанная публикация не увидела свет, потому что уже следующий выпуск (от 22 мая) стал последним номером газеты. Типография, в которой писатель печатал свою «Таймс», отказалась работать в долг и потребовала немедленной оплаты. Денег у Рида не было, запустить издание у другого типографа он не мог — все печатные формы находились в распоряжении типографии, которой он был должен. Так и закончилось недолгое, но отчаянное «плавание» Майн Рида «по волнам» британской журналистики. А что касается обещанного романа, то Рид еще и не приступал к его воплощению — замысел книги лишь складывался в воображении беллетриста, и он собирался писать его параллельно с подготовкой очередных

номеров своего детища. Но тогда — не случилось. «Белую скво» Рид написал, но два года спустя. И роман этот не был продолжением «Охотников за скальпами», а стал совершенно самостоятельным произведением.

Решение покинуть Англию и уехать в США Майн Рид, видимо, принял спонтанно — без особых размышлений и длительной подготовки, как принимал многие решения, круто менявшие течение его жизни и судьбу. Таков был характер писателя и он сам — импульсивный, способный к решительным переменам. Очевидно, мысль о возвращении в Америку возникла не сразу после крушения предприятия с изданием газеты. Какое-то время — месяц или два — Рид находился в депрессии: сочинять ничего не мог, почти не выходил на улицу, целые дни проводил в кабинете и много спал. Понять его можно: морально и физически он очень устал. Крах газеты означал и крушение его надежд на возвращение утраченного статуса — что так важно для любого викторианца! — респектабельного джентльмена и владельца недвижимости. Но и предаваться отчаянию было, во-первых, не в характере Рида, а во-вторых, надо было думать о «хлебе насущном». Так сочинительство вновь наполнило его жизнь.

В течение без малого двух предшествующих десятилетий писатель непрерывно сочинял. То был своеобразный творческий конвейер, с которого постоянно «сходили» все новые и новые романы. Газетное предприятие прервало его безостановочную работу — у писателя просто не было времени и сил на что-то иное, помимо журналистики. Теперь все пришлось начинать заново. И Рид вновь запускает свой «конвейер». В августе ложатся на бумагу первые строки нового романа, который писатель озаглавил «Перст судьбы», и тогда же он предлагает только что начатый роман С. Битону[76] — издателю и владельцу юношеского журнала «Бойс оун мэгэзин», прежде неоднократно публиковавшему его произведения. С чем была связана такая спешка? Ответ прост: необходимо было на что-то жить и содержать дом, а договор с журналом на публикацию предполагал выплату аванса. Забегая вперед скажем, что Рид опубликовал в журнале только вступительные главы — в полном виде роман так и не был напечатан в нем[77]. Почти одновременно писатель начал вести переговоры с другим юношеским изданием — «Бойс ингланд джорнэл» и договорился опубликовать в нем сразу два произведения, которые должны были печататься как «сериалы» с продолжениями. Первый назывался «Плантатор-пират», второй — «Роковая веревка». За каждую предполагаемую публикацию он получил аванс, но

осуществил только вторую. «Плантатор-пират» *(The Planter Pirate: A Souvenir of the Mississippi)*[78] был закончен лишь год спустя в Америке и напечатан там же издательством «Бидл энд Эдамс». А анонсированным в «Бойс оун мэгэзин» романом «Перст судьбы» заинтересовалось одно из нью-йоркских периодических изданий. Переписка с американскими издателями и решила судьбу писателя, по сути, спровоцировав его отъезд в США.

Элизабет Рид утверждала, что владелец газеты «Файерсайд компэнион» *(Fireside Companion*) заплатил ее мужу пять тысяч долларов за право публикации упомянутого романа. Едва ли это соответствует действительности, ведь роман так и не был напечатан в «Файерсайд компэнион». Да и мог ли Джордж Манро, владевший этим изданием и тогда еще только начинавший свой бизнес, заплатить за еще ненаписанный роман такую сумму? Сомнительно. Ведь к тому времени, когда Рид покинул Англию, не вышло еще ни одного номера газеты. Да и что собой представляла эта газета? Черно-белое иллюстрированное восьмиполосное издание, по формату близкое современным «Аргументам и фактам». Это был еженедельник, ориентированный на молодежную и женскую аудиторию и публиковавший «сериализованные» романы и рассказы, юмористические истории, стихотворения, заметки о текущих событиях. В 1890-е годы, когда разовый тираж «Файерсайд компэнион» достиг максимума — двухсот тысяч экземпляров, — Манро, вероятно, мог бы заплатить такую сумму, но не тогда, в самом начале своего предприятия. Другое дело, что горизонты, которые он рисовал в своих письмах, могли вскружить голову и увлечь Рида. Ведь на самом деле, рассуждая о перспективах литературной деятельности в США, последний говорил правду о том, что в Америке писатель мог зарабатывать очень много — значительно больше, чем в Англии, — после Гражданской войны спрос на развлекательную литературу в США был огромным. А ведь Рид переписывался не только с Манро, но и с другими американскими издателями, и те тоже. предлагали выгодные условия для сотрудничества. Эта переписка и перспективы, нарисованные его американскими корреспондентами, подвигли Рида сменить место жительства и заставили устремиться за океан.

Часть IV
США, вторая попытка: 1867–1870

Из Ливерпуля — в Ньюпорт, Из Ньюпорта — в Нью-Йорк

Интересно, что переживал 49-летний Рид, когда октябрьским днем корабль, на котором находились он и его жена, покидал гавань Ливерпуля? Не испытывал ли он ощущения некоего *deja vu* — повторения пройденного, учитывая, что 27 лет назад в почти такой же осенний день он, тогда еще двадцатилетний, покидал эту же гавань, чтобы отправиться в США. И так же, как сейчас, он стоял на палубе и смотрел, как «черные волны холодного и сумрачного Атлантического океана поглотили холмы родины». Вполне возможно. Но, наверное, он все же не испытывал особой тревоги и смятения. Судьба его давно определилась, и в Америку он ехал не за приключениями, а зарабатывать. У него был большой житейский и писательский опыт. Он был уверен в себе и в том, что его дарование будет востребовано в Америке. Да и вообще, Майн Рид был человеком позитивным, оптимистом и экстравертом, несклонным к ипохондрии и самокопанию. Скорее всего, покидая Британию, он испытывал прилив чувств и возбуждение. Грядущая встреча с Америкой рождала надежды и будила воображение — чем-чем, а уж воображением писатель точно обделен не был. Можно представить, какие воздушные замки он воздвигал в своем сознании! Вот кого действительно страшила встреча с Новым Светом — так это его жену, Элизабет Рид. Несомненно, грядущая стойкая антипатия миссис Рид к США зародилась именно тогда — на палубе пакетбота под вой ветра, скрип снастей, корпуса и такелажа, когда, задыхаясь под напором промозглого, насыщенного морской влагой воздуха, она, кутаясь в меха, тщетно старалась удержать тепло, но оно улетучивалось, исчезало, как исчезала вдали ее милая родина, которую она покидала первый раз в жизни. Она действительно была очень напугана, и встреча с далекой страной порождала больше

страхов, а не надежд, как у мужа.

Точная дата отплытия четы Ридов из Ливерпуля в Америку неизвестна. Мы знаем, что произошло это в середине октября.

Отсутствуют источники, которые помогли бы установить название, тип судна и его маршрут. В то же время очевидно, что писатель с женой не могли отправиться через океан на паруснике и, вероятнее всего, воспользовались услугами компании «Кунард», эксплуатировавшей наиболее надежные и самые современные для того времени скоростные парусно-паровые суда. Следовательно, прежде они высадились в Нью-Йорке и уже оттуда перебрались в Ньюпорт[79]. Сколько времени Риды пробыли в Нью-Йорке? Поскольку путешествие по «Кунард лайн» (Ливерпуль — Галифакс — Нью-Йорк) длилось обычно от десяти до четырнадцати дней, а Британию они покинули в середине октября и оказались в Ньюпорте (это известно совершенно точно) 8 ноября, следовательно, в Нью-Йорке писатель и его жена провели примерно от недели до десяти дней.

Долгое путешествие, неизбежная морская болезнь, а затем огромный, шумный и бестолковый Нью-Йорк, населенный бесцеремонными, невоспитанными янки, — все это должно было еще больше напугать молодую женщину — британскую аристократку, привыкшую к иному окружению и темпу жизни. Поэтому переезд в Ньюпорт она восприняла с облегчением и наверняка была благодарна мужу. Да и решение это — перебраться в тихий, провинциальный город — Майн Рид принял, скорее всего, именно из-за супруги, понимая, что его хрупкая спутница жизни нуждается в каком-то времени для адаптации к заокеанской действительности.

Почему выбор Ридов пал именно на Ньюпорт? Ответ на этот вопрос очевиден — прежде, в американский период своей жизни, Майн Рид жил в нем и хорошо знал город. Они сняли дом на всю зиму. Сделать это было нетрудно и стоило совсем недорого — не только по сравнению с Англией, но и по американским меркам. Ньюпорт уже в 1840-е годы входил в моду как респектабельное место отдыха, а к концу 1860-х превратился в модный и дорогой морской курорт с хорошо развитой инфраструктурой. Но с осени и до лета жизнь в нем замирала: отели пустовали, отдыхающих не было, и те, кто ценил уединение и покой, могли им наслаждаться в полной мере.

Но если миссис Рид покой был действительно необходим (и она смогла обрести его в Ньюпорте), то ее муж не мог позволить себе отдыхать — необходимо было немедленно начинать работу, налаживать контакты. Собственно, «контакты» уже были налажены — сначала перепиской, а затем и личными встречами и

визитами уже в Нью-Йорке. Да и «работа» началась еще в Англии. Сохранилось письмо Рида, датированное 27 июля 1867 года и адресованное американской издательской фирме «Бидл энд Эдамс» *(Beadle and Adams)*. В нем Рид писал: «В свете тех весьма щедрых условий, что были Вами предложены, я согласен написать цикл романов для серии «Роман за десять центов»[80], выпускаемой Вашим издательством. Первый из них, озаглавленный «Беспомощная рука», будет отправлен Вам пароходом, покидающим Англию 19 августа сего года». То есть очевидно, что уже летом (а возможно, и весной) он активно переписывался с американскими издателями — не только с Дж. Манро, владельцем «Файерсайд компэнион», но и с владельцами «Бидл энд Эдамс», предлагавшими ему сотрудничество на очень выгодных условиях. Можно сделать и другой вывод — в июле Майн Рид еще не принял решения покинуть Англию и перебраться в США. Видимо, это решение было принято позже и, вполне возможно, было спонтанным. Что же касается романа «Беспомощная рука», который должен был стать (и стал) первым из текстов, написанных для «Бидл энд Эдамс», то он так и не был отправлен «пароходом, покидающим Англию 19 августа». Рид привез его сам и лично вручил издателям в конце октября 1867 года в Нью-Йорке. Там и тогда же был заключен и договор, по которому писатель подряжался сочинить серию романов для издательства.

«Беспомощная рука, или Возмездие дикого леса» *(The Helpless Hand. A Tale of Backwoods Retribution)* стал первым романом Рида, опубликованным в «Бидл энд Эдамс». Он вышел уже 14 января 1868 года в очередном — 141-м выпуске «Романов за десять центов». Писателю заплатили 600 долларов, что было необычно высоким авторским вознаграждением за книгу, опубликованную этой издательской фирмой. Обычно они платили своим авторам меньше, но Майн Рид был «фигурой международного масштаба», признанным мастером жанра, на котором специализировались издатели, и он «эксклюзивно» сотрудничал с издательством. Об этом предварительно известили читателей (выделив текст рамкой и крупным шрифтом) в предшествующем 140-м выпуске серии.

Здесь, вероятно, имеет смысл сделать небольшую паузу в повествовании о жизни писателя, чтобы предпринять небольшой экскурс в литературную действительность Америки конца 1860-х годов — во всяком случае, ту, что связана с деятельностью издательского дома «Бидл энд Эдамс». Без подобного экскурса едва ли возможно адекватное восприятие обстоятельств жизни и творчества Рида тех лет.

Прежде всего необходимо отметить, что литературный рынок

Америки разительно отличался от английского викторианского. Если в 1860-е годы в Англии почти безраздельно господствовал традиционный «трехпалубный» роман, который покупали платные библиотеки для распространения среди читателей (по сути, для сдачи в кратковременную аренду), то в США платные библиотеки британского типа *(circulating libraries)* хотя и существовали (главным образом в крупных городах), но отнюдь не определяли положение на рынке. В отличие от английских коллег американский издатель запускал руку в читательский карман без посредников (библиотек), а действовал напрямую, продавая свой товар всем желающим — реализуя его в книжных магазинах, газетных киосках, на железнодорожных станциях, по почте, книгоношам, которые доносили книги до самых отдаленных уголков страны.

Америка превосходила Англию не только размерами. Уже в начале XIX века население США превышало население бывшей метрополии, а уже в середине столетия — тем более. Выше был процент горожан, да и просто людей грамотных среди американцев было значительно больше. Все это создавало хорошие предпосылки для развития полиграфии и книжного дела. Но до середины столетия эти преимущества Америки оставались почти неощутимыми — разве что газетно-журнальное дело развивалось в США интенсивнее, чем в Англии, и периодических изданий стало больше, они были разнообразнее и играли большую роль. Так продолжалось примерно до начала 60-х годов XIX века, когда американский бизнес принялся энергично осваивать книгоиздание, хотя, справедливости ради, отметим, что местом приложения его сил были крупные города — Нью-Йорк, Бостон, Чикаго, Филадельфия (вспомним в связи с этим сумасшедший успех сочинений Дж. Липпарда — упоминавшегося в книге филадельфийского знакомца Майн Рида). Качественный скачок произошел в годы Гражданской войны Севера и Юга (1861–1865). Массы людей (главным образом грамотных мужчин) были отторгнуты от привычных занятий, вырваны из традиционного окружения, собраны в гигантские коллективы, составив, таким образом, почти безграничную аудиторию читателей — то есть рынок для книготорговцев. После войны многие участники вспоминали, что для них книги были не менее важны, чем вода, табак или пища, и в квартирмейстерских обозах связки книг занимали едва ли меньше места, чем обмундирование и письма из дома[81]. Определились и векторы развития книжной продукции — как по содержанию, так и по форме. На войне было время для досуга, но не для глубоких размышлений — поэтому книга прежде всего отвлекала и

развлекала. Сюжет должен быть «мужественным»; герои — мужчинами, которые совершают героические поступки. Американцам не интересны приключения иностранцев, поэтому герои — американцы. А где в Америке «есть место подвигу»? На Дальнем Западе. Там и происходят события большинства романов, а герои сражаются с кровожадными индейцами (реже — с вероломными мексиканцами, иногда и с теми, и с другими одновременно). На войне нет места унынию — события должны развиваться динамично и заканчиваться победой Добра (то есть американцев) над Злом (индейцами и мексиканцами). Тогда, в начале 1860-х, формируется «канон» литературы подобного рода, который будет доминировать не только в 1860-е, но и в 1870-е, 1880-е и даже 1890-е годы. «Городской сюжет» с преступлениями и частными сыщиками, их расследующими, — Натом Пинкертоном, Ником Картером и их «коллегами» — изобретение уже XX века. Майн Рид был одним из тех, кто формировал «канон» — и, безусловно, наиболее ярким и талантливым среди всех.

Огромная аудитория определяла не только содержание, но и «форму» — книга должна быть небольшой, удобной, чтобы ее можно было носить в солдатском ранце, а по прочтении не жалко передать товарищу или даже выбросить. Поэтому прежде всего она обязана была быть дешевой. Так в годы войны сформировался стандарт книги: она стоила не дороже 20 центов (в 1860-е — обычно десять центов), печаталась на дешевой газетной бумаге, текст располагался в несколько колонок (обычно от двух до пяти), переплет заменила бумажная обложка, число иллюстраций сводилось к минимуму (обычно в книжке имелась всего одна иллюстрация — на титульном листе). Стандартным был и объем — обычно он не превышал ста страниц. В отличие от знакомых европейскому читателю романов, печатавшихся в виде брошюр с продолжением, каждая книга включала только один роман, который сочинялся автором под этот формат. Обязательным был и рекламный блок в конце книги. Обычно это были первые 10–20 страниц романа, который в полном виде печатался в следующем выпуске. В 1860–1890-е годы «Бидл энд Эдамс» в каждой издаваемой ими серии выпускали по роману еженедельно.

Названная издательская фирма была, конечно, не единственной, кто печатал книжки подобного рода, но безусловным пионером и наиболее успешной в этой области. Ее первая серия «Роман за десять центов» была запущена еще в преддверии Гражданской войны — в 1860 году. К тому моменту, когда Рид стал одним из ее авторов, число наименований в серии уже приближалось к полутора сотням (многие из них часто

переиздавались, и тиражи постоянно допечатывались), а к моменту завершения серия насчитывала больше трехсот романов. В 1870–1880-е годы на смену им пришли новые серии: «Библиотека романов за пять центов» *(Half-Dime Library),* «Карманная библиотека» *(Pocket Library),* «Новые романы за десять центов» *(New Dime Novels),* «Десятицентовая библиотека» *(Dime Library),* «Романы за двадцать центов» (*Twenty Cent Novels)*. Они изменились внешне — их украсили цветные обложки, появились иллюстрации в тексте, но по содержанию и объему — почти не претерпели изменений. Тот факт, что упомянутые серии выпускались под маркой «Бидл энд Эдамс», красноречиво говорит о размахе явления. А ведь свои серии выпускали и другие американские издательства! Конечно, на обложках появлялись новые имена, но значительную часть текстов в этих сериях составляли уже опубликованные прежде — в 1860-е годы, а среди них и те, что были написаны Майн Ридом. Широко бытует мнение, что именно тогда — в США, в 1860-е, с «десятицентовыми» романами зарождалось явление, ставшее одним из знаковых для современной мировой цивилизации и культуры — так называемая массовая литература. Если это действительно так (а это очень похоже на правду), то Рид был одним из тех, кто стоял у истоков этого явления. И он не был одним из безликих, бесследно канувших в Лету сотен сочинителей, но, напротив, стал одной из ярчайших звезд в этом списке[82].

Вообще, американцы второй половины XIX века много читали — явно больше, нежели их современники британцы. Об этом свидетельствует не только поразительный коммерческий успех «карманных серий» «Бидл энд Эдамс», но и широкое распространение (а следовательно, и востребованность их читателем) американских периодических изданий иного рода — всевозможных литературных газет и еженедельников той эпохи. Таких, как упоминавшийся выше «Файерсайд компэнион» или, например, «Нью-Йорк леджер», «Нью-Йорк джорнэл», «Нью-Йорк уикли», «Фрэнк леслис иллюстрейтед» и т. д. В пору расцвета их разовые тиражи нередко превышали 300 тысяч, доходя порой и до полумиллиона. Все они прежде всего были литературными изданиями, печатавшими прозу — романы и рассказы, поэзию и публицистику. С некоторыми из них сотрудничал и Рид. Но об этом позже.

В американские годы Ридом в серии «десятицентовых романов» «Бидл энд Эдамс» было опубликовано пять романов. Четыре из них он сочинил специально для нью-йоркского издательства. Первым стал уже упоминавшийся роман

«Беспомощная рука». Затем был опубликован «Плантатор-пират» *(The Planter Pirate. A Souvenir of Mississippi)*. Он вышел в «десятицентовой» серии 9 июня 1868 года под номером 152. Под номером 155, через месяц с небольшим (24 июля), появился роман «Белая скво» (*The White Squaw)*. И, наконец, в октябре под номером 189 был напечатан последний — «Желтый вождь» *(The Yellow Chief A Romance of the Rocky Mountains),* больше известный русскому читателю под названием «Голубой Дик»[83]. Очевидно, все они (за исключением первого) были написаны в Ньюпорте, и сочинил их Рид менее чем за год. Хотя романы эти были меньше по объему тех книг, что Рид сочинял прежде, можно представить, какой энергией и творческой потенцией он обладал, с каким напряжением сил мог трудиться! Правда, и вознаграждение за них он получил немалое — источники свидетельствуют, что за каждый ему заплатили по 600 долларов. Это были не только очень большие суммы, но они значительно превышали обычную авторскую ставку «Бидл энд Эдамс». Один из сотрудников издательства вспоминал, как летом 1868 года Майн Рид явился в нью-йоркский офис компании с рукописью только что законченного романа и потребовал за нее уже 700 долларов. «И эти деньги были ему незамедлительно выплачены наличными, — сообщал этот человек. — Никто даже не счел необходимым сначала ознакомиться с текстом». Что ж, такова была репутация писателя. А роман, о котором шла речь, хорошо известен — это «Белая скво», который Рид считал одним из лучших своих творений. Потому, видимо, и затребовал увеличенный гонорар. К тому же объем его не укладывался в 100 страниц, а значительно его превышал.

Но в большой «бочке меда» была и «ложка дегтя». Получая изрядные гонорары, писатель продавал не только рукопись, но и издательские права на нее. Правда, это касалось только изданий в Америке. Но Рид шел на это, как и прежде — в британский период, продавая и рукопись, и права на нее в Англии. Видимо, он считал это и выгодным, и справедливым. Впрочем, такова была обычная практика литературной жизни середины XIX века. Но если в Великобритании в отношениях «автор — издатель» постепенно все решительнее заявляла о себе более цивилизованная система «роялти» (отчислений с каждого проданного экземпляра), то в США работали еще «по старинке», — выкладывая деньги сразу. Для «Бидл энд Эдамс», учитывая размах издательства, это была выгодная сделка: приобретая роман, они могли тиражировать его совершенно беспрепятственно и выпускать в любых сериях и «библиотеках» (что впоследствии и делали). Интересная подробность: Рид

продавал не только «свежие» вещи, но и выходившие прежде — в 1850–1860-е годы в Англии. Он был заинтересован в их продаже именно американскому издателю, ведь масштаб американского «пиратства» был огромен. Продавая свой текст американцу, он, во-первых, получал неплохие деньги, а во-вторых, мог рассчитывать, что теперь его книгу будет издавать этот конкретный издатель, а не кто угодно, и он будет защищать свои права, не дозволяя тиражировать текст другим. Получилось, правда, не слишком успешно. Единственным известным нам проданным таким образом романом является книга «Охотники за скальпами»[84]. Майн Рид продал его все тому же «Бидл энд Эдамс». Роман вышел в той же серии «десятицентовых романов», что и другие, и появился в продаже 19 мая 1868 года под номером 150. Что интересно — издатель и на этот раз заплатил писателю его обычные 600 долларов. Видимо, «Бидл энд Эдамс», в отличие от большинства американских коллег, предпочитали (или могли себе позволить?) «цивилизованные» отношения с автором — подданным иного государства.

По воспоминаниям вдовы, проблема «пиратства» очень волновала супруга. Что, в общем-то, и понятно — его романы пользовались большой популярностью в Америке и широко здесь издавались, а сам автор при этом не получал за них ни цента. Живя в Ньюпорте, Рид вел активную переписку по этому поводу. Он писал письма в газеты, американским издателям, которые грешили этим. Но если газеты относились к праву получать деньги за собственные произведения сочувственно и публиковали его выступления, то издатели, как правило, оставляли эти послания без ответа и денег не платили, что приводило писателя в настоящую ярость. Особенный гнев вызывал у Рида нью-йоркский издатель Роберт Де Витг, который не только поставил на поток «пиратский» выпуск его произведений (начиная с «Квартеронки», которую он напечатал в 1856 году, — сразу же после появления британского издания он выпускал почти каждый роман писателя, нимало не смущаясь откровенного воровства интеллектуальной собственности), но, как полагал Рид, сколотил на его книгах целое состояние. Но не только «пиратство» Де Витта возмущало литератора, но и то, что за романы Рида бессовестный издатель выдавал чужие тексты. В письме издателю «Харпере уикли» — крупнейшего в Америке того времени литературного журнала, Майн Рид писал: «Де Витг, который, как Вам должно быть известно, подвизается в Нью-Йорке, не только бессовестно распоряжается романами, не ставя автора в известность, но еще и позволил себе издать под моим именем несколько томов, которые я не писал».

Джоан Стил в своем исследовании, довольно подробно обсуждая проблему «пиратского» использования текстов в США, в качестве вопиющего примера приводит роман под названием «Рейнджеры и регуляторы», который в 1870 году Р. Де Витт выпустил под именем Майн Рида, хотя в этой книге писателю не принадлежало ни строчки. Но если в этом случае мы имеем дело с откровенной подтасовкой и проблема авторства не вызывает ни малейших сомнений, то куда сложнее дело обстоит, например, с более ранним «фальсификатом» Де Витта — романом «Дикая жизнь, или Приключения на границе» (*Wild Life: or, Adventures on the Frontier. A Tale of the Early Days of the Texan Republic,* 1857), который был скомпилирован из книг двух разных писателей — немца Карла Постла, писавшего под псевдонимом Чарлз Силсфилд[85], и американца Ф. Хадмэна[86]. Первая — «Очерки о жизни в Техасе» (*The Cabin Book; or, Sketches of Life in Texas)* — вышла в 1844 году, а роман второго «Жизнь на границе» (*Frontier Life; or, Scenes and Adventures in the South West)* — в 1853 году. Но кроме этих текстов в книгу включены несколько новелл и очерков Рида, которые он в 1840-е годы опубликовал в филадельфийском «Грэме мэгэзин». Рид знал об этой публикации и именно ее имел в виду, возмущаясь действиями «пирата».

В художественном смысле роман «Дикая жизнь, или Приключения на границе» совершенно не примечателен. К тому же компилятор даже не попытался придать стилистическое сходство с сочинениями Рида. На его романы этот текст (кроме вставных новелл) совершенно не похож. Но сам факт этой публикации важен. Во-первых, потому, что свидетельствует об огромной популярности сочинений писателя в Америке (этот текст неоднократно переиздавался в США в 1850–1890-е годы). А во-вторых, тем, что именно с этой книги начинается пресловутая неразбериха с авторством Майн Рида, ведь «Дикая жизнь» — первый роман из числа многих, кои Рид не писал, но на титульном листе изданий которых обозначено его имя. В дальнейшем мы еще поговорим о сомнительных текстах подобного рода. Теперь же отметим, что Рид сам усугубил неразбериху с авторством «техасской» книги, опубликовав ее под своим именем у Р. Бентли в 1873 году. Что его подвигло на это? Месть Де Витту? Стремление заработать? Можно выдвинуть и такую версию — писатель хотел закрепить за собой авторские права, чтобы никто, кроме него, не мог распоряжаться романом хотя бы в Англии. Однако это лишь версии — истинных мотивов мы не узнаем никогда.

Но пора вернуться в Ньюпорт, штат Род-Айленд. Впрочем, наше пребывание не будет там долгим, поскольку недолго

пробыли там и наши герои. Неизвестно, чем занималась в Ньюпорте миссис Рид. Но, зная ее характер и привычки, можно утверждать, что целые дни она проводила дома — в съемном коттедже. Она скучала, ей было здесь плохо. Не только потому, что целыми днями она была предоставлена сама себе — к этому, живя с мужем-писателем, она, в общем-то, давно привыкла. Да какие-никакие нашлись у нее и заботы — она заваривала мужу чай, ворошила угли в камине, давала указания и поручения прислуге. Но ей не нравился климат — этот ветер, постоянно дующий с моря, эти «ледяные дожди» и ветви деревьев, покрытые коркой замерзшей воды, внезапные оттепели и такой скользкий лед под ногами, что невозможно ступить и шагу без риска повредить и даже сломать ногу. Едва ли миссис Рид удалось свести знакомство с кем-нибудь из местного общества. В то время — позднюю осень, зиму и весну, что жили здесь Риды, всякая светская жизнь на курорте замирала до начала нового сезона — до первых гостей, которые приезжали обычно в начале июня. Чем занимался Майн Рид — понятно. Вряд ли у него было даже время заметить, что его жена тоскует, что ей одиноко и совсем не нравится в Америке. С его любовью к этой стране последнее вообще было недоступно пониманию — как это кому-то может здесь не нравиться? Тем более его жене. Все время — утро (а он имел привычку начинать работать с самого утра — еще до завтрака), день, вечер, а иногда и часть ночи он посвящал сочинительству. Упоминалось, сколько романов он сочинил для «Бидл энд Эдамс», — и это всего за несколько месяцев. Можно представить, сколько он должен был трудиться! Но проникнемся еще большим уважением к его трудолюбию, если укажем, что в Ньюпорте Рид был занят не только сочинением «десятицентовых» романов, но и писал рассказы, статьи, письма в газеты, а еще принялся за сочинение сразу трех (!) романов: «Жена-дитя» (*The Child Wife: A Tale of the Two Worlds),* «Американские партизаны» (*The Free Lances: A Romance of the Mexican Valley),* «Уединенное жилище» *(The Lone Ranche: A Tale of the «Staked Plain»).* Все они были начаты в Ньюпорте, но закончены позднее — в 1868–1869 годах, когда писатель уже жил в Нью-Йорке.

Хотя Рид, как мы видим, хорошо зарабатывал литературным трудом в Америке, но и здесь денег ему не хватало. Пережитые им финансовые катаклизмы не смогли заставить его изменить приобретенные привычки и стиль жизни. Поэтому нет ничего удивительного в том, что писатель заранее продал еще незаконченные вещи, заключив договоры на издание этих романов. Вдова в своих воспоминаниях сообщает, что роман «Жена-дитя» Рид предложил знаменитому Фрэнку Лесли —

издателю самой тиражной в те времена литературной газеты США «Фрэнк леслис иллюстрейтед», богачу и оригиналу, личное знакомство с которым в скором времени подтолкнет Рида к очередной инициативе, которая в дальнейшем серьезно осложнит его жизнь. Элизабет Рид засвидетельствовала, что Лесли заплатил писателю за роман восемь тысяч долларов. Сумма поразительная. Но, даже если принять во внимание известный факт, что никто не платил своим авторам таких щедрых гонораров, как Лесли, она вызывает серьезные сомнения. Зачем миссис Рид нужно было преувеличивать? На этот вопрос ответ дать нетрудно. В простодушии своем она, видимо, полагала, что литературную ценность сочинений мужа можно измерить величиной гонорара, и потому, нимало не смущаясь, с легкостью дорисовывала лишний нолик к цифре вознаграждения. Не стоит судить ее строго. Она любила своего мужа и искренне верила, что ее наивный обман возвышает его талант в глазах потомков. Но совершенно не приходится сомневаться в словах миссис Рид, когда она говорит, что ее муж совершил «литературный подвиг, почти не имеющий себе равных». И подвиг этот совершался на американской земле — сначала осенью и зимой 1867-го, зимой и весной 1868 года в Ньюпорте, а затем в 1868–1869 годах в Нью-Йорке.

В Нью-Йорк миссис и мистер Рид перебрались незадолго до начала очередного курортного сезона — в конце апреля 1868 года. Сбрасывая морок зимней летаргии, Ньюпорт постепенно оживал, людными становились улицы, населялись отели, вечерами слышалась музыка, открывались рестораны и театры. Насколько можно судить по роману «Жена-дитя», Риду претило «курортное общество». Но не оживление в городе гнало чету Ридов в Нью-Йорк. Майн Рид задумал новый проект — точнее, даже несколько проектов, осуществление которых требовало его пребывания в этой неформальной столице Соединенных Штатов.

Американские романы

Элизабет Рид, которая по обычаю многих викторианских дам благородного происхождения вела дневник, сберегла для потомков нью-йоркские адреса мужа. Путешествие по этим адресам, предпринятое уже в начале XXI века «русским американцем» Геннадием Ульманом[87], показывает, что многие из тех домов, где жили Риды, сохранились. В большинство из них можно зайти и сейчас, прикоснуться к стенам, к которым прикасался Майн Рид, заглянуть в окна, через которые смотрел писатель. Но прежде, чем мы перенесемся в Нью-Йорк 1868 года, сделаем паузу и обратимся к произведениям, которые он сочинил

в Америке.

Их довольно много, и они разнообразны — как по форме, так и по содержанию. Короткие остросюжетные романы (правильнее их было бы назвать повестями), созданные по заказу «Бидл энд Эдамс», соседствуют в этом списке с более привычными для Рида объемными многоплановыми текстами — такими как «Жена-дитя» и «Белая скво».

Сколько всего романов Майн Рид написал и опубликовал в Америке в 1868–1870 годах? Ответ на этот вопрос не так прост, как может показаться. Например, публикация романа «Белая скво» была анонсирована писателем еще в мае 1867 года, тогда же были написаны и его первые главы. Но одноименный роман, вышедший в 1868 году, представлял собой совершенно другой текст. Или, например, роман «Беспомощная рука», который под названием «Роковая веревка» он собирался публиковать в журнале «Бойс ингланд джорнэл», обрел совершенно иные вид и форму, нежели задумывалось писателем изначально. Или роман «Смертельный выстрел». Первоначально Рид планировал печатать его в своем журнале «Вперед» и, соответственно, принялся сочинять его с прицелом на определенный размер и аудиторию. Но роман не был завершен в Америке. Рид издал его в трех томах в Англии, и окончательный вариант разительно отличался от того, каким он задумывался. Еще интереснее с «Американскими партизанами»: известно, что роман этот заказал Ф. Лесли для своей газеты «Фрэнк леслис иллюстрейтед». Роман был написан, и Рид получил причитающееся вознаграждение. Но по какой-то причине Лесли не стал его печатать тогда же, а выпустил его только через несколько лет, да и то под другим названием — «Крис Рок» *(Cris Rock: or, A Lover in Chains)*. В 1881 году Рид переработал и расширил роман, а затем опубликовал под названием «Американские партизаны»[88]. Тот текст, который он создавал для Лесли, к сожалению, недоступен. Однако известно, что окончательный вариант значительно объемнее «американского» — он был издан в классических викторианских трех томах. И все же отделить американские романы от прочих можно. Вот они: «Беспомощная рука», «Плантатор-пират» («Остров дьявола»), «Желтый вождь» («Голубой Дик»), «Белая скво», «Жена-дитя», «Желтая горилла» («В дебрях Борнео») и «Уединенное жилище». В число американских романов мы не включаем «Американских партизан». Сказанное выше, думается, объясняет причину этого.

Читателю известно, что первые четыре книги Майн Рид написал по заказу издательства «Бидл энд Эдамс». Это обстоятельство оказало самое непосредственное воздействие не

только на объем и содержание, но и на качество текстов. Сотрудничество с американскими издателями заставило Рида отказаться от сочинения многоплановых, «густонаселенных» историй. Он был ограничен и в объеме: истории для «Бидл энд Эдамс» должны «укладываться» в книжку небольшого формата в 100 страниц. Это было примерно в три раза меньше того, к чему писатель привык. «Формат» серии предопределял и место действия — оно должно было развиваться на Западе, в «пограничье». Последнее условие Риду было выполнить несложно — события большинства предшествующих историй писателя происходят, как известно, на пространствах Дальнего Запада.

Мы знаем, что первой «американской» книгой стал роман «Беспомощная рука». Действие его отнесено к 40-м годам XIX века, то есть развивается оно в «героическую эпоху» освоения Запада в Арканзасе. Напомним событийную составляющую истории. Герой романа, юный охотник с примесью индейской крови по имени Пьер Робидо, становится жертвой жестокой игры, которую затеяли его белые сверстники. Они заключили пари, кто дольше сможет провисеть, зацепившись правой рукой за ветку дерева. Чтобы «все было по-честному», левая рука должна быть привязана к туловищу. Гордый Пьер пошел на это, но жестокие белые набросили еще и петлю на шею герою. Так они пошутили. Но шутка обернулась трагедией — на поляну выскочил медведь, и вся группа устремилась за ним, забыв про Пьера. В конце концов, рука не выдержала, и герой был повешен. Но он остался жив. Охотник Джерри Рук обрезал веревку и отнес потерявшего сознание Пьера к себе в хижину. Он скрыл этот факт от тех шестерых, которые устроили жестокую забаву, и сказал, что спрятал труп юноши, а за молчание потребовал ренту — каждый должен был платить ему по 100 долларов ежегодно. Минуло шесть лет. Джерри Рук разбогател: у него большой дом, прислуга, плантация, рабы. У него красавица дочь, которую он хочет выдать за одного из негодяев — богача Альфа Брэндона. Последний влюблен в дочь охотника, но та с детства (и взаимно) любит Пьера Робидо. Тот возвращается из Калифорнии, где был золотоискателем. Тайна «повешенного» раскрыта, и все хотят отомстить: «шутники» Джерри Руку, тянувшему из них деньги; Пьер — «шутникам», а охотник не желает упускать деньги и намерен приструнить «бунтовщиков». Поначалу он против брака дочери и Пьера. Но, узнав о том, что последний разбогател в Калифорнии, становится на его сторону. Пьер мстит главному обидчику Брэндону, а остальных… наказывает жизнь — дурные наклонности всех их приводят к позорной смерти.

В творческом плане «Беспомощная рука» — конечно,

серьезный шаг назад для Рида. Он не сумел вместить полноценную увлекательную интригу в предлагаемый объем. Очевидно, поначалу он сочинял историю, которая предполагала иное художественное пространство — с тщательно разработанным сюжетом, несколькими повествовательными линиями, насыщенное событиями, с эпизодами, раскрывающими характеры основных действующих лиц, и с собственными историями каждого из них. Вначале действие и развивается в соответствии с указанными принципами. Писатель дает подробную предысторию, завязывает интригу, но вместо того, чтобы так же обстоятельно и в том же темпе продолжать рассказ, «комкает» историю, «быстренько» соединяет влюбленных, «скороговоркой» карает главного злодея и завершает повествование, не успев даже воздать остальным по заслугам. Нетрудно понять, почему Рид допустил такой «брак в работе». Судя по всему, сочинять он начал повествование традиционного для него типа, но, получив заказ от «Бидл энд Эдамс», поспешно приспособил написанное под требования издателя. Конечно, ничего хорошего из этого получиться не могло. Подтверждает это предположение уже следующий «десятицентовый» роман писателя — «Плантатор-пират», более известный нашему читателю как «Остров дьявола».

Хотя эту книгу Рид сочинил очень быстро — всего за несколько месяцев (при этом он параллельно работал и над другими текстами) — по своему качеству она явно выше, нежели предыдущая. Прежде всего, очевидно, что «Остров дьявола» — не переделка, но произведение, обладающее внутренней целостностью. Сочиняя его, Рид стремился к тому, чего не хватало «Беспомощной руке» — к балансу формы и содержания. Традиционно «Остров дьявола» называют романом. На самом деле, это, конечно, не роман, а повесть. Центральной фигурой, скрепляющей сюжет, является рассказчик. Он повествует о событиях, участником которых был, и рассказывает о них в порядке их развития, представляя героев по мере их появления на сцене и степени участия в событиях. В повести немного действующих лиц и нет лишних. Каждый выполняет свою роль и развивает сюжет. Сама по себе история довольно простая. Рассказчик путешествует по южным штатам, знакомится сначала с красавицей Корнелией Вудли и ее братом Уолтером, затем с их знакомцем Натом Брэдли, который ухаживает за Корнелией. Брэдли — странный субъект: за короткое время он разбогател, но источник его богатства непонятен рассказчику. Брэдли — сосед другого брата Корнелии — Генри, владельца плантации. Генри — должник Брэдли и вынужден терпеть его компанию и ухаживания

за сестрой. Кроме этого, Брэдли водится с уголовными типами, с которыми его связывают темные дела. Автор с риском для жизни узнает тайну Брэдли — тот промышляет пиратством и убийствами на Миссисипи, грабя баржи, груженные хлопком. С братьями Вудли ему удается взять пирата с поличным, и негодяй отправляется на каторгу.

Вполне достойно на фоне предыдущего смотрится и следующий «десятицентовый роман» — «Желтый вождь», позднее сменивший название на «Голубой Дик» и русскому читателю известный главным образом под этим заглавием. Как и «Беспомощная рука» (да и большинство «бидловских» романов «за десять центов»), это роман о «пограничье». Действие его начинается на Юге США. В эпизоде — прологе к основному событию, завязывается конфликт, дается предыстория и происходит знакомство с основными действующими лицами. Их немного. Прежде всего, это негр по прозвищу «Голубой Дик». По приказу сына владельца плантации Блонта Блэкадцера его подвергают унизительному наказанию. Карает раба надсмотрщик Снивелли. Кроме упомянутых за экзекуцией наблюдает сестра Блонта — Клара. На следующий день, совершив убийство, невольник убегает. Проходит несколько лет, и семейство Блэкадцеров переселяется на Запад. На караван нападают индейцы, которых возглавляет «Желтый вождь». Предводитель краснокожих конечно же не кто иной, как сбежавший «Голубой Дик». Он горит местью: глава семейства — старый Блэкадцер — убит, страшные пытки и смерть уготованы Блонту, Кларе и Снивелли. Но о нападении индейцев узнает охотник-ирландец Эдвард О'Нейл. С товарищами он нападает на разбойников, освобождает пленных, а затем… женится на Кларе.

Несмотря на, скажем так, не слишком оригинальный (прежде всего для самого Рида) сюжет, роман сделан добротно, действие его развивается динамично. Рид — профессионал, и профессиональная рука в романе ощутима. Думается, автор не разочаровал не только издателей из «Бидл энд Эдамс», но и читателей — любителей «десятицентовых романов».

«Белая скво» — последний роман, сочиненный Ридом для серии. Напомним, писатель запросил за него увеличенный гонорар — 700 долларов. Сделал он это не только потому, что роман был по объему больше предыдущих, но и потому, что он нравился писателю. Любовь, конечно, слепа, а «родитель» не способен относиться к своим «детям» объективно. И восприятие Ридом собственного романа демонстрирует сию прописную истину довольно наглядно.

«Белая скво» возвращает читателя во Флориду — в годы,

предшествовавшие войне с семинолами, описанной в «Оцеоле». Рид отказывается от обширной экспозиции, и действие романа начинается с завязки событий. Белый юноша Уоррен Роди убивает индейца по прозвищу «Красный Волк», который пытается уничтожить сына вождя Нелати. Благородный поступок на поверку оказывается не таким уж и благородным — Уоррен выстрелом убирает ненужного свидетеля своих отношений с сестрой Нелати Сансутой. Любовь Уоррена к индианке отнюдь не возвышенного толка — он хочет обладать ею. Индейская девушка — чистое дитя, напротив, искренне любит негодяя. После смерти «Красного Волка» связным между индианкой и Уорреном становится хромой невольник его отца, у которого свои и, как становится известно в финале, — весьма зловещие планы. Отец Уоррена — местный «губернатор» Элайс Роди. Некогда он оказал услугу вождю, и тот подарил ему часть земель своего племени. Элайс завербовал несколько десятков семей и основал «колонию». Но, человек неблагодарный и аморальный, он желает увеличить свои владения: «губернатору» приглянулся священный для индейцев холм, на нем он решил возвести дом. Индейцы отказываются уступить Роди, но тот в их отсутствие начинает работы по строительству, а это приводит к войне. В боях гибнут колонисты, убит «губернатор» (умереть ему «помогает» мстящий хромоногий раб, которого в детстве тот, оказывается, изувечил для забавы, да и забыл об этом), гибнет Уоррен, сходит с ума потерявшая возлюбленного Сансута. Дочь Роди Элис попадает в плен к индейцам, она должна погибнуть, но ее жизнь и честь спасает влюбленный в нее Нелати. Но Элис не любит Нелати, а влюбляется в молодого вождя Вакору. В отчаянии Нелати кончает жизнь самоубийством, а Элис становится той самой «белой скво», что дала название роману.

В художественном отношении «Белая скво», конечно, — не совершенство. Роман явно «перенаселен» персонажами, большинство из них вполне эмблематичны — глубины им явно не хватает. Но и неудачным его назвать нельзя. Даже в рамках «десятицентового романа» Рид сумел создать текст весьма необычный — и по своей идеологии, и по характерам героев. Прежде всего, «Белая скво» — роман не только «пограничный», но еще и «индейский». Основные его действующие лица — индейцы. Причем изображены они совершенно не так, как это принято в «десятицентовом романе». В истории Рида нет кровожадных и вероломных индейцев. Если они и жестоки, то не намеренно, — их жестокость писатель объясняет обычаями и обстоятельствами войны. И уж во всяком случае, они не более жестоки, чем белые. А уж в благородстве и верности данному слову белым с ними не

соперничать. Что интересно, за исключением колоритного, но эпизодического героя — старого охотника Криса Кэрролла и совсем уж «бесцветной» Элис Роди, среди белых нет положительных персонажей. Все они — отрицательные. Положительными являются только индейцы, отстаивающие свои исконные права. Конечно, яростный демократизм романа не скрывает следов торопливости. Очевидны и самоповтор, и прямое влияние «Оцеолы». Можно даже воспринимать «Белую скво» как своеобразный «приквел» «Оцеолы». Во всяком случае, черты сходства Вакоры и Оцеолы видны невооруженным глазом, а Хадж-Ева, без сомнения, — повзрослевшая Сансута. В упрек Риду можно поставить безудержный мелодраматизм и откровенную неправдоподобность не только некоторых ситуаций, но и вообще всей любовной линии «Вакора — Элис Роди». Нет в романе и той атмосферы высокого трагизма, что пронизывает «Оцеолу». Пусть эти упреки и справедливы, но нельзя забывать о «формате», в котором сочинялся роман, да и о сроках, в которые автор должен был его завершить. В этом смысле требование Ридом повышенного гонорара было вполне оправданно. И если рассматривать «Белую скво» в ряду других текстов «десятицентовой» серии, то он — несомненное ее украшение.

Нельзя не признать, что все четыре повести (или романа — как будет угодно), особенно если их рассматривать в сопоставлении с сочинениями второй половины 1850-х — первой половины 1860-х годов, — очевидный «шаг назад» для беллетриста. То же самое можно сказать и о единственном «американском» юношеском романе — «Рыжая горилла». Более известный русскоязычному читателю под названием «В дебрях Борнео, или Приключения потерпевших кораблекрушение», он хорошо знаком нашим современникам. Несмотря на то, что роман не принадлежит к числу лучших произведений писателя, его регулярно переиздают как в составе собраний сочинений, так и в отдельных томах. Поэтому не стоит напоминать его фабулу и останавливаться на нем специально.

И все-таки утверждать, что Рид, переехав в США, как писатель деградировал, совершенно несправедливо. Убеждают в этом два романа, сочиненные им в Америке, — «Жена-дитя» (1868) и «Уединенное жилище» (1870). Интересно, что обе книги писались не по заказу издательства, а, что называется, — «по зову сердца». В этом обстоятельстве, вероятно, и следует искать источник «качества» текста — лучшие книги Майн Рида были написаны именно таким образом. Да и вообще, то была обычная практика литературной работы Рида в Великобритании — он почти не работал «по заказу», а сначала сочинял роман, самостоятельно

определяя его «параметры», и лишь затем предлагал издателям.

Роман «Жена-дитя» Майн Рид начал сочинять в первые недели своего пребывания в Америке. Нетрудно догадаться, что именно инициировало начало творческого процесса. То были воспоминания, которые не могли не пробудиться в его памяти, когда он вновь очутился в Ньюпорте — в городе, где жил и который покинул без малого 20 лет назад. Как, вероятно, помнит читатель, к этому роману мы неоднократно обращались на страницах этой книги. Причина очевидна — автобиографичность сочинения. Многие его эпизоды Рид напрямую позаимствовал из собственной жизни. Но не только в этом факте заключаются достоинства и ценность этой книги. Создавая роман, писатель осваивал новое для себя художественное пространство — его действие развивается не в привычных для него «экзотических» землях, а в современных писателю Америке, Франции и Великобритании. Правда, это не помешало насытить повествование приключениями и любовными коллизиями, но такова была особенность художественного мышления Рида. Поскольку этот роман не принадлежит к числу широко известных в нашей стране произведений[89], видимо, есть необходимость вкратце пересказать его фабулу.

Итак, история начинается в Ньюпорте, где после войны с Мексикой (1848) отдыхает капитан Мейнард. Во время прилива он спасает двух девушек, в одну из которых — Джулию Гирдвуд, влюбляется. Капитан ей тоже не безразличен, но он беден, а она — наследница миллионов, и это останавливает ее. У Мейнарда есть соперник — некий Свинтон, который выдает себя за английского лорда. Он ухаживает за Джулией в надежде заполучить ее руку и миллионы. Капитан не знает об этом, но ему известно, что Свинтон — жулик, и после того, как последний оскорбляет Мейнарда, тот вызывает его на дуэль. Свинтон малодушно уклоняется от поединка, а Мейнард не может ждать, потому что должен возглавить немецких революционеров, отправляющихся в Европу. Он отплывает в Англию на пакетботе «Камбрия». На том же судне в Англию плывет английский аристократ Джордж Вернон с дочерью-подростком. Мейнард очарован девочкой. Он спасает ее, когда она чуть было не утонула при швартовке судна в Ливерпуле, и получает доступ в дом лорда. Но он не может воспользоваться приглашением — во главе революционеров он спешит в Венгрию, где участвует в последних сражениях венгерских патриотов с австрийцами и русскими войсками. Оттуда его путь лежит в Париж, где он вновь встречается с Джулией Гирдвуд и сэром Верноном. И здесь уже у них появляется возможность отблагодарить Мейнарда и спасти

ему жизнь. В Париже происходит переворот и к власти приходит Наполеон III. Мейнард, который не скрывает своих демократических взглядов, арестован, ему грозит расстрел, но его спасают британский посол (по просьбе сэра Вернона) и американский консул (по ходатайству Джулии Гирдвуд). Герой возвращается в Лондон и продолжает революционную деятельность, помогая Кошуту, вокруг которого плетутся зловещие международные интриги. Мейнард «разрывается» между любовью к немного повзрослевшей, но все еще девочке-подростку (хотя уже и влюбленной в него) Бланш Вернон и революционной работой. Впрочем, любовная история вскоре осложняется клеветой на капитана со стороны соперника, и сэр Вернон указывает герою на дверь. «Пауза» в любовной коллизии позволяет перенести акцент на политическую интригу: Россия, Австрия, Великобритания и Франция готовят грандиозную аферу, целью которой является арест Кошута. Они провоцируют мятеж в австрийской части Италии, с тем чтобы выманить предводителя. Мейнард и Кошут собираются отправиться туда и возглавить восстание. Но в последний момент один из революционеров — друг Мейнарда — узнает, что это провокация, и отъезд отменяется. На этом политическая интрига романа, по сути, исчерпана. Но любовная коллизия еще далека от завершения. Параллельно отношениям Мейнарда и Бланш Вернон развивается и линия «Свинтон — Джулия Гирдвуд». Свинтон продолжает преследовать Джулию, путешествующую по Европе, и, поддаваясь на уговоры матери, та, наконец, соглашается стать его женой. Назначено время и место бракосочетания. Но аферист — женат, а план осуществим до тех пор, пока жена остается соучастницей. Но — вот беда! — отношения у них сложные, они постоянно ссорятся и подозревают друг друга. И Свинтон решает избавиться от супруги, под покровом ночи и густого смога сбросив ее в один из лондонских каналов. Но госпоже Свинтон удается спастись — ее подбирает шкипер баржи. Тем временем налаживаются и отношения Мейнарда и Бланш: отец девушки смертельно болен и потому «прозревает» и решает не лишать ее счастья. Он мирится с Мейнардом и благословляет их брак. Церемония бракосочетания происходит в церкви Святой Марии, где должна состояться еще одна брачная церемония: женятся Свинтон и Джулия Гирдвуд. Когда «молодые» стоят перед алтарем, появляются жена Свинтона и полицейские. Сердце Джулии разбито, Свинтон отправляется туда, где ему и место — на каторгу. Мейнард женится на Бланш — и ничто не может омрачить его счастья. Так заканчиваются события романа.

Хотелось бы обратить внимание читателя: роман, кроме

заглавия «Жена-дитя», имеет еще и подзаголовок: «История из двух миров». Этот подзаголовок важен, потому что объясняет замысел автора. В романе не только две любовные истории: благородного Мейнарда и чистой Бланш, преступного Свинтона и добродетельной, но духовно ущербной Джулии Гирдвуд. Существуя в одном времени и пространстве, они обитают в разных мирах: первые — в мире искренности и добра, вторые — в мире расчета и лицемерия. Так и в жизни есть две параллельные вселенные: в одной правят демократические убеждения и люди — такие как Мейнард, Кошут, лорд Вернон, революционеры, живущие с открытым сердцем; а в другой, где обитают Свинтон, Джулия Гирдвуд и ее мать, европейские тираны и царедворцы, — плетутся интриги, царят обман и преступление. Поэтому брак Бланш и Мейнарда и падение Свинтона приобретают смысл не только мелодраматический, но и символический — обреченности Зла и неизбежного торжества Добра.

В отечественной критике сложилось отрицательное отношение к роману. В частности, во вступительной статье к классическому «оранжевому» шеститомнику Р. Самарин писал: «Роман «Жена-дитя» не может быть назван удачей писателя. Майн Рид не сумел связать воедино острую политическую линию романа и историю любви капитана Мейнарда, которая занимает немало места и остается далекой от важных событий, описанных в романе». Упрек этот звучит довольно странно, если учесть, что роман написан в Викторианскую эпоху автором, который сочинял приключенческие, а не политические романы. Рид не мог, да и не ставил перед собой задачу — «связать воедино» любовь и политику. Для викторианского джентльмена, каковым писатель оставался всегда, эти вещи в принципе не связуемы.

Кстати, современный Риду читатель едва ли согласился бы с маститым советским литературоведом[90]. Во всяком случае, факт, что в XIX веке роман выдержал около десятка изданий, говорит именно об этом. Да и современный читатель — наш соотечественник, думается, прочтет это произведение с удовольствием, когда оно, наконец, будет издано в нашей стране в форме полноценной книги.

Итак, мы познакомились почти со всеми американскими романами Рида. Остался один — «Уединенное жилище». У него особое место: он не только последний из созданных в США, но и любимое детище писателя. Во всяком случае, существует немало свидетельств, что Майн Рид считал его таковым. Как и предыдущий, Рид сочинял его не по конкретному заказу, а «по велению сердца». Что прежде всего бросается в глаза? Писатель после долгого перерыва вновь обратился к хорошо знакомому

материалу и местом действия своей новой книги избрал Новую Мексику — города Санта-Фе, Альбукерке, Чиаууа, обширную равнину Льяно-Эстакадо к северу от Техаса. В свое время он не только сам немало путешествовал по тем местам, но затем — в 1850-е годы — странствовал там со своими героями. Очевидно, и практика сочинения «десятицентовых» романов не прошла даром: действие начинается с первых страниц, коллизия развивается стремительно. Молодой американец Фрэнк Хамерсли, собираясь начать торговлю, приезжает в столицу Северной Мексики город Чиаууа, чтобы осмотреться, и сразу же попадает в переделку — его оскорбляет мексиканский офицер капитан Урага. Хамерсли вызывает обидчика на дуэль и наносит офицеру увечье. Но этот инцидент дарит ему и друга — командира местного гарнизона полковника Валериано Миранду. Последний спасает американца от мести жестокого и вероломного капитана. Полковник ненавидит капитана не только потому, что тот негодяй, но и потому, что он активно домогается любви его сестры Адели. Хамерсли обещает вскоре вернуться с торговым караваном. Но в Мексике происходит переворот и к власти приходит диктатор генерал Санта-Анна, в любимчиках у которого ходит Урага. Последний арестовывает Миранду и собирается его расстрелять, но тому удается бежать: вместе с сестрой и несколькими слугами он скрывается из города. Хамерсли с торговым поездом приближается к Санта-Фе, но на караван нападают индейцы, которых возглавляет… Урага! У негодяя есть «карманные» индейцы, которых он использует для своих грязных планов — в данном случае, для мести своему обидчику Хамерсли. Фургоны ограблены, все перебиты, но герою и его товарищу удалось спастись. Они лишены и воды, и еды, а Хамерсли к тому же ранен. Уолт Уайлдер, товарищ героя, отправляется на поиски пропитания. Герой теряет сознание, но его спасает прекрасная Адель Миранда, в которую он заочно давно влюблен, а девушка, в свою очередь, влюбляется в него (а как же иначе?). Хамерсли оказывается в «уединенном жилище», которое построил в оазисе на Льяно-Эстакадо сбежавший полковник Миранда. Последний ждет известий о скором перевороте и свержении Санта-Анны. Но среди слуг Миранды оказывается предатель, который выдает Ураге «уединенное жилище». Урага организовывает экспедицию, берет в плен полковника и его сестру. Но среди пленных нет Хамерсли — накануне американцы покинули ранчо полковника. Они становятся свидетелями нападения и пленения семейства полковника, но ничем не могут помочь. Двигаясь по следам похитителей, они встречают техасских рейнджеров, которые возвращаются после похода против индейцев. Вальтер, друг

Хамерсли, и сам в недавнем прошлом рейнджер. Поэтому американцы тотчас же бросаются в погоню и поспевают в самый раз: Урага готовит казнь Миранды, а затем собирается сделать Адель своей наложницей. Хамерсли и рейнджеры спасают полковника и его сестру, казнят Урагу, а затем все отправляются в Соединенные Штаты. Концовка, разумеется, мелодраматично-идиллическая — все друг на друге женятся (не только Хамерсли на Адели, но и Миранда на сестре американца, а Уайлдер на служанке Адели Кончите), а затем и возвращаются к своим прежним занятиям — полковник к достойной службе, а Хамерсли к выгодной торговле. И все это — благодаря победе над Санта-Анной в 1848 году. «Война очистила страну, и взвившийся над ней новый флаг теперь стал символом законности и справедливости». Этой фразой и завершается последний американский роман писателя.

С дистанции сегодняшнего дня возможен упрек Майн Риду в излишней политкорректности. Возможен, но едва ли справедлив — писатель был совершенно искренен. Он действительно считал, что война с Мексикой принесла последней свободу от тирании. А что до территориальных приобретений Америки, то их он, видимо, полагал вполне заслуженными.

Но почему же Майн Рид считал «Уединенное жилище» своим лучшим романом? Русскоязычного читателя эта оценка, скорее всего, удивит, поскольку он-то точно не числит этот роман среди своих любимых: нам больше нравятся «Мароны», «Морской волчонок», «Белая перчатка» и даже «Квартеронка». Но парадокс заключается в том, что наш соотечественник до сих пор так и не знаком с «Уединенным жилищем» Рида. Тот роман, который мы знаем (и читали) под этим названием, оказывается, довольно далек от оригинала — он меньше по объему, искажены имена персонажей, отличаются названия глав и их нумерация, отсутствуют многие фрагменты и сцены и т. д. Тот роман, который мы читаем как «Уединенное жилище» Майн Рида, является лишь его вольным и сокращенным переводом. Интересно, откуда он взялся? Неужели П. Сойкин[91] заказал сокращенный перевод романа? Или он опубликовал перевод с «вольного» (и сокращенного) французского, как это не раз случалось с книгами Майн Рида в дореволюционную эпоху? Но о достоинствах романа адекватно можно судить только по оригиналу! И вот если читать роман в полном (и неискаженном) виде, то оценка может быть иной — более близкой к точке зрения писателя. А Рида можно понять — ведь он писал книгу о своей юности, о тех местах и о том времени, когда он был молод, здоров, счастлив и полон энергии. Этот роман — возвращение в

молодость, а оно всегда радостно. Да и с профессиональной точки зрения он сделан добротно, «прочно». И если сравнить его с другими «мексиканскими» повествованиями — «Охотниками за скальпами», «Жилищем в пустыне», «Белым вождем» — видно, что писатель проделал большой путь и как художник очень вырос.

Однако настала пора завершить разговор о творчестве и вернуться к жизни Майн Рида, тем более что тогда — в апреле 1868 года, — когда мы с ним расстались, он стоял на пороге серьезных перемен в своей судьбе.

«Вперед»

Интересно, существовал ли у Майн Рида определенный план действий, когда он ступил на палубу корабля, который должен был доставить его в Америку? Собирался ли он остаться в США навсегда или ехал все-таки на время? Миссис Рид ни словом не обмолвилась об этом в книге о муже. Да и у него вряд ли имелось четкое представление о своем будущем — не такой характер был у этого человека: он не любил да и не умел заглядывать далеко вперед. Тем не менее решение остаться в США и стать гражданином страны едва ли было спонтанным.

Мы не можем сказать, когда оно впервые пришло ему в голову, но окончательно оформилось в сознании писателя в Ньюпорте, после того, как наладилось устойчивое сотрудничество с «Бидл энд Эдамс», когда установились связи с другими американскими издателями и он ощутил твердую финансовую почву под ногами. Но Рид собирался стать американским гражданином и еще по одной причине — он решил издавать журнал, а для этого необходимо было гражданство. Только в таком случае он мог полноправно управлять своим детищем.

Что это должен был быть за журнал и почему вдруг эта идея пришла к нему? Стремление иметь периодическое издание, редактировать и быть собственником, определяющим издательскую политику, владело Ридом давно. В Англии ему не удалось осуществить эту мечту — затея с «Литтл тайме», как мы помним, не увенчалась успехом, а, напротив, привела писателя к разорению. Но в Великобритании ситуация разительно отличалась от американской — иным был газетно-журнальный рынок, иными были читатели, их вкусы и предпочтения. Традиции, столь чтимые викторианским миром, консерватизм и инерция, характерные для британского общества, мало значили в Америке. Здесь господствовал дух предпринимательства и инициативы. Наконец, перед глазами Рида был поразительный успех предприятия соотечественника — Фрэнка Лесли[92],

который собирался печатать роман «Жена-дитя». Майн Риду весьма импонировал стиль жизни успешного издателя — роскошный офис в центре Нью-Йорка, дорогой особняк в пригороде, великолепный выезд и лошади, экстравагантные костюмы и поступки, собственный железнодорожный салон-вагон. Даже то, что он мог платить и платил своим авторам самые высокие в Америке гонорары — и это тоже очень нравилось Риду. Кроме своего самого успешного проекта, еженедельника «Фрэнк леслис иллюстрейтед», в конце 1860-х годов Лесли издавал дамскую «модную» газету, газету для мальчиков и девочек и юмористический листок. А вот специализированного юношеского издания у Лесли не было, не издавался он и в Нью-Йорке (хотя, например, в Бостоне и Филадельфии такие журналы выходили). Й Рид решил заполнить эту нишу, основав журнал для американских подростков. С этой целью писатель и переезжает в апреле 1868 года в Нью-Йорк. Его присутствие в городе было необходимо и для подачи ходатайства о гражданстве.

Двенадцатого мая, вскоре после того как семейство обосновалось в городе, Майн Рид подает документы о натурализации и еще до наступления Рождества превращается в полноправного американского гражданина. Хотя Рид не оставляет сочинительство и продолжает писать, но сочинение романов (и, вообще, литературная работа — рассказы, письма, статьи в газеты и журналы, поэтические опусы[93]) явно отходит на второй план. Теперь писателя увлекла идея создания журнала и все свои силы и энергию он отдает ее реализации.

Весенние, летние и осенние месяцы 1868 года Майн Рид потратил главным образом на подготовку. Он колесил по центральным улицам Нью-Йорка в поисках помещения для офиса, а затем, отыскав подходящее, занялся его ремонтом и меблировкой. Рид, как мы помним, уделял большое внимание внешнему облику (и не только собственному!), эти вопросы для него были очень существенны. Он изучал рынок полиграфических услуг и общался с типографами. Его заботил внешний вид журнала, и он, разрабатывая макет, советовался с художниками и граверами. Наконец, для осуществления проекта были необходимы средства. Конечно, Рид неплохо зарабатывал, но немало и тратил, по привычке почти ни в чем себе не отказывая. Ему необходимо было найти деньги. В эти месяцы большую помощь — советом и необходимыми контактами — ему оказал все тот же Ф. Лесли, у которого были огромный опыт и связи. Очевидно, и знакомство Рида с железнодорожным магнатом и меценатом Л. Локвудом[94] состоялось через посредство Лесли, с которым миллионер был дружен. В своей книге Элизабет Рид

вспоминала, что Локвуд «для осуществления проекта щедро предоставил писателю пять тысяч долларов без всяких условий». В какой форме были предоставлены эти средства, какой величины в действительности была сумма — сейчас можно только гадать. Но, зная склонность миссис Рид преувеличивать всё, что касалось денег (будь то величины гонораров или трат мужа на покупки), и учитывая поразительный размер взноса (в современных деньгах это около 100 тысяч долларов!), можно предположить, что и здесь она в очередной раз слукавила. Однако сам факт участия известного мецената в предприятии Рида не подлежит сомнению, как и то, что познакомил их Ф. Лесли.

Майн Рид с женой, сняв особняк, обосновался в Бруклине, на Лафайет-авеню. В то время это был пригород Нью-Йорка (дом не сохранился, поскольку в конце XIX — начале XX века район пережил существенную перестройку) и жили в нем респектабельные горожане. То есть с точки зрения приличий, чему писатель (не говоря о его жене-аристократке), при всем его пресловутом демократизме, неизменно уделял самое серьезное внимание, было все в порядке. Этот дом миссис Рид почти не покидала до лета 1869 года — то есть до переезда семьи на другой адрес. Ее супруг, напротив, особенно с осени 1868 года основную часть своего времени проводил в самом центре Нью-Йорка, на Манхэттене, где на Юнион-сквер (Юнион-сквер, 33) — в самом центре города — он снял помещение под офис своего журнала. Здесь же он нередко оставался и на ночь. Путь «домой» был долог — мостов, соединяющих Бруклин с Манхэттеном, тогда еще не существовало (знаменитый Бруклинский мост будет построен только 15 лет спустя), и необходимо было пользоваться паромом — а это делало возвращение домой довольно длительным мероприятием.

К октябрю 1868 года очертания будущего издания определились вполне, были заключены договоры с печатниками, художниками и граверами. Определился Рид и с названием: журнал будет называться ««Вперед»: Журнал для молодого поколения Америки» (*Onward: A Magazine for the Young Manhood of America)*[95]. Еще раньше — в сентябре — он отослал письмо в Манчестер, Чарлзу Олливанту, и пригласил своего молодого друга последовать его примеру и перебраться в Америку. Он предложил ему исполнять те же обязанности, что тот имел в «Литтл тайме», — должность секретаря редакции. Олливант немедленно откликнулся на приглашение и сообщил, что отбывает из Ливерпуля на пакетботе «Сити ов Бостон» 14 октября 1868 года[96]. Через 20 лет он вспоминал: «28-го числа того же месяца я ступил на американскую землю, и Майн Рид радушно

встретил меня на причале… На экипаже мы сразу отправились в его дом на Юнион-сквер, и там я вступил в должность его личного и доверенного секретаря». Формально Олливант исполнял обязанности секретаря редакции журнала, но фактически, учитывая их дружеские отношения с писателем, функции его были действительно шире — он не только занимался журналом, но и вел всю переписку Рида.

Редакция на Юнион-сквер стала для Олливанта не только местом работы — там он и жил первое время. К моменту его появления в Нью-Йорке непосредственная работа над выпуском журнала только началась и писатель как раз взялся за сочинение проспекта будущего издания. В проспекте, который появился в начале декабря, среди иной информации (подписной цены, формата, оформления и т. п.) были обозначены и цели журнала. Рид провозглашал: «Журнал «Вперед» ведет по пути цивилизации — к процветанию и славе. Он — указующий перст ко всему, что достойно стремления; путеводитель, призванный утвердить американскую молодежь на тропе, ведущей к высшим и самым благородным проявлениям человечности. Таковы задачи «Журнала Майн Рида». Они таковы, потому что через несколько лет молодежь Америки будет держать в своих руках не только судьбу своей страны, но и всего мира». В проспекте сообщалось также, что журнал будет выходить ежемесячно, его цена составит 30 центов за номер, а годовая подписка обойдется читателю в два доллара.

Цена не была чрезмерной — сходные по объему и полиграфии издания в Америке того времени стоили несколько дороже. Но Рид, памятуя о «Литтл таймс», и не надеялся на то, что его детище сразу же станет рентабельным. Он понимал, что какое-то время ему придется работать себе в убыток. Впрочем, он верил — оно не будет долгим: ведь изданий такого рода в США тогда было совсем немного, а в Нью-Йорке не издавалось вовсе.

Еще до того, как Олливант утвердился в офисе на Юнион-сквер, Рид уже начал энергично готовить материалы для будущего журнала. Видимо, учтя уроки прошлого, он не собирался создавать все материалы издания собственноручно, но понимал, что первое время — пока журнал не «встанет на ноги» — ему придется взять на себя львиную долю литературной работы. Да и не было у него пока средств, чтобы платить сторонним авторам. Но и в будущем он собирался наполнять страницы издания в основном собственными произведениями — ведь даже само название — «Журнал Майн Рида» — подразумевало, что это будет именно *его* журнал.

К Рождеству вышел первый номер. Хотя тираж был отпечатан

еще в 1868 году, он был датирован январем 1869 года. По сохранившимся экземплярам (самый первый номер, к сожалению, утрачен, но большинство номеров, вышедших в 1869–1870 годах, уцелело) можно судить, что вдова ничуть не преувеличила, назвав журнал «прекрасно изданным и проиллюстрированным». Обложка была цветной: на зеленом фоне, внизу — красного цвета земной шар. Попирая земную сферу, на ней стоит крылатая девушка в античных доспехах и шлеме. В правой руке она держит жезл с сияющей звездой на конце, а левой выпускает птицу, взмывающую вверх, к надписи *Onward* («Вперед») — названию журнала. На земном шаре угадываются очертания Соединенных Штатов и идет полукругом надпись: «Юношеству Америки». Есть иллюстрации и в тексте (черно-белые гравюры). Их несколько — они вполне традиционны и не отличаются особой изысканностью рисунка (как, например, гравюры Крукшенка к романам Диккенса или того же Эванса к «британским» романам Майн Рида). Как правило, иллюстрировались крупные тексты — романы и повести, печатавшиеся в журнале. Издания «Бидл энд Эдамс» или, например, «Файерсайд компэнион» таких иллюстраций в то время еще не имели. Следовательно, Рид позиционировал свой журнал как издание особого рода, необычное, даже изысканное. К новациям можно отнести и раздел под названием «Вещи, о которых стоит задуматься», который он вел и включал в каждый номер. Рид хотел вести прямой диалог со своим читателем, обсуждая проблемы, которые, как ему казалось, достойны этого. Темы были самыми разнообразными — от устройства в Нью-Йорке зоологического сада (который, кстати, действительно был вскоре открыт), освещения городских улиц, учреждения стационарных остановок для конки[97] до особенностей поведения и стиля жизни президента У. Гранта, положения индейцев в Америке и обсуждения внутренней политики императора Франции Наполеона III. Но главными, конечно, были художественные произведения, которые печатались на страницах журнала. «Пилотный номер» открывали первые главы романа Майн Рида «Пропавшая сестра». Он публиковался выпусками в каждом из двенадцати номеров на протяжении всего 1869 года, но закончен писателем так и не был. Понятно, что сочинял его Рид урывками, деля свое внимание с иными произведениями, разнообразными — в том числе совершенно не литературными — делами и заботами, торопясь выдать очередную порцию текста к очередному же номеру. Интересно наблюдать, как постепенно угасал его интерес к собственному роману — от номера к номеру порция страниц неуклонно сокращалась, а в 1870-м их уже не стало вовсе. Сам писатель был не в восторге от своего творения и

поэтому позднее, уже в конце 1870-х годов, основательно переработал роман, по иному выстроив сюжет, и дал ему название «Гаспар-гаучо». Но кроме «Пропавшей сестры» на протяжении полугода (с января по июнь) в журнале печатался и другой роман Рида — «Желтый вождь», в том же году вышедший в «десятицентовой серии» издательства «Бидл энд Эдамс». Можно говорить о том, что Риду некуда было деваться — сочиняя «Желтого вождя», он был связан договором с издателями, а «Пропавшую сестру» писал по собственному почину. Это правда, как и то, что «пропавшая сестра» так и не была найдена, а роман не был дописан. В журнале была представлена и короткая проза. В первом номере Рид опубликовал очерк под названием «Лихой драгун: Мюрат американской армии» — о генерале Кирни, который прославил себя глубоким рейдом по Северной Мексике и победами в Калифорнии. Писатель всегда восхищался этим американским генералом. Он воздавал должное не только его полководческому дару и отваге, но и организаторскому таланту. Рид был одним из немногих, кто реально представлял те трудности, с которыми столкнулся генерал: ведь его отряд шел по тому же маршруту, по которому в начале 1840-х молодой Рид хаживал с караванами «степных купцов». Естественно, что в журнале был отдел рекламы и объявлений (куда же в Америке без этого!).

Первый номер задал форму издания и тот алгоритм, в соответствии с которым выходили следующие номера журнала. Центральное место в каждом занимали материалы Рида — главы из романа, что-то из малой прозы (например, рассказ или очерк, реже — и то и другое одновременно)[98], публицистика (главным образом в упоминавшемся разделе «Вещи, о которых стоит задуматься»). Довольно скромное место на страницах занимала поэзия — чаще всего это были небольшие лирические стихотворения «сторонних» авторов. Они не отличались особыми художественными достоинствами — скорее всего, журнал принимал их на безгонорарной основе. Публиковал Рид и свои поэтические сочинения. Например, в январском номере увидела свет первая часть его поэмы «Пурпурная ласточка, или Две любви в жизни». Появился раздел, через который писатель общался с юными читателями, отвечая на письма. Среди его корреспондентов были и те, кто пробовал свои силы в литературе — причем не только в поэзии (среди немногочисленных поэтических публикаций журнала было немало их сочинений), но и в прозе. Сколько таких опытов ему прислали, неизвестно. Но, по крайней мере, один из них был опубликован в журнале. Это рассказ шестнадцатилетнего нью-йоркского школьника Гомера

Грина «Сумасшедший конькобежец» *(The Mad Skater)*[99]. Прежде чем опубликовать сочинение юноши, Рид, видимо, поработал над текстом — чем иным объяснить тот факт, что два с небольшим года спустя (на Рождество 1871 года) писатель, уже под своим именем и под названием «Одержимый конькобежец. История из канадской жизни» *(The Maniac Skater: A Tale of Canadian Life),* опубликовал его в британском журнале «Лондон Сосайети».

Среди «сторонних» авторов журнала нельзя пройти мимо Фреда Уиттекера[100], молодого ветерана Гражданской войны Севера и Юга. В одном из номеров журнала Рид напечатал его небольшое стихотворение под названием «Звездная полночь». Летом и осенью на страницах «Вперед» появилось еще несколько стихотворений Уиттекера. В предпоследнем номере был напечатан и первый его рассказ «Смерть от руки возлюбленного»[101]. Предположительно осенью 1869 года состоялось и личное знакомство Уиттекера с Ридом. Недавний офицер, Уиттекер мечтал стать профессиональным писателем, но совершенно не имел знакомств и связей в литературном мире. Да и особенных навыков литературной работы у него не было. Произведения, опубликованные Ридом, стали его первыми опытами, увидевшими свет. Он очень нуждался в совете и помощи, и Рид взял его к себе в журнал. Скорее всего, Уиттекер не получал жалованья и круг его обязанностей не был определен, как, вероятно, не были определены и часы его «службы». Он делал первые шаги в литературе, писал неуверенно и многословно. Рид взялся опекать его, помогал, учил «писательству». Несомненно, что и упомянутый рассказ начинающего автора испытал на себе перо главного редактора. Уиттекер принес не только вскоре опубликованную историю, но и рукопись своего первого романа «Пуговица кадета»[102]. Возможно, Рид в будущем собирался опубликовать его на страницах журнала, но, так как «качество» рукописи его не удовлетворяло, взялся переработать ее и, видимо, потратив немало сил и времени, переписал роман. В ином случае (скажем забегая вперед), уже будучи в Англии, в 1879 году он не стал бы предлагать роман к изданию под своим именем. Видимо, была и еще одна рукопись молодого автора, над которой работал мэтр — роман «Охотники за мустангами». В отличие от «Пуговицы кадета» Майн Рид не успел довести переработку рукописи этого романа до конца (скорее всего, он только начал ее), да и она сама осталась на руках Уиттекера[103]. Как бы там ни было, стартом своей довольно успешной, хотя и неоднозначной литературной карьеры Ф. Уиттекер обязан Майн Риду.

Нужно ли говорить, что журнал был любимым детищем

писателя. Как вспоминал Ч. Олливант, Рид всю свою энергию вкладывал в подготовку очередного номера и относился к своему делу очень ревностно. Он не только по многу раз вычитывал все его материалы, но даже специально выискивал в прессе любые упоминания о своем издании, посвящая этому занятию часы. Первые три выпуска — что называется «от корки до корки» — он вообще сочинил сам: в этих номерах нет ни одного слова, которое не принадлежало бы писателю. Но, несмотря на героические усилия, издание не становилось рентабельным. Неизвестно, были у журнала подписчики (и сколько их было) или издание распространялось только в розницу. Но то, что с рекламодателями у Рида не ладилось, — очевидно. В первом номере объявления занимали две страницы, во втором — одну. Во всех следующих номерах рекламы не было вовсе. И это был тревожный симптом, ведь реклама — в любом издании — важнейшая составляющая бюджета. Рид предпринимал попытки сократить расходы. Из роскошного офиса на Юнион-сквер он перевез редакцию в более скромное помещение здесь же, на Манхэттене, по адресу Нассау-стрит, 119. Затем отказался от услуг типографа и стал печатать журнал сам. Он сокращал не только расходы журнала, но и свои собственные — с осени 1869 года Риды отказываются от дома в Бруклине и перебираются на жительство в Нью-Йорк (они живут по адресу: 216 Йст 84-я стрит). Поправить положение писатель пытался литературным трудом — в мае 1869 года он заключил договор с «Нью-Йорк леджер» на сочинение романа (это была книга «Американские партизаны»), а осенью того же года взялся сочинять для «Нью-Йорк уикли» («Уединенное жилище»). Все деньги, полученные за них, ушли на содержание журнала. Но средств все равно отчаянно не хватало. Тогда Рид сделал шаг, совершенно не вязавшийся с его характером, — поздней осенью 1869 года у него появился компаньон, молодой человек по имени Эдвард Денни, который вложил в журнал 500 долларов. Наконец, в первом номере журнала за 1870 год Майн Рид начал печатать свой новый роман под названием «Исчезнувший экипаж» *(The Stricken Crew)*[104]. Но никакие усилия, прилагавшиеся издателем, не могли спасти журнал. Чарлз Олливант, непосредственный участник и свидетель этой героической борьбы писателя с обстоятельствами, через много лет после событий писал: «Майн Рид испытывал огромные финансовые трудности. Затраты на издание журнала оказались для него непосильными, а продажи шли не очень хорошо, поскольку не было средств на рекламу. Весь доход от романа «Американские партизаны» ушел на покупку бумаги и в уплату расходов на печать. А ведь имелись и другие непредвиденные

траты и оплачивать их было необходимо. Тем не менее Майн Рид сохранял бодрость духа и надеялся превратить журнал в выгодное предприятие… Майн Рид переработал свой «Учебник для игры в крокет» и опубликовал этот новый вариант вначале частями в журнале, а затем выпустил его отдельным изданием. Кроме романа «Уединенное жилище» Майн Рид зимой (1869/70 года. — *А. Т.)* написал юношеский роман для журнала Фрэнка Лесли «Бойс энд герлс уикли»… За эту книгу мистер Лесли заплатил три тысячи долларов. И эти деньги поглотил журнал».

«Это был тяжелый период в жизни Майн Рида, — заключает Олливант. — На четырнадцатом номере, который вышел в феврале 1870 года, «Вперед» прекратил свое существование. Основной причиной неудачи стал недостаток средств для продолжения издания. И хотя Майн Рид прилагал колоссальные усилия для их пополнения, они иссякли. Не выдержав великого напряжения, здоровье его пошатнулось, и, наконец, он вынужден был отказаться от издания журнала, которому посвятил все свое сердце».

Между жизнью и смертью

Чарлз Олливант, вспоминая о крахе журнала и о том, как воспринял гибель своего детища Майн Рид, писал, что это было большое потрясение, всерьез подкосившее его кумира.

Друг писателя, конечно, не мог не воспринимать то, что произошло в феврале 1870 года, иначе, нежели сквозь призму резкого ухудшения здоровья писателя и последовавших вскоре прискорбных событий, связанных с этим. Но катастрофическое ухудшение самочувствия Рида произошло не сразу, а через несколько недель после выхода последнего номера «Вперед».

Известно, что между психическим состоянием и физическим самочувствием человека существует прямая связь. По воспоминаниям тех, кто знал писателя, по фотографическим портретам и даже по карикатурам, которые печатались на страницах английских и американских газет и журналов, можно судить о том, что в конце 1860-х годов во внешнем облике писателя произошли разительные перемены. Если в начале, даже в середине десятилетия это был цветущий, несколько склонный к полноте, но атлетически сложенный здоровяк с румяными щеками, острым взглядом, роскошной шевелюрой густых, темно-каштанового цвета волос, с горделивой осанкой, — то в начале 1870-х он превратился в субъекта совершенно иного обличья. Плечи поникли, глаза потускнели, а волосы поредели и поблекли; лицо стало одутловатым и приобрело землистый оттенок. Раньше

он ходил пружинистой, уверенной походкой, задорно, даже с вызовом посматривая по сторонам; теперь был сосредоточенно погружен в себя и ступал, тяжело опираясь на трость. Особенно разительными сделались эти перемены как раз после крушения журнала. Нужно ли обладать особой проницательностью, чтобы сделать вывод относительно их причины? Ответ очевиден: изменили Рида финансовый крах в Англии и гибель «Вперед». Конечно, свою лепту (и, видимо, немалую) внесло и то поистине нечеловеческое напряжение, в которое он буквально загонял себя работой — безостановочным, изнуряющим ум и душу сочинительством.

Как вспоминала вдова, на протяжении их совместной жизни супруга всегда беспокоила та давняя рана, что была им получена при героическом взятии Чапультепека. Нога побаливала после особенно долгих прогулок — пешком или верхом, иногда — при перемене погоды, нередко — при переохлаждении. Но никогда по-настоящему серьезных проблем с раной не возникало. До той поры, пока не случилось финансовой катастрофы, которая привела к потере Джеррардз Кросс. Сразу после этого события рана воспалилась, поднялась и несколько дней держалась температура. В те дни писатель отказался от обычных ежедневных прогулок и почти ничего не писал. Но в тот раз все обошлось, хотя приступы слабости, головокружения и внезапные скачки температуры, сопровождаемые лихорадкой, спорадически продолжались до самого отъезда в Америку. В Ньюпорте, казалось, наступило облегчение. Майн Рид и его жена вздохнули спокойно, приписав изменения благоприятному американскому климату. На протяжении более двух лет рана почти не беспокоила, но в конце марта 1870 года воспаление возобновилось и стало прогрессировать с угрожающей динамикой. Края раны уплотнились, побагровели, нога распухла и стала плохо сгибаться в колене, поднялась температура, писателя лихорадило. Каждый шаг вызывал страдания и давался с трудом. Был созван консилиум, в ходе которого врачи пришли к единодушному выводу, что Майн Рид нуждается в немедленной госпитализации. В речах медиков прозвучало мнение, что ногу, возможно, даже придется ампутировать. Но лечь в больницу Рид категорически отказался. Можно предположить, что он боялся очутиться на больничной койке и потерять ногу (такая перспектива его, конечно, не могла не пугать). Но была и другая причина: 22 марта он получил очень лестное предложение — выступить в знаменитом «Стейнвей-холле»[105] с лекцией о Байроне.

У этого приглашения была своя предыстория. Как известно,

Рид восторгался Байроном. Он не только считал его выдающимся поэтом, ему импонировала сама личность этого человека. Изысканный аристократ, поэт, революционер, республиканец и демократ — все это, по мнению писателя, воплотилось в Байроне. Рид никогда не скрывал, что это его кумир. Осознанно или нет, но он, конечно, подражал великому романтику. В 1869 году исполнилось 65 лет со дня смерти поэта. Не бог весть какая дата, но в американской прессе появилось несколько статей в связи с годовщиной. Среди публикаций по этому поводу были не только хвалебные статьи, но немало вздорных и довольно злобных материалов. Особенно задела Рида статья знаменитой американской писательницы Г. Бичер-Стоу, в которой та обвиняла поэта в безнравственности и аморальности[106]. Писатель не мог ей не ответить и написал открытое письмо в газету, которое было опубликовано. Рида поддержал У. К. Брайент[107] — патриарх американской литературы и редактор влиятельной нью-йоркской газеты «Ивнинг пост». Но нашлись и такие (и их было немало), кто гневно осуждал и Байрона, и его защитников. Рид не мог не вступиться за кумира и в одном из последних номеров своего журнала выступил с пламенной статьей о поэте. В полемике с трансценденталистами[108], порицавшими мятежного поэта, «Ивнинг пост», редактором и совладельцем которой был Брайент, выступила с инициативой отметить очередную — отнюдь не «круглую» (66-ю) годовщину смерти Байрона лекцией о жизни и творчестве поэта и концертом в «Стейнвей-холле». Лекцию пригласили прочитать Майн Рида. Это была большая честь, от которой писатель, конечно, не мог отказаться.

Сразу по получении приглашения от Брайента (кроме него, утверждала вдова, приглашение подписали еще более ста человек) он не медля (и не слушая уговоров жены) ответил согласием и взялся сочинять текст лекции. Несмотря на опасения врачей, самочувствие писателя несколько улучшилось: через несколько дней он уже без посторонней помощи начал передвигаться по квартире, но сочинял лежа — сидеть, а тем более стоять, ему было тяжело. В таком состоянии — в недомогании, но по-прежнему в работе, Рид встретил свой пятьдесят второй день рождения. Праздник получился невеселый. За несколько дней до выступления, назначенного на 18 апреля, — накануне годовщины смерти поэта (19 апреля), Риды перебрались на новую квартиру, в дом 27 на 24-й Вест-стрит. Этот адрес стал последним адресом Рида на американской земле. Хотя, конечно, тогда он не мог об этом догадываться. Теперь они жили неподалеку от «Стейнвей-холла», но переезд не связывался с грядущим выступлением. Причина была прозаичнее — квартира

меньше, но значительно дешевле предыдущей. Финансовое положение Ридов осложнялось, и переезд на новую квартиру свидетельствовал об этом. Болезнь, ухудшение физического состояния ограничивали возможности писателя — прежде всего способность сочинять, а это, в свою очередь, сокращало доходы.

Вечер памяти Байрона состоялся 18 апреля при большом стечении слушателей и прессы. Мы можем только представить, какие чувства обуревали писателя, когда он ехал в «Стейнвей-холл», когда, тяжело опираясь на трость, всходил на трибуну (он даже прихрамывал — почти как Байрон!), как волновался, начиная свою речь, как, постепенно воодушевляясь, овладевал залом: все сильнее звучал его голос, увереннее и решительнее становились жесты, а какой была овация, устроенная ему по завершении выступления! Элизабет Рид приводит целый ряд свидетельств о лекции мужа — ей она посвятила несколько страниц книги. У нас нет такой возможности, поэтому ограничимся фрагментами из отчета о лекции под названием «Великолепный Байрон. Лекция капитана Майн Рида в «Стейнвей-холле»», опубликованного на следующий день в газете «Нью-Йорк геральд»:

«Блестящая аудитория тепло приветствовала вчера вечером капитана Майн Рида в «Стейнвей-холле» на его лекции о Байроне. Хотя шел дождь, неблагоприятная погода не помешала собраться там созвездию моды и интеллекта, чтобы воздать должное не только памяти английского барда, но засвидетельствовать уважение и признательность лектору, снискавшему известность в этой стране как своими литературными трудами, так и своей непримиримой борьбой с богемствующими трансценденталистами из Новой Англии. Председательствующий… напомнил о выдающихся военных заслугах лектора, поразительной плодовитости ума и живости его пера. Он указал, как плохо оценивается литературный труд по сравнению с той легкостью, с какой обретаются влияние и богатство в занятиях политикой, которых лектор мудро избежал. Затем выступил капитан Майн Рид. Он был элегантно одет — на нем были светло-коричневые брюки, длинный сюртук с пуговицами и канареечного цвета лайковые перчатки.

Свою речь он начал с обсуждения удивительной последовательности событий, которые по очереди то освещали, то омрачали историю Европы и Америки в кровавые дни, что предшествовали Царству террора. Его речь была исполнена драматизма, а его поза, жесты, магнетизм личности, бесстрашие и артистизм — оживляли представление, наделяя энергией и живостью его выступление… Рассмотрев ужасные события, что

омрачали политический небосвод в те времена, когда родился Байрон, он рассказал о молодости величайшего поэта современности; о его простом окружении в детстве; о нежной заботе внимательной и любящей матери; о нежданном подарке судьбы, благодаря которому Джордж Гордон Байрон в 1799 году в возрасте одиннадцати лет стал пэром Англии; о той скромности и достоинстве, с которыми он нес это звание; о его еще в юности проявившемся поэтическом даре.

Потом он заговорил о характере поэта, клеветнически опороченном инсинуациями, ложью и измышлениями. Он губил женские репутации и разбивал сердца — но таковы были женщины, что встречались на его пути, — и если он и губил их, то только бездействием. О мадам Бичер-Стоу лектор даже не упомянул.

Затем он рассказал, как лорд Байрон обнажал пустоту, фальшивость и никчемность современного ему общества; как острым скальпелем своей сатиры он поражал современных ему литераторов; как оскорблял целые государства — Англию, Австрию, Россию, Португалию, Италию, Грецию — и в одиночку отважно противостоял всему человечеству. И как повсюду его преследовала клевета людей низких и завистливых… Он пламенно говорил о щедрости Байрона, его благородстве, мужестве, искренности, и речь прерывалась громкими аплодисментами. В его лекции не было критического разбора поэзии, но он много читал поэта. С воодушевлением и поэтическим огнем он прочел «Был слышен звук дуэли ночью»; но лучше всего удался отрывок из «Манфреда» — тот самый, где угрюмый циник стоит на вершине горы Юнгфрау перед тем, как совершить последний прыжок. Ни один из живых языков не способен передать величие мысли и возвышенность трагического шедевра, но в исполнении капитана Майн Рида он звучал превосходно. Он читал отрывки из разных произведений, а завершил свое выступление знаменитыми строками Байрона из «Стансов к океану»».

Приведенный пассаж говорит о многом — прежде всего об отношении Рида к Байрону, о его восхищении поэтом и его поэзией, силой его духа и мощью таланта; но и о той энергии, с которой писатель говорил о нем. А ведь Майн Рид был болен, и болен серьезно. И выплеск эмоций — огромный (кто выступал перед большой незнакомой аудиторией, поймет, о чем речь) — не мог не привести к ответной реакции организма. Лекция завершилась бурной овацией. Писатель — что называется «на адреналине» — в приподнятом настроении, в сопровождении жены и знакомых, вернулся домой. Здесь они отметили успех

Рида, а затем напряжение спало, «запал» кончился, и… уже той же ночью у писателя резко поднялась температура, началась лихорадка, и он впал в забытье. На счастье мадам Рид, которая всю ночь, не смыкая глаз, провела у постели супруга, в том же доме квартировал доктор Уотсон, в прошлом военный хирург и давний (с 1848 года) знакомый Рида еще по Ньюпорту. Он взялся безвозмездно лечить и ухаживать за больным, накладывал мази, делал перевязки и т. п. Но самочувствие писателя постепенно ухудшалось, и Майн Рид с каждым днем слабел. Он потерял аппетит и почти ничего не ел. Как вспоминала жена, единственной пищей, которую принимал супруг, было молоко, и у постели всегда стоял кувшин, но без посторонней помощи больной пить не мог. Рана, которую постоянно смазывали и перевязывали, не заживала. Доктор Уотсон собрал консилиум, на который, среди других, был приглашен и светило тогдашней американской хирургии доктор Ван Бюрен[109]. Его вердикт был неутешителен — он без колебаний объявил состояние писателя безнадежным и заявил, что жить ему осталось в лучшем случае несколько недель.

В тревоге за состояние супруга Элизабет согласилась поместить писателя в больницу. Ближайшим был госпиталь Святого Луки, куда немедленно и перевезли Рида. Госпиталь этот (он существует и сейчас, но с 1896 года расположен в другой части Нью-Йорка[110]), как можно понять из названия, находился под патронажем церкви и был прежде всего предназначен для малоимущих. Но у Э. Рид не было выбора. Да и денег у них, чтобы поместить писателя в частную клинику, тоже не было. Его положили в общую палату, в которой одновременно лежало более пятидесяти больных. В то время в Нью-Йорке установилась ужасающая жара. Можно представить, в каких условиях находился Рид.

Во главе больницы стоял преподобный У. Мюленберг[111]. Для него Майн Рид был таким же пациентом, как и все остальные. Поэтому просьбы жены и друзей предоставить больному писателю специальное помещение вызвали у него только удивление. Лишь через несколько дней, после обращения одного из попечителей и крупных жертвователей больницы Б. Филда[112], Риду была предоставлена отдельная палата. Кроме этого, меценат внес определенную сумму, которая предназначалась на оплату сиделки и специальное питание. Впрочем, в последнем почти не было необходимости — писатель ничего не ел, только пил молоко и воду. Никакие усилия врачей не помогали, с каждым днем Рид все больше слабел, хотя и находился в сознании. Решили ампутировать больную ногу выше колена. Но операцию делать не

стали — было ясно, что пациент ее не переживет. Вскрыли рану, и это принесло облегчение. Жена и друзья воспрянули, было, духом, но улучшение оказалось кратковременным: ослабленный организм поразила инфекция — начались жестокое несварение желудка и тошнота.

Семнадцатого июля главный врач госпиталя пригласил Ч. Олливанта и сообщил ему, что дни (а возможно, и часы) Рида сочтены. Он предупредил, что необходимо связаться с друзьями писателя. «В такую жару, — сказал врач, — тело можно будет сохранять на льду всего несколько часов». Услышав это, Олливант принялся действовать. Он послал телеграмму Локвуду. В ней была всего одна фраза: «Капитан Майн Рид умирает». На следующий день от Локвуда пришел человек из похоронного бюро, с тем чтобы подготовить все необходимое для погребального обряда. Был куплен специальный — похоронный — черный костюм. Олливант приготовил сообщение для газет: «… июля в больнице Святого Луки на пятьдесят третьем году жизни скончался писатель капитан Майн Рид», чтобы сразу разослать его в газеты. Оставалось только проставить дату.

«Три дня Майн Рид был без сознания, — вспоминала жена, — балансируя на грани жизни и смерти. Во всех отношениях он умирал, и на лице его были видны следы разложения и смерти. К тому же у него появилась сильная икота, которая мешала ему дышать». Он бредил, но, когда приходил в сознание, узнавал жену и верного Олливанта, которые день и ночь дежурили у его постели.

На четвертый день произошла удивительная перемена — икота прекратилась, беспамятство сменилось ровным, глубоким сном, а когда он очнулся, стало ясно, что кризис миновал и началось постепенное выздоровление. Проснулся аппетит, уже через несколько дней Рид начал вставать с постели и пробовал ходить. Он потребовал, чтобы ему принесли костюм, надел его, но «одежда висела на нем так, словно прикрывала не тело, а скелет». Тем не менее тех, кто ухаживал за пациентом, поражала произошедшая разительная перемена, удивляли его жизненные силы. Однако среди врачей многие были настроены не так оптимистично; дальнейшее развитие событий показало, что опасались они не напрасно.

Элизабет Рид, которая посвятила болезни немало страниц своей книги (что совершенно неудивительно, учитывая, что она пережила, ухаживая за мужем), сообщала, что за самочувствием писателя следили и американские газеты. Особенно активизировался их интерес после того, как капитан пошел на поправку. Как утверждает вдова, интервьюеры буквально

осаждали больного. Она приводит обширные фрагменты из интервью — они действительно небезынтересны, поскольку дают довольно живой портрет писателя. Едва ли стоит перегружать повествование цитатами из этих публикаций. Тех, кого они действительно интересуют, — адресуем к книге мадам Рид. Куда важнее, что ремиссия продлилась недолго и 9 августа болезнь вернулась — в еще более угрожающей форме.

Судя по всему, у капитана началось заражение крови. Он впал в глубокое беспамятство, и, как писала супруга, «состояние Майн Рида стало еще более безнадежным, чем прежде». Вновь были сделаны все необходимые приготовления к похоронам, разосланы телеграммы друзьям и знакомым. Мадам Рид разрешили остаться у постели больного. Врачи были уверены, что ее мужу не пережить ночь и кончины следует ожидать с минуты на минуту. Но ни в эту, ни в следующую ночь Майн Рид не умер. Три дня он метался в бреду «с признаками приближающейся смерти». Наконец бред прекратился, писатель затих, и все решили, что наступают последние мгновения его жизни. Сестры привели священника. Но, едва он приступил к обряду, писатель открыл глаза, приподнялся и неожиданно твердым голосом громко сказал:

— Гоните этих дьяволиц к черту! Они говорят священнику, что я умру! Я не умру! — Затем он откинулся на подушки и уже другим тоном, но не менее требовательно, произнес: — Бифштекс! Принесите мне бифштекс.

Все были поражены, но просьбу выполнили: священник ушел, и принесли бифштекс. Рид немного поел, выпил воды и заснул. Сон его был глубок. Спал он спокойно.

К 10 сентября 1870 года капитан оправился настолько, что его уже можно было перевезти из больницы в квартиру на 24-й улице, что и было сделано. Он был еще очень слаб, но начал вставать с постели, а затем и ходить по комнате. Физически он довольно быстро восстанавливался, но болезнь, нечеловеческое напряжение американских дней, печальные события, предшествовавшие переезду в Америку, связанный со всеми этими обстоятельствами затяжной нервный стресс — все это породило депрессию, навалившуюся на Майн Рида. У него появились навязчивые страхи — он стал бояться темноты и запрещал на ночь гасить свет. К тому же он стал бояться оставаться ночью в одиночестве, полагая, что, если кого-то из близких не будет рядом, с ним произойдет нечто ужасное. Поэтому каждую ночь у его постели по очереди дежурили — то Элизабет, то Чарлз Олливант. Появились и другие отклонения — писатель, всегда любивший обильно поесть и выпить,

единственным критерием в еде для которого были ее вкусовые качества, начал изводить домашних расспросами, из каких продуктов изготовлено то или иное блюдо, нет ли шанса отравиться, не может ли тот или иной продукт отрицательно повлиять на его здоровье. Еще одна странность — болезненное внимание к собственному весу. Он был убежден, что вес является индикатором его выздоровления, и каждый день начинал и заканчивал взвешиванием (кстати, эта особенность — ежедневное взвешивание, как утверждала вдова, с тех пор сохранилась у него на всю оставшуюся жизнь). И был совершенно счастлив, если за день ему удавалось прибавить в весе и, напротив, совершенно убит, если масса тела за день не выросла. Он стал покупать странные предметы. Например, хирургические инструменты. Он раскладывал их перед собой на столе и любил подолгу их разглядывать, трогать, перекладывать с места на место. Майн Рид стал очень раздражителен, подозрителен и обидчив. Ему казалось, что его обижают намеренно, и, обидевшись, например, на жену или Олливанта, он мог не разговаривать с ними часами.

По воспоминаниям Э. Рид и Ч. Олливанта, по мере того как физически Майн Рид восстанавливался, его душевное нездоровье, напротив, усугублялось. Наконец, стало очевидно, что писателю необходима врачебная помощь, и был созван консилиум. Звучали разные мнения, но большинство докторов сходились в одном — писателю следует возвратиться в Англию. Некоторые полагали, что это вернет утраченное душевное равновесие (довольно странная идея по отношению к тому, кто мечтал жить в США, а Британию считал тюрьмой народов!). Другие считали (эта мысль была вполне здравой) возвращение необходимым, потому что только в Англии есть специалисты, клиники и наработанные методики для лечения душевных болезней. В США же писателя ждет только сумасшедший дом без надежды на выздоровление.

Элизабет Рид принимает решение — вернуться в Англию. Можно только строить предположения, чего в нем было больше — стремления помочь мужу или страстного желания уехать из нелюбимой и непонятной страны на родину. Думается, все-таки — первого. Но и известную нелюбовь миссис Рид к США и ее обитателям тоже нельзя сбрасывать со счетов.

Решение было принято. Теперь самым трудным представлялось убедить супруга вернуться, а также раздобыть денег на обратную дорогу, на жизнь (хотя бы на первое время) и на лечение мужа. Как вспоминала миссис Рид, последнее удалось легче, нежели исполнение первого. Вполне понятно, почему. Денежные вопросы взял на себя Ч. Олливант. Он организовал подписку среди друзей и знакомых Майн Рида и довольно быстро

собрал внушительную сумму. Билет на пароход (первым классом) взялся оплатить благодетель писателя миллионер Л. Локвуд. Гораздо труднее было убедить мужа уехать из США. Миссис Рид вспоминала о том, что «потребовался немалый такт и длительная череда уговоров, чтобы Майн Рид согласился вернуться на родину». Она не сообщила, однако (но об этом поведал Олливант), что главным ее аргументом было обещание возвратиться в США, как только писателю станет лучше и он поправится.

Часть V
Британия навсегда: 1870–1883

Болезнь и выздоровление

Верил ли Майн Рид в то, что он уезжает из страны своей мечты только на время, а не навсегда? Безусловно. Знала ли Элизабет Рид, что они уже больше никогда не вернутся в США? Едва ли тогда она задумывалась над этим. Но если в глубине души она и надеялась на это, то главным для нее все же было здоровье мужа. Единственное, чего она действительно желала — желала страстно, глубоко и искренне и молила о том Бога, — это здоровье для ее любимого капитана.

Майн Рид и его жена уезжали вдвоем. Чарлз Олливант решил остаться в Америке. Странности и отклонения в поведении писателя, естественно, никуда не делись, и он выдвинул целый ряд условий. Прежде всего, он хотел плыть только на «Сибири» *(Siberia)* — пароходе компании «Кунард» — с капитаном Дж. Гаррисоном и ни с кем иным. Каюта обязательно должна находиться на верхней палубе и подальше от машинного отделения. Обедать он должен за столом капитана. По расписанию «Сибирь» отплывала из Нью-Йорка только в середине октября. С того момента, когда было принято решение об отъезде (в конце сентября), и до отхода «Сибири» нью-йоркскую гавань курсом на Ливерпуль покинули, по меньшей мере, три десятка судов. Более того, пакетботы «Кунард лайн» ходили дважды в неделю, и можно было отправиться другим судном компании. Но Майн Рид заупрямился — и стали ждать капитана Гаррисона. В результате, вдобавок к неизбежной задержке, «Сибирь» еще и запоздала. Из-за поломки в машине корабль на несколько дней задержался в Бостоне и отошел от причальной стенки только 22 октября.

Элизабет Рид, вспоминая об этом эпизоде, писала: «Никогда не забуду это памятное плавание — мое и моего мужа в октябре 1870 года. Чарлз Олливант и наш добрый друг доктор Уотсон

провожали нас до палубы парохода; доктор передал моего мужа заботам корабельного врача мистера Спенса, поведав ему о физическом и душевном состоянии Майн Рида и о том, что тот нуждается в постоянном присмотре». По воспоминаниям Ч. Олливанта, атмосфера была печальной: «Хорошо помню наше расставание на палубе. Я принял решение не возвращаться в Англию, а связать собственное будущее с Америкой; как и Майн Рид, я полюбил эту страну, а моя помощь в качестве секретаря теперь была ему больше не нужна. Прощание было грустным, и я не знал, увидимся ли когда-нибудь вновь. Я стоял на пристани и смотрел, как медленно исчезает вдали корабль, и скорбь моя казалась мне невыносимой. Я почувствовал себя одиноким и покинутым».

Печаль не рассеяло и путешествие через океан. Более того, в связи с тем, что корабль изрядно задержался с выходом, почти все пассажиры отказались от билетов и отбыли другими — более ранними рейсами. Таким образом, на пакетбот погрузились только три пассажира: одну каюту занял некий господин и еще одну — Майн Рид и его супруга. Она вспоминала, что весь путь ее не оставляло ощущение иллюзорности происходящего — осенний пустынный океан и они — одни на продуваемой ветрами палубе. Но, что бы она ни говорила об одиночестве, ее супруг находился под постоянным присмотром: каюту им отвели неподалеку от каюты капитана и, по его приказу, каюты напротив четы Ридов заняли первый помощник и корабельный врач. В течение двух недель, проведенных в море, состояние писателя ухудшалось, временами он испытывал странные галлюцинации, разговаривая с невидимыми собеседниками, был меланхоличен, вял и задумчив.

Целью их путешествия была Ирландия. Сразу после решения оставить США миссис Рид отправила письмо младшему брату писателя, в котором сообщила о прискорбном состоянии капитана, попросила приготовить комнаты и навести справки о лечебных заведениях.

Джон Майн Рид, который, как известно, был моложе Томаса на несколько лет, по складу характера разительно отличался от старшего брата. Хотя, как утверждали знавшие его люди, и Джон обладал литературным даром, но свои способности он направлял прежде всего на сочинение проповедей. В свое время он закончил то же Королевское академическое учреждение *(Royal Academic Institution)* в Белфасте, что и брат. Однако, в отличие от него, он не испытывал неприятия к пастырской стезе, но, напротив, радовал родителей серьезным отношением к религии и священничеству. После завершения образования он продолжил семейную традицию и двинулся по тому же пути, что его отец и

дед, — стал священником. Сейчас он жил в «Мурн Вью», в отцовском доме, который перешел ему по наследству от умерших родителей, и служил в той же пресвитерианской церкви в Клоскилте, в которой прежде служили его дед и отец. Туда, в Баллирони, и направлялись теперь миссис Рид и ее больной супруг.

Регулярное сообщение между Нью-Йорком и Ливерпулем, которое осуществляли пакетботы компании «Кунард», теперь пролегало по другому маршруту. Если прежде линия проходила из Нью-Йорка в Ливерпуль через канадский Галифакс, то теперь корабли компании шли в главный английский порт с заходами в Бостон и Квинстаун (Ирландия)[113]. Чета Ридов намеривалась покинуть «Сибирь» в последнем. Но вмешалась погода. Шторм и противный ветер помешали заходу корабля в залив Корк, и поскольку Риды были единственными, кто желали сойти там на берег, с согласия миссис Рид капитан судна не стал ждать благоприятного ветра, а направился прямиком в порт приписки. Это решение удлиняло дорогу к дому: из Квинстауна им нужно было сначала добраться до Корка, затем пересесть на поезд, чтобы доехать до Дублина и сделать там пересадку, а оттуда на другом поезде двигаться до Дандалка, сменить здесь железнодорожный вагон на экипаж и дальше ехать уже на лошадях. Всего им предстояло преодолеть более 600 километров. Можно вообразить, какое испытание ожидало хрупкую, несамостоятельную женщину, которая путешествовала с больным мужем, изрядным багажом, без слуг, да еще с собакой (у мадам Рид был карликовый пудель по кличке Тотти — домашний любимец)! Впрочем, неменьшие трудности ожидали женщину и на пути из Ливерпуля в Баллирони.

Морское путешествие не внесло улучшения в состояние Майн Рида, как о том втайне мечтала его жена. Напротив, за эти две недели он очень ослабел — настолько, что не мог уверенно передвигаться самостоятельно и его необходимо было поддерживать. Даже с корабля на берег он сошел не сам — его перенесли матросы. На следующий день на пароходе Риды отправились в Белфаст, где их встретил младший брат писателя — преподобный Джон Майн Рид.

Вспоминая об этом печальном периоде, Э. Рид писала: «Старый дом сохранился, но как изменились его обитатели!» Видимо, это восклицание сорвалось с ее губ не случайно. Можно догадаться, что прием, им оказанный, был не совсем таким, какого ожидала женщина. Во всяком случае, того покоя, на который надеялись, они в доме брата не нашли, да его и не могло быть — большая семья, шумные дети, изрядное хозяйство,

скотина, слуги и т. д. Через несколько дней Риды покинули Баллирони и поселились в доме зятя, преподобного Томаса Кроми — в соседнем графстве Армаг, неподалеку от Ольстера. Семья обитала в тихом месте, старшая сестра и ее муж были немолоды и жили вдвоем. Здесь Риды провели три недели. Жизнь в сельской глуши, в уединении, среди лесов и лугов, не улучшила, однако, состояние Рида — его продолжали терзать беспричинные страхи, преследовали галлюцинации, не оставляла меланхолия. В Северной Ирландии не было лечебных заведений и врачей, которые практиковали лечение тяжелых нервных расстройств. Не нашлось их и в южной части острова. В Ирландии существовали сумасшедшие дома, но одна мысль о подобном учреждении бросала миссис Рид в дрожь. К тому же она понимала, что там им никто не поможет. И, конечно, не считала своего мужа сумасшедшим.

В те годы в Европе (прежде всего в Германии и Австрии) начала входить в моду гидротерапия — «водолечение». С. Кнейпп еще не опубликовал свой знаменитый труд[114], в котором доказал целебные свойства воды для лечения многих заболеваний и общего оздоровления организма, но уже тогда водные процедуры широко практиковали для терапии нервных расстройств. Веяние это проникло и в Великобританию, где насчитывалось несколько десятков «водных лечебниц» различного свойства. И вот в те дни, когда Риды жили у Т. Кроми, им посоветовали обратиться в одну из таких лечебниц. Рекомендовавший не пользовался услугами этого заведения, но слышал, что там успешно лечат нервные заболевания. Миссис Рид дали адрес — больница находилась в Англии, в графстве Дербишир, в местечке под названием Мэтлок. В окрестностях этого городка издавна существовали термальные источники. Уже в начале XVIII века сюда начали приезжать «на воды». Так в декабре Риды очутились в «Водной лечебнице» доктора Смэдли.

«Никогда не забуду того отчаяния, почти ужаса, что охватило меня при первом посещении заведения Смэдли, — вспоминала Э. Рид. — Думаю, что и мой беспомощный муж испытывал те же чувства в тот мрачный декабрьский день. Казалось, на вратах ее должна быть начертана надпись: «Оставь надежду всяк сюда входящий». В отведенной нам комнате стояли две жесткие, неудобные кушетки; предполагалось, что на них мы будем спать. Два деревянных стула, крытый черным покрывалом диван, туалетный столик, умывальник и комод завершали меблировку; закопченный дочерна камин больше походил на печь, огня в нем не было. Звонок отсутствовал — считалось, что это ненужная роскошь. Взгляд мужа упал на задрапированный черным —

похоронный — диван, и в нем отразилось отчаяние. Я старалась бодриться.

После обеда мы прошли в соседнюю комнату и увидели лежащих на кушетках больных, которые прижимали к животам подушки. Считалось, что это улучшает процесс пищеварения. Двери и стены заведения были «украшены» разнообразными речениями назидательного свойства. Майн Рид в растерянности оглядывался. Один из больных прошептал, обращаясь к нему: «Это инквизиция; и она терзает наши тела и души»».

Супруги провели ночь в отведенной им убогой комнате, а наутро покинули мрачную «лечебницу Смэдли» — благо, что в округе это было не единственное заведение, практиковавшее водолечение. Девять недель Риды провели в больнице «Мэтлок-хаус», где, как вспоминала Элизабет, «было гораздо приятнее и цивилизованнее». В течение всего этого времени капитан принимал предписанное ему лечение, но улучшения в состоянии оно, увы, не принесло. Галлюцинации остались, навязчивые страхи никуда не исчезли. Да еще добавилась новая, сильно испугавшая женщину «напасть»: Рид начал испытывать страх перед пером и бумагой; ему казалось, что он не может не только писать — он боялся даже ставить свою роспись. Миссис Рид решила обратиться к доктору Рейнольдсу[115], практиковавшему в Лондоне. Об этом восходящем светиле британской медицины она узнала в те дни, когда муж лечился в «Мэтлок-хаус».

Хотя деньги были на исходе, они направились в Лондон. Элизабет с ужасом вспоминала об этом путешествии — перед тем, как подошел состав, капитан признался, что «не находит в себе достаточно сил и отваги, чтобы пуститься в такое дальнее путешествие». С большим трудом жене удалось убедить его войти в купе. Ей пришлось крепко держать его за руку, потому что всю дорогу он пытался вырваться и выпрыгнуть на ходу из вагона поезда[116]. В Лондоне, не мешкая, они отправились к доктору Рейнольдсу. Приближалось Рождество, но, на счастье, врач оказался на месте (он занимал должность профессора Лондонского медицинского колледжа) и принял их.

Случай Рида заинтересовал ученого, уже широко известного к тому времени своими достижениями в области фармакологии и лечения эпилепсии. В то время он как раз занимался исследованиями применения индийской конопли для лечения нервных расстройств и неврологических заболеваний. Майн Риду он прописал изготовленный им собственноручно раствор, полный покой и усиленное питание. Причем диету врач разработал для капитана специально. Он наблюдал за ходом лечения, почти ежедневно проводил психотерапевтические сеансы, подолгу

беседовал с Ридом, и постепенно тот пошел на поправку. Исчезли галлюцинации, страхи — прежде всего страх перед пером и бумагой. Сначала Майн Рид вновь «научился» собственноручно писать письма, а уже весной написал статью и приступил к работе над романом. Единственным, от чего писателю в дальнейшем так и не удалось избавиться, — стали спорадические приступы депрессии. Они повторялись всю оставшуюся жизнь, осложняли ее, мешали сочинять, но Риду (и его жене!) удалось как-то приспособиться и жить с этим. К тому же теперь всегда под рукой была настойка индийской конопли, которую в гомеопатических дозах писатель принимал регулярно и которая, видимо, помогала выходить ему из депрессивных состояний.

Только весной 1871 года Элизабет Рид, наконец, смогла перевести дух и немного успокоиться. В своих воспоминаниях она написала, что муж ее тогда «окончательно выздоровел». Да и сам Майн Рид в письме Олливанту, который все еще находился в Америке, писал: «Долгая болезнь, превратившая меня в беспомощного ребенка, к счастью, не затронула моего ума; и теперь, быстро восстанавливаясь физически, я вновь берусь за перо с огромным рвением, — а ведь я уже почти не надеялся, что мне удастся это сделать».

На самом деле о полном выздоровлении, конечно, не могло идти и речи. Полностью Рид не восстановился. Хотя до конца дней ему оставалось еще больше десятка лет, по-настоящему «здоровым», — во всяком случае, таким, каким он был до болезни, он уже не станет никогда. Теперь недуги и хвори (в разной степени тяжести) станут преследовать его постоянно. Еще несколько раз он будет «умирать», но призрак безумия, благодаря терапии доктора Рейнольдса, к счастью, больше не возвратится.

Тяжелые времена

Болезнь, длившаяся так долго, не только измучила Майн Рида и его жену физически, но изрядно подорвала финансовое положение семьи. Постоянные переезды, клиники, гостиницы, лечение, лекарства, счета от врачей — все это подразумевало расходы — и расходы немалые. А поступлений — ведь Рид ничего не писал — почти не было. Давно закончились деньги, собранные Олливантом в Америке, таяли и те совсем небольшие суммы, которыми помогли ирландские родственники — Джон Майн Рид и преподобный Т. Кроми. Понятно, что трудные времена для Ридов наступили еще в Америке — после краха журнала и с началом болезни. Но они, как мы видим, не закончились с выздоровлением. Более того, теперь впереди отчетливо маячил

призрак бедности. Риды были вынуждены изменить привычный стиль жизни — теперь они обитали в Лондоне, на съемной квартире, обходясь без прислуги. Они часто меняли адреса (большинство из них не сохранилось), переезжая с одной дешевой квартиры на другую — еще более дешевую.

Писатель был еще очень слаб, но уже весной 1871 года вновь взялся за работу. Понятно, что о воплощении «больших» замыслов, — например, о создании нового романа, — пока не могло быть и речи. Но тексты небольшого размера — очерки, рассказы — он начал сочинять уже тогда. «Первыми ласточками» стали очерки, которые Рид написал для журнала «Кассельс мэгэзин» — «Короткий визит во Флориду» и «Путешествие по Мексике»[117]. Респектабельное издание имело изрядный тираж и неплохо платило своим авторам. Рид был хорошо знаком как с журналом, так и в журнале: в 1862 году здесь печатался его роман «Мароны». Тогда же он сочинил небольшой очерк («Охота в Техасе») и предложил его журналу «Филд»[118]. Очерк был принят, и автору выплачен аванс. Но наиболее интенсивными весной и летом 1871 года были контакты писателя с ежемесячным журналом «Лондон Сосайети». Издание позиционировало себя как «иллюстрированный журнал легкой и развлекательной литературы в часы отдыха» (такова была надпись на обложке журнала непосредственно под его названием). Интересно, что большинство текстов публиковалось в нем без подписи, анонимно. Весной и летом Рид сочинил для журнала несколько рассказов: «Брат против брата» (прежде печатался на страницах американского «Вперед»); «Привидение гризли» (вышел без подписи, но посмертно — так же как и предыдущий — появился в составе сборника Рида «Пронзенное сердце и другие истории», 1885); был среди них тогда же сочиненный рассказ «В плену у конфедератов». Там же опубликована история, давшая название посмертному сборнику.

Но за рассказы платили мало. К тому же Рид получал только аванс — гонорар выплачивался после того, как рассказ (или очерк) публиковался. Большинство упомянутых текстов увидело свет только в следующем — 1872 году. И только один напечатали в 1871-м. Это был переработанный текст истории американского школьника Г. Грина «Сумасшедший конькобежец», вышедший в свое время в журнале «Вперед». Рид напечатал его под своим именем под названием «Одержимый конькобежец: история из канадской жизни». Только тяжелыми материальными обстоятельствами можно объяснить этот, в общем-то неблаговидный, поступок писателя. Те же обстоятельства подтолкнули Рида к переизданию в одном томе двух

«десятицентовых романов» — «Желтый вождь» и «Белая скво»[119]. Но порядочность здесь была соблюдена, поскольку он публиковал собственные произведения. Более того, Рид поступил очень разумно, — издав романы в Англии, он не нарушил авторское право: «Бидл энд Эдамс» оно принадлежало только на территории Америки. Точно так же он поступил и с другим «американским романом» — «Уединенное жилище», переиздав его двухтомником у «Чапмен и Холл». Полученные за романы деньги, хотя и небольшие (поскольку это были не оригинальные тексты, а переиздания), помогли расплатиться с долгами и немного наладить быт. Но, конечно, тот уровень и стиль жизни, к которому привык Майн Рид за предыдущие 20 лет, являлся для него пока недостижимым. В таких условиях (учитывая состояние здоровья) ему было совсем не до «творчества». Приходилось больше думать о «хлебе насущном» и добиваться возможности (прежде всего финансовой) вырваться из Лондона, который писатель откровенно не любил, находя его атмосферу пагубной (что, в общем-то, соответствовало действительности) для здоровья любого человека. Данными обстоятельствами были продиктованы его инициативы, связанные с журналом «Пенни иллюстрейтед пэйпер».

Вскоре после выхода в двух томах романа «Уединенное жилище» Рид решил переработать и расширить его, увеличив объем примерно на треть. Писатель собирался усилить «любовную линию» в сюжете, превратив Аделу (Адель) из периферийного персонажа в одно из центральных действующих лиц. Он предназначал роман для журнала «Пенни иллюстрейтед». Поскольку это был журнал для «семейного чтения» и публиковал только «оригинальные» вещи (то есть издававшиеся впервые), авантюрно-приключенческий роман «Уединенное жилище» не мог быть напечатан на его страницах в изначальном виде. Другой роман, предназначавшийся Ридом для того же издания, назывался «Смертельный выстрел» *(The Death Shot: Л Romance of Forest and Prairie)*. Если читатель помнит, первоначально писатель начал сочинять его для своего журнала «Вперед» в 1869 году, но не закончил. Теперь он решил «реанимировать» проект. Хотя второй роман был только начат — в Америке Рид написал лишь несколько десятков страниц, — завершил он его раньше, чем переработанный вариант «Уединенного жилища». Уже в мае 1872 года рукопись «Смертельного выстрела» была передана издателю, «Аделу» (так называлась расширенная версия «Уединенного жилища») писатель завершил только в январе 1873 года.

Интересная подробность: оба издания («Лондон Сосайети» и «Пенни иллюстрейтед пэйпер»), с которыми тесно сотрудничал

Майн Рид в 1871–1873 годах, принадлежали одному человеку — У. Ингрэму[120], с которым, как утверждала вдова, писателя связывали тесные дружеские отношения. В январе 1873 года Майн Рид участвовал в избирательной кампании Ингрэма, ездил агитировать за него в город Бостон (Линкольншир[121]) и выступал на предвыборном митинге с огромным успехом, что, по мнению Э. Рид, обеспечило избрание Ингрэма в парламент. Так это было в действительности или нет, судить трудно. Но то, что Рид на самом деле обладал незаурядным ораторским дарованием — факт бесспорный, еще Эдгар Аллан По, если помнит читатель, отмечал его. Бесспорно и то, что некие «особые» отношения между Ингрэмом и Ридом, видимо, действительно существовали. Но была ли это дружба? Честно говоря, трудно себе ее представить. На чем она могла основываться? На общности убеждений? Но Ингрэм, при всем своем либерализме, был очень далек от радикального республиканизма писателя. На общей любви к литературе определенных жанров и тематики? Но успешный издатель не может руководствоваться таким ненадежным критерием. На общем опыте, воспоминаниях, впечатлениях? Но Ингрэм не только являлся человеком другого круга, но был на 30 лет моложе Рида. Впрочем, что бы ни лежало в основе их «дружбы», эти отношения очень помогли писателю в нелегкий для него период, когда он отчаянно нуждался в деньгах.

Конечно, Майн Рид пытался искать источники для пополнения доходов и помимо газетно-журнального «королевства» Ингрэма. Он вел переговоры с театральными антрепренерами с целью возобновить на британской сцене представления собственных пьес по романам «Квартеронка», «Отважная охотница», «Оцеола» и «Мароны». Писатель активно переписывался с американцем Ф. Т. Барнумом[122] об их постановке в США, но тщетно. В надежде заработать он даже собирался принять участие в затевавшейся тогда Британским географическим обществом экспедиции для исследования берегов и вод Калифорнийского залива, но жена отговорила его, да и он сам прекрасно понимал, что с нынешним состоянием его здоровья подобные путешествия для него остались в прошлом. Так обстоятельства настойчиво подталкивали его к тому, чтобы вернуться к основному занятию жизни, к тому, что он действительно умел делать хорошо — к сочинению романов.

Первым по-настоящему «британским» романом 1870-х годов стала книга под названием «Сигнал бедствия»[123]. Рид начал писать ее в Лондоне летом 1872 года. В основу текста легли несколько первых страниц романа «Исчезнувший экипаж» *(The Stricken Crew),* который писатель начал сочинять в Америке для

своего журнала «Вперед». Но это был совершенно новый роман, почти ничего общего не имевший с журнальной публикацией января 1870 года. Роман «юношеский» — о приключениях на море, о калифорнийской «золотой лихорадке», о любви, измене и преданности — Рид вновь возвращался в свою излюбленную стихию и делал это весьма успешно. Нет никаких сомнений, что книга имела совершенно определенного адресата — британскую молодежь. Прежде всего об этом говорит выбор положительных персонажей: безусловно, они — джентльмены. Причем настоящие джентльмены «высшей пробы» — офицеры военно-морского флота Ее Величества, люди без страха и упрека. Под стать офицерам и главный герой книги — обычный матрос по имени Гарри Блю, простодушный, не без вредных привычек (любит выпить), но честный, открытый и преданный. Он в одиночку противостоит бандитам, спасает от смерти капитана и пассажиров — двух прекрасных испанок — невест английских офицеров, а также их престарелого родственника. Спасает корабль от затопления, честь женщин — от поругания и (уж заодно!) — жизнь и душу двум беглым австралийским каторжникам. Гарри Блю хорошо знаком молодым читателям Рида по роману «Морской волчонок». Но если там он находится на периферии сюжета, то здесь — в самом его центре. Почему Рид решил «реанимировать» его? Да потому, что инстинктивно чувствовал, что именно такой герой нужен его читателю — старый добрый йомен, перекочевавший с английских равнин на просторы океана, — подлинное воплощение истинно британского характера в викторианском его понимании.

Хотя Рид писал «юношеский» роман, он предложил его не одному из многочисленных британских журналов для детей, а «Журналу Чемберса», специализировавшемуся на «взрослой» литературе. Почему он обратился туда? Ответить на этот вопрос несложно — журнал хорошо платил своим авторам. Лучше, чем «юношеские» издания. Существовал и важный «формальный» момент. В романе присутствует любовная линия. Она совершенно целомудренна и не является центральной, но позволяет трактовать роман и как произведение для взрослых. К тому же Рид неоднократно печатался в журнале. Именно на его страницах появились в свое время и «Оцеола», и «Отважная охотница». Публиковаться в этом журнале было еще и престижно, а Риду необходимо было думать о престиже и восстанавливать свою литературную репутацию. За то время, что он отсутствовал и болел, «подросли» другие литераторы, которые весьма успешно выступали как в приключенческом жанре, так и в сфере «юношеского» романа. Журнал принял роман к публикации. Но тех денег, на которые рассчитывал писатель, ему не дали. Журнал

выплатил аванс, когда рукопись была представлена в редакцию. Основную же сумму Рид получил много позднее — в августе 1875 года, когда книга начала выходить еженедельными «порциями»[124].

Элизабет Рид, объясняя задержку с публикацией, называла причиной то, что наборщики не смогли прочитать рукопись романа — настолько неразборчиво она была написана! Казалось бы, что тут такого? В конце концов, миллионы людей имеют плохой почерк! Но в том-то и дело, что прежде, до болезни, у Рида был замечательный почерк — четкий, с округлыми буквами, почти каллиграфический. И это обстоятельство указывает, что заболевание Рида было связано не только с давней военной раной. Вероятно, в июле 1870 года писатель, кроме гнойного абсцесса и заражения крови, перенес инсульт[125]. Поэтому и почерк его изменился. Неизбежная ишемия сосудов головного мозга объясняет и временное «помутнение сознания». Видимо, инсульт не был обширным. Лечение доктора Рейнольдса, включавшее не только терапию настойкой индийской конопли, но и обильные кровопускания, способствовали ремиссии. Но полностью «вылечить» писателя не смогли. Изменение почерка об этом красноречиво свидетельствует.

К счастью, творческие способности Рида не пострадали, сохранилась и способность адекватно воспринимать окружающий мир. А она заставляла напряженно искать дополнительные источники дохода, задумываться о том, на какие средства существовать семье (видимо, Рид не очень рассчитывал, что сможет трудиться так же напряженно, как прежде), на что будет существовать супруга после его смерти. Осенью 1873 года писатель сообщал Ч. Олливанту: «Я сейчас веду переговоры, которые, если будут успешными, окажут мне серьезную услугу — возможно, дадут небольшой доход до конца дней для меня и для моей дорогой жены после того, как я умру. Сейчас я пытаюсь перекупить авторские права на свои романы». Элизабет Рид сообщала, что супруг преуспел в этом: к декабрю того же года ему удалось завершить переговоры и выкупить права на большинство собственных романов у их владельцев.

Письмо Рида и информация его жены объясняют, почему они не покидали Лондон: во-первых, переговоры отнимали массу времени и сил, а во-вторых, потому что за права необходимо было платить. То были вовсе не астрономические суммы, но все же на их выплату уходила значительная часть доходов писателя. Эти расходы мешали Ридам вернуться к привычному образу жизни, не давали возможность покинуть Лондон и обосноваться на природе, как того очень хотел Майн Рид и страстно желала Элизабет.

Но после благополучного завершения переговоров такая возможность у Ридов появилась: весной 1874 года они, наконец, покидают Лондон и перебираются в местечко под названием Грейт Малверн. Оно расположено к северо-востоку от Лондона, в графстве Уорчестер, поблизости от границы с Уэльсом. В XIX веке Малверн и его окрестности славились как курортная местность. Считалось, что здесь целебный воздух и чистейшая вода (кстати, королева Елизавета II пьет исключительно малвернскую воду). Здесь, как и в Мэтлоке, было множество «водных лечебниц». Супруги не собирались обосновываться там, жили в гостинице, пили воду, гуляли. В Малверне писатель переработал роман «Смертельный выстрел». Он расширил его, переписал некоторые сцены, добавил «экзотический» колорит. В предисловии к роману Рид писал, что «пересмотрел, почти переписал книгу». Сюжет остался прежним. Но автор надеялся, что изложил его лучше, чем прежде. Под предисловием стоит дата и место: «Сентябрь 1874 года, Грейт Малверн». В новой редакции роман вышел уже осенью того же года. Вот они — очевидные и бесспорные преимущества обладания правами на собственные произведения: Рид мог перерабатывать свои тексты и предлагать их издателям[126]!

Литературные дела постепенно налаживались, а вот со здоровьем все обстояло ровно наоборот. Если в 1871 году «гидротерапия» в Мэтлоке просто не улучшила состояние Рида, то водные процедуры лета и осени 1874 года в Малверне, видимо, спровоцировали рецидив болезни. К счастью, не душевной, но физической: в старой ране на ноге вновь образовался абсцесс. Супруги срочно вернулись в Лондон. Майн Рида поместили в больницу, но лечение не помогало. Опять начался сепсис, и писатель впал в беспамятство. Состояние его стало настолько тяжелым, что были произведены приготовления к погребению (Элизабет Рид даже выбрала и купила место для могилы мужа[127]), составлены некрологи, но… капитан Майн Рид и на этот раз сумел преодолеть болезнь и «выкарабкался». Правда, на этот раз выздоровление было очень медленным — писатель почти полгода не вставал с постели. А когда, наконец, поднялся, то уже не мог передвигаться, как прежде, — до конца дней неизменными спутниками Майн Рида стали костыли. Но и на них он встал не сразу — первое время на прогулки его вывозили в инвалидной коляске. К марту 1875 года, однако, пациент настолько окреп, что его выписали из больницы, и супруги переехали на квартиру, расположенную на Ширлэнд-роуд, в районе Мейда Хилл. Это был предпоследний лондонский адрес писателя.

Обитатель сельской глубинки

На Ширлэнд-роуд Риды прожили с марта по сентябрь 1875 года. Писателя каждый день вывозили на прогулку — обычно в Риджентс-парк. Кенсингтон-гарден, который был ближе к их квартире, почему-то не нравился Майн Риду; он предпочитал заказывать экипаж, усаживался в него, не торопясь ехал по лондонским улицам, разглядывая дома и прохожих. У входа в парк его пересаживали в инвалидную коляску и катили по аллеям парка. Ранее разговорчивый, теперь он больше молчал и был печален. Он почти не работал. За эти несколько месяцев он сделал необычно мало: правил корректуру романа «Сигнал бедствия» для «Журнала Чемберса», пересмотрел свои прежние сочинения (видимо, размышляя, как их можно переработать, с тем чтобы предложить издателям), впечатленный самоотверженностью, с которой в течение нескольких месяцев за ним ухаживали сиделки, сочинил очерк под названием «Медицинские сестры»[128]. Жена видела, что муж находится в депрессии и погружается в нее все глубже. Не будем анализировать ее причины — они и так понятны. Для такого деятельного человека, как Майн Рид, переход в «инвалидное» состояние не мог пройти бесследно. Приближалась зима, с неизбежными густыми туманами, сыростью и отсутствием солнца. Рид особенно не любил лондонскую зиму. Миссис Рид понимала, что она усугубит депрессию. Надо было что-то срочно предпринимать. И эта маленькая женщина, немного наивная и совершенно непрактичная, инстинктивно нашла решение: не советуясь с мужем, при поддержке верного Олливанта, который недавно вернулся из Америки, она снимает коттедж в небольшом городке Россон-Уай в графстве Герефорд[129].

Почему миссис Рид выбрала именно этот город почти на границе с Южным Уэльсом? В своей книге она не прокомментировала это решение. Но можно предположить, что они бывали там летом 1874 года, когда отдыхали «на водах» неподалеку — в Малверне, в соседнем с Герефордом графстве Уорчестер, и мужу понравились эти места. Пейзажи в том краю действительно живописные — город стоит в излучине реки Уай, к югу от него начинается большой лесной массив, кругом невысокие, пологие холмы с ухоженными полями и перелесками. Город очень древний, в нем много старинных зданий XIII–XVII веков, поблизости развалины замка, знаменитое Тинтернское аббатство, отовсюду в округе виден устремленный в небо узкий готический шпиль построенной в XIV веке церкви Святой Марии. Все это уже в годы жизни писателя превратило Росс-он-Уай в один из туристических центров Англии (что, вероятно, и самого Рида впервые привело туда). Но миссис Рид стремилась не к

суете, а бежала от нее. Поэтому дом был снят почти в пяти километрах от города — там, куда не забирались досужие туристы. У дома было собственное имя. Он назывался «Чейзвуд». Впрочем, из этого не следует, что дом был большой, подобный тому, какой у них был в Джеррардз Кросс. Как позднее с иронией писал сам Рид, «по герефордскому обычаю, каждая ферма — даже самая маленькая, имеет собственное название». Напротив, он был совсем невелик — одноэтажное строение в несколько комнат, сложенное из местного песчаника под камышовой крышей. У дома — сад, но совсем маленький. Очевидно, аренда меблированного коттеджа на осень, зиму и весну не была разорительна для Ридов. Ведь местечко, где они собирались обосноваться, находилось далеко от Лондона, и туда невозможно добраться по железной дороге — от ближайшей к ним станции было добрых полтора десятка километров пути. Чейзвуд расположился рядом с проезжей дорогой, но все же стоял от нее в стороне. Неподалеку начинался лес, в полумиле несла свои воды река Уай, на западе лежали легко различимые горы Уэльса.

Хотя миссис Рид ничего не написала о самом переезде из Лондона в отдаленный Чейзвуд, можно догадаться, что он стал серьезным испытанием для хрупкой женщины. Если прежде всем распоряжался ее деятельный супруг, то теперь заботы легли на ее плечи: ей самой пришлось заниматься расписанием, билетами, договариваться с носильщиками и возницами, следить за грузом, давать распоряжения служанке и помогать мужу. Но все равно она была очень рада — уже в дороге настроение Рида стало меняться к лучшему. Поначалу безучастный, он начал посматривать по сторонам, задавать вопросы и отпускать замечания.

В Чейзвуде Риды обосновались в начале сентября 1875 года. Элизабет Рид вспоминала, что на новом месте ее муж «будто вернул себе прежнюю бодрость». Он много времени проводил на открытом воздухе. Первые дни просто сидел, укрывшись пледом, в кресле на лужайке у дома. Затем начал устраивать длительные прогулки в наемном фаэтоне — ездил в Росс, колесил по окрестностям, иногда совершая длительные экскурсии в 20, а то и в 30 миль. Здесь было на что посмотреть — великолепная природа, архитектурные памятники разных эпох — от раннего, еще норманнского Средневековья до современных построек. Наверняка обзавелся он и знаменитым трудом преподобного У. Гилпина, который еще в 1782 году выпустил обстоятельную — в несколько томов — книгу о достопримечательностях края[130]. С тех пор она переиздавалась неоднократно, а Рид, как известно, всегда живо интересовался историей и природой тех мест, где

ему довелось жить. Так, постепенно, — через книги, общение с местными жителями, путешествуя по суше и по реке, писатель проникался любовью к этому необычному месту и восстанавливался физически, возрождался духовно. «Нигде в Англии, возможно, нигде в Европе осенняя листва не окрашена так очаровательно, как на берегах Уая, — писал Рид через год с небольшим после того, как обосновался в Герефоршире. — Река прокладывает себе путь через леса, которые кажутся раскрашенными художником; их цвета почти такие же яркие, как знаменитая окраска американских лесов. Береза, вместо того чтобы, как повсюду, стать темно-коричневой, приобретает оттенок яркого янтаря; листва каштана становится прозрачно-лимонной; листья дуба розовеют по краям, а лещина усажена ярко-алыми зонтиками с плодами. Тут и там по склонам лесистых холмов видны красные дикие ягоды, белые пятна говорят о присутствии ломоноса, алые — о падубе с его ягодами, как будто покрытыми воском, а темно-бордовый цвет — о боярышнике; и все это перемежается зеленью самых разнообразных оттенков: тис, можжевельник, утесник, плющ и другие вечнозеленые растения, вопреки снегу и зимним морозам, круглый год здесь радуют свежей зеленью». О чем, кроме заинтересованного внимания к местной природе и о любви к этим местам, могут сказать эти строки?

Но, восстанавливаясь, первые месяцы в Чейзвуде Майн Рид почти не прикасался к перу и бумаге. Можно подумать, что недавно еще могучий источник его вдохновения и трудолюбия совершенно иссяк. Однако это не так, и то обстоятельство, что уже вскоре — в 1877 году — будет издан его новый роман, а затем он напишет еще восемь (три из которых выйдут посмертно), — говорит совсем об обратном. Причина затянувшегося «молчания» была, конечно, в другом. В первые месяцы в Герефорде у него просто не хватало сил засесть за новую книгу. Да и особой мотивации тоже не было. Выкупив в 1874 году авторские права на большинство своих текстов, он тогда же заключил договор с издательской фирмой «Уорд энд Локк» на выпуск собрания собственных сочинений в пятнадцати томах (первый том вышел к Рождеству того же года). Конечно, этот договор не принес больших денег, но все же, видимо, сумма оказалась достаточной, чтобы какое-то время не беспокоиться о финансовом состоянии семьи.

Тем не менее к лету 1876 года Майн Рид, видимо, окреп настолько, что решил вновь взяться за перо и начал сочинять роман — первый после долгого перерыва. Этот роман получил название «Гвен Уинн. Романтическая история реки Уай» *(Gwen*

Wynn: A Romance of the Wye) и был совершенно не похож на те книги, что он сочинял прежде. Прежде всего, «Гвен Уинн» — самый объемный роман писателя. Хотя впоследствии и был издан в традиционных викторианских трех томах, но он, по меньшей мере на треть, больше самого крупного из предыдущих произведений. Однако главное, конечно, не объем, а содержание: это был «сенсационный роман из современной жизни». В тексте книги много отступлений, в которых автор выпустил немало отравленных ядом стрел в сторону «современных писателей», сочиняющих «нагнетающие ужас» истории и ищущих дешевой популярности у невзыскательного читателя. Неясно, кого конкретно имел в виду Рид — таких литераторов было действительно немало. Но сам Майн Рид (понять это нетрудно), сочиняя свою историю, ориентировался прежде всего на опыт Уилки Коллинза — в то время, пожалуй, наиболее популярного среди сочинителей-викторианцев.

«Гвен Уинн» почти незнаком русскому читателю, поэтому, хотя бы вкратце, необходимо пересказать его. На первый взгляд это почти невозможно — настолько населен роман и запутан его сюжет. Но на самом деле не так уж все сложно. Итак, есть главная героиня — красавица и наследница богатого поместья на реке Уай по имени Гвендолин Уинн. Она влюбляется в вернувшегося из Индии офицера-ирландца капитана Райкрофта. Он богат, красив, отважен и отвечает красавице взаимностью. Но в их свадьбе не заинтересованы ее кузен Мердок, его жена, француженка Олимпия Рено, в прошлом дама полусвета, и зловещий католический священник, иезуит отец Роже. Они решают избавиться от Гвен, чтобы завладеть поместьем (в случае ее смерти его наследует Мердок). Случай представляется, когда между Райкрофтом и его невестой происходит ссора. Капитан уезжает во Францию, а Гвен… исчезает. Подозрения (сначала в похищении, а затем и в убийстве) падают на капитана. Но капитан, узнав об исчезновении возлюбленной, возвращается и начинает заниматься расследованием ее смерти (к тому времени тело утопленницы нашли, опознали и похоронили). Расследования опасаются новые владельцы усадьбы и особенно преступный отец Роже. При помощи браконьера Дика Демпси священник избавляется от Мердока. Олимпия Рено и святой отец собираются продать усадьбу. Один из героев, лодочник Джек Уингейт, сообщает капитану, что видел, как в день исчезновения Гвен отец Роже и Демпси грузили на отплывающий в Булонь корабль какой-то подозрительный тюк. Он уверен, что в нем находилась его исчезнувшая невеста Мэри. Капитан спешит в Булонь. Там, при помощи своего сослуживца, он разыскивает

подозрительную католическую обитель, в которой насильно удерживают некую красавицу англичанку. Он освобождает девушку — пленницей оказывается… утонувшая и похороненная Гвен. Вместе с Гвендолин капитан возвращается в усадьбу, но отец Роже и Олимпия Рено, предупрежденные иезуитами, скрываются. Однако остается Демпси, который в предсмертном бреду (его отравил все тот же святой отец) раскрывает все обстоятельства преступлений и среди них — главную загадку. Оказывается, Гвендолин Уинн не умерла — ее усыпили хлороформом (в те годы это было «новейшее средство», применение которого будоражило викторианское общество, порождало причудливые слухи — их отзвуки мы и находим в романе), положили в гроб, отпели в церкви, но похоронили не ее, а подменили на утопленную Демпси невесту Уингейта; Гвен вывезли в Булонь, чтобы постричь в монахини. Заканчивается книга «карамельно-благополучно» — свадьбами почти всех неженатых героев и семейным счастьем в окружении народившихся отпрысков.

Если рассматривать книгу Майн Рида непредвзято и в контексте лучших образцов жанра (романов того же У. Коллинза, например), можно прийти к вполне определенному выводу — книга получилась неудачная, слабая. В ней множество нестыковок, совершенно искусственных ситуаций, образы положительных героев «размыты», а поступки «злодеев» слабо мотивированы. Более того, по стремлению автора нагнетать зловещую атмосферу, по нагромождению явных нелепостей, «Гвен Уинн» напоминает скорее роман готический, нежели «сенсационно-мистическое» повествование Коллинза. Чего только стоит образ патологического злодея отца Роже! В сюжете масса штампов — как присущих массовой литературе того времени (не говоря об обязательном «хеппи-энде», это, например, чудесное воскрешение погибшей героини), так и собственных, «майн-ридовских»[131]. Кроме того, рассчитывая на коммерческий успех книги, писатель насытил свой роман самыми расхожими викторианскими предрассудками. Никогда прежде Рид не шел так откровенно навстречу самым невзыскательным вкусам и предубеждениям. Он учел законопослушность и стихийную ксенофобию викторианцев. Его злодеи — неджентль-мены, это — французы, католики, иезуиты и браконьеры — то есть все те, к кому обывательское сознание той эпохи было настроено однозначно отрицательно. А положительные персонажи — истинно британские джентльмены и местные жители — честные лодочники и фермеры-арендаторы.

Но едва ли в сказанном следует видеть свидетельство

просчетов художника. Судя по всему, Рид сознательно шел на «снижение планки». «Виной» тому была целевая аудитория книги. Он планировал публиковать роман в провинциальных газетах и в 1876–1877 годах вел по этому поводу активную переписку с газетным синдикатом, которому принадлежала основная часть периодических изданий не только в Герефорде и окрестных графствах, но и во всем юго-западном и центральном регионах Британии[132].

Однако роман не лишен достоинств. Речь идет прежде всего о «местном колорите». Риду удалось показать уникальную красоту края, его неброское, но глубокое и подлинное очарование. Видно, что Рид не только хорошо узнал, но и полюбил этот уголок Англии, его обитателей, и сумел передать на страницах своей книги эти чувства. Есть у книги и еще одна необычная, пожалуй, даже незаурядная особенность. Художественное пространство повествования соткано вокруг реки Уай. Она является стержнем, скрепляющим сюжет. Герои романа (положительные и отрицательные) перемещаются по реке, совершают преступления и подвиги, она им дает жизнь и забирает ее, дарует радость и печалит; они живут ею, здесь они любят и здесь умирают.

Сознательно ли писатель усилил тему реки или это вышло помимо его воли? Удивительно, насколько причудливы бывают источники, питающие литературное произведение, насколько далеки они могут быть собственно от литературы, творчества, вдохновения. Ведь ясно, что «стержневое» значение реки Уай, неподдельное знание ее писателем происходят из очень простого обстоятельства — Рид был почти лишен возможности передвигаться самостоятельно. Он много колесил по окрестностям в наемном экипаже, но особенно полюбил прогулки по реке. Если позволяла погода, совершал их почти ежедневно. На лодке он спускался до устья и поднимался к верховью реки. Досконально исследовал ее берега, заливы и потаенные заводи, слушал рассказы лодочников, много общался с ними, наблюдал за их навыками, привычками и приемами, изучал суда, на которых они плавают. Все это и вошло в книгу. Среди тех, с кем он общался, были прототипы браконьера Демпси, честного Уингейта и его невесты — красавицы Мэри, основательного Приса и многих других героев романа. Мы никогда не узнаем их настоящих имен и жизненных историй[133]. Впрочем, довольно и того, что их запечатлел писатель.

«Гвен Уинн» — единственный роман, начатый и завершенный в Чейзвуде. Писался он долго — больше полутора лет. И дело не только в рекордном для Рида объеме, но и в том, что работа над книгой шла медленно. Очевидно, писатель уже не мог работать с

той энергией и с тем напряжением сил, с которыми работал прежде. Да и сам процесс создания текста изменился. Если раньше Рид мог сочинять практически в любых условиях — в номере гостиницы, в купе поезда, в тишине и среди шума, за столом, лежа в кровати или стоя у конторки (кстати, так работало большинство его современников — викторианских литераторов, и прежде он любил писать именно так), то теперь его окружением стали тишина (любой шум отвлекал и раздражал его) и одиночество (даже жене не дозволено было входить к нему, когда он писал), а неизменной «творческой лабораторией» — диван в кабинете. Теперь Рид работал только лежа — утвердив перед собой специально изготовленный по его эскизу пюпитр. Он, — вспоминала вдова, — «полулежал на диване в халате и шлепанцах, обязательно укрыв мехом колени — даже в самую жару, писал, зажав в зубах сигару, которая постоянно гасла и тут же раскуривалась вновь; при этом весь пол кругом забросан был обгоревшими спичками». Работать предпочитал ночью, при зажженных свечах, — при этом на импровизированном столе обязательно «стояла пара свечей и лежала неизменная сигара со спичками». Элизабет Рид очень боялась, что может случиться пожар и муж пострадает. И страхи не были безосновательны. «Множество раз, — вспоминала она, — утром обнаруживали сгоревшие дотла бумаги и черный пепел вокруг, но ни сам Майн Рид, ни постельное белье никогда не бывали обожжены».

В Чейзвуде Риды прожили более двух лет — до января 1878 года. Оттуда они переехали в новое жилище — просторный коттедж в местечке под названием Фрогмор. Все время проживания в Чейзвуде Рида тяготила близость большой дороги: шум от проезжавших мимо экипажей и повозок, выкрики возниц, не смолкавшие целый день, случайные досужие визитеры — все это раздражало, выводило из равновесия. Мешали и соседи — самим фактом своего существования, справа и слева от дома стояли другие дома, и там тоже жили люди. Но ему не хватало не только уединения. В Чейзвуде в распоряжении Рида имелись только маленький палисадник и небольшая лужайка за домом. В Джеррардз Кросс было много земли, большой сад, огород, луга, хозяйство — лошади, овцы. Там он вел жизнь настоящего сельского сквайра. Всего этого Риду очень недоставало. Современному горожанину трудно понять тоску писателя. Но мы не должны забывать, что речь идет об иной эпохе, о человеке, выросшем в сельской глубинке, — среди пустынных холмов и полей Ирландии, о том, кто провел молодые годы на просторах американских прерий. Важно и другое. В Великобритании домовладение, его расположение, размеры участка, хозяйство и

т. п. всегда значили многое, определяя социальный статус владельца. Как и любой викторианец, Майн Рид (обладая к тому же определенным складом характера) был к этим вещам очень чувствителен. Конечно, теперь он не мог позволить себе жить так, как жил в Джеррардз Кросс, но создать какое-то подобие *той* жизни и *того* уклада, безусловно, стремился. Указанными обстоятельствами и был обусловлен переезд Ридов на новое место жительства.

Несмотря на неблагозвучное название, и в наши дни Фрогмор[134] принадлежит к числу наиболее живописных мест Герефорда и иметь там недвижимость или арендовать дом на лето весьма престижно. Располагается оно в четырех милях от городка Росс-он-Уай, но в местности — в отличие от дней современных — тогда совершенно уединенной, вдали от проезжих дорог и соседей. Вот что писал сам Майн Рид о новом месте жительства Ч. Олливанту:

«Я хотел иметь дом, и чтобы была земля, и потому не смог удержаться от искушения — участка в двух милях отсюда, по другую сторону леса. Дом более уединенный и обособленный, нежели «Чейзвуд», — по сути, это настоящая обитель сельского отшельника; но дом очень красивый, а при нем почти 15 акров земли, замечательный огород, ухоженные газоны и постриженные кустарники, с непересыхающим летом ручьем, с въездом для экипажей, с отдельным входом на ферму и в конюшню.

На ручье установлено колесо; вода приводит его в действие, а оно — насос, который подает воду в дом и в сад. Ниже по ручью сооружена плотина со шлюзом, поднимая створ которого, я могу повысить уровень воды и создать замечательный пруд с нависающими над ним деревьями. С этой целью и была сделана плотина, но сейчас вода спущена и ворота отсутствуют. Как только вступлю во владение, они будут восстановлены.

Прямо по лугу разгуливают куропатки. В кустах слышны голоса дятлов и соек, а сразу за домом начинается Пеньярдский лес, продолжение Чейзвудского леса, — он простирается на три мили, покрывая склоны выстроившихся в цепочку холмов неподалеку. Его опушка рядом — в какой-нибудь сотне ярдов от дома. Есть еще хозяйственный двор — он обособлен от конюшни и каретного двора. Имеются каретный сарай, в котором можно разместить полдюжины экипажей, конюшня на восемь лошадей, мощеный двор, кладовая, молочная, помещения для слуг и большой колокол, укрепленный на специальном устройстве у дома — с его помощью можно созвать слуг в любое время!

И все это за 60 фунтов в год. Восемь акров земли, но на будущий год я смогу взять в аренду еще пять или шесть по цене

48 шиллингов за акр — если захочу. В самом деле, это настоящий рай, и по очень выгодной цене. Почему дом сдается так дешево? Два года он простоял без жильцов, и поэтому хозяин был очень рад мне. Наниматели находили его слишком уединенным. Так оно и есть, если по соседству нет знакомых из числа состоятельных землевладельцев. Поскольку мы в округе со всеми знакомы, не думаю, что нас будут навещать реже, чем в «Чейзвуде», хотя теперь мы будем жить на милю или две дальше ото всех.

Главное достоинство — прилегающие луга и хороший сад — они достаются мне бесплатно. В вульгарно-обычном съемном коттедже они бы обошлись мне весьма дорого. Это сущая правда. А яблоки Фрогмора (Что за ужасное название! Скоро этот дом будет называться «Ранчо»!) вполне способны оправдать стоимость годовой аренды дома».

Видимо, это были первые впечатления Майн Рида от детального знакомства с будущим местом жительства. Но эмоции однозначны — оно ему очень понравилось. Конечно, вселение в новый дом, его обустройство — все это подразумевало хлопоты да и дополнительные расходы. Теперь Риды не могли обходиться одной служанкой. Нужны были еще слуга и конюх (Майн Рид собирался завести лошадей), нуждались они и в услугах садовника. Стоимость малоквалифицированной рабочей силы в викторианской Англии была невелика, и хотя доходы Рида были несопоставимы с тем, что он имел до отъезда в Америку, супруги могли позволить себе нанять дополнительную прислугу.

В новый дом они въехали в январе 1878 года. «В настоящее время я ничего не делаю и не могу работать, — сообщал писатель Олливанту летом того же года, — настолько я очарован совершенно сельской жизнью. Весь мой день занят делами в саду и наблюдениями за природой».

Действительно, первый год жизни во Фрогморс Рид почти не занимался литературной работой. Только осенью он взялся за переработку романа «Утраченная сестра», который сочинял в США и который начал было публиковать в своем журнале «Вперед», но так и не закончил. Теперь он переписал его заново — ввел новых героев, включил новые эпизоды, значительно расширил и, наконец, просто довел до конца. Завершенный роман получил новое название — «Гаспар Гаучо»[135]. Его напечатала (в классических трех томах) крупнейшая викторианская издательская фирма «Роутледж». С ними он неоднократно сотрудничал в прошлом и на этот раз, представляя новый роман, предложил издать собрание своих сочинений. Поскольку Рид недавно выкупил права на большинство своих книг, «Роутледж»

заключила контракт с писателем на издание собрания в восемнадцати томах (первый том вышел на Рождество 1878 года). Едва ли это собрание сочинений принесло ему много денег, но какие-то выплаты, безусловно, последовали. Поступали деньги и из Америки — «Бидл энд Эдамс» в «десятицентовой» серии издали сокращенную версию его морского романа «Сигнал бедствия»[136]. Трудно сказать, сам ли Рид сократил текст до нужного объема или это сделали редакторы, но американцы, как известно, были честны с автором (тем более что Рид, не забудем, был гражданином США со всеми вытекающими отсюда юридическими последствиями) и гонорары выплачивали исправно. Но эти поступления не мотивировали писателя к активной литературной работе, сочинению новых произведений.

Впрочем, в одном из писем к Олливанту, датированном летом 1878 года, есть фраза, красноречиво указывающая, что сюжеты все-таки «бродили» в сознании Рида, его творческое воображение работало, рождая новые замыслы. Описывая природу Фрогмора, местные достопримечательности, он писал: «Какое это все-таки подходящее место действия для «Белой перчатки», и я совсем не уверен, что не увлекусь новым, еще более амбициозным замыслом, — чтобы изобразить подлых кавалеров в их подлинном обличье — как шелудивых псов, — каковыми они и были в действительности». Видимо, уже тогда, в 1878 году, Майн Рид начал размышлять над историческим романом «Без пощады!» *(No Quarter!),* которому суждено было стать последней книгой писателя. Одной из тех, что ему уже не удастся подержать в руках, раскрыть, вдохнуть запах типографской краски. Но пока это были только невнятные замыслы, воплощение которых рисовалось неясной отдаленной перспективой. А жизнь продолжалась — с ее бесконечными заботами, хлопотами, увлечениями.

О последних следует сказать особо — они многое значили в жизни Майн Рида во Фрогморе, определяли характер и содержание его существования в сельской глубинке. Наконец, они придали и новый вектор литературной деятельности, стимулируя обращение к тем областям, которые интересовали и прежде, но Рид не имел возможности заняться ими.

В уединении, на ферме Майн Рид смог, наконец, свободно отдаться своему давнему увлечению — исследованию особенностей жизни и повадок животных и птиц. Еще в юности писатель проявлял способности натуралиста. Он был всегда в курсе новейших достижений естественных наук и очень много читал, сочиняя книги и просто интересуясь жизнью живого мира. Чрезвычайно насыщены разнообразной информацией из области

ботаники и зоологии его романы — не только «юношеские» (что можно объяснить пресловутым «практическим знанием»), но и «взрослые». В этих особенностях — красноречивое свидетельство многолетнего увлечения беллетриста естественно-научным знанием. Но времени заняться собственными исследованиями у него никогда не было. И вот теперь такая возможность появилась. Конечно, она была изрядно ограничена его физическим состоянием — после болезни Рид передвигался в основном на костылях. Но животный мир Фрогмора и окрестностей был настолько разнообразен, что Рид, как свидетельствовала его вдова, называл окружающую местность «подлинным раем натуралиста». Слуги приносили ему пойманных животных. Местные охотники и фермеры-арендаторы ловили для него за небольшую плату птиц и мелких зверей. Среди этих людей у Рида было множество знакомцев, не исключая и весьма подозрительных личностей, промышлявших браконьерством. Все соседи на много миль в округе знали об увлечении писателя и отовсюду несли ему разнообразных птиц и животных. Обитали животные и в его доме. Элизабет Рид вспоминала: «В его комнате в клетках жили сова и сорока, а маленькая выдра, которую поймали на берегах ручья, свободно бегала по участку и ела с рук. Капитан просил, чтобы у его постели по вечерам оставляли молоко и рыбу, и сам кормил зверька. На газоне под окном нередко можно было видеть ястреба, которого Майн Рид взял из гнезда. Это было красивое маленькое создание и настолько ручное, что по свисту хозяина прилетало и хватало пищу прямо из рук. Совсем другим был злобный барсук. Когда его тревожили в клетке, он рычал, фыркал, щелкал зубами и всякий раз норовил убежать. На газоне постоянно резвились белые бультерьеры, кошки с котятами и козы с козлятами».

Ограниченная подвижность имела и благоприятную для естествоиспытателя сторону. Не отвлекаясь на поимку животных, он мог больше времени посвящать их исследованию, изучению их строения и внутренних органов, чтению книг. Да-да! Майн Рид вскрывал трупы животных! У него был прекрасный набор хирургических инструментов, с которыми он весьма искусно управлялся. Нередко, спустившись к завтраку, миссис Рид заставала своего мужа за вскрытием крота, землеройки, змеи или какого-нибудь иного создания, которое убили и принесли работники.

Свои наблюдения Рид тщательно записывал и собирался издать серию очерков о животном мире края для журнала «Лив сток джорнэл», с которым тогда сотрудничал. Судя по всему, первые очерки серии, с предположительным названием

«Натуралист на Уайе», он начал писать уже в 1880 году, продолжая работать над ними и в последующие годы. Ни один из очерков, однако, так и не был опубликован при жизни писателя. Позднее, в 1889 году, усилиями Ч. Олливанта и Э. Рид очерки были собраны в книгу и изданы под названием «Натуралист в Силурии»[137].

Было у Рида во Фрогморе и другое, не менее захватившее его увлечение — сельское хозяйство. Собственно, сельским хозяйством он занимался и прежде — в Джеррардз Кросс — держал конюшню, разводил овец норфолкской породы, огородничал, имел большую оранжерею, где экспериментировал с экзотическими растениями. Теперь его страсть приняла несколько иное направление — он увлекся выращиванием картофеля. Но и тут Рид пошел по своему пути. Из-за влажного климата эти места всегда считались благодатными для произрастания корнеплода. Но, вместо того чтобы выращивать привычные, «районированные» сорта, Рид выписал из Америки клубни мексиканского картофеля, занялся его селекцией и преуспел в этом деле. Собственно, с успехами в области картофелеводства и были связаны его первые публикации в «Лив сток джорнэл». В 1879–1880 годах Майн Рид опубликовал в журнале несколько статей, посвященных истории и особенностям выращивания картофеля — вообще и своего опыта в разведении мексиканских сортов — в частности. Эти публикации превратили Рида в признанного авторитета в этой области. К нему приезжали за советами, за семенным материалом. Особенно интересовались клубнями мексиканской картошки. В начале осени 1880 года он писал одному из своих «сельскохозяйственных» корреспондентов:

«Десять английских центнеров[138] уже разошлись. Даже если бы у меня было десять тонн, думаю, я смог бы их продать по той же цене. Только что я получил письмо от генерального консула Германской империи — он просит отправить ему два центнера».

В Герефорде Майн Рид вернулся и к другому, знакомому по Джеррардз Кросс, занятию — выращиванию овец. Но если прежде он просто выращивал овец норфолкской породы, то теперь занялся селекцией — выведением нового вида. Началось это увлечение в 1878 году. Однажды, возвращаясь на поезде из Лондона, он увидел из окна вагона животное странного облика. Позднее он описал его так: «…угольно-черная овца, с белоснежной мордой и хвостом такого же цвета». Причем хвост был необычно длинный и пушистый — «наподобие лисьего». В отаре было примерно 20 голов, но только одна овца имела такой странный окрас. На следующий день писатель вернулся и расспросил владельца, что это за овцы, откуда они и сколько

стоят. Владелец рассказал, что куплены они в Уэльсе, называют их «горные овцы». Внимательно приглядевшись, Рид обнаружил еще одну овцу такого же необычного окраса и решил купить их. Цена оказалась приемлемой, и в тот же день овцы очутились у него в загоне. Из стада Рид оставил себе только двух — разнополых особей удивительной окраски. В первый же год путем скрещивания было получено несколько черных овец с белыми мордами и хвостами. Остальных, не отвечающих требованиям, Рид отбраковывал. Так, экспериментальным путем, писатель, как он полагал, вывел новую породу овец. Через пару лет у него образовалась целая отара необычной окраски животных, которых он (по имени пастуха, продавшего ему первых особей) назвал «овцами Джейкоба». И написал об этом статью в тот же «Лив сток джорнэл». Правда, его попытки утвердить статус особой породы и выставлять животных на сельскохозяйственных выставках натыкались на сопротивление устроителей, и его овец не брали. Видимо, писатель, как всегда, слишком торопился. Впрочем, ему было довольно и того, что он удивлял соседей. Вот что он сам писал по этому поводу: «Небольшого размера и очень изящные, эти необычные животные неизменно привлекали к себе внимание соседей — ведь таких никогда здесь прежде не видели. Люди, проходившие мимо луга, на котором паслись овцы, останавливались и разглядывали их, словно это было стадо антилоп или табун зебр».

К сожалению, увлечения Майн Рида не приносили сколько-нибудь ощутимого достатка и жить на доходы от сельского хозяйства семья не могла. Джоан Стил, исследовательница творчества писателя, имевшая доступ к его переписке 1870–1880-х годов, обращает внимание, что письма этих лет насыщены сетованиями на недостаток средств. Действительно, уже в январе 1879 года Майн Рид начинает активную переписку с несколькими американскими (прежде всего нью-йоркскими) газетами с предложением стать их «британским корреспондентом», с тем «чтобы информировать американских читателей о деталях европейской политики». К сожалению, его предложения не заинтересовали американских издателей. Но и позднее — в 1880-е годы он не оставлял попыток поправить семейный бюджет, превратившись в иностранного корреспондента американской газеты. Впрочем, и тогда без особого успеха[139].

Майн Рид упорно не хотел возвращаться к литературной деятельности, по крайней мере — к сочинению новых романов. Видимо, он просто не чувствовал в себе сил для того, чтобы писать. Несмотря на то, что жизнь в сельской глубинке приносила ему удовольствие, радовала его, здоровья у него не прибавлялось.

Он часто простывал, болел. Не стихали боли в увечной ноге. Беспокоила его и правая рука, ему все труднее становилось подолгу держать в ней перо. Но ясно и то, что обстоятельства просто вынуждали его вернуться к привычному занятию. Ничем иным он не мог обеспечить себе и своей жене достойного существования.

Самым верным и оперативным способом заработать для Рида продолжало оставаться сотрудничество с «Бидл энд Эдамс». В 1879 году в американском издательстве вышли сразу две книги: «Голубой Дик, или Месть Желтого вождя» и «Сухопутный пират». Это были переиздания историй, сочиненных им в американские годы для «десятицентовой» серии. «Виды энд Эдамс» просто выпустили их в новой серии и под другими названиями. По условиям договора, издатели имели на это полное право и писатель не получал за них ни цента. Но, известив его о выходе книг, они подтвердили, что «открыты для сотрудничества» и с удовольствием опубликуют то, что он им предложит. Других предложений у Рида не было, и он явно неохотно взялся за короткий роман для американцев. Около трех месяцев потребовалось, чтобы завершить работу над новым текстом. Книга получила название «Капитан стрелков, или Королева озер» (*The Captain of the Rifles: or, The Queen of the Lakes)*. 4. Олливант вспоминал, что писатель был недоволен результатом своей работы и отзывался о книге с пренебрежением. Впрочем, в том нет и не могло быть ничего удивительного — книгу он писал в спешке, размышляя, видимо, больше о неоплаченных счетах, нежели о поворотах коллизии. Действительно, сюжет ее был совершенно неоригинален — Рид вновь обратился к мексиканскому военному опыту и сочинил довольно невзыскательную книжицу о приключениях в Мексике, о гверильясах и о любви к местной красавице. История написана довольно живо (рука мастера все-таки чувствуется), но приметы самоповторения видны в ней, что называется, «невооруженным глазом» — и в фигуре главного героя, и в тех, кто его окружает, в коллизии, которая вызывает вполне определенные ассоциации как с давними «Вольными стрелками», так и с недавним «Уединенным жилищем». Впрочем, это не помешало Риду тогда же предложить книгу одной из лондонских издательских фирм, в которой она и вышла однотомником к Рождеству 1880 года. Правда, в британском издании история получила иное название — «Королева озер: Романтическая история Мексиканской долины» (*The Queen of the Lakes: A Romance of the Mexican Valley)*.

В 1879 году Рид предпринял очередную попытку заработать на публикации «романа с продолжением». Тому же газетному

синдикату, которому в позапрошлом году он предлагал напечатать «Гвен Уинн», он представил роман «Пуговица кадета. История из американской армейской жизни». Если читатель помнит, о нем мы упоминали в связи с ридовским журналом «Вперед» и одним из его авторов — Ф. Уиттекером. Писатель собирался опубликовать книгу под собственным именем, без упоминания Уиттекера. Понятно, что у Рида были основания обозначить собственное авторство — в свое время он, видимо, немало потрудился над текстом молодого американца. Но все-таки это был не его роман. И «инициативу» Рида ничем иным, кроме весьма стесненного материального положения, конечно, оправдать нельзя. К счастью, газетчики отказались от проекта и роман не был опубликован[140].

Друзья и знакомые знали о стесненном материальном положении писателя. Знали и о том, что после болезни Рид стал инвалидом и не может работать так, как работал прежде, — ему физически трудно было «водить пером по бумаге». Поэтому те, кто был знаком с ним (и кто лично не знал, но читал и любил его книги), с энтузиазмом откликнулись на инициативу Ч. Олливанта ходатайствовать перед королевой о назначении государственной пенсии. Хотя Рид энергично протестовал против затеи своего верного друга, весной 1880 года бумага на имя премьер-министра была составлена и подписана многими уважаемыми людьми — политиками, бизнесменами, издателями, литераторами. Олливант заручился поддержкой и нескольких членов парламента. В конце концов, Рид согласился. Он думал не о себе, а о том, что в случае его смерти жена останется без средств. Государственная пенсия, хотя и была невелика, но могла обеспечить ей достойное существование. Но хлопоты Олливанта и душевные терзания Рида оказались напрасны, не помогли ни солидные подписи, ни поддержка членов парламента. Олливант вспоминал: «Никогда прежде премьер-министр не получал представление к королеве, подписанное такими влиятельными людьми». Сэр Уильям Гладстон, занявший в очередной раз (в апреле 1880 года) первый пост в государстве, отклонил ходатайство и отказался представить его королеве. Один из членов парламента, поддерживавший Рида, тогда же сообщал Олливанту: «Мистер Гладстон не разделяет нашего восхищения книгами Майн Рида». Впрочем, формально причина отказа была иной — Майн Рид не был подданным британской короны, он был гражданином США и потому не мог рассчитывать на пенсию королевы. Забегая вперед скажем, что Рид, в конце концов, все-таки получил пенсию, — но от правительства Соединенных Штатов. Олливант, узнав об отрицательном результате, не

смирился. Отказ Гладстона заставил его изменить вектор усилий и направить их за океан. Он вступил в активную переписку с теми, кто знал Рида в Америке, и попросил их о помощи, заручился поддержкой генерального консула США в Великобритании, напрямую или через посредников — американских знакомых писателя нашел союзников в конгрессе. Он составил петицию, собрал подписи, и осенью 1882 года решением конгресса государственная пенсия Майн Риду как ветерану Мексиканской войны, получившему увечье на поле бое, была предоставлена. Он начал ее получать с января 1883 года. Пенсия, отмечала вдова, была небольшой, и ее муж почти не успел ею воспользоваться. Но ему было приятно это запоздалое признание его давних боевых заслуг. Позднее, уже после смерти, опять-таки по ходатайству Олливанта, пенсия была увеличена. Элизабет Рид получала ее до конца своих дней, и это был ее если не основной (все-таки издавались книги Рида, и на некоторые из них у Э. Рид были авторские права), то уж точно главный и постоянный источник существования.

Но вернемся все-таки в 1880 год. Летом Майн Рид без охоты, более того, преодолевая внутреннее сопротивление, берется за переработку романа, который он написал еще в 1869 году, живя в Америке. Как вспоминала вдова, ее муж очень не любил заниматься переделкой собственных произведений, но у него не было выбора. Ему не удалось стать «европейским корреспондентом», он не смог договориться о публикации «Пуговицы кадета». Собрание его сочинений в восемнадцати томах расходилось довольно плохо. Он часто ездил в Лондон и вел изнуряющие его переговоры о переиздании своих произведений 1850–1870-х годов, но издатели хотели новинок. Правда, ему удалось напечатать «Королеву озер» (но это был новый роман) и опубликовать несколько статей о выращивании картофеля. Но едва ли те деньги, которые он получил за них, могли обеспечить его семье даже самое скромное существование.

Он «выпал из обоймы» популярных авторов и, видимо, сам понимал это. Симпатиями его соотечественников теперь владели другие авторы. «Взрослые» англичане зачитывались романами У. Коллинза и Ш. Ридделл, а подростки увлекались повествованиями А. Генти[141] и Р. Бэллантайна[142]. Вернуть былую популярность Майн Рид мог, только сочиняя новые романы: «взрослые» — подобно Коллинзу, выстраивая изысканный криминально-мистический сюжет и насыщая его актуальной социальной проблематикой; юношеские — создавая тексты, пронизанные имперским духом и снисходительным патернализмом к «дикарям». В «Гвен Уинн» — романе для

взрослых — он попытался «подстроиться» под вкусы публики, но, как мы видим, не слишком удачно. Что касается детских книг, Майн Рид и не пытался «перестроиться». Видимо, понимал, что не сможет переступить через собственный демократизм и научиться писать по-новому.

Тем не менее в одну из очередных поездок в Лондон ему удалось заинтересовать начинающую издательскую фирму, но там непременно хотели издать трехтомник — чтобы было и привлекательно, и по-викториански солидно. Так на его пюпитре оказался давний, сочиненный еще для газеты Фрэнка Лесли, роман «Крис Рок, или в Цепях любви». В свое время, сочиняя его, Рид уже пошел «по линии наименьшего сопротивления» — он «перелицевал» сюжет «Вольных стрелков». Дав другие имена, он сохранил героев, развил любовную линию, действие переместил в Техас в 1830-е годы, сделал повествование более динамичным, а персонажей — более колоритными. Но «Крис Рок» был вполовину меньше требуемого размера, и вот теперь обстоятельства вынуждали Рида дополнить его, «разбавив» историю новыми эпизодами и усложнив коллизию. Понятно, что это не могло пойти и не пошло на пользу роману. Но у Рида не было иного выхода — «Американских партизан» он писал исключительно ради денег[143]. Видимо, эта переделка далась ему настолько нелегко, что, как вспоминала Элизабет Рид, завершив этот труд, он зарекся заниматься этим впредь. И, действительно, это был последний опыт подобного рода.

С переездом из столицы в сельскую глубинку «тяжелые времена» для Рида, конечно, не закончились. В Чейзвуде, а затем во Фрогморе писателю жилось немного полегче, чем в Лондоне, но годы, проведенные там, не стали для него легкими. Он страдал от безденежья, от неуверенности в завтрашнем дне. Мучительным для него было его физическое состояние, инвалидность. Но, вероятно, горше всего он воспринимал утрату былой популярности. В 1850-е годы он едва ли задумывался о ней. Безостановочно — с азартом — сочиняя, он шел от романа к роману, завоевывая все новые и новые вершины. В 1860-е — годы апогея — он считал свой успех и читательское признание писательского таланта естественными. И, вероятно, не допускал даже мысли, что может быть как-то по-иному. Американский опыт едва ли поколебал эту уверенность. Затем была болезнь и длительное выздоровление. На продолжительное время он исчез с британского литературного горизонта. А когда «вернулся», оказалось, что нужно все начинать заново — снова идти вперед, завоевывать новые вершины и меняться — в соответствии с новыми веяниями. А былой энергии и сил делать это уже,

видимо, не осталось. Но в то же время Рид понимал, что иного средства к существованию — кроме литературы — у него не было. И вот этот поистине трагический дуализм отравлял его существование.

Но жизнь продолжалась, и Рид, не меняя ничего кардинально, тем не менее предпринимал попытки изменить свое существование к лучшему. Его частые визиты в Лондон, общение с издателями, журналистами и просто со знакомыми — все это было не только «лекарством» от депрессии, вполне понятным желанием «развеяться», сменить обстановку, но диктовалось этим подспудным, но настойчивым стремлением. Зимой его поиски увенчались успехом: в «Иллюстрейтед Лондон ньюс» на волне успеха (разовый тираж газеты в те годы достигал трехсот тысяч экземпляров) решили завести приложение и начать издавать иллюстрированную газету для британских подростков. Она получила название «Бойс иллюстрейтед ньюспэйпер». Инициатором проекта, скорее всего, был У. Ингрэм, которому принадлежала не только «Иллюстрейтед Лондон ньюс», но и такие солидные издания, как «Лондон Сосайети» и «Пенни иллюстрейтед пэйпер». Очень вероятно, что Ингрэм, которому в свое время Рид так помог на выборах в парламент, вспомнил своего «друга» и предложил его на пост редактора. Газета должна была выходить еженедельно на восьми полосах[144], иметь такой же (то есть большой) формат, как и материнское издание, и такие же высококачественные иллюстрации. Содержание газеты составляли рассказы, очерки, стихотворения для детей и подростков, разнообразные «познавательные» материалы. В каждом номере обязательно печатался «роман с продолжением». У газеты было два редактора. Общее руководство (в том числе всю «организационно-техническую» составляющую) осуществлял тогда еще молодой, но уже весьма опытный Джон Лэйти[145], литературной частью заведовал Майн Рид.

Это назначение стало большой удачей для писателя и многое изменило в его жизни. У него появился (впервые за многие годы!) стабильный источник дохода. Важнее денег было то, что Рид перестал чувствовать себя изгоем в современной литературной среде, стал активным ее участником. Наконец, он получил возможность беспрепятственно публиковаться. А это обстоятельство, в свою очередь, дало писателю необходимый импульс к работе. Уже в первом номере газеты (от 6 апреля 1881 года) Майн Рид публикует рассказ «Путешествие среди пальметт: приключение в болотах Луизианы». В следующих номерах — несколько очерков и заметок по естественной истории. Начинает сочинять сразу два небольших по объему юношеских романа —

сначала «Охоту на левиафана»[146] (о приключениях китобоев), а затем историю о калифорнийских золотоискателях под названием «Затерявшаяся гора»[147]. Хотя оба романа, скажем прямо, не принадлежали к числу шедевров, они помогли писателю преодолеть творческий кризис, который он явно переживал. Да и финансовая составляющая тоже была немаловажной, и эти книги дали ему возможность серьезно поправить довольно сложное материальное положение, тем более что оба текста он оперативно издал в США — у «Бидл энд Эдамс»[148].

С назначением изменился и ритм жизни Майн Рида. Теперь он (с ранней весны 1881-го до лета 1882 года) больше времени проводил в Лондоне, нежели во Фрогморе. Газета выходила в конце недели, поэтому обычно, дождавшись свежего номера, он спешил на вокзал, возвращался домой, а затем — в понедельник или во вторник — снова ехал в Лондон заниматься редакционными делами. В столице Рид всегда останавливался в одном и том же отеле — «Ленгхэм» *(Langham Hotel)*. Гостиница эта и сейчас считается одной из самых фешенебельных. Что уж тут говорить про те времена, когда в ней бывал Рид. У нее просто не было соперников. Коронованные особы, знаменитые путешественники и писатели, политики мирового масштаба и крупные бизнесмены останавливались только там. Так где же, в таком случае, мог останавливаться он? Только в «Ленгхэм». Писателя восхищали изысканные интерьеры отеля, его убранство, монументальный фасад, поражали размеры здания[149]. Жить в отеле было дорогим удовольствием, но разве настоящего джентльмена могут смутить подобные «пустяки»? Да и что может сравниться с удовлетворением, когда, садясь в кеб, произносишь этот «магический» адрес? А потом поднимаешься по лестнице, перед тобой гостеприимно распахиваются огромные зеркальные двери главного отеля в мире, суетится портье, ты обедаешь в ресторане среди тех, кто вершит судьбы империи, и все знают, что ты здесь «свой», ты здесь — по праву! Как много все это значило для Рида!

В эти месяцы писатель явно испытывал прилив творческой энергии. Вероятно, прежде всего потому, что знал: ему есть где печатать свои произведения. Ранней весной 1882 года он начинает сочинять новый юношеский роман — «Переселенцы Трансвааля», а затем, даже не закончив предыдущий, приступает к следующему — «Огненная земля». И это притом что «на столе» у него уже давно лежит изрядная стопка страниц исторического повествования из эпохи противостояния кавалеров и «железнобоких» — романа, который он назвал «Без пощады!».

Газета, которую вместе с Лэйти редактировал Рид, имела

неплохой спрос. У нее появились подписчики, постоянно рос тираж. Начиная с сорокового номера, изменился внешний вид — она уменьшилась в формате, но страниц стало в два раза больше. Хотя здоровье по-прежнему не радовало, у Рида были основания смотреть в будущее с оптимизмом. Но в мае 1882 года происходит необъяснимое: руководствуясь не совсем ясными мотивами, «Иллюстрейтед Лондон ньюс» решает вдруг прекратить выпуск «юношеского» приложения. С июня Майн Рид остается без работы.

Можно представить, какие эмоции испытывал писатель в купе железнодорожного вагона, возвращаясь к себе в Гере-форд 31 мая 1882 года. Может быть, он держал в руках последний номер «своей» газеты. Может быть, вспоминал о «Литтл тайме» или о своем любимом детище — журнале «Вперед». А может быть, просто смотрел в окно… Впрочем, этого мы никогда не узнаем.

Последний год

Возвратившись во Фрогмор, Майн Рид несколько месяцев кряду не покидал Герефорд. Но он не предался отчаянию и не погрузился в депрессию. Во всяком случае, никаких сведений об этом книга Э. Рид не содержит, ни о чем подобном не упоминает и Ч. Олливант, который в это время несколько раз навещал своего друга. То обстоятельство, что за зимние месяцы Рид закончил оба своих юношеских романа, напротив, говорит о том, что он явно не бездельничал. Энергии должно было добавлять и то, что ему удалось «пристроить» обе книги. «Огненную землю» решил напечатать американский детский журнал «Сент Николс», издававшийся в Нью-Йорке, а «Переселенцев Трансвааля» — бостонский журнал «Йогрс компэнион». Параллельно с «романами для подростков» Рид продолжал работать и над своим историческим повествованием.

Несмотря на отставку с поста редактора, Рид, скорее всего, вглядывался в грядущее не без надежды — финансовое положение значительно улучшилось, и он мог полагать, что в ближайшем обозримом будущем какого-либо серьезного ухудшения материального состояния семьи не произойдет. Однако в последнее время его начало беспокоить здоровье жены. Осенью 1882 года Рид писал Ч. Олливанту: «Меня очень тревожит состояние моей бедной супруги. У нее очень хрупкое здоровье, и она выглядит очень больной. Это изрядно затрудняет и мою работу, поскольку, когда она нездорова, я не могу писать». К сказанному можно добавить, что с переездом в Герефорд Элизабет Рид была вынуждена взять на себя обязанности

секретаря — вести переписку, заниматься счетами, но главное — переписывать (точнее, расшифровывать) рукописи мужа — почерк ее супруга ухудшался и со временем без помощи жены даже он сам с большим трудом мог разбирать написанное. Что уж говорить об издателях и наборщиках!

Ухудшался не только почерк Рида, слабело зрение. И уже давно, когда он работал, неизменный при посторонних монокль в правой глазнице заменяли очки с сильными линзами. Но куда хуже, что у него начали болеть суставы. Миссис Рид сообщала, что в последние годы жизни писателю изрядно докучал ревматизм. Известно, что проблемы с суставами — наследственный недуг Ридов: в пожилом возрасте от ревматизма (или от подагры, а может быть, и от «вульгарного» радикулита) страдали и дед, и отец писателя. Развитие болезни могла спровоцировать и старая рана. К тому же после шестидесяти Рид изрядно располнел, что увеличило нагрузку на суставы. Влиял и малоподвижный образ жизни. Но, вероятно, главным в развитии суставных болей и прогрессировавшего нездоровья жены играл нездоровый климат.

Поздней осенью 1882 года Рид писал Олливанту: «Я давно считал, что этот старый красный песчаник (из него сложены стены большинства домов в Герефорде. — *А. Т.)* очень пагубен для здоровья и способствует распространению ревматизма самых разных видов; все местные дороги заполнены хромыми калеками, и я не удивлюсь, если мой радикулит, хотя бы отчасти, если не полностью, обусловлен местным климатом».

Едва ли Рид был справедлив в своем предубеждении к красному песчанику. Но второе его предположение — относительно местного климата — наверное, соответствовало действительности. По крайней мере, низина, в которой они обитали, явно вредила их здоровью. В конце концов, не случайно она называлась «местом, где много лягушек». А там, где постоянная сырость, суставы не могут быть здоровыми. Да и постоянные простуды и бронхиты миссис Рид, скорее всего, имели тот же источник.

В письме есть и такая фраза: «Кроме всего прочего, здесь я совсем оторван от мира». То есть теперь, после полутора лет активной столичной литературной жизни, возвращение в сельскую глушь не радовало Рида, напротив, он явно начал тяготиться своим уединением.

«Спусковым механизмом» решительных перемен стала выдавшаяся особенно снежной зима 1882/83 года. «В тот год зима во Фрогморе, — вспоминала миссис Рид, — выдалась исключительно снежной, заносы сделали дороги почти

непроезжими, и несколько дней даже не доставляли почту. Этот снег, который лег на промерзшую землю, пролежал много недель. Сугробы были огромными; особенно высоко они громоздились вдоль дороги, ведущей в долину, прилегавшую к Фрогмору». В один из таких зимних дней Рид решил устроить санную прогулку. По его указаниям работники смастерили сани, он поехал и… не вернулся. Сани застряли, а сам он, лишенный способности двигаться, выбраться не смог. Лишь утром его разыскали. Он не слишком замерз — спасли фляга с бренди и меховая попона, но Элизабет Рид здорово поволновалась. После этого приключения и было принято решение отказаться от аренды Фрогмора и вернуться в Лондон.

Январь и февраль Риды посвятили сборам и в начале марта прибыли в столицу. Обосновались они в том же районе, что и прежде — в Мейда Хилл, но квартиру сняли другую, более просторную, неподалеку от прежней, на улице Блумфилд-роуд. Переезд, как вспоминала Элизабет Рид, превратился в грандиозное мероприятие. Кроме животных, которых муж не мог взять с собой, он ничего не хотел оставлять в Герефорде, а намеревался все перевезти на новую квартиру. Он даже решил, что экипаж, на котором он путешествовал по окрестностям, будет служить ему и в Лондоне (писатель подсчитал, что содержание собственного выезда обойдется дешевле использования наемных). Не захотел Рид расставаться и со своим кучером. И «преданный Уильям Дэвис» вслед за хозяином тоже перебрался в город.

Четвертого апреля в квартире по адресу Блумфилд-роуд, 13, Майн Рид встретил свой 65-й день рождения. Прежний, шестидесятилетний юбилей Рид отметил во Фрогморе — вскоре после того, как они с женой вселились в свое новое «уединенное жилище». Гостей не звали ни пять лет назад, ни теперь. Это был последний день рождения писателя. Но ни жена, ни друзья, ни сам Майн Рид, конечно, не могли догадываться об этом. За минувшее пятилетие он изрядно постарел, но энергии и бодрости духа в нем было больше, чем в 1878 году.

В сентябре 1883 года Рид закончил свой исторический роман. Эта была последняя — 52-я по счету! — книга, которую сочинил писатель[150]. К сожалению, роман «Без пощады!» не принадлежит к числу известных книг Рида. Не будем пересказывать ее — тот, кто знаком с этим произведением, едва ли станет возражать, что оно ничуть не хуже знаменитой «Белой перчатки», хотя и продолжает ту же тему — великой смуты, охватившей Британское государство в середине XVII столетия. Роман подтверждает, что талант рассказчика в Майн Риде не угас — и книги могли появиться еще. Но слишком мало ему было отпущено — жить

оставалось только месяц с небольшим.

Элизабет Рид считала, что ее муж чувствовал, «как вокруг него собираются тени», и потому спешил закончить свой роман. Может быть, она и права. Но, едва поставив последнюю точку, он сразу засел за другую книгу, которую собирался написать уже давно — свои мемуары о Мексиканской войне. Память о ней всегда жила в нем, заставляя опять и опять возвращаться к тем давним событиям на страницах романов. И вот теперь он собрался описать «все, как было». Но «вспоминал» он не торопясь — писал совсем не так, как сочинял романы. Работал мало, главным образом по вечерам. Почти до середины дня не вставал. Затем, перекусив, в халате и шлепанцах удалялся в кабинет, где выкуривал обязательную сигару, потом тщательно одевался и отправлялся в экипаже на прогулку.

В последние месяцы он изменил своим привычкам. Прежде он любил совершать неторопливые прогулки в Риджентс-парке. Но теперь забросил былой маршрут и специально выбирал наиболее оживленные места — смотрел по сторонам, вглядывался в лица. Может быть, действительно прощался? Его тянуло к людям — в этот последний месяц у него почти на каждый день были назначены встречи. Чаще всего они происходили в так любимом им отеле «Ленгхэм». Не возвращаясь домой, здесь он обычно и обедал.

Последний обед в «Ленгхэм» состоялся 4 октября. Там у него была встреча с американскими друзьями. Обед затянулся почти до утра, и домой Рид вернулся только около четырех часов. На следующий день он почувствовал себя плохо — у него кружилась голова и подташнивало. Домашние решили, что это последствие обильных возлияний и позднего возвращения. В тот день Майн Рид с постели не встал. Не вставал он и два последующих дня. Но работал — сочинил рассказ для рождественского литературного приложения к газете «Пенни иллюстрейтед пэйпер». Рассказ вышел через два с небольшим месяца под названием «Рождество на Земле Кергелена».

На четвертый день болезни Майн Рид поднялся с постели. В этот день должен был состояться большой аукцион по продаже антиквариата, а такие мероприятия он старался не пропускать уже много лет. Давняя страсть — покупать странные и не очень понятные предметы, так всегда удивлявшие миссис Рид, сохранилась у мужа до последних дней. После аукциона он вернулся домой около девяти часов вечера. Внесли его покупки. Среди них две особенно озадачили супругу — большой черный сундук и забранный в рамку некролог. Она выразила недоумение, но Рид отшутился, что напрасно она пытается разглядеть в них

какие-то мрачные предзнаменования. Уставший, он лег в тот день необычно рано — около одиннадцати часов. Больше Майн Рид не вставал.

На следующее утро распухло колено, в старой ране вновь образовался обширный абсцесс. Вызвали врачей, наняли сиделку. Первые дни Рид бодрился, был энергичен — он даже правил поступившую из Америки корректуру романа «Огненная земля» и диктовал жене письма. Но болезнь не отступала, день ото дня ему становилось хуже, он начал впадать в беспамятство. Врачи предрекали скорую кончину. Но с утра 22 октября Риду вдруг стало лучше — он пришел в себя, узнал жену, стал шутить, разговаривать. Появилась надежда, что и на этот раз все обойдется и писатель снова — как это бывало — выздоровеет. Однако не обошлось, и вечером того же дня Майн Рид скончался.

Хоронили писателя 25 октября. День выдался на удивление светлым, солнечным и тихим. На деревьях золотом горела листва и с тихим шелестом падала на мостовую. Казалось, сама природа — светло и печально — решила проводить того, кто так любил ее во всех проявлениях. Но на похороны пришли немногие — только друзья и близкие знакомые. Присутствовал консул Соединенных Штатов, был венок от посольства. Небольшой кортеж проследовал на кладбище Кенсал Грин. Здесь и был похоронен Майн Рид. На том самом участке, который 14 лет назад, первый раз готовясь к смерти мужа, приобрела Элизабет Рид. Через год на могиле установили памятник — неправильной формы блок из серого мрамора. На нем, по эскизу жены (а она неплохо рисовала), вырезали якорь, якорную цепь и канат, уздечку, саблю и перо — все то, что, по ее мнению, символизирует жизнь и творчество мужа. Ниже шла надпись: «С любовью памяти Майн Рида, писателя». В верхней части монолита, слева, по просьбе Элизабет, оставили пустое плоское пространство — для нее… Двадцать один год спустя ее опустили в ту же могилу. Она пережила своего капитана ровно на столько, на сколько он был старше ее, и умерла в те же шестьдесят пять лет, что и супруг.

Основные даты жизни и творчества Майн Рида

1818, 4 апреля — в Баллирони (графство Даун, Северная Ирландия) в семье сельского священника пресвитерианской церкви Томаса Майн Рида и его жены (урожденной Рутерфорд) родился первенец мужского пола, которому по семейной традиции дали имя Томас. 1830 — Томас Майн Рид идет в школу в Баллирони, несколько недель спустя становится учеником «классической» школы Д. Макки в Кейтсбридже.

1834 — завершает школьное образование, поступает на Коллегиальное отделение Королевского академического учреждения в Белфасте. Преуспевает в классических языках, точных и естественных науках, демонстрирует отсутствие интереса к карьере священника. 1838 — заканчивает колледж и получает «генеральный сертификат» — документ о высшем образовании. Возвращается в Баллирони, живет в родительском доме, пытается начать учительскую карьеру. Осенью открывает «классическую» школу в Баллирони.

1839, июнь — школа, просуществовав в течение одного учебного года, закрывается. Майн Рид принимает решение уехать в США.

17 ноября — на паруснике «Дамфрисшир» отплывает из Ливерпуля в Новый Орлеан, Луизиана.

1840, январь — высаживается в Новом Орлеане. Начинается «американский» период жизни.

Апрель — май — живет в городе Натчез, штат Миссисипи, работает продавцом в магазине; воодушевленный рассказами о торговых караванах в Новую Мексику, решает присоединиться к одному из них. Май — путешествие на пароходе из Натчеза в Сент-Луис; в последних числах мая начинается первое путешествие Рида на Запад. Май — октябрь — с торговым караваном «Бент, Сент-Врэн и К^0» по «Тропе Санта-Фе» совершает переход в Новую Мексику. Из Санта-Фе перемещается в Техас, путешествует по Техасу, торгует и охотится; вдоль реки Ред-Ривер возвращается в Натчез.

Ноябрь — принимает приглашение занять должность учителя в семье покойного доктора П. Робертсона; переезжает в Нэшвилл, Теннесси, открывает собственную школу, учительствует. Осенью путешествует в низовьях реки Теннесси, занимается охотой. Зиму 1841/42 года проводит в Цинциннати, Огайо. Знакомится с братьями Пайаттами.

1842, апрель — октябрь — возвращается в Сент-Луис, участвует в охотничьих экспедициях за бизонами, путешествует по территории современных штатов Канзас, Небраска, Колорадо и Вайоминг.

1842/43, зима — живет в Питсбурге, штат Пенсильвания, в местной газете публикует первые стихотворения под псевдонимом Poor Scholar («Бедный школяр»).

1843, апрель — сентябрь — участвует в торгово-охотничьей экспедиции по северо-восточному участку «Орегонской Тропы», маршрут проходит по территориям современных штатов Южная и Северная Дакота, Монтана. В августе в «Журнале Грэма» и в «Годис ледис бук» появляются стихотворения Рида.

Октябрь — обосновывается в Филадельфии, начинает сотрудничать в местных журналах «Грэмз мэгэзин» и «Годис ледис бук», публикует статьи, очерки, стихотворения. Знакомится с Эдгаром Аланом По, активно участвует в местной литературной жизни.

1845, февраль — май — в четырех номерах «Годис ледис бук» публикуется поэма Рида «Ла Кубана».

1846 — работает над трагедией в пяти актах под названием «Роковая любовь, или Супруг». В окончательной редакции пьеса получает название «Мученик любви», ее ставит «Театр на Уолнат-стрит». Пьеса не имеет успеха.

Июнь — август — живет в Ньюпорте, штат Род-Айленд, сотрудничает в местной газете, а также в «Нью-Йорк геральд», продолжает писать стихи и прозу для «Журнала Грэма» и в «Годис ледис бук», регулярно публикуется в этих изданиях.

Сентябрь — переезжает в Нью-Йорк, начинает сотрудничать в еженедельнике «Дух времен».

3 декабря — добровольно вступает в армию США, получает звание второго лейтенанта 2-го полка нью-йоркских добровольцев.

1847, 27января — вместе с частью отплывает в Мексику.

Февраль — март — находится в тренировочном лагере на острове Лобос.

9–29 марта — участвует в осаде города Веракруса.

Апрель — август — принимает участие в сражениях при Сьерро-Гордо, Пуэбло и Чурубуско.

13 сентября — увлекая солдат на штурм Чапультепека, получает тяжелое ранение.

Сентябрь — декабрь — находится на излечении в госпитале в городе Мехико; за отвагу, проявленную при взятии Чапультепека, Риду присваивают звание первого лейтенанта.

1848, май — Майн Рид увольняется из армии США с присвоением звания «капитан корпуса добровольцев» (US Volunteers).

Июнь — октябрь — живет в городе Ньюпорт, приступает к сочинению своего первого романа.

1848, ноябрь — 1849, март — живет в Мак-о-Чи (Огайо) у своего друга Д. Пайатта, заканчивает роман об американо-мексиканской вой-не.

1849, март — май — живет в Нью-Йорке. Выходит из печати первый роман Рида «Военная жизнь. Приключения офицера легкой пехоты». Знакомится с немецким революционером Ф. Геккером, увлекается идеей революционных преобразований, участвует в формировании легиона добровольцев для помощи революции в Бадене и Баварии.

27 июня — с передовой группой легионеров отплывает в Ливерпуль на пакетботе «Камбрия». По прибытии в Англию узнает о поражении революции в Европе; принимает решение остаться в Англии и заняться сочинением романов.

20 сентября — подписывает соглашение с издателем У. Шобелом «о правах на издание романа в двух томах».

1850, март — У. Шобел издает первый «британский» роман Майн Рида «Вольные стрелки».

Апрель — первая встреча с будущей женой, мисс Элизабет Хайд. Декабрь — Ч. Скит издает роман «Охотники за скальпами».

1851, весна — знакомится с издателем Д. Боугом, получает предложение написать серию романов для подростков.

Ноябрь — декабрь — проводит в Париже, становится очевидцем государственного переворота Луи Бонапарта; в декабре издательская фирма Боуга выпускает первый юношеский роман Рида «Жилище в пустыне».

1852, весна — знакомится с Л. Кошутом, помогает ему в литературной работе, принимает активное участие в политической деятельности.

1853, весна — организует кампанию в защиту Л. Кошута от нападок консервативной прессы, публикует письма в его поддержку, пишет статьи, выступает на митингах, редактирует речи и лекции Кошута; в издательстве Боуга выходит роман «В поисках белого бизона».

1854, весна — женится на Элизабет Хайд. Молодая семья

снимает коттедж в Стоукенчёрче. Риды живут там до осени 1856 года. В Стоукенчёрче написаны шесть романов («Лесные изгнанники», «В дебрях Южной Африки», «Юные охотники», «Охотничий праздник», «Белый вождь», «Квартеронка»).

1856, осень — семья Ридов перебирается в Джеррардз Кросс — местечко в 25 километрах от Лондона. Майн Рид покупает и арендует несколько земельных участков, планирует строительство собственного дома.

Декабрь — умирает Д. Боуг.

1857, май — август — с женой и домочадцами совершает путешествие в Ирландию, гостит в Баллирони, путешествует с женой по окрестностям, в том числе посещает Белфаст.

1857–1860 — живет в Джеррардз Кросс. В числе других здесь написаны два лучших романа 1850-х годов — «Оцеола» и «Морской волчонок».

1860–1867 — продолжает обитать в Джеррардз Кросс и решает обосноваться там по-настоящему, разрабатывает проект дома. В надежде заработать планирует построить коттеджный поселок из 10–12 домов. Масштабное строительство начинается в 1863 году.

В творческом плане этот период — наиболее плодотворный в творчестве Майн Рида. Он пишет и публикует лучшие свои произведения: романы «Отважная охотница» (1861), «Мароны» (1862), «Всадник без головы» (1865), целый ряд других художественных и нехудожественных произведений. Знакомится и сотрудничает с Ч. Бичем («Каннибалом Чарли»), помогает ему в сочинении романов.

Происходит встреча с Ч. Олливантом, вскоре переросшая в дружбу. Нуждаясь в средствах, писатель закладывает все недвижимое имущество.

1865, весна — чета Ридов перебирается из «Ранчо», прежнего, арендованного коттеджа, в только что отстроенный. Рид называет этот дом «гасиенда». Строительство поселка продолжается.

1866, 13 ноября — банк, владеющий залогом, «лопается». Не желая банкротства, Рид принимает решение выплатить все долги.

1867, 10января — суд прекращает дело о банкротстве писателя. Майн Рид теряет все имущество и уезжает в Лондон.

Январь — октябрь — живет в Лондоне. В надежде вернуть утраченное благосостояние принимает решение издавать ежедневную газету. Первый номер «Литтл тайме» выходит 27 апреля. Несмотря на титанические усилия, 22 мая выходит ее последний номер — у Рида нет средств продолжать издание.

Начинает сотрудничать с американскими периодическими изданиями и издательством «Бидл энд Эдамс». В последних

числах октября покидает Англию и вместе с женой из Ливерпуля отплывает в Америку.

1867, ноябрь — 1868, апрель — Т. Майн Рид и Э. Рид живут в Ньюпорте, штат Род-Айленд. Писатель начинает сочинять автобиографический роман «Жена-дитя», успешно сотрудничает с «Бидл энд Эдамс».

1868, апрель — 1870, март — Риды переезжают в Нью-Йорк. 12 мая писатель подает документы на натурализацию и к Рождеству становится гражданином США. Занимается подготовкой к изданию собственного ежемесячного юношеского журнала. Приглашает Ч. Олливанта перебраться в Америку и стать секретарем редакции. Олливант прибывает в Нью-Йорк 28 октября 1868 года. Первый номер «Вперед» выходит к Рождеству. Рид сближается с начинающим автором Ф. Уиттекером, помогает тому сочинить первый роман «Пуговица кадета», совместно работают над романом «Охотники за мустангами». Интенсивно занимается сочинительством. Кроме многочисленных собственных очерков, статей и рассказов Рид публикует в журнале романы «Желтый вождь», «Пропавшая сестра» (остался незавершенным), первые главы незаконченной книги «Исчезнувший экипаж». Несмотря на титанические усилия, из-за недостатка средств Рид вынужден прекратить выпуск журнала. В марте 1870 года проявляются первые симптомы заболевания.

1870, март — сентябрь — Майн Рид выступает с лекцией о Байроне в «Стейнвей-холле». Вскоре после выступления впадает в беспамятство, его помещают в госпиталь Святого Луки. На протяжении нескольких месяцев (с конца марта по август) Рид балансирует на грани жизни и смерти, дважды объявляют о скорой кончине и готовятся к похоронам. В сентябре состояние улучшается, и писателя перевозят в его нью-йоркскую квартиру. Появляются признаки душевного заболевания. Элизабет Рид принимает решение вернуться с больным мужем в Великобританию.

1870, октябрь — 1871, март — период тяжелой болезни писателя и попыток ее лечения. В октябре — ноябре 1870 года Риды живут в Северной Ирландии — сначала в родительском доме в Баллирони, затем в семье старшей сестры неподалеку от Ольстера. В декабре отправляются в Англию. С декабря до начала февраля — тщетное лечение в «Мэтлок-хаус» (Дербишир). Элизабет Рид обращается за помощью к доктору Дж. Рейнольдсу, везет мужа в Лондон. С февраля по март — интенсивная терапия под наблюдением Рейнольдса; состояние Майн Рида начинает улучшаться.

1871, март — 1874, весна — «лондонский» период жизни

писателя. Не смотря на слабость и депрессию, Рид понемногу принимается за работу — пишет очерки и рассказы для журналов, занимается переработкой «американских романов» для их публикации в Англии. Выкупает издательские права на большинство своих произведений.

1874, лето и осень — проводит на «водах» в Грейт Малверне (графство Уорчестер); по возвращении в Лондон происходит рецидив болезни — абсцесс старой раны над коленом.

1874, октябрь — 1875, сентябрь — осень и зиму Майн Рид снова в больнице, состояние его настолько тяжелое, что вновь совершаются приготовления к погребению; Э. Рид покупает для мужа место на кладбище Кенсал Грин. В марте Рид преодолел болезнь, но ее осложнения превратили писателя в инвалида — с этого времени он может перемещаться только на костылях. С марта по сентябрь Риды живут в съемной квартире в лондонском районе Мейда Хилл. Писатель находится в глубокой депрессии, почти ничего не пишет.

1875, сентябрь — по инициативе миссис Рид супруги перебираются на жительство в Герефордшир и арендуют коттедж «Чейзвуд» поблизости от городка Росс-он-Уай. Майн Рид увлеченно занимается сельским хозяйством, пишет статьи, посвященные своим экспериментам. Изучает местную фауну, пишет очерки о животных и птицах края (свою книгу он планирует назвать «Натуралист на Уайе»). Возвращается к активной литературной деятельности, сочиняет «современный» роман «Гвен Уинн» — самое крупное свое произведение.

1878, январь — Риды переезжают в местечко под названием Фрогмор — подальше от суеты и докучливых соседей. Писатель продолжает свои естественно-научные «штудии», занимается благоустройством участка. Во Фрогморе Рид возвращается к незавершенному в Америке роману «Утраченная сестра» и дописывает его. Роман получает название «Гаспар Гаучо». Перерабатывает роман «Крис Рок», который теперь называется «Американские партизаны», сочиняет для «Бидл энд Эдамс» книгу «Королева озер», начинает работать над историческим романом «Без пощады!».

1882, март — Рид занимает должность редактора нового юношеского издания «Бойс иллюстрейтед ньюспэйпер» — начинается период жизни «между» Фрогмором и Лондоном. Большую часть времени Рид проводит в Лондоне, живет в отеле «Ленгхэм», активно сочиняет для газеты — статьи, очерки, заметки, пишет для журнала два «юношеских» романа: «Охота на левиафана» и «Затерявшаяся гора». В мае 1882 года по инициативе издателей газету внезапно закрывают и писатель

остается без работы. Безвыездно живет во Фрогморе, пишет мало, удручен бездействием, страдает от одиночества, принимает решение расстаться с Герефордом и вернуться в Лондон.

1883, март — октябрь — последний период жизни и творчества Майн Рида. Риды живут на съемной квартире по адресу: Блумфилд-роуд, 13, Мейда Хилл. В сентябре заканчивает «Без пощады!», принимается за мемуары о Мексиканской войне. В начале октября новый рецидив старой болезни укладывает писателя в постель.

22 октября — Майн Рид умирает.

25 октября — Т. Майн Рид похоронен на кладбище Кенсал Грин в Лондоне.

Т. Майн Рид: Литературная хронология

Исключительная популярность произведений Майн Рида в СССР, в дореволюционной и в современной России сослужила писателю недобрую службу: в число его книг попало множество текстов, которых он на самом деле не писал. Происходило это в силу разных причин. Иногда из-за «ретивости» и неразборчивости издателей, стремившихся увеличить свои прибыли (Майн Рид всегда хорошо продавался в нашей стране). Чаще виной была недостаточная информированность тех, кто выпускал книгу в свет. Влияла на этот процесс и неразбериха, спровоцированная в свое время самим автором — в 1860–1870-е годы под именем Майн Рида вышло несколько книг, которые на самом деле он только перерабатывал (переводил, редактировал, помогал автору). Сыграли свою роль и «пиратские» американские, французские, английские, русские издания, когда Риду приписывали книги, которые писали совсем другие люди. В результате сложилась «традиция»[151] публиковать под именем писателя не только романы, которые он действительно написал, но и тексты, к которым он не имел никакого отношения.

На страницах книги о Майн Риде было уделено немало внимания проблеме авторства, обстоятельствам и характеру взаимодействия беллетриста с другими литераторами. Однако первая биография писателя[152] требует внесения ясности в этот деликатный вопрос.

Составляя библиографию, автор учитывал только наиболее дискуссионные книжные публикации. О короткой прозе, поэзии, драматургии Рида читатель найдет необходимую информацию на страницах книги. Русские названия романов приводятся в традиционном — привычном русскоязычному читателю варианте, несмотря на то, что нередко он не совпадает с оригиналом (заглавие дублируется курсивом на английском языке).

1840-е годы.

Мученик любви (Love’s Martyr: A Tragedy, 1846) 1849[153];

Записки стрелка в цепи (Sketches by a Skirmisher, 1848) 1998;

Военная жизнь, или Приключения офицера легкой пехоты

(War Life: or, The Adventures of a Light Infantry Officer, 1849) 1849.

1850-е годы.

Вольные стрелки (The Rifle Rangers: or, Adventures of an Officer in Southern Mexico, 1850) 1850;

Охотники за скальпами (The Scalp Hunters: or, Romantic Adventures in Northern Mexico, 1851) 1851;

Жилище в пустыне (The Desert Home: or, The Adventures of a Lost Family in the Wilderness, 1852) 1852;

В поисках белого бизона (The Boy Hunters: or, Adventures in Search of a White Buffalo, 1853) 1853;

Юные путешественники (The Young Voyageurs: or, The Boy Hunters in the North, 1854) 1854;

Изгнанники в лесу (The Forest Exiles: or, The Perils of a Peruvian Family Amid the Wilds of the Amazon, 1854) 1854;

Охотничий праздник (The Hunter's Feast: or, Conversations Around the Camp Fire, 1855) 1855;

Белый вождь (The White Chief: A Legend of Northern Mexico, 1855) 1855;

В дебрях Южной Африки, или Приключения бура и его семьи (The Bush Boys: or, The History and Adventures of a Cape Farmer and His Family in the Wild Karoos of Southern Africa, 1855) 1855;

Юные охотники, или Повесть о приключениях в Южной Африке (The Young Yagers: or, A Narrative of Hunting Adventures in Southern Africa, 1856) 1856;

Квартеронка (The Quadroon: or, A Lover's Adventures in Louisiana, 1856) 1856;

Тропа войны (The War Trait: or, The Hunt of the Wild Horse, 1857) 1857;

Охотники за растениями (The Plant Hunters: or, Adventures Among the Himalaya Mountains, 1857) 1857;

На море (Ran Away to Sea: An Autobiography for Boys, 1858) 1858;

Оцеола, вождь семинолов (Oceola, 1859) 1859;

Морской волчонок (The Boy Tar: or, A Voyage in the Dark, 1859) 1859.

1860-е годы.

Необычные люди: Популярное описание экзотических человеческих рас (Odd People: Being a Popular Description of Singular Races of Men, 1860) 1860;

Отважная охотница (The Wild Huntress, 1861) 1861;

Жак Депар (Despard the Sportsman, 1861) 1861;

Охотники на медведей (Bruin: or, The Grand Bear Hunt, 1861) 1861; Мароны (The Maroon, 1862) 1862;

Крокет (Croquet, 1863) 1863;

Затерянные в океане (The Ocean Waifs, 1863) 1864;

Ползуны по скалам (The Cliff Climbers: or, The Lone Home in the Himalayas, 1864) 1864;

Белая перчатка (The White Gauntlet: A Romance, 1864) 1864;

Молодые невольники (The Boy Slaves, 1865) 1865;

Всадник без головы (The Headless Horseman: A Strange Tale of Texas, 1865) 1865;

Водой по лесу (Afloat in the Forest, 1865) 1867;

Банделеро, или Свадьба в горах (The Bandolero: or, A Marriage Among the Mountains, 1866) 1866;

Четвероногие, кто они такие и где водятся: Книга по зоологии для ребят (Quadrupeds, What They Are, and Where Found: A Book of Zoology for Boys, 1866) 1867;

Охотники за жирафами (The Giraffe Hunters, 1867) 1867;

Вождь гверильясов (The Guerilla Chief and Other Tales, 1867) 1867;

Жена-дитя (The Child Wife: A Tale of the Two Worlds, 1868) 1868;

Остров дьявола (The Planter Pirate: A Souvenir of the Mississippi, 1868) 1868;

Беспомощная рука, или Возмездие дикого леса (The Helpless Hand: or, Backwoods Retribution, 1868) 1868; другое название — «Роковая веревка» (The Fatal Cord: A Tale of Backwoods Retribution);

Белая скво (The White Squaw, 1868) 1868;

Голубой Дик (The Yellow Chief: A Romance of the Rocky Mountains, 1869) 1869;

Перст судьбы (The Finger of Fate: A Romance, 1869) 1872;

Крис Рок (Cm Rock: or, A Lover in Chains, первая версия романа «Американские партизаны», 1869) 1889.

1870-е годы.

В дебрях Борнео, или Приключения потерпевших кораблекрушение (The Castaways: A Story of Adventure in the Wilds of Borneo, 1870) 1870;

Уединенное жилище (The Lone Ranche: A Tale of the Staked Plain, 1870) 1871;

Смертельный выстрел (The Death Shot: A Romance of Forest and Prairie, 1873) 1873;

Сигнал бедствия (The Flag of Distress: A Story of the South Seas, 1875) 1876;

Гвен Уинн: Романтическая история долины реки Уай (Gwen Wynn: A Romance of the Wye, 1877) 1877;

Корабль-призрак (The Specter Barque: A Tale of the Pacific, сокращенная версия романа «Сигнал бедствия», 1878) 1878;

Гаспар гаучо (Gaspar the Gaucho: A Tale of the Gran Chaco, 1879) 1879;

Королева озер (The Captain of the Rifles: or, The Queen of the Lakes, 1879) 1879.

1880-е годы.

Американские партизаны (The Free Lances: A Romance of the Mexican Valley, 1881) 1881;

Охота на левиафана (The Chase of Leviathan: or, Adventures in the Ocean, 1881) 1881;

Затерявшаяся гора (The Lost Mountain: A Tale of Sonora, 1882) 1885; Переселенцы Трансвааля (The Vee-Boers: A Tale of Adventure in Southern Africa, 1882) 1885;

Огненная земля (The Land of Fire: A Tale of Adventure, 1883) 1884; Пронзенное сердце и другие истории (The Pierced Heart and Other Stories) 1885 — сборник повестей и рассказов;

Без пощады! (No Quarter! 1883) 1888;

Натуралист в Силурии (The Naturalist in Siluria, 1883) 1889.

«Вольные переводы» романов Г. Ферри (Луи де Бельмара).

Лесные бродяги (The Wood Rangers, 1860) 1860 — переработка романа Le Courier des Bois, вышедшего на языке оригинала в 1856 году;

Охотник на тигров (A Hero in Spite of Himself, 1861) 1861 — переработка романа Costal L ’Indien: Scenes De La Guerre De L ’Independance Du Mexique (1855).

Книги, созданные в соавторстве с другими писателями или при участии Т. Майн Рида:

Бич (Beach) Ч. Эндрю Деверел (Andrew Deverel: The History of an Adventure in New Guinea, 1863) 1863;

Бич (Beach) 4. Пропавшая Ленор (Lost Lenore: or, The Adventures of a Rolling Stone, 1864) 1864;

Бич (Beach) 4. Возвращение к цивилизации (Left to the World, 1865) 1865;

Майн Рид Т., Уиттекер Ф. Черный мустангер (The Wild-Horse Hunters) 1877;

Уиттекер Ф. Пуговица кадета (The Cadet Button: A Romance of American Army Life, 1870) 1878.

Краткая библиография

A Literary History of the American West / ed. by Thomas J. Lyon. Fort Worth, 1987.

Brinley F. The Life of William Porter. N. Y., 1860.

Dalziel M. Popular Fiction 100 Years Ago. L., 1957.

Felles N. N. Modes of Production of Victorian Novels. Chicago, 1986. Gettman R. A. A Victorian Publisher: A Study of the Bentley Papers. Cambridge, 1960.

Johannsen A. The House of Beadle and Adams and its Dime and Nickel Novels. Norman, 1950.

Makers of Nineteenth Century Culture: 1800–1914 / ed. by J. Wintle. L., 1982.

Miller C. Donn Piatt: His Works and His Ways. Cincinnati, 1893. Oberholtzer E. P. The Literary History of Philadelphia. Philadelphia, 1906. Pearson E. Dime Novels: or, Following an Old Trail in Popular Literature. Boston, 1929.

Quayle E. Ballantyne the Brave. A Victorian Writer and His Family. L., 1967.

Quinn A. H. Edgar Allan Poe. A Critical Biography. N. Y., 1997.

Reid E. Mayne Reid. A Memoir of His Life. L., 1890.

Reid E., Coe C. Captain Mayne Reid. His Life and Adventures. L., 1900. Reynolds Q. The Fiction Factory. N. Y., 1955.

Sartain J. The Reminiscences of a Very Old Man. N. Y., 1899.

Steele J. Captain Mayne Reid. Boston: Twayne Publ., 1978.

Sutherland J. A. Fiction and the Fiction Industry. L., 1978.

Sutherland J. A. Victorian Fiction. Writers, Publishers, Readers. L., 1995. Sutherland J. A. Victorian Novelists and Publishers. L., 1976.

Аллен Г. Эдгар По. М., 1984.

БурстинД. Американцы: демократический опыт. М., 1993. БурстинД. Американцы: национальный опыт. М., 1993. Дегтеревская В. Политическая эмиграция в Великобритании в середине XIX века. Ярославль, 1994.

Диттрич Т. Повседневная жизнь викторианской Англии. М., 2007. История США. В 4 т. М., 1983. Т. 1: 1607–1877.

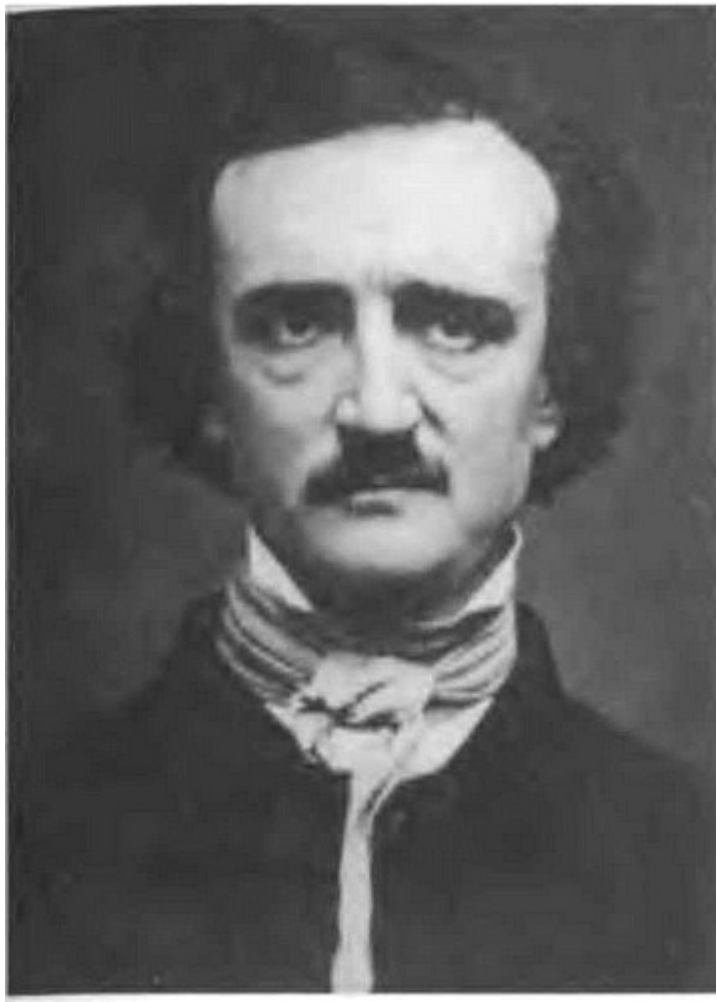
Кан С. Б. Революция 1848 года в Австрии и Германии. М.,

1948. Ульман Г. Искатели приключений в Новом Свете. СПб., 2007. ШпираД. Четыре судьбы. М., 1986.

Королевское академическое учебное заведение. Гравюра 1820-х гг.

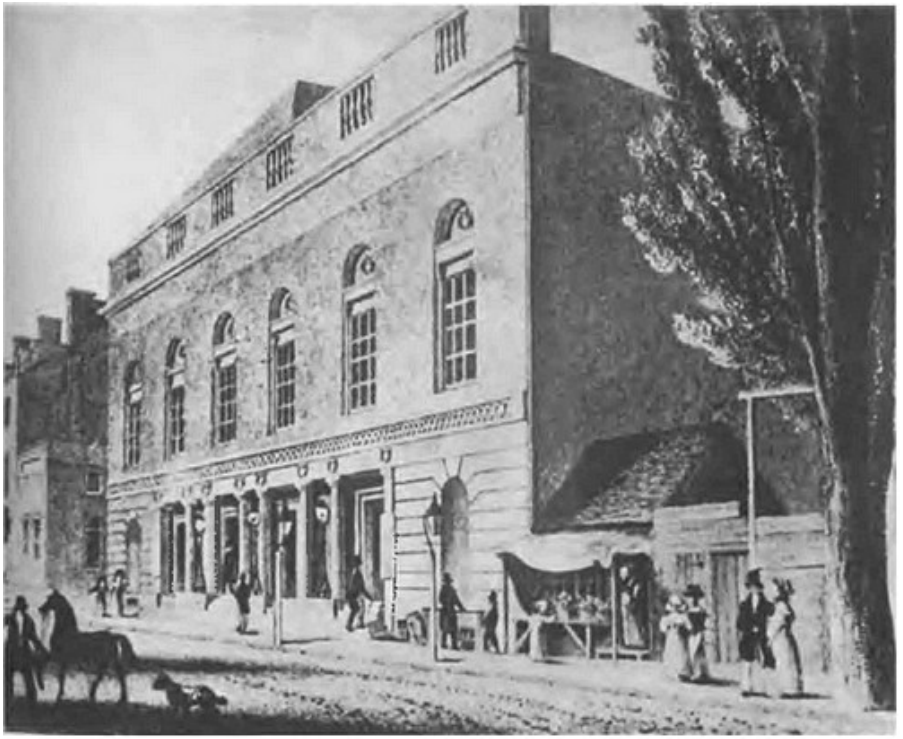
Здание бывшей железнодорожной станции в Баллирони.

Построено в 1880 г.



Эдгар Аллан По 1848 г.

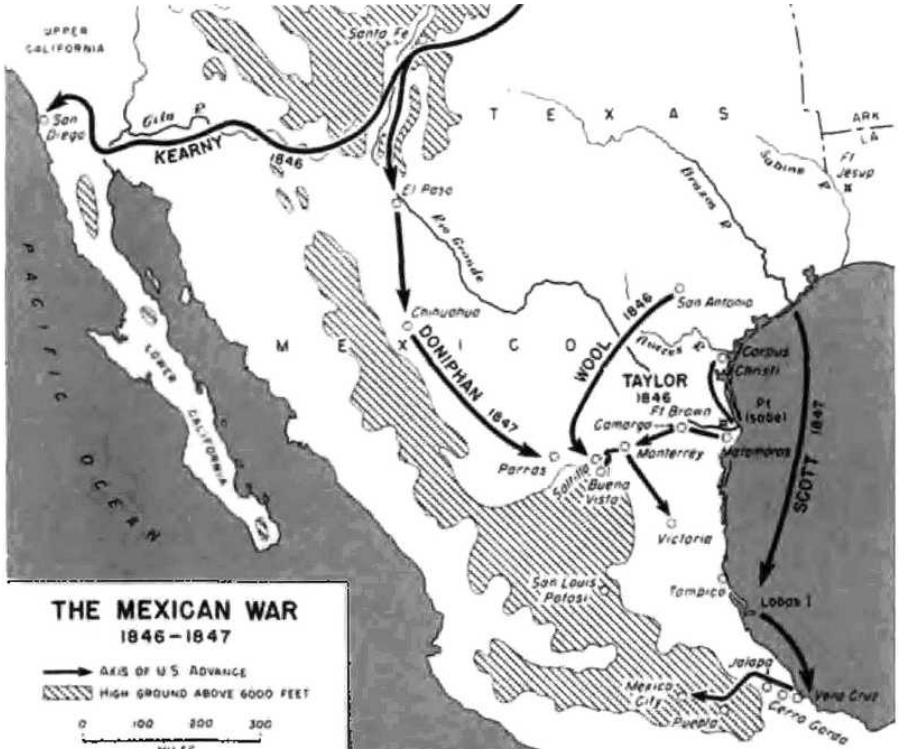
Джордж Липпард. Начало 1850-хгг.



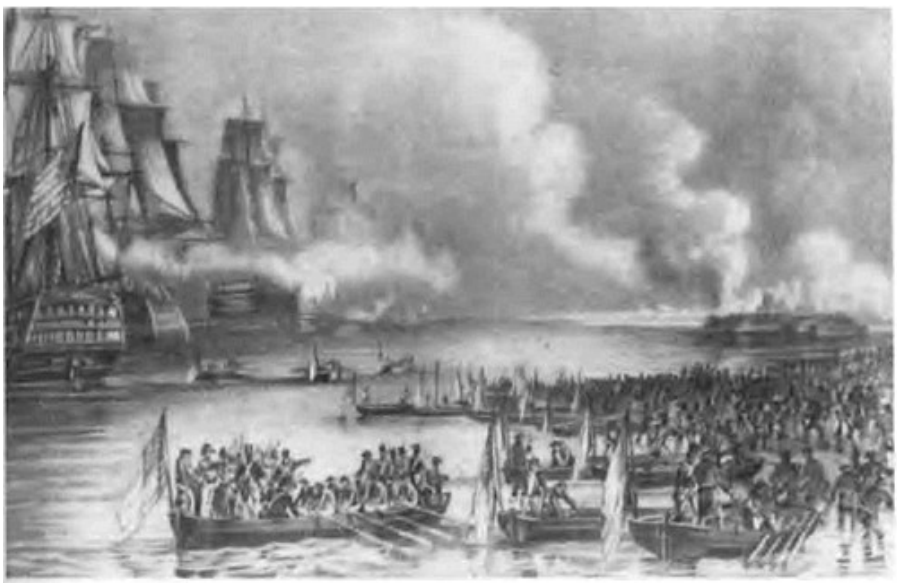
«Театр на Уолнат-стрит» в Филадельфии. Начало 1830-х гг.

Донн Пайатт. Конец 1880-х гг.

Обложка журнала «Дух времен». Октябрь 1877 г.



Карта перемещений американской армии в ходе Мексиканской войны



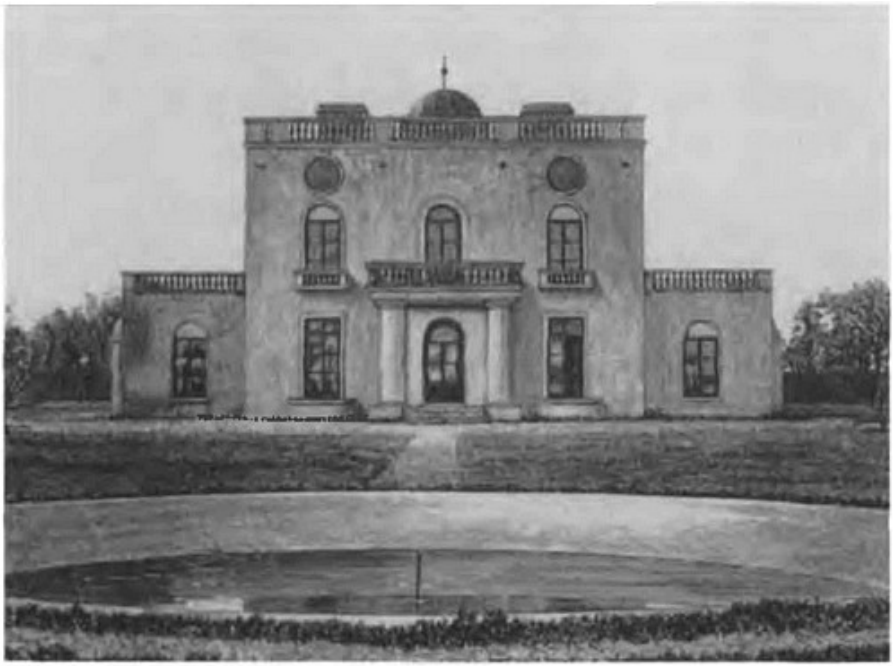
Высадка американских войск у города Веракрус в 1847 году

Американцы на стене Чапультепека.

Газетная иллюстрация. 1848 г.

Фридрих Геккер.

1872 г.



«Гасиенда» Т. Майн Рида в Джеррардз Кросс.

Около 1866 г.

Иллюстрация У. Харви к роману «Охотники за скальпами».

1850 г.

Обложка одного из первых номеров журнала Майи Рила «Вперед». № 69 г.

Журнальная иллюстрация к роману Май и Рида «Желтый вождь».

1869 г.

Иллюстрация к роману Майн Рида «Всадник без головы».

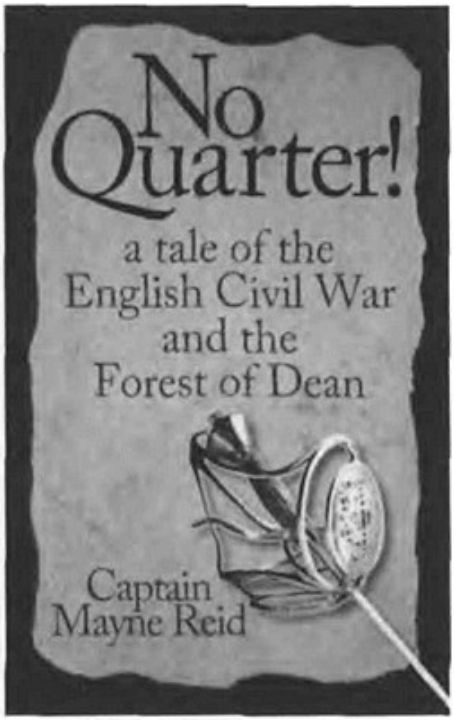
Лондон. 1866 г.

«Стейнвей-холл». Здесь в 1870 году Майн Рид выступал с лекцией о Джордже Байроне

Иллюстрация к роману Майн Рида «Морской волчонок». Художник Э. Рид

Томас Майн Рид.

Карикатура Окаю 1869 г.



Обложки романов Майи Рида «Оцеола, вождь семинолов» и «Без пощады!»

Иллюстрация к роману Майн Рида «Молодые невольники». Нью-Йорк. 1869(?)г.

Томас Майн Рид. Середина 1870-х гг.

Отель «Ленгхэм» в Лондоне. Здесь Рид часто бывал в 1870- 1880-е годы.

Современный вид

Монумент на могиле Майи Рида и его супруги Элизабет Рид.

Кладбище Кенсал Гринн Лондоне. Современный вид

Рекламный плакат к фильму Владимира Вайнштока «Всадник без головы». 1973 г.

Томас Майн Рид. Начало 1860-х гг.

notes

Примечания

1

Первым среди произведений Майн Рида на русский язык переведен роман «Квартеронка». Он был опубликован в 1861 году.

Reid E. Mayne Reid. A Memoir of His Life. L.: Ward & Downey, 1890.

3

Reid E., Coe C. Captain Mayne Reid. His Life and Adventures. L.: Greening & Co, 1900.

Steele J. Captain Mayne Reid. Boston: Twayne Publ., 1978.

5

И в России, и в англоязычном мире, правда, написаны несколько диссертаций о Риде, но они лишь свидетельствуют, что творческое наследие писателя до сих пор продолжает вызывать интерес в научном сообществе, и нам ничем не помогут.

6

Патрик Бронте (1777–1861) — англиканский священник, учитель и литератор, отец знаменитых викторианских писательниц — Шарлотты, Эмили и Энн Бронте.

7

Джон Соун (Soane, 1753–1837) — знаменитый английский архитектор. В числе наиболее известных спроектированных и возведенных им строений — здание Банка Англии (1788).

8

Гарриет Элизабет Бичер-Стоу (Beecher-Stowe, 1811–1896) — американская писательница. Сторонница отмены рабства, автор знаменитого антирабовладельческого романа «Хижина дяди Тома» (1852), деятельная участница феминистского движения.

9

А. Бэрр (Barr, 1756–1836) — американский политик, соперник Т. Джефферсона и А. Гамильтона на президентских выборах 1800 года, вице-президент США (1801–1805); *Г. Клеи (Clay,* 1777–1852) — известный американский политик, государственный секретарь в администрации 6-го президента США Дж. К. Адамса; *Э. Джексон* (*Jackson*, 1767–1845) — 7-й президент США; *З. Тейлор (Taylor,* 1784–1850) — главнокомандующий армией США в войне с Мексикой (1846–1848), 12-й президент США.

10

Эдвин Уорд Мур (Moore, 1810–1865) — американский морской офицер, коммодор (командующий флотом) Республики Техас в 1839–1844(?) годах. Одержал ряд блестящих побед в столкновениях с противником на море.

11

Мирабо Ламар (Lamar, 1798–1859) — 2-й президент независимой Республики Техас (1838–1841).

12

Штиблеты — (здесь) гетры на пуговицах или иных застежках *(прим. ред.)*.

13

Джон Джеймс Одюбон (Audubon, 1780–1851) — выдающийся американский ученый-натуралист и путешественник. Совершил несколько длительных путешествий по неизведанным территориям Северной Америки.

14

Уильям Драммонд Стюарт (*Stewart,* 1795–1871) — британский аристократ, знаменитый охотник и путешественник. Оставил описания своих путешествий.

15

Томас Инглиш (English, 1819–1902) — американский литератор и политик.

16

Генри Хирст (Hirst, 1817–1874) — американский поэт, его поэтическое дарование Э. По оценивал весьма высоко.

17

Джордж Липпард (Lippard, 1822–1854) — филадельфийский журналист и прозаик. Один из наиболее успешных в коммерческом плане Американских писателей второй половины 1840-х — начала 1850-х годов. Умер от туберкулеза.

18

Финеас Тейлор Барнум (Ватит, 1810–1891) — знаменитый американский антрепренер и организатор циркового дела.

19

Уильям Портер (Porter, 1809–1858) — американский журналист и издатель, основатель и владелец *The Spirit of the Times.*

20

Амброз Бирс (Bierce, 1842–1913?) — американский писатель и журналист, новеллист и сатирик. Доброволец, участник войны Севера и Юга (1861–1865). Начал войну (1861) рядовым, вышел в отставку в звании майора корпуса добровольцев (1866). Систему назначения на офицерские должности в добровольческих частях высмеял в новеллах «Юпитер Доук, бригадный генерал», «Дело на аванпостах».

21

Стивен Кирни (Keatey, 1794–1848) — американский генерал, военный губернатор Калифорнии (1847). Известен своим многосоткилометровым маршем по «Тропе Санта-Фе», покорением Северной Мексики и Калифорнии в 1846–1847 годах.

22

Уинфилд Скотт (Scott, 1786–1866) — американский генерал. Майн Рид, как и многие в американской армии, откровенно не любил Скотта, что нашло отражение на страницах его воспоминаний о Мексиканской войне. Еще более нелицеприятную характеристику он дал генералу в романе «Оцеола». У. Скотт отличался неуживчивым, даже скверным, характером, но, объективно, очень многое сделал для развития армии США.

23

Субалтерн — (здесь) младший офицер в роте.

24

Эскопета — короткоствольное, крупнокалиберное ружье, применявшееся для ближнего боя.

25

Антонио Лопес де Санта-Анна (de Santa-Anna, 1794–1876) — генерал, мексиканский государственный и политический деятель. Отличался склонностью к авантюрам (отсюда его прозвище — «Наполеон Запада»), В период с 1833 по 1855 год одиннадцать раз становился президентом Мексики. Его безрассудная политика привела к утрате многих мексиканских территорий. В то же время пользовался народной любовью.

26

Раненый офицер перечисляет названия населенных пунктов, в сражениях при которых во время Войны за независимость добровольцы из Каролины одержали победы над англичанами.

27

По договору, подписанному в Гуадалупе-Идальго, Мексика «уступала» США примерно 55 процентов своей территории, включая не только Техас, но и Новую Мексику (по которой путешествовал Рид со «степными купцами»), Верхнюю Калифорнию, северные части провинций Коауила, Сонора и Тамаулипас. Всего США захватили около 2,3 миллиона квадратных километров мексиканской территории.

28

Гиффорд (Gifford, 1756–1826) — видный английский критик, основатель *Quaterly Review,* с восхищением отзывался о поэзии Байрона.

29

Фридрих Геккер (Hecker, 1811–1881) — немецкий политический деятель, яркая фигура революций 1848 года, один из идеологов и яростных сторонников уничтожения монархии и превращения Германии в единую буржуазно-демократическую республику с конституцией и парламентом.

30

Палатин — название исторической области на юге Германии.

31

Георг Гервег (*Herwegh*, 1817–1875) — немецкий поэт, активный участник революционных событий 1848 года в Европе. Во главе сформированного им во Франции отрада добровольцев поспешил на помощь начавшейся в Бадене революции, однако его отряд был разгромлен.

32

Чарлз Эдвард Мади (Mudie, 1818–1890) — сын книготорговца, создатель «Империи Мади» — платной «обменной библиотеки». В связи с высокой стоимостью книг викторианцы не могли позволить себе приобретать книги. За сумму чуть больше одного фунта стерлингов в год Мади давал возможность всем британцам приобщиться к новинкам (и не только новинкам) литературы. Заказывая для своей библиотечной системы в среднем по 300–400 экземпляров (иногда — больше) почти *каждой* выходившей в Англии книги, Мади очень серьезно влиял на развитие книжного рынка в Великобритании.

33

Чарлз Джозеф Скит (*Skeet*, 1812–1892) до 1850 года занимался исключительно книжной торговлей. Рид стал одним из первых авторов Скита-издателя, а роман «Охотники за скальпами, или Романтические приключения в Северной Мексике» — одной из первых изданных им книг. Издательская фирма Скита просуществовала более тридцати лет (до 1883 года) и специализировалась, главным образом, на издании разнообразных мемуаров и заметок путешественников в экзотические земли, книг о спорте, приключенческих и готических романов и сборников рассказов. В 1860–1870-е годы фирма Скита издала несколько книг Майн Рида.

34

Ежемесячный журнал «Атенеум» *(Athenaeum)* просуществовал без малого столетие (с 1828 по 1921 год) и считался наиболее респектабельным среди британских литературных журналов, своеобразным законодателем «литературной моды». «Журнал Чемберса» *(Chambers's Edinburgh Journal)* — один из наиболее популярных еженедельников Викторианской эпохи. Был ориентирован на широкую аудиторию, публиковал романы (еженедельными сериями) и рассказы, рецензии на книжные новинки, статьи и обзоры, посвященные литературе, искусству и науке.

35

Дэвид Боуг (Bogue, 1807–1856) — британский издатель и книготорговец. Известен высоким качеством выпускавшейся его фирмой полиграфической продукции, красочными иллюстрациями и качественными переплетами. Является одним из родоначальников детской литературы, а также предшественником современной индустрии комиксов.

36

Эдвард Хайд (Hyde, 1609–1674) — британский государственный деятель и историк (автор «Истории гражданских войн в Англии»), роялист и противник О. Кромвеля, дедушка двух английских королев (Анны и Марии II).

37

Луи де Бельмар (Louis Gabriel Ferry de Bellmare, 1809–1852) — французский писатель, один из создателей жанра авантюрно-приключенческого романа. Публиковал свои произведения под псевдонимом Габриель Ферри. Будучи крупным негоциантом, много лет провел в Мексике. Отличаясь наблюдательностью и умением увлечь читателя, широко использовал свой опыт при написании романов. Действие его произведений развивается в Южной и Северной Америке, его герои французы — охотники, трапперы, авантюристы-золотоискатели. Печататься начал с середины 1840-х годов в *Revue des Deux Mondes.* В 1851 году, получив от Луи Бонапарта официальное поручение защищать интересы французских эмигрантов, отправился в Калифорнию, но не добрался туда — на его корабле случился пожар, и де Бельмар погиб.

38

Уильям Харви (Harvey, 1796–1866) — выдающийся английский рисовальщик и книжный иллюстратор. Оформлял и был автором иллюстраций к большинству романов Майн Рида 1850-х — начала 1860-х годов; братья *Эдвард* (1817–1905) и *Томас* (1827–1906) *Дэлзл* (*Dalziel)* — искусные граверы и иллюстраторы.

39

Лайош Кошут (*Kossuth*, 1802–1894) — выдающий венгерский политический деятель. Советский энциклопедический словарь (1982) трактует его как «главного организатора борьбы венгерского народа за независимость», с чем нельзя не согласиться. В 1848 году Кошут провозгласил независимость Венгрии от империи Габсбургов и возглавил ее правительство. В 1849-м стал «верховным правителем» — диктатором Венгрии. Создал боеспособную национальную армию и эффективно противостоял войскам австрийцев и русскому экспедиционному корпусу генерала Паскевича. В августе 1849 года сложил полномочия диктатора и эмигрировал. С 1851 до 1867 года жил в Англии, где (как и в США) был крайне популярен в самых широких слоях общества.

40

Генри Джон Темпл Пальмерстон (*Palmerston*, 1784–1865) — английский государственный деятель, последовательно военный министр, министр иностранных и внутренних дел Великобритании, с 1855 по 1865 год (с небольшим перерывом) был премьер-министром страны. *Дадли Кутс Стюарт* (*Stuart*, 1803–1854) — английский политический деятель, виг, член парламента; активно поддерживал европейских политэмигрантов.

41

Джузеппе Мадзини (*Mazzini*, 1805–1872) — один из лидеров итальянского Рисорджименто, глава его революционно-демократического крыла в 1840–1850-е годы, активный участник революции 1848–1849 годов, глава правительства демократической Римской республики.

42

Рисорджименто — национально-освободительное движение итальянского народа (1790–1861), направленное на освобождение Италии от иноземного владычества и объединение итальянских земель в единое государство.

43

В 1850–1851 годах в Кутайе Л. Кошут был не «в плену», а находился на положении своего рода почетного эмигранта: вместе с ним в турецком городе в Малой Азии находились его семья и некоторые приближенные; имелась и вооруженная охрана — эскорт венгерских солдат, которым было сохранено оружие.

44

Бэйсуотер (*Bayswater)* — фешенебельный район в центре Лондона, неподалеку от Вестминстерского дворца. Известен как место проживания наиболее состоятельных жителей британской столицы. В этом районе Л. Кошут с семьей снимал особняк.

45

Текумсе (*Tecumseh*, 1768–1813) — вождь индейского племени шоу-ни. Был инициатором и вдохновителем борьбы индейских племен, живших к северу от реки Огайо, против захвата их земель американскими колонистами. Разработал план союза западных и южных индейских племен, пытался использовать противоречия между США и Великобританией во время англо-американской войны 1812–1814 годов, для этого пошел на союз с англичанами. Погиб в бою.

Элизабет Рид принадлежат две книги о муже: «Майн Рид: воспоминания о его жизни» (1890) и написанная совместно с американским литератором Ч. Коу «Майн Рид. Его жизнь и приключения» (1900). Последняя представляет собой дополненный и переработанный вариант первой.

47

Кенсингтон — район в западной части центрального Лондона.

48

В России этот роман известен под названием «Изгнанники в лесу».

49

Под таким заглавием этот роман известен в России. Перевод не совсем корректен. Точнее его заглавие должно звучать так: «Мальчики буша, или История и приключения фермера из Капской провинции и его семьи в диких саваннах Южной Африки».

Кроме двух упомянутых романов она включает и третий — «Охотники на жирафов» *(The Giraffe Hunters)*. Он написан через 11 лет (в 1867 году) и рассказывает о приключениях уже знакомых по предыдущим романам героев. Самый объемный (он выходил в трех томах), он, пожалуй, и наиболее «слабый» среди романов трилогии.

51

Дерби — город в центральной части Англии.

52

Ассам — в эпоху Британской империи обширная местность на северо-востоке Индии, простиравшаяся от дельты Ганга на юге до Бирмы на востоке и Гималайских гор на севере, включавшая не только современный штат Ассам, но и современные Бангладеш, а также индийские штаты Нагаленд, Арунчал Прадеш, Манипур и др.

53

Автору настоящих строк в начале 1990-х годов довелось жить и работать в Англии; и он может засвидетельствовать, что и в наши дни очень многие британцы увлекаются садоводством и гордятся своими ботаническими раритетами «экзотического» происхождения.

54

Фредерик Марриет (Marryat, 1792–1848) — английский писатель, автор множества «морских» романов. С 1806 по 1830 год — офицер британского военно-морского флота. Участвовал в Наполеоновских войнах, англо-американской войне 1812–1814 годов, командовал несколькими боевыми кораблями. Писать начал в начале 1820-х годов. Богатая морская биография стимулировала его обращение к морской теме. Наиболее известные романы Марриета: «Морской офицер Фрэнк Мидлмей» (1829), «Питер Симпл» (1834), «Мичман Изи» (1836). Был весьма популярен не только у себя на родине, но и в дореволюционной России, где его романы регулярно переиздавались. В 1992 году в издательстве «Терра» вышло собрание сочинений Ф. Марриета в семи томах.

Интересно, что жестокий американец, издевающийся над юношей, присутствует только в первом — британском (1858) — издании романа. Готовя роман для издания в Америке (1862), Майн Рид проявил «полит-корректность» и заменил американца Бигмэна на француза Ле Гро. Продолжение романа — «Затерянные в океане» (1864) — сочинялось уже с учетом произведенных в 1862 году «замен»: главным негодяем здесь выступает француз Ле Гро.

56

В русском переводе фамилия матроса — Брас; на самом деле ее следует произносить Брэйс (англ. — *Brace)*. Но, поскольку такова традиция, мы тоже употребляем «Брас».

57

См.: *Reid T. M.* Oceola: a Romance // Chamber's Journal of Popular Literature Science and Arts. IX (№ 209–234, January — June 1858). P 1–400.

58

Deus ex machina (лат. — *букв.* «Бог из машины») — то есть неожиданное разрешение конфликта.

59

Шеридан Ле Фаню (Le Fanu, 1814–1873) — англо-ирландский писатель, один из классиков «страшного» рассказа, его истории были популярны в 1850–1860-е годы; *Амелия Эдвардс* (*Edwards*, 1831–1892) — английская писательница и путешественница, ее проза широко публиковалась в британской периодике в 1850–1860-е годы (в частности, в журнале Чемберса и в альманахе Диккенса «Круглый год»); *Шарлотта Риддела* (*Riddell*, 1832–1906) — одна из наиболее популярных писательниц викторианской Англии, ее рассказы и повести «с привидениями» пользовались большим успехом у современников Рида.

Имеются в виду «рождественские рассказы» писателя, а также его незаконченный роман «Тайна Эдвина Друда».

61

См.: Men of the Time: Biographical Sketches of the Eminent Living Characters. — London: Kent, 1859. P. 631–632.

62

Bruin (англ.) — Мишка. Традиционное прозвище медведя в англосаксонском фольклоре.

63

Скваттерство — в США самовольный захват земель, принадлежащих государству, для заселения и ведения на них хозяйства.

На берегу Большого Соленого озера располагалась столица «государства» мормонов — Солт-Лейк-Сити (главный город современного штата Юта).

65

В 1861 году роман вышел под другим названием: *A Hero in Spite of Himself* (3 vols. London: Hurst and Blackett, 1861).

«Лесные бродяги» источником своим имеет роман Г. Ферри (де Бельмара) «Изгнанники леса» *(Le Courier des Bois,* 1856), а «Охотник на тигров» — роман «Косталь-индеец» *(Costa! L'Indien,* 1852).

Единственный прижизненный сборник Рида «Вождь гверильясов и другие истории», изданный в 1867 году, был инициативой издателей. Он включал не только рассказы (например такие, как «Черный ягуар», «Сломанный мундштук», «Охота на индюков в Техасе»), но и «маленький роман» «Депар — спортсмен», а также несколько очерков.

68

Миссис Рид, конечно, имела в виду общую сумму — от нескольких изданий одного романа. Известно, например, что за первый тираж «Отважной охотницы» (500 экземпляров) от Р. Бентли Рид получил 200 фунтов, столько же за второй (еще 500 экземпляров), был и еще один тираж (величина его неизвестна); около 200 фунтов писатель получил также за журнальную публикацию.

69

Под названием «Мароны, или Жизнь плантатора на Ямайке» *(The Maroon, or a Planter's Life in Jamaica)* роман выходил еженедельными выпусками по нескольку глав в журнале — с 25 января по 19 июля 1862 года. В журнальной редакции было 128 глав, при подготовке отдельного издания Рид уменьшил количество глав. Объем текста, напротив, увеличился.

70

В России роман известен также под названием «Пропавшая сестра».

71

Сотрудничество между Майн Ридом и Бичем тем не менее не составляло какой-либо тайны. Об этом красноречиво говорит фельетон о «совместном производстве», опубликованный в юмористическом журнале *Fun*. — См.: The London Joint-Stock Novel Company (Limited) *11* Fun, 4 (Sept. 5, 1863). P. 241.

Rolling stone — дословно «катящийся камень».

Такая форма выплаты авторского вознаграждения в 1860-е годы постепенно начинает вытеснять традиционную прежде покупку книги (и прав на нее) издателем за «наличные». Период выплат (ежегодные, ежеквартальные, а иногда и ежемесячные) определялся договором между издателем и писателем.

Остается непонятным происхождение еще четырех книг Ч. Бича: «Приключения Фредерика Лонсдейла» *(The Trials and Perilous Adventures of Frederick Lonsdale. An Autobiography,* 1868); «Путь к победе» *(The Way to Win: A Story of Adventure Afloat and Ashore,* 1869); «Волшебный молоток» *(Pitzmaroon: or, The Magic Hammer,* 1874); «Приключения на суше и на море» *(Waifs of the World: or, Adventures Afloat and Ashore,* 1878). В каталоге библиотеки Британского музея они обозначены как книги Майн Рида. И действительно, две последние Бич написать не мог — к тому времени его уже не было в живых. Можно предположить, что черновые наброски к этим книгам были сделаны Бичем. После неудачи «Возвращения к цивилизации» и «гибели» брака Бич решил отказаться от литературной деятельности и уехать в Америку. Рид оплатил ему дорогу домой, а Бич в качестве благодарности (или, может быть, была какая-то сделка между ними) оставил рукописи Риду, чтобы тот использовал их по своему усмотрению. Он и использовал — переписал заново и опубликовал их под именем своего «соавтора». Впрочем, это только предположение.

Этому фотопортрету мы и обязаны наиболее известным — «хрестоматийным» — образом писателя: Майн Рид, одетый и причесанный по последней моде, позирует на фоне условной колоннады.

76

Сэмюэл Битон (Beeton, 1831–1877) — английский издатель, первым начал выпускать журналы, адресованные юношеской аудитории. Первым журналом стал *Boy's Own Magazine,* который появился в 1855 году. Свою задачу — «доставлять удовольствие и способствовать образованию и просвещению» подрастающего поколения — Битон обозначил в редакционной статье первого номера. Там же он утверждал, что «пора перестать сюсюкать и начать говорить с подростком серьезно, как со взрослым», но — не забывая при этом «о твердой родительской руке». Кроме упомянутого издания Битон выпускал *Boy's Penny Magazine* (с 1860 года), *The Queen* (с 1861 года), *The Young Englishwomen* (с 1864 года) — первый в мире журнал для девочек.

77

В полном виде роман был напечатан в «Рождественском ежегоднике Битона» *(Beeton's Christmas Annual)* за 1869 год.

Русское название — «Остров дьявола».

79

Суда компании «Кунард» ходили по расписанию по маршруту Ливерпуль — Галифакс (Канада) — Нью-Йорк и обратно. Регулярного сообщения между Ливерпулем и Ньюпортом не существовало.

В оригинале — *Dime Novels.*

81

В книге Э. Пирсона *(Pearson E.* Dime Novels. Boston, 1929) есть, например, такие строки: «Гражданская война несла процветание предприятию «Бидл энд Эдамс». Их книги шли к солдатам миллионами. Я полагаю, что изрядная их часть передавалась бесплатно, но были и огромные продажи. Маленькие книжки завозили в лагеря вязанками, как дрова. Их везли по железной дороге, фургонами, баржами по рекам. Когда эти вязанки прибывали в лагеря, их буквально рвали из рук. Среди товаров, которыми на аванпостах обменивались федералы и конфедераты, романы «Бидл энд Эдамс» весьма ценились. Рассказывают, что «десятицентовые» романы, пробитые пулями и залитые кровью, нередко находили на телах солдат, убитых на поле боя; а сколько тысяч было похоронено с этими книжками в карманах — одному Богу известно».

Среди авторов *Dime Novels* можно было встретить имена Ф. Марриета, У. Коллинза, Дж. Ф. Купера, многих других «больших» авторов эпохи.

Связано это с тем, что первый перевод на русский язык был выполнен по изданию 1879 года в серии «Новые романы за десять центов» *(New Dime Novels*) издательства «Бидл энд Эдамс». В этом выпуске, видимо, по коммерческим соображениям, роману Рида было дано другое название: «Голубой Дик, или Месть Желтого Вождя» *(Blue Dick: or, The Yellow Chiefs Vengeance)*.

Одной из немногих издававшихся в Америке на законных основаниях книг Майн Рида был роман «Водой по лесу». Мы упоминали, что права на его издание в Америке писатель продал в 1865 году бостонской фирме «Тикнор и Филдз».

85

Чарлз Силсфилд (*Sealsfield),* псевдоним американо-австрийского писателя Карла Антона Постла *(Postl,* 1793–1864) — прозаика, журналиста и публициста, автора приключенческих романов и путевых заметок. Прожил весьма необычную жизнь. Родился в Моравии. В юности принял монашеский постриг, но, разочаровавшись в религии, в 1822 году бежал из монастыря. Уехал в США и здесь взял себе имя Чарлз Силсфилд. В 1826 году вернулся в Германию и опубликовал документальную книгу о жизни в США, имевшую большой успех. Вскоре вновь вернулся в Америку. В 1828 году выпустил первый роман, который написал уже на английском языке, начал сотрудничать в ряде французских и английских изданий в качестве американского корреспондента. Книгу «Очерки о жизни в Техасе» написал в 1841 году (в 1844 году она была переведена на английский и опубликована в США). С 1832 года до конца своих дней жил в Швейцарии.

86

Фредерик Хадмэн (Hardman, 1814–1874) — американский журналист и романист, автор нескольких романов о жизни «на границе». Скорее всего, именно он и был тем самым «писателем-призраком», что сочинил «роман Майн Рида» по заданию Де Витта.

87

См.: *Ульман Г.* Томас Майн Рид: англичанин, получивший воинское звание в Нью-Йорке // *Ульман Г.* Искатели приключений в Новом Свете. СПб., 2007. С. 53–63.

88

Под таким заглавием роман известен русскому читателю. Перевод не совсем точен. В оригинале он называется *The Free Lances: A Romance of the Mexican Valley,* что точнее стоило бы перевести как «Добровольцы (или «Добровольцы на свой страх и риск»): Романтическая история Мексиканской долины», тем более что в романе действуют не «американские партизаны», а техасские «ополченцы».

89

В нашей стране роман выходил лишь однажды: в переводе Д. Арсеньева под названием «Сын Альбиона» (!) он был издан в пермском издательстве «Стрелец» в 1998 году.

90

Р. Самарин ошибался, утверждая, что роман «Жена-дитя» был впервые опубликован в 1885 году. Впервые роман напечатали в 1868 году — сначала в США в еженедельнике «Фрэнк леслис иллюстрейтед», а вскоре и в Англии — традиционным викторианским трехтомником, выпущенным лондонской издательской фирмой «Уорд энд Локк».

91

Впервые на русском языке роман был опубликован в издательстве П. Сойкина в 1908 году.

92

Фрэнк Лесли (*Leslie*, 1821–1880) родился в Англии, в Ипсвиче, в семье перчаточника. Еще в детстве проявил недюжинные способности к рисованию и увлекся изготовлением гравюр. С 1841 года в качестве рисовальщика и гравера сотрудничал в различных лондонских изданиях. Постоянно совершенствуя свое мастерство, он изобрел особый способ печати изображений, позволявший передавать игру света и тени. Другое его изобретение носило еще более революционный характер: он изобрел составную форму для печати гравюр, и теперь печатная форма вырезалась не целиком, а фрагментами. Это дало возможность ускорить процесс: там, где прежде один гравер трудился месяц, 30 человек делали всю работу за день. Понимая, что свои инновации он не сможет реализовать в Англии, Лесли в 1848 году перебирается в США и уже здесь внедряет свои методы, сначала работая по заказам различных изданий, а затем — в 1854 году — основывает дамский модный еженедельник, а в следующем — знаменитую «Фрэнк леслис иллюстрейтед», чей золотой век начинается в годы Гражданской войны Севера и Юга. Никто в Америке ни до, ни после Лесли не изображал войну и ее героев так живописно (и оперативно!), как его издание. К концу 1860-х разовый тираж газеты достиг трехсот тысяч экземпляров. Интересно, что самый популярный дореволюционный российский иллюстрированный журнал «Нива», который начал издавать А. Маркс в 1868 году, ориентировался на внешний вид и содержание еженедельника Лесли и был «сделан» по его образу и подобию.

93

Во второй половине 1860-х годов Майн Рид довольно энергично занимается версификацией. Он сочиняет как гражданские стихи (например, пишет антирабовладельческую поэму «Ниггерам нами не править»), так и любовные (завершает начатую еще в 1846 году поэму «Пурпурная ласточка, или Две любви в жизни»). Стихи Рид писал слабые — выспренние, монотонные, мелодраматичные. Едва ли они достойны специального рассказа. Но тех, кто интересуется его стихотворениями, адресуем к книге Э. Рид, которая приводит из них большие выдержки. Видимо, супруге писателя нравились его вирши.

94

Ле Гран Локвуд (Lockwood, 1820–1872) — талантливый финансист и крупный биржевой игрок, владелец пароходной компании и нескольких железных дорог в США. Соперник (а временами — союзник) К. Вандербильда. Занятие бизнесом сочетал с меценатством, помогал художникам. Коллекционировал живопись. После своей смерти оставил богатейшее собрание полотен американских живописцев.

95

Заглавие на фронтисписе журнала. На обложке название было несколько иным: «Журнал Майн Рида «Вперед» для юношества Америки» (Maupe Reid's Magazine Onward for the Youth of America). Для краткости в дальнейшем будем называть его просто «Вперед».

Интересная деталь: в своих воспоминаниях Ч. Олливант называет этот корабль «злополучным» и намекает, что лишь чудом избежал гибели, утверждая, что в феврале 1869 года на пути в Нью-Йорк судно затонуло во время шторма и никто не спасся. В действительности, эта страшная катастрофа произошла годом позже — 28 января 1870 года.

Рид писал о необходимости регулярных остановок для экипажей нью-йоркской конки — причем не столько для ускорения их движения, сколько для облегчения участи лошадей. Он писал: «Частые остановки понапрасну тратят время, на них уходит почти половина всего времени в пути. Это тяжело для кучера, хлопотно кондуктору, неудобно пассажирам и смертельно для лошадей. Последним особенно тяжко; но не стальные рельсы убивают их, а постоянные остановки и чудовищные усилия при возобновлении движения, при которых напрягается каждая мышца и почти рвутся связки…»

Среди наиболее заметных — опубликованная во втором номере «история из времен минувшей войны» — рассказ Рида «Брат против брата» (Brother Against Brother). Впоследствии писатель неоднократно переиздавал этот рассказ — как отдельно, на страницах периодических изданий, так и в составе антологий. В апреле в журнале был напечатан большой очерк, посвященный Э. По — «В защиту умершего» (A Dead Man Defended) — Onward 1 (April 1869), 305–308.

99

Рассказ был напечатан в июньском номере журнала за 1869 год. Гомер Грин (Homer Greene, 1856–1940) не снискал особой славы как литератор. Хотя в 1870–1910-е годы он довольно много (как поэт, публицист и прозаик) публиковался в периодике, напечатал несколько романов и сборник стихотворений, все-таки так и остался дилетантом. Основным приложением его сил была юриспруденция, в которой он достиг определенных высот и занимал должность окружного прокурора.

100

Фредерик Уиттекер (Whittaker, 1838–1902) — американский беллетрист и журналист. Родился в Англии, в 1850 году вместе с родителями переехал в США. Участвовал (с ноября 1861 года) в Гражданской войне Севера и Юга. Был несколько раз ранен, один раз — тяжело (пуля пробила легкое). Демобилизовался в августе 1865 года в звании второго лейтенанта. После демобилизации работал учителем, затем служил в книготорговой фирме. С журнала «Вперед» и знакомства с Майн Ридом началась его литературная карьера. С начала 1870-х сотрудничал в нью-йоркском «Журнале армии и флота», опубликовал «Воспоминания офицера-кавалериста», апологетическую «Биографию генерала Кастера» (1876), затем начал сотрудничать с «Бидл энд Эдамс», сочиняя романы для «дешевых» издательских серий. По разным оценкам написал (многие его романы выходили под псевдонимами) более сотни книг.

101

Оригинальное название рассказа: *Shot by a Sweetheart*.

102

Оригинальное название: «Пуговица кадета, или Роман из американской армейской жизни» (The Cadet Button: A Romance of American Army Life).

103

В 1877 году роман был издан в «десятицентовой» серии «Бидл энд Эдамс» под двумя именами: Т. Майн Рид и Ф. Уиттекер. В последующие годы этот факт дал основание приписать текст Майн Риду. Несомненно, Рид принимал участие в создании книги, но едва ли его вклад был значителен.

104

Под названием «Сигнал бедствия» (The Flag of Distress) роман печатался в 1875 году (с 7 августа по 25 декабря) в «Журнале Чемберса»; на следующий год под названием «Сигнал бедствия: История Южных морей» был издан в трех томах в Лондоне. В 1879 году под иным названием («Корабль-призрак: Тихоокеанская история») и в сокращенном виде был издан «Бидл энд Эдамс» в США.

105

«Стейн вей-холл» (Steinway Hall) — крупнейший в Америке концертный зал. Открыт в 1866 году. Вмешал около 2500 зрителей. Располагался на 14-й Ист-стрит, неподалеку от Пятой авеню.

106

Речь идет о статье Бичер-Стоу «Истинная история жизни жены Байрона» (1869), в которой романистка обвинила поэта в прелюбодейном сожительстве со сводной сестрой. Статья вызвала негодование в Америке и Европе и породила массу откликов.

107

Уильям Каллен Брайент (Bryant, 1794–1878) — выдающийся американский поэт-романтик.

108

Трансцендентализм — весьма влиятельное в 1830–1860-е годы литературно-философское течение в США, во главе которого стояли Р. У. Эмерсон, Г. Торо, М. Фуллер.

109

Уильям Х. Ван Бюрен (Van Buren, 1819–1883) — известный американский хирург, вице-президент американской Медицинской академии, профессор, автор нескольких учебников по хирургии.

110

До 1896 года госпиталь Святого Луки располагался на пересечении Пятой авеню и 54-й Вест-стрит. Г. Ульман в своем очерке о нью-йоркских днях Рида указывает иной адрес — 1111-я Амстердам авеню. Это современное место расположения госпиталя. Сейчас там находятся административные подразделения и терапевтическое отделение.

111

Уильям А. Мюленберг (Muhlenberg, 1796–1877) — священнослужитель, пастор англиканской епископальной церкви, основатель (1858) и попечитель госпиталя Святого Луки.

112

Бенджамин Х. Филд (Field, 1814–1893) — банкир, миллионер и меценат. Создатель первой бесплатной обменной (то есть выдававшей книги на дом) библиотеки в Нью-Йорке. Тратил большие суммы на школьное образование и медицину. Финансировал медицинские и географические исследования.

113

Современное (оно же историческое) название порта — Коб (Kobh). В Квинстаун (Queenstown) его переименовали в 1849 году после «исторического» визита королевы Виктории, совершавшей путешествие по Ирландии. В 1922 году, после провозглашения «свободного Ирландского государства», городу вернули исконное имя. Коб (Квинстаун) расположен на юге Ирландии в графстве Корк, неподалеку от одноименного города.

114

Книга С. Кнейппа «Мое водолечение» была впервые издана в 1886 году.

115

Джон Рассел Рейнольдс (Reynolds, 1828–1896) — известный британский терапевт, психиатр, невролог и фармаколог, один из первых, кто начал успешно лечить больных эпилепсией. С 1878 года — личный врач королевы Виктории.

116

В описываемое время железнодорожные вагоны первого класса состояли из изолированных купе, вход и выход из которых осуществлялся непосредственно на платформу.

117

Очерки были опубликованы не в журнале, а в альманахах, которые периодически выпускали издатели. Альманахи эти богато иллюстрировались и предназначались для семейного чтения. Первый очерк был опубликован в альманахе «Иллюстрированные путешествия» (*Illustrated Travels: A Record of Discovery, Geography, and Adventure,* 1872), второй — в альманахе «Чудесные приключения» *(Wonderful Adventures: A Series of Narratives of Personal Experiences Among the Native Tribes of America,* 1872).

118

«Филд» (*Field* — «Поле») — старейший британский журнал об охоте и охотничьем снаряжении (издается с 1853 года).

119

Они были изданы летом 1871 года лондонской издательской фирмой Ч. Кларка.

120

Уильям Дж. Ингрэм (*Ingram*, 1847–1924) — издатель, видный политик либерального толка, многолетний (с 1874 года) член парламента (сначала палаты представителей, а затем палаты лордов), баронет (удостоен дворянства за издательскую и политическую деятельность). После трагической смерти отца и брата он в возрасте семнадцати лет возглавил семейный издательский бизнес и более полувека успешно управлял им.

121

Линкольншир *(Lincolnshire)* — графство на востоке Средней Англии, у берегов Северного моря.

122

См. примечание к разделу «Филадельфия: Эдгар Аллан По и другие» в части II настоящей книги на странице 97.

123

Более точным вариантом названия романа является «Флаг отчаяния» (в оригинале: *The Flag of Distress: A Story of the South Sea),* но поскольку в русскоязычной традиции закрепилось иное название — «Сигнал бедствия», будем пользоваться им.

124

«Сигнал бедствия» печатался в «Журнале Чемберса» с 7 августа по 25 декабря 1875 года. В общей сложности гонорар Рида, по уверениям его жены, составил 300 гиней.

Об этом, кстати, красноречиво свидетельствует и длительная икота (она может быть одним из симптомов ишемического инсульта), которая преследовала писателя в начальный период пребывания в госпитале Святого Луки. Вспомним, вдова писала: «У него появилась сильная икота, которая мешала ему дышать». В версию инсульта вполне укладываются и глубокий нервный стресс, в котором Рид пребывал длительное время — от финансового краха 1867 года до гибели журнала «Вперед» и отъезда из Америки.

126

Британское авторское право Викторианской эпохи довольно запутанно и противоречиво. Но в основном держателем прав на тот или иной текст являлся его первый издатель. Автор за оговоренное вознаграждение передавал ему не только рукопись, но чаще всего и все права на нее. Однако автор мог (по парламентскому акту 1842 года) выкупить у издателя права на собственное произведение. Майн Рид, выкупая права у издателей, рассчитывал (видимо, обоснованно), что его книги прошлых лет будут переиздаваться и он будет иметь с этого доход. Во всяком случае, обладая правами на издание книги, он мог заниматься ее продвижением — вести переговоры с издателями, заключать договоры и т. д. Как показывает практика, издатели — владельцы прав не имели особой мотивации заниматься переизданиями, предпочитая публиковать новинки. У автора такая мотивация была.

127

На кладбище Кенсал Грин. На этом участке Майн Рид и был похоронен восемь лет спустя — в 1883 году.

128

Очерк был опубликован анонимно в «Журнале Чемберса» в номере от 15 мая 1875 года.

129

Автор употребляет закрепившееся в русской традиции название Герефорд, хотя точнее его было бы произносить Херефорд или Хирфорд (ср. англ. Herefordshire).

130

Речь идет о книге У. Гилпина (WGilpin) «Наблюдения и размышления по поводу реки Уай и различных частей Южного Уэльса» (Observations on the River Wye and several parts of South Wales).

Трудно, например, не заметить сходства капитана Райкрофта с капитаном Мейнардом («Жена-дитя»), капитаном Галлером («Вольные стрелки», «Жилище в пустыне» и др.) да и многими другими «капитанами-джентльменами» из книг писателя. Традиционно, протагонист имеет выразительные черты сходства с автором. Он — ирландец, протестант, обладает боевым опытом и капитанским чином (Рид неравнодушен к своему званию!), привлекательной наружностью, спортсмен и джентльмен и т. п. Конечно, для Рида все это (кроме капитанства) в прошлом и он «осовременивает» своего героя. В соответствии с возрастом тот воевал не в Мексике, а в Индии, передвигается не верхом, а поездом и пароходом. Но и в Райкрофте есть приметы «реального», не «осовремененного» Рида. Он плавает по реке, по которой любил плавать Рид, останавливается в том же лондонском отеле, в котором любил останавливаться писатель. Он и живет в Англии потому, что в Ирландии ему нет места: «Все его родственники мертвы, школьные товарищи давно разъехались по миру; многие, как и он сам, стали бездомными бродягами». Горечь, звучащая в словах героя, неподдельна, — в них не столько вымышленный Райкрофт, сколько вполне реальный Майн Рид.

132

В 1870-е годы в Англии уже шла активная монополизация капитала, в том числе и в СМИ. Начали формироваться так называемые «газетные синдикаты», которые в стремлении увеличить доходы определяли не только направление подконтрольных газет, но и их содержание, распределяя рекламу, наиболее важное публикации. В частности, для того времени была характерна публикация романов «с продолжением» сразу в нескольких (или во всех) подконтрольных провинциальных газетах.

Интересно, что у Рида были по этому поводу неприятности. Вдова вспоминала, что местный католический священник (кстати, француз по национальности) по выходе романа даже подал на писателя в суд, усмотрев собственное сходство с отцом Роже.

134

Фрогмор *(Frogmore)* — название этого местечка составлено из двух слов: *frog* — «лягушка» и *more* — «много». То есть перевести его можно примерно так — «место, где живет много лягушек».

135

Оригинальное название — «Гаспар гаучо. История Гран-Чако» *(Gaspar the Gaucho: A Tale of the Gran Chaco)*.

136

У «Бидл энд Эдамс» роман вышел под названием «Корабль-призрак: тихоокеанская история» *(The Specter Barque: A Tale of the Pacific)*.

137

The Naturalist in Siluria (London, 1889). Силурия — так, по имени обитавшего там племени силуров, назывался этот край в эпоху римского владычества. Силурией называли римляне и реку Уай.

138

Английский центнер равен 50,8 килограмма.

Единственным успешным в этом плане мероприятием была публикация серии из двадцати шести статей в «Нью-Йорк трибюн» с апреля по сентябрь 1882 года под общим названием «Сельская жизнь в Англии». Правда, как утверждает Стил, редакция не была удовлетворена «качеством» материалов. Поэтому публикация была прервана, а самого автора поставили в известность об этом лишь постфактум.

В том же году под авторством Ф. Уиттекера (себя Рид обозначил редактором) и под названием «Дорога на Запад, или Пуговица кадета» писатель издал его в Лондоне. Интересно, что роман вышел без указания издательства. В этом обстоятельстве — косвенное указание на «пиратский» характер издания. Есть основания предполагать, что доход (если он был) поделили «соучастники» — Майн Рид и типограф.

141

Джордж Альфред Генти (Henty, 1832–1902) — британский журналист и беллетрист. Писал приключенческие и авантюрно-исторические романы «империалистического» толка. Был очень плодовит и весьма популярен.

142

Роберт Бэллантайн (Ballantyne, 1825–1894) — англо-канадский «подростковый» писатель. Очень многое взял от Майн Рида. На его книгах выросло не одно поколение британских мальчишек. Достаточно вспомнить роман У. Голдинга «Повелитель мух» (1954) — своеобразную пародию на одну из наиболее известных книг Бэллантайна «Коралловый остров» (1857).

143

Книга вышла в 1881 году в лондонском издательстве Remington. Как и планировалось, роман издали в трех томах.

С февраля 1882 года (с 40-го номера) объем газеты был увеличен вдвое и она стала выходить на шестнадцати полосах.

145

Джон Лэйти (Latey, 1842–1902) — британский журналист, писатель и переводчик. Был парламентским корреспондентом «Иллюстрейтед Лондон ньюс», сотрудничал в других изданиях Ингрэма. Сочинял авантюрные романы, переводил с французского книги А. Дюма-отца и П. Феваля.

146

Полное название романа «В погоне за левиафаном, или Приключения в океане» (The Chase of Leviathan: or, Adventures in the Ocean).

147

«Затерянная гора: история Соноры (The Lost Mountain: A Tale of Sonora).

148

Первый роман под названием «Океанские охотники, или Погоня за левиафаном. История об опасном приключении» вышел в издательстве «Бидл энд Эдамс» в 1881 году. На следующий год они издали и второй роман с заглавием «Путеводитель золотоискателей, или Затерянная гора».

149

Майн Рид довольно подробно описал все это в романе «Гвен Уинн».

150

Речь идет только о тех книгах (романах и не только), которые сочинил сам Майн Рид. После смерти были изданы сборники короткой прозы писателя: «Пронзенное сердце и другие рассказы», «Дерево-ловушка и другие истории» и «Популярные приключенческие истории». Они составлены из произведений, публиковавшихся на страницах различных периодических изданий. Часть из них при жизни писателя выходила в сборнике «Вождь гверильясов и другие истории». Отдельными изданиями посмертно вышли «Переселенцы Трансвааля», «Огненная земля», исторический роман «Без пощады!», а также книга «зоологических» очерков «Натуралист в Силурии».

На эту «традицию» ссылаются, например, издатели наиболее объемного, двадцатитомного, собрания сочинений писателя (Харьков: Фолио, 1995), оправдывая в его составе наличие текстов, о которых заранее известно, что Рид не только их не писал, но нередко и не подозревал об их существовании. Красноречивый пример — первый, заглавный том собрания, из четырех романов в котором Риду принадлежат только два.

Настоящая биография действительно первая. Хотя работы, посвященные творчеству Майн Рида, существуют и их число растет, ни на английском, ни на других языках до сих пор не написано ни одной биографии писателя.

153

Первая дата (в скобках) означает год написания, вторая (за скобками) — год первой книжной публикации.